И.З. Бестужев

ТРЕТИЙ РЕЙХ И ТРЕТИЙ РИМ

В ДРАМЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

И.З.Бестужев

ТРЕТИЙ РЕЙХ И ТРЕТИЙ РИМ

В ДРАМЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Книжный Мир • Москва • 2009

Бестужев И.З.
ТРЕТИЙ РЕЙХ И ТРЕТИЙ РИМ В ДРАМЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. – М.:Книжный Мир, 2009 – 320 стр.

ISBN 978-5-8041-0334-8

Книга историка европейской цивилизации Игоря Бестужева представляет новую, убедительную трактовку трагических мировых событий XX века, искаженные образы которых создала либеральная пропаганда с помощью обмана и мифов. В центре изложения две великие державы – Германия и Россия, разрушенные революциями, мировыми войнами и предательством властей. Мировая демократия, переходящая от либерализма к насилию, – главный источник постоянных потрясений и войн, утверждает автор. Одни и те же силы многие десятилетия сеяли хаос в обеих державах, скрепленных династическими узами и развивавшихся по сходным имперским законам. Крушение самодержавной монархии подорвало мощный потенциал российской государственности. По мнению историка, возвращение России к самодержавию возможно только с помощью национальной диктатуры. Беспристрастный анализ и факты указывают на возможность творчества при тоталитаризме. При всех стеснениях она была максимально использована немецкими интеллектуалами в научной и художественной сферах, и даже в политической практике Третьего Рейха. Понятие нового мирового порядка, узурпированное демократией, обретает другой смысл, когда в основу поисков кладутся объединенные усилия Германии и России, как это начиналось в 1939 году, и было неудачно продолжено немцами в период оккупации Европы. Будущее христианской цивилизации диктует необходимость геополитического союза Германии и России, доказывает историк. Политическая форма этого союза должна быть отработана в ходе европейского строительства в интересах народов, имеющих единые этнические истоки, общее историческое и культурное прошлое.

ISBN 978-5-8041-0334-8

Формат 84×108 1/32. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3115

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

© И.З. Бестужев, 2009
© Книжный Мир, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Глава I.
Наци против своего вождя 12

Глава II.
Левый путь национал-социализма 64

Глава III.
Немецкие планы объединения Европы 1939-45 годов 110

Глава IV.
Упадок русской Империи 181

Глава V.
Русский консерватизм и геополитика России 244

Глава VI.
Евразийство и русская реальность 276

Глава VII.
«Русская Голгофа. Демократия против России» 281

Приложение I.
Жизнь В.В.Розанова – служение Родине 297

Приложение II.
Фридрих Ницше – германский гений 303

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русских и немцев в истории XX века объединяет ряд общих идей, главная из которых продиктована осознанием гибельности европейского развития, игнорирующего имперские законы существования великих держав. Культурно-исторический потенциал Германии и России выходит далеко за пределы жалких демократических форм, обретенных в XX веке нашими странами вместе с остальным миром. «Остальные» – это, прежде всего, Америка, находящаяся под властью мирового масонства и еврейской плутократии, самостоятельные цели которых противоречат интересам всех без исключения крупных народов мира.

Исторически сложившееся русское понятие «смуты», как состояние государства в периоде «полураспада», в широком смысле приложимо к европейским странам. Основное сходство заключается в тотальном господстве либеральной идеологии и глубоко зашедшем разрушении национальной государственности. В конце XX века это привело к фактической утрате народного суверенитета ведущими странами Европы, как и Россией.

Русский опыт подобного рода состояний с конца XVI века до настоящего времени не научил правящие круги России успешно бороться с разрушительными внутренними силами в сочетании с мощной заграничной поддержкой. Конец XIX столетия, последующие революции, покончившие с монархическим государством, неуклонное скатывание к либерализму после смерти Сталина, завершившееся «перестройкой», капитуляция перед внешними силами после Горбачева – эти разнообразные по форме потрясения были вызваны преобладанием антинациональных сил в государстве. Однако судьбу России нельзя считать исторически предопределенной. Психология масс, даже находящихся в стадии глубокого разложения, не исключает возможность внезапного взрыва национальных чувств. Особенно это относится к русскому народу, способному под влиянием сильных потрясений быстро переходить в противоположное состояние. Но Западная Европа также сохранила потенциал национального сопротивления. Германия, глубоко униженная мировым еврейством, находится под постоянным подозрением неевропейских сил в высвобождении народного сознания. Надежду внушает то, что мировой космополитичес-

кий клан, несмотря на гигантские усилия, до сих пор не нашел подходящую форму объединения европейских наций в одно целое.

История дает постоянные уроки неорганического развития крупных государств. Событие такого масштаба как уничтожение самодержавной монархии в России должно быть осмыслено консервативными европейскими кругами, если они не хотят, чтобы их страны сами стали жертвами либерализма и демократии. Потому что не бывает национальных демократий. Любая демократия завершается предательством национальных интересов правящими кругами. И пока существует планета, борьба против этого мирового зла должна стать смыслом истории европейских народов.

Такой «уютный», мирный писатель как Розанов, обладавший, однако, острым историческим зрением, в бесчисленных зарисовках дал яркую картину постепенного разложения российского государства. Сходные симптомы, как и их причины, наблюдаются в современных европейских странах. До сих пор государства Европы с богатейшим культурно-историческим прошлым без борьбы покорялись посторонним силам, уродующим национальную жизнь крупных народов. Эти безответственные слои «мирового сообщества» приближают катастрофу всей европейской культуры.

Приблизительно в одно время с Розановым немецкий философ Ницше в других образах, но с той же последовательностью выводов анализировал причины падения Европы на примере Германии. Ницше обратил особое внимание на Россию, разглядев в далекой перспективе вдохновившие его черты русского возрождения, за которым должно последовать, по его мнению, выздоровление всей Европы. Немецкий философ не развивал подробно эту идею, но его мысль неоднократно возвращалась к особой роли нашей страны для европейского будущего. Размышляя о «революционном духе» русского характера, Ницше как будто предвидел трагические перемены в близкой истории России, этой, по словам К.Леонтьева, загадочной для «среднеевропейца» стране.

Двумя десятилетиями позже немецкий социолог Вернер Зомбарт назвал новую историю эпохой «торгашей», сменившей эпоху «героев». Теперь европейские консерваторы упорно искали выход из глубокого духовно-политического кризиса, поразившего континент. Неприемлемым для «правых» был стремительно вырождавшийся буржуазный мир вместе с бессильной и лживой парламентской системой, которая уже не могла обмануть ни один проницательный ум, к какому бы

политическому лагерю он не принадлежал. Ницше первым подал пример возможного сближения политиков, ненавидевших буржуазию с противоположных позиций. Он восхищался личностью итальянского революционера Мадзини, усмотрев в его порывах одну из возможностей обновления европейской жизни. Друг Фридриха Ницше, великий немецкий композитор Рихард Вагнер отдал дань революционному воодушевлению еще в 40-е годы XIX века. Идеологическую линию совмещения левых и правых идей затем обосновал и развил с большим талантом и воодушевлением французский социальный мыслитель Жорж Сорель, оказавший серьезное влияние на консервативного революционера Бенито Муссолини. «Дуче» создал жизнеспособный, (если измерять его не продолжительностью существования, а заложенными в нём потенциями), корпоративный социально-экономический строй, в котором сомкнулись и смешались в различных пропорциях левые и правые возможности.

Когда была сокрушена русская монархия, государственность России не исчезла бесследно. Инстинкт государственного консерватизма, заложенный в русском характере, породил новые формы сопротивления интернациональному натиску на ее традиционный облик.

Трагедию русского народа западные консерваторы восприняли как знак собственной судьбы, которая не должна зависеть от навязчивых идей пришельцев из внеевропейского космоса. Возникло и укреплялось чувство континентальной общности европейских наций. Оно получило солидную базу в трудах крупных философов, писателей и ученых предыдущего периода – от Ницше, Шпенглера, Сореля и Ван ден Брука до К.Хаусхофера, Г.Гюнтера, Ю.Эволы и Б.Шоу. Еще раньше проницательные русские мыслители (К.Н.Леонтьев, Достоевский) формировали предпосылки этого мировоззрения. «Всечеловеческая отзывчивость» не помешала Ф.М.Достоевскому с подозрением относиться к некоторым европейцам неевропейского толка, например, к Англии. Он, как и Константин Леонтьев, указал на необходимость ориентации России на Германию, как наиболее надежного геополитического союзника. Тогда же Достоевский отметил неблаговидную роль евреев не только во внутренней жизни России. Его добротолюбие ко всем нациям постоянно спотыкалось об это трудный «вопрос», который и сегодня занимает умы европейских политиков и ученых, не относящих себя к категории антисемитов.

На протяжении последующих десятилетий идея европейского единства разрабатывалась и обрастала разнообразными

организационными подробностями. Она опиралась не только на романтическое чувство близких по происхождению народов, но также на события древней и новой истории. Не умирает память о былом континентальном величии самодержавной России и Священной империи великой германской нации. Сегодня русской части этих планов противоречит униженное положение России в мире, ослабленной и раздробленной правящей коллаборационистской верхушкой, пропитанной нерусским духом и кровью.

Современное российское «евразийство» как будто не замечает этого факта. Его главный представитель, монополизировавший евразийское направление, – А.Дугин занят отвлеченным теоретизированием. Мысль Дугина устремлена поверх реальных нужд русского народа и мечется в бесконечных горизонтах почти планетарного масштаба. Трезвомыслящему политику должен быть ясен грубый утопизм планов подключения к европейским традициям и проблемам азиатских суперэтносов – мусульманского мира, Японии, Китая и т.п. Обессиленная Россия с вымирающим народом нуждается в радикальном лечении, требующим полной концентрации внутренних сил, прежде чем строить грандиозные планы во внешний мир.

Положение России все больше напоминает послеверсальскую Германию, если не политическими подробностями, то кажущейся безвыходностью (фактически одни и те же противники, враждебное внешнее окружение). Национальное чувство русских унижено доминирующей враждебной силой, действующей изнутри. Германия тогда нашла в себе силы избавиться от интернационального диктата. Сведенные в один мощный центр национальные силы Германии до 1939 года безупречно управляли страной. Последовавшая катастрофа не отнимает у нас право анализировать и использовать удивительный опыт недолгого процветания нации, в чьем характере и истории много общего с русским народом. Важно не повторять свои и чужие ошибки.

В первой половине XX века международные банковские круги организовали две мировые войны, ставшие общей трагедией для Германии и России. Кроме обычного для этой породы шкурного интереса, более глубокой целью было взаимоуничтожение двух ведущих имперских держав, долгое время связанных между собой династической близостью, а в давние времена – общностью этнического происхождения. Пруссия тогда была географическим средостением, в котором столкнулись и смешались как в плавильном котле славяно-германские племена, со временем давшие начало будущим великим ев-

ропейским нациям – русским и немцам. До сих пор солидные историки спорят, были ли пруссы славянами или частью германских племен.

Как бы то ни было, в психологических основах русского характера нет нескольких солидных черт, которыми немцы наделены в избытке: прежде всего, любви к порядку и формальной дисциплине. Высокоодаренную русскую нацию разъедает индивидуализм и доходящее до подобострастия почтение к иностранцам. Глубокому же и дисциплинированному немецкому характеру не хватает широты мировосприятия и легкости, с которой русский народ выносит трагические повороты истории. Можно сказать, что наши народы разделили между собой высшие сферы человеческого духа. У немцев это философия и музыка, у русских – православие, литература и военное дело.

Таким образом, исторически и психологически русские и немцы составляют одну суперэтническую общность, ведущее положение которой, по крайней мере, в Европе, может быть достигнуто ценой совместных усилий. Это спасет оба народа от безвозвратного состояния, при котором они уже не смогут твердо взять в руки ни плуг, ни меч. Несокрушимая ось Россия – Германия защитит немцев и русских от разложения, которому они подвергаются со стороны государств проамериканского круга. Возможно, это станет началом освобождения мира от пут золотого рабства, раскинутых космополитическим капиталом по всей планете.

Необходимо, наконец, извлечь уроки из истории. Разве не одни и те же силы устроили свержение русской монархии, обе мировые войны и развал советской империи, не успевшей самостоятельно сбросить нелепые красные одежды. Осмысление русско-немецкого опыта нужно ещё и потому, что история наших стран хранит удивительные подробности, скрываемые и прячущиеся за прямолинейными фактами. Из их совокупности складывается картина упущенных возможностей совершенно иного развития событий, которые могут быть реализованы в обозримом будущем.

Национал-социалистический период истории Германии требует беспристрастного анализа. Важно осознать, что ни фантастические левые идеи, ни провалившаяся демократия не могли стать основой национального возрождения Германии. У Гитлера до и после взятия власти было много соперников: «левые» нацисты (братья Штрассеры и пр.), руководство штурмовиков, консервативные группы старого типа (монархисты, католический центр, отдельные «свободомыслящие»). Всем им не хватало ясности в понимании цели, последовательности и часто личного мужества. Многие из них разделяли окрашен-

ные национализмом либеральные идеи, тогда как время требовало твердого авторитарного руководства.

Опыт национального правления в Германии 1933-45 годов необходимо изучить в подробностях, а его горькие уроки должны быть усвоены грядущим поколением освободителей от своего внутреннего ига, даже если в России всё будет устроено по-другому. Независимо от политической атмосферы, Германия 30-40-х годов XX века являла образец вполне благополучного течения культурной жизни. Главное, чем всегда отличалась немецкая культура – музыкальное творчество, не теряло высокого уровня. Реализм в изобразительных искусствах демонстрировал большие достижения, чем пресловутый модернизм в «свободных» странах, прошедший все стадии вырождения. Литература дело особое. К услугам немецких писателей того времени были исторические, бытовые, военные темы. Писатели, покинувшие Германию в 30-е годы, увезли с собой бессмысленный пацифизм, навязчивые либеральные мотивы, весь упадок, отрицательное значение которого не уравновешивалось скромными талантами Томаса Манна и ему подобных. Большинство уехавших с равнодушием смотрели на беды, постигшие страну в результате преступного Версальского мира. Еще и поэтому их книги сжигались в Германии, а имена предавались забвению.

Всемирная выставка (Париж, 1937 год)

Суровое противостояние с половиной мира, в которое вовлек свое государство фюрер, конечно, воздействовало на творческий процесс, лишая деятелей культуры полной свободы самовыражения. Однако военное время с его лишениями устраняло все проявления либеральной расслабленности, закаляя национальную волю немецкого народа. Эта пора не только оттачивала боевые перья, но и готовила немцев к будущему, которое виделось идеологам Рейха как длительная эпоха европейского мира после кровопролитной войны. С их

стороны это было заблуждением. Однако до поры до времени оно давало писателям уверенность, что наступят лучшие времена, а это стимулировало творческие поиски.

Свободу в рамках авторитарного государства демонстрировало научное творчество. Крупные открытия и изобретения были сделаны до и в ходе мировой войны. Не только ученым с мировыми именами дозволялось быть аполитичными. Как ни парадоксально, идеологическая элита в структурах СС и СД предоставила ученым возможность без ущерба для научной истины достаточно свободно работать в исторической сфере и даже в политизированных науках – философии, социологии, включая расовые исследования – святая святых национал-социалистической идеологии. Пример ведущего расолога Ганса Гюнтера особенно убедителен из-за его независимой позиции в отношении партийных догм. Под личным контролем рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Германии до конца войны действовала разветвленная научная организация («Анэнэрбэ»), крупными подразделениями которой руководили авторитеты мирового уровня – Вальтер Вюст, Герберт Янкун и др.

Солидный научный характер носили геополитические планы, разработанные интеллектуалами, близко стоявшими к партийной верхушке (Вернер Дайц, Г.Хэртлэ и др.). В период оккупации западных стран, прежде всего во Франции, началось воплощение идей объединения Европы. Существовали различные планы такого рода, – от предоставления автономии европейским государствам с развитой культурой, до политически централизованной федерации под твердым германским руководством (на этом настаивал Гитлер). На Германию вполне добровольно трудилась вся промышленность не только оккупированных, но и нейтральных стран Европы (Швейцария, Швеция, Португалия и др.). Кроме того, общее культурно-историческое наследие также в определенной степени работало на немцев. Пример Франции особенно поучителен. Консервативные традиции этой страны оказались настолько сильны, что практически вся верхушка творческой и научной интеллигенции встала на сторону Германии (например, Фредерик Жолио-Кюри предоставил свои лаборатории и научные кадры в распоряжение германских физиков и поддерживал их усилия по созданию атомного оружия).

Однако реальная сторона объединительных планов умалялась все более сомнительными перспективами на победу Германии в мировой войне. К концу войны под влиянием более гибко мыслящей части германских идеологов схемы объединения Европы пополнились восточными государствами, включая Россию, прежде всего ее европейской частью. Это отдавало

утопизмом, но повторяли старые идеи прусских русофилов о необходимости сближения с другой частью гигантской евроконтинентальной оси. До 1941 г. эти планы носили реальный характер. Их воплощение тогда могло привести к военно-политической обстановке, исключавшей мировую войну.

Одним из вариантов развития внутренней жизни предвоенной Германии, реализующей такую возможность, могла стать победа «прорусского» крыла национал-социалистической партии во главе с бывшим офицером царской армии, ведущим идеологическим советником Гитлера Максом Шойбнер-Рихтером (убит во время путча 1923). Независимо от германского интереса в этой ситуации, она сулила резкое геополитическое усиление России. В конце войны группа немецких интеллектуалов (В.Дайц, А.Шикеданц и другие), и ранее мысливших реалистичнее догматиков из круга А.Розенберга, переосмыслила роль России в планируемом объединении Европы.

Частично подобные идеи будущая патриотическая власть может использовать в интересах нашего государства. Разумеется, немецкая схема должна быть переориентирована на самостоятельную, (если не ведущую), роль нашей страны. При этом «реакционная» часть старых немецких планов будет отброшена. Но даже приступить к реализации этой геополитической комбинации невозможно без предварительной смены правящей верхушки и политического курса в России.

Во внешнеполитическом плане решающее усиление России – самый краткий путь к освобождению Европы от американского диктата и к европейской самостоятельности. Сегодня такая перспектива кажется малореальной. Но если главная идея верна, то ее победа рано или поздно должна состояться. Лишь фальшивые идеи никогда не дождутся своего воплощения. Русскому народу, прежде всего, необходимо покончить с безразличием и безропотностью, научиться распознавать врага и уничтожать его, если он не сдается. Это требует усвоения новой государственной программы – Кодекса национального поведения, основанного на богатом опыте России и дополненного историческими достижениями «родственной» Европы. Первоначальная форма будущего государственного устройства России имеет второстепенное значение перед интересами народного сообщества. Если русскому народу по его психологическим свойствам соответствует самодержавная монархия, она будет введена со временем несмотря ни на что. Но начало должно быть положено национальной диктатурой, о необходимости которой сразу после свержения коммунистической власти предупреждал еще в конце 40-х годов XX века русский философ-эмигрант И.А.Ильин.

ГЛАВА I.
НАЦИ ПРОТИВ СВОЕГО ВОЖДЯ

Поражение Германии в Первой мировой войне и страшное унижение, которому она затем подверглась со стороны мировых империалистических кругов, вызвало мощное национальное движение в немецком народе, справедливость которого неоспорима. Оно принимало разнообразные формы. Напряжения добавила волна революционных потрясений и установление «советских республик» космополитическими кругами, крушившими национальные идеалы. Тогда в Германии возникали добровольческие корпуса, спортивные союзы и другие военизированные объединения. Многие из них поставили цель возродить свергнутую монархию. Другие пытались на ее месте создать федерацию из автономных провинций (Бавария, Пруссия и др.), вернув Германию в раздробленное состояние, предшествовавшее её объединению Бисмарком во Второй Рейх.

Прямолинейное следование монархической линии также заводило в тупик. Динамическая сила германской монархии иссякла к началу XX века. Империю разъедали демократические процессы. Мировой опыт показал, что судьба монархии в некоторых случаях может не зависеть от тех, кто ее представляет. В спокойные времена она терпит мелкие характеры, но и они могут вредить монархической идее. Поэтому после каждой серии посредственностей должны появляться выдающиеся лица. Западноевропейские династии, давшие трону большое число таких монархов, в конце концов, прекращались. Императорам не обязательно быть гениями, – им достаточно иметь здравый смысл или находить советников с качествами, недостающими самим правителям. Если же монархия какое-то время может существовать и при слабых правителях, то никогда посредственность не может возродить или заново создать исчезнувшую монархию. Когда же она прекращает существование, уступив место республике, то монархическая идея с этого момента полностью является вопросом качества ее носителей. Тогда нельзя защищать идею, не имея в виду конкретного монарха. Без достойного претендента на корону монархическая идея лишь сентиментальное воспоминание, которое не станет действительностью, пока не появится живой будущий монарх.

«Я торжественно заявляю, – писал Гитлер в партийной газете "Фёлькишер Беобахтер" в 1929 г., – наша борьба ведется исключительно за интересы немецкого народа. Ни за респуб-

лику, как форму государства, ни за монархию... Никогда мы не будем готовы реставрировать монархию лишь для того, чтобы посадить на трон Людовика XVIII». Эмигрировавший в Голландию последний император Германии Вильгельм II также не помышлял о восстановлении монархии, вместе со своим окружением постепенно проникаясь сознанием необратимости перемен в отечестве.

Разнообразие военизированных союзов в Германии размывало ситуацию в другую сторону. Назрела необходимость не в очередном «едином центре», мимолетным существованием которых уже пресытилась Германия, но в организующей силе совершенно иного типа, которая свела бы национальную волю десятков миллионов немцев в стальной кулак, способный уничтожить Веймарскую систему, покончив с наглым диктатом мирового финансового сообщества.

Большую опасность для будущего возрождения Германии представляли сепаратистские движения, набравшие силу в на-

Антон Дрекслер
(13 июня 1884, Мюнхен — 24 февраля 1942, там же)

Юлиус Штрайхер (1885 - 1946)

чале 20-х годов. Исторически сложилось так, что рупором сепаратизма периодически выступала Бавария – провинция, в которой вызрела идея национал-социализма, завершившаяся созданием НСДАП. В январе 1919 г. Антон Дрекслер и Карл Харрер основали Немецкую рабочую партию (НРП), членом которой в сентябре стал Адольф Гитлер, сразу же вступивший в конфликт с умеренными основателями партии (в частности, с Харрером (ум. 1926), осуждавшем антисемитизм).

В феврале 1920 г. Дрекслер единолично, но ненадолго возглавил партию. Он был слабым организатором, а главное, не имел боевой и ясной программы завоевания власти, что с самого начала стало основным мотивом деятельности Гитлера, занявшего в июле 1921 г. пост первого председателя НРП, переименованной по его предложению в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Тогда же на массовом митинге Гитлер провозгласил официальную программу (знаменитые «25 пунктов»). С этого момента он методично убирал со своего пути все препятствия, используя выдающиеся свойства характера – несгибаемую волю, организаторский дар, изощренный ум и несравненное мастерство оратора.

В период становления новой партии Гитлер боролся не только с «оппортунистами» в ее рядах, но, прежде всего – с «околопартийными» политиками, блокировавшимися с НСДАП по отдельным вопросам, а также с лидерами соперничавших консервативных групп, названных впоследствии «реакционерами». Этим подчеркивался революционный характер партии, который по обстоятельствам выделялся или затушевывался. Особенную ярость вызывали у Гитлера сепаратисты и сторонники свободной федерации германских земель. Это противоречило главной идее гитлеровского движения – созданию сильного централизованного государства – единственной возможности освободиться от оков «версальской системы».

Опасность исходила тогда от Баварского союза Отто Баллерштедта. Пытаясь организовать массовое антипрусское движение, Баллерштедт предлагал построить «Великую Германию» на федеральной основе, отнимая, таким образом, у государства реальную перспективу объединения вокруг Пруссии, обладавшей необходимым политическим и культурным потенциалом, как это было и при создании II Рейха в 1871 г. Глубоко убежденный в совпадении внутренних планов федерализации страны с усилиями враждебных Германии государств, Гитлер говорил: «Этого нельзя допустить. Лучше большевистская Великая Германия, чем зависящая от французов и чехов Южная Германия». Неприемлемым для национал-социалистов было требование Баллерштедта сделать имперскую конституцию зависящей от голосования отдельных провинций. Намного выше интересов отдельных земель стояло единство германской нации.

Эта позиция подкреплялась идеологически. Один из ведущих деятелей НСДАП Герман Эссер обвинил О.Баллерштедта в «увиливании от решения еврейского вопроса». Партийный бюллетень писал: «Это лежит на совести евреев, баварцев и правительства Вирта-Ратенау, которое с неслыханной беспощадностью подавляет каждое проявление всего немецкого». Постепенно организация Баллерштедта отходила в тень. Ей на смену пришла менее радикальная Баварская народная партия. После 1933 г. баварский сепаратизм был полностью подавлен. 30 июня 1934 г. Отто Баллерштедта застрелили при подавлении путча штурмовиков.

Летом 1921 г., одновременно с решением острых политических проблем в НСДАП шла борьба мнений: быть или не быть партии. Она началась переговорами вопреки Гитлеру с некоторыми конкурентами, прежде всего с Немецкой социалистической партией (НСП) Альфреда Бруннера, призывавшего к объединению всех национально мыслящих социалистов. В свою очередь, сторонники Анто-

Юлиус Штрайхер на Нюрбернском процессе

Пауль Йозеф Геббельс (1897 - 1946)

на Дрекслера настаивали на политическом союзе «арийцев всех западных стран». Гитлер, не желая жертвовать авторитетом набиравшей силу НСДАП в пользу новых аморфных образований, запретил дискуссии на эту тему. Он потребовал вхождения НСП в свою партию без всякой компенсации. В дальнейшем это требование Гитлер выдвигал всякий раз, когда очередная национальная организация претендовала на место в одном строю с НСДАП. «Без стального руководства, – говорил он, – партия в короткое время перестанет быть тем, чем она должна быть – национал-социалистической рабочей партией, а не союзом западноевропейского типа».

Позднее (1938) Гитлер говорил: «Я тогда твердо решил порвать с глупой точкой зрения, что если взять разнородное, собрать его вместе, то из этого может получиться что-то сильное… Я был убежден, что надо порвать с разнородным в пользу единого… Тогда в Германии существовало множество союзов и объединений. Все они объявили себя спасителями народа… Но верно только одно – должно существовать единственное движение, которое выражает чаяния народа. Только оно может стать победителем». Это убеждение Гитлер пронес через весь «период борьбы» (1919-33). Еще в «Майн Кампф» (1923) он писал: «Величайшая ошибка верить, что сила движения возрастает при объединении с другими, подобными ему. Любой рост таким путем вначале увеличивает видимый размер и поэтому, в глазах поверхностного наблюдателя, – также и силу. Но в действительности движение заражается зародышами внутренней слабости, проявляющейся позднее действенным образом… Никогда не существует двух однородных движений.

Герман Эссер (1900 - 1981)

Демонстрация нацистов – сторонников Грегора Штрассера. В центре – сам Грегор Штрассер (второй слева) и Йозеф Геббельс

В противном случае это были бы не два, а одно движение. И неважно, в чем их различие... Согласно законам природы любое развитие есть не присоединение второй, даже не одинаковой структуры, а победа более сильной из них. И только возникающая при этом борьба приводит к росту мощи и силы победителя... Величие движения достигается исключительно мощным развитием его внутренней силы – долгим подъемом к окончательной победе над всеми конкурентами».

История учит, что эти выводы сохраняют силу во все времена и приложимы к любой политической действительности. «Мнение, что объединение слабых групп даст фактор силы, неверно, так как большинство в любом случае будет представлять глупость и трусость» – говорил Гитлер. События подтвердили и это наблюдение. Сильные натуры, разобравшись, оставляли неудачливые организации и переходили к Гитлеру. Так было с лидером Нюрнбергского отделения НСП Юлиусом Штрайхером, а позднее – с «левым» национал-социалистом Йозефом Геббельсом.

В июле 1921 г. Гитлер объявил о своем выходе из НСДАП, объяснив это национал-революционным характером партии, как «оружия борьбы против еврейско-интернационального угнетения» немецкого народа, заботящейся о безусловной честности в своих рядах при неуклонном следовании ее основным принципам. Нарушался принцип – не терпеть в своих рядах

Предвыборный плакат
Немецкой народной партии свободы, 1924 г.

лицемеров и скрытых врагов и безжалостно гнать их. Гитлер поставил условием возвращения в партию созыв чрезвычайного собрания ее членов и предоставления ему поста первого председателя НСДАП с диктаторскими полномочиями. Другим требованием было создание исполнительного комитета из трех человек для проведения «безжалостной чистки партии от проникших в нее чуждых элементов».

29 июля 553(!) делегата из 554 избрали Гитлера председателем НСДАП с диктаторскими полномочиями. Отстраненный от руководства Дрекслер получил пост почетного председателя партии. На этом собрании Герман Эссер впервые назвал Гитлера «наш фюрер». Так было положено начало превращению партии в прообраз будущего государства. Отныне НСДАП организовывалась и управлялась в рамках строжайшей военной дисциплины, которая при необходимости смягчалась гибкостью фюрера в тактических вопросах.

Теперь у Гитлера объявились противники другого рода. В лице Альбрехта фон Грэфе (1868-1933) он встретился с типичным представителем высшего слоя, чопорность и глупость которого в политических вопросах Гитлер всегда подчеркивал. В 1922 г. аристократ Грэфе вместе с Р.Вулле создал Немецкую народную партию свободы (DVFP), которую представлял в рейхстаге с 1922 по 1928 год. Чтобы сконцентрировать все

силы в Южной Германии, фюрер в 1923 г. заключил тактический союз с DVFP, предложив ей доминировать на Севере страны, где НСДАП была запрещена. Но 9 ноября национал-социалисты организовали путч в Баварии с целью захвата власти, после которого Гитлер с рядом соратников был присужден к тюремному заключению.

По заданию фюрера А.Розенберг пытался в подполье собрать оставшихся без вождя партийцев. Еще до окончания процесса сторонники и члены запрещенной НСДАП объединились в две группы. Одной руководили близкие к Гитлеру Эссер и Штрайхер, другой – «оппортунисты» Грэфе, генерал Людендорф и Грегор Штрассер. При этом партия Г.фон Грэфе мыслила категориями парламентаризма, слабо понимая национал-социалистические идеи, что стало причиной постоянных конфликтов и расколов, ускоривших ее распад. Стоявшая ближе к «классическому» национал-социализму группа Эссера-Штрайхера, была пассивна. Весной 1924 г. самостоятельно действовавшая партия Грэфе на выборах в рейхстаг получила неплохой результат – 32 места. Это привело Гитлера в ярость. Убедившись в неспособности эффективно руководить политическим движением из тюрьмы, он отстранился от руководства НСДАП на срок заключения, отказавшись от всех полномочий. До выхода Гитлера на свободу Людендорф и Грэфе взяли на себя руководство Движением. Но боевой генерал обнаружил отсутствие политического чутья и вместе с амбициозным Грэфе усилил монархическую пропаганду.

После досрочного освобождения в декабре 1924 г. фюрер заново создал НСДАП (февраль 1925 г.). После этого все встало на свои места. Дальновидный расчет и сила воли Гитлера победили. Умолкли фракционные споры и различия мнений по стратегическим вопросам, прекратились личные схватки, часто далекие от идеологии. Теперь для противодействия воле фюрера в глазах почти всех национал-социалистов не было никакого оправдания.

Грегор Штрассер
(1892 - 1934)

Эрнст Христиан Эйнар Людвиг Детлев Граф цу Ревентлов (1869 - 1937 (1943))

Борьба с Грэфе достигла пика в «Открытом письме» к нему Гитлера (март 1926 г.). В Письме вождь партии описал решающий личный вклад в пропаганду и организацию НСДАП. С первых дней, писал Гитлер, он проповедовал необходимость уничтожения классовых противоречий и классовой борьбы, тогда как Грэфе был членом «чисто классовой» партии. «Я постоянно говорил о необходимости решительной борьбы с марксистским надувательством народа» и твердо требовал завоевания умов интернационально настроенных немецких рабочих в направлении чисто немецких интересов и общности немецкого народа – как единственной предпосылки свободы немцев… Независимо ни от кого, опираясь лишь на собственные возможности и собственную силу, юная НСДАП из небольшой ячейки превратилась в широкое движение», – писал Гитлер. В 1923 г. партия насчитывала более ста тысяч членов, но имела немногих вождей. Все руководство НСДАП не пришло из других партий, а поодиночке вышло из широкой народной массы, чтобы в ходе жестокой борьбы добиться права на существование, напоминал фюрер.

В это время движение фон Грэфе страдало от нехватки сторонников, будучи «отщеплением неудовлетворенных вождей правых политических партий» и сборищем отдельных недовольных националистических элементов. Одно лишь пропагандистское использование имени Гитлера привлекло тогда сторонников к Грэфе, сразу после ареста фюрера позаботившегося о слиянии, при котором НСДАП должна была дать массы, а его партия – щедро дать вождей. Гитлер сразу отверг такой союз. «Даже мысль передать мое старое великолепное народное движение в руки парламентской клики вождей в дни моего заключения для меня была так же невыносима, как сама потеря свободы», – писал он. Поэтому Гитлер допустил возможность слияния, лишь когда национал-социализм займет

господствующее положение, а новое руководство организации Грэфе «в принудительном порядке вырастет из национал-социалистического корня».

Фон Грэфе, игнорируя запрет фюрера, пытался создать единую организацию на севере и юге, руководимую «рейхсфюрершафтом» – группой лиц без исполнительной власти и твердых организационных основ. Большинство руководителей прежней НСДАП было при этом выброшено из объединения, в котором бушевала более яростная борьба, чем за его пределами, а сам «рейхсфюрершафт», по словам Гитлера, стал «большим прикрытием, под защитой которого любой карлик занимался личными делишками, по большей части, разжиганием вражды». Через два месяца это движение развалилось, а по выходе из тюрьмы фюрер на большом примирительном митинге объединил всё, что «действительно едино в вере и воле». В 1925 г. партия провела более 2300 больших собраний и свыше 3,5 тыс. выступлений на митингах. Эта активность резко контрастировала с беспомощностью Грэфе, которого Гитлер упрекал в стремлении обосноваться в Мюнхене, тогда как в его временной берлинской вотчине 350 тыс. коммунистов беспрепятственно и рьяно работали против Германии. Фюрер писал: «Вы – собиратель недовольных и кляузников, прежде всего тех, кто ненавидит дисциплину и поэтому чувствует себя вольготнее в Вашей неразберихе, чем в организации с прочной структурой». Он обвинил Грэфе в собирании политиканов, которых больше не могут терпеть в других народных движениях и изгоняют оттуда.

В начале 1927 г. в НСДАП перешел от Грэфе видный социал-революционер граф Эрнст цу Ревентлов с группой лиц. Вскоре партия Альбрехта фон Грэфе потеряла всякое влияние. В январе следующего года он и Вулле основали «Народный боевой блок», никак не отвечавший своему названию и вскоре сошедший со сцены.

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1895 г.) (1855 - 1927)

К 1930 г. Адольф Гитлер стал признанным трибуном социал-революционного

Артур Динтер (1874-1948)

движения, которому ничего не могли противопоставить «всего лишь народники».

В середине 20-х годов фюрер встретил одаренного противника, представлявшего сферу, в которой Гитлер всегда действовал с особой осторожностью и искусством. Он долго не ограничивал действия назначенного в 1925 г. гауляйтером Тюрингии Артура Динтера (1874-1948). До конца 1928 г., когда его исключили из партии, Динтер пытался внести в политическое движение Гитлера самостоятельные религиозные идеи. Его биография типична для лиц, не сумевших совместить гуманитарные наклонности с официальной идеологией партии. Выходец из католической семьи, изучавший философию, автор многих произведений, Динтер еще в 1908 г. учредил «Союз немецких драматургов», из которого вскоре был исключен за то, что назвал Союз «инструментом еврейской диктатуры в театре». Под влиянием английского расового философа-германофила Х.-С.Чемберлена он увлекся националистическими идеями и постепенно сближался с НСДАП. Динтер стал одним из самых радикальных антисемитов своего времени. Но радикализм в этом вопросе на уровне идеологии не шел дальше идеи вытеснения евреев из сфер государственной и общественной жизни, – оттуда, где они преобладали. Так было и в национал-социалистической Германии. Из сохранившихся записей последних бесед Гитлера видно, что он планировал после войны выселить оставшихся в Рейхе евреев за пределы страны.

Артур Динтер придал своим рассуждениям о еврейском вопросе религиозный характер. В романе-трилогии «Грехи времени», раскупавшемся большими тиражами, он писал: «Народное и религиозно-христианское обновление неразделимы и являются одной целью». Динтер действовал как основатель новой политической религии, главные постулаты которой: Иисус Христос – ариец, христианство следует «избавить от евреев». Это по видимости соответствовало программным положениям НСДАП, которая утверждалась на платформе «по-

зитивного» (неиудаизированного) христианства с ударением на арийскую расу и любовь к своему народу. Но руководство партии понимало, что политическое движение не могло стать новой религией. Поэтому оставался открытым вопрос: нужна ли немецкому народу христианская Реформация. Даже явные «неоязычники» – Розенберг и Борман отложили решение этой проблемы на послевоенный период. Динтер же придавал идеалу «религиозной революции» гораздо большее значение, чем реальному политическому изменению. Он не занимался планомерной организаторской работой в своем гау и не обрел популярности среди населения, большая часть которого до падения Рейха принадлежала к католической или протестантской общинам. Партийных функционеров также не устраивало «псевдорелигиозное сектантство» Динтера. К тому же своевольный гауляйтер, не желая отойти от круга руководителей народников, постоянно лавировал между НСДАП и организацией фон Грэфе, в которой начал политическую карьеру.

Гитлер продолжал прикрывать Динтера, намереваясь до конца использовать его интеллектуальный потенциал. Гауляйтер тем временем основал «Немецкую народную церковь», заложив в основу «чистое, изначальное арийско-героическое учение Иисуса Христа», отвергавшее веру в Ветхий Завет, (подобные взгляды разделял Вильгельм II, призывавший Церковь стать «национально-немецкой, а не псевдоиудейской, как сейчас»).

Религиозные искания Динтера вызвали, наконец, гнев Гитлера, который в отличие от части высокопоставленных партийцев, никогда не выходил из католической церкви, до конца жизни перечисляя в нее налог. Многие национал-социалисты называли себя «верующими в Бога» и не отрицали христианские догматы. В речах Гитлер часто говорил о «провидении», «всемогущем нашем Господе Боге» и цитировал, главным образом, из Евангелия от Иоанна и католического молитвенника. Он высоко ценил культурное наследие христианства, (шедевры религиозного вдохновения создавали композиторы, художники и зодчие Германии).

Однако все попытки придать национал-социалистическому мировоззрению религиозный характер своевременно пресекались фюрером, даже если исходили от Розенберга или Гиммлера. Он не разделял и языческие восторги рейхсфюрера СС, силами ученых развернувшего поиски древних корней германской веры. – Гитлер указывал на примитивный образ жизни германцев во времена расцвета римской культуры. Он неизменно выступал против всех родов мистицизма внутри партии.

Туманные воззрения Альфреда Розенберга, опиравшегося в «Мифе XX века», на мистическое учение Майстера Экхардта были ему чужды. На партийном съезде в 1938 г. Гитлер сказал: «Национал-социализм – смелое, действенное учение, основанное на точнейших научных знаниях и их идейных выводах... Потому что оно не культурное движение, а народное политическое учение, выросшее исключительно из знания расовой теории. В его сути нет никакого мистического культа... Научный исследователь, который пытается придать ему мистический налет, не может быть терпим в движении... Для культовых отправлений нужны не мы, а церковь».

Остается добавить, что НСДАП всегда следовала этой тактике, указанной фюрером, и многочисленные «сведения» о «тайном характере» и «оккультных корнях» национал-социализма, не подтверждены ни одним серьезным исследованием.

Одобряя отделение церкви от государства, и критикуя «политизированных попов», Гитлер пресекал открытую борьбу с Церковью, держа в узде радикальные силы в партии. Разногласия с Церковью он намеревался решить «после окончательной победы» в войне. Задолго до Второй мировой войны фюрер говорил: «В судьбоносной борьбе нашего народа мы не можем отказаться от сил, которые живут в вере».

В концентрированном виде Гитлер обосновал свою религиозную политику в речи перед гауляйтерами (ноябрь 1938), упомянув давно отошедшего от дел А.Динтера, (проблема не теряла актуальности). Он говорил тогда: «Мы даем вам неограниченную свободу в вашем понимании Бога... Одно решено окончательно: немцами в загробной жизни, возможно, распоряжается церковь... в земной жизни – немецкая нация, действующая через своего вождя. Лишь при условии такого четкого разделения возможна сносная жизнь в переломное время. Мы, национал-социалисты, в самых глубинах сердца верим в Бога... Это гениальное и благороднейшее понятие, которое возвышает людей над зверями... И человечество смиренно склонилось перед убеждением, что перед ним стоит такой всемогущий, такой неслышимый и глубокий, что мы, люди, не в состоянии постичь его. И это хорошо! Потому что это может дать утешение людям в трудные времена, не позволяет поверхностно и высокомерно смотреть на мир, считая, что они – лишь крошечные бациллы на этой земле – могут господствовать над миром и определять законы природы, которые они, в лучшем случае, могут только изучать. Поэтому мы хотим, чтобы наш народ остался смирным и верящим в Бога. Вот огромное поле

деятельности для церквей разных конфессий, им нужно быть только терпимыми друг к другу. Наш народ не для того создан Богом, чтобы быть раздираемым священниками. Следовательно, необходимо обеспечить единство народа с помощью системы руководства. В этом задача НСДАП».

Циркуляром 1927 г. Гитлер лишил права называться органом партии одну из газет, нападавшую на религиозные общины и их институты. «Даже с евреями нельзя бороться на религиозной почве, а лишь на национальной и расово-политической», – сказал он. Артур Динтер стал нетерпим на посту гауляйтера из-за регулярных нападок на христианство. В начале 1928 г. он основал «Духовно-христианскую общину» с задачей борьбы против Рима, рассматривая гитлеровское движение только как инструмент для завершения «народно-протестантской реформации». В трех журналах Динтер пропагандировал идею приведения немецкого народа к «христианству, очищенному от евреев». После того как специальный комитет НСДАП собрал в областях Германии мнения об еретических устремлениях гауляйтера, Гитлер в письме призвал его к благоразумию, так как Движение ослаблялось религиозными спорами.

Здесь же фюрер высмеял предложение «народного бродячего проповедника» Динтера создать совещательный орган – «партийный сенат», сказав, что «советчики ему не нужны». Впрочем, Гитлер вскоре предоставил возможность провести самостоятельную дискуссию на съезде руководителей, проходившем не в обычной форме выслушивания приказов. Там он молчал, вызвав ощущение никчемности и ущербности съезда, быстро завершившегося при общей сдержанности.

Динтер ответил резкими нападками на фюрера. В октябре 1928 г. его исключили из партии. В дальнейшем он развязал яростную публицистическую кампанию против Гитлера. В 1932 г. «Союз Динтера» не смог вернуть своего руководителя в политику. После прихода нацистов к власти Динтер дважды пытался вновь вступить в НСДАП. Гестапо следило за ним и даже арестовало на короткое время. Перед запретом в 1936 г. «Немецкая народная церковь» Динтера насчитывала 300 тыс. членов. Его лишили права ораторствовать и заниматься писательской деятельностью. После Второй мировой войны Артур Динтер собрал бывших сторонников своего «Духовного христианства», но умер в 1948 г. в забвении.

Весь «период борьбы» Адольф Гитлер был занят отражение нападок политиков разной окраски. Заняв твердую позицию, он приобрел противников в лагерях всех политических направлений – от «народных романтиков» до консерваторов

старой школы. Инициированные Гитлером судебные процессы шли один за другим. 27 Февраля 1925 г. прошел процесс против д-ра Отто Питтингера (ум.1926) – основателя «Союза Баварии и Рейха», выступавшего за реставрацию баварской династии Виттельсбахов. Никогда полностью не порывавшего с национал-социалистами Питтингера Гитлер обвинил в распространении клеветы о финансировании его освободительного Движения французами. На суде фюрер искусно связал воедино эти утверждения провинциального сепаратиста с пропагандой английских журналистов и с действиями Красного Интернационала в Центральной Германии. Нелепость нападок О.Питтингера на НСДАП, ведущей активную борьбу против французских оккупантов в Руре, стала очевидной суду, который признал их необоснованность. После суда Гитлер сказал: «Отныне я пойду один по своему пути... Эти трусы!... Кончено с Питтингером и с союзами отечеств! Только собственная партия! Эти мелкие господа, эти графы и генералы – они не хотят ничего делать. Я сделаю всё один».

В апреле 1926 г. велся процесс против «еврейской» газеты «Берлинер Тагеблатт» Эриха Домбровски. Гитлер утверждал, что он с юных лет борется против антигерманской империи Габсбургов, а его называют «уполномоченным» этой австрийской династии, допустившей насыщение Австрии враждебными немцам народами (чехами, сербами, венграми). Он выступает против любой религиозной борьбы внутри партии, а его, ведущего смертельную борьбу со всеми ненемецкими центрами, обвиняют в поддержке движения «Руки прочь от Рима!», как «наемника иезуитов». Ему, трезвеннику, вешают ярлык пьяницы. За этими господами, утверждал Гитлер, стоят «лица из определенной конфессии». Суд приговорил Домбровски к крупному штрафу за клевету.

В июле того же года редактор одной из социал-демократических газет Ойген Фрич также выплатил Гитлеру штраф по суду за клевету о субсидировании НСДАП французами. На суде фюрер опроверг обвинение в том, что за его Движением стоят немецкие промышленники (!). Этот вопрос до сих пор не нашел твердого решения в «официальной» литературе. Над исследователями довлеет коммуно-либеральная догма о ведущей роли «крупного капитала» в приходе к власти национал-социалистов. Правда же в том, что инициатива в создании абсолютно нового типа государства на всех этапах принадлежала одному Гитлеру. Всё остальное вторично: меняющаяся тактика, разнообразие фигур, группировавшихся вокруг НСДАП, организация работы на III Рейх крупнейших монополий. То, что Гитлеру не

удалось изменить двусмысленную природу финансового капитала, стоявшего за промышленниками, объясняется нехваткой времени в условиях ошибочной войны на два фронта. Процесс шел в верном направлении, и при правильном ведении дел подчинение и этой социальной категории интересам нации было неизбежно.

Фриц Шэфер (1888 - 1967)

На процессе против Фрича Гитлер коснулся сходного по мотивам «мошенничества Фейенбаха» в период баварской революции. Этот еврейский журналист был членом руководства «Народного государства Баварии» и личным секретарем (1918-19) коммунистического диктатора, еврея Курта Эйснера. В 1922 г. Фейенбах попал на каторгу за уголовное преступление, а в 1933 г. был убит в Дахау.

Таким образом, все иски Гитлера вызывались безответственностью соперников, пытавшихся скомпрометировать грандиозную идею национального обновления, с которой НСДАП взошла на вершину внутригерманской политики. Суды показали также, что основным оружием творчески бесплодных соперников Гитлера была примитивная клевета. В дальнейшем подобные приемы у более серьезных его противников маскировались долей легкомысленного идеализма, разбавленного карьерными устремлениями. Пути выхода их тупика были закрыты для этих лиц. В мае 1927 г. Гитлер говорил: «Пусть одни с ревностью представляют сегодняшнее государство; другие же считают честью бороться за будущее государство».

В «период борьбы» перед Гитлером постоянно мелькали «тени прошлого» в разном обличье. В конце 1929 г. он столкнулся с яростными нападками председателя Баварской народной партии (БНП) д-ра Фрица Шэфера (ум. 1967), писавшего в воззвании: «Национал-социализм наш враг, потому что социализм наш враг и потому что это шовинистический, нехристианский социализм». Гитлер ответил в «Фёлькишер Беобахтер» статьей «Спасение марксизма с помощью буржуазии», указав на удивительное тождество усилий этих доминирующих сил современности против национального пробуждения. Цена убеждений Шэфера прояснилась уже в начале 1933 г., когда он в расчете на министерский пост в новом правительстве защищал Гитлера перед президентом Гинденбургом и фон Па-

Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер (? - 1923)

пеном. Сразу после победы национал-социалистов БНП самораспустилась.

До последней возможности часть консерваторов надеялась реставрировать монархию. Но лишь немногие из сторонников Гогенцоллернов или Виттельсбахов рискнули сопротивляться Гитлеру. Упорством отличался граф Й. фон Зоден-Фрауенхофен (1883-1972) – шеф кабинета баварского кронпринца Рупрехта, отказавшегося от престола после смерти короля-отца.

Сопротивляясь тенденции общественных перемен, граф пытался опереться на солидную базу путавшихся в идеологии лиц: философа Освальда Шпенглера, кардинала Фаульхабера и руководителя штурмовиков Эрнста Рема.

Но с начала 1922 г. НСДАП уже вела переговоры с принцем через группу лояльно настроенных к партии министров и ведущего советника Гитлера Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера. Фигура этого православного уроженца Риги многозначительно указывала на возможность сближения Гитлера с кругами русской монархической эмиграции. К сожалению, Шойбнер-Рихтер – один из главных инициаторов «пивного путча» 1923 г., шедший рядом с Гитлером, был застрелен полицией. «Всех можно заменить, но только не его!», воскликнул тогда фюрер. Вместе с ним погибла захватывающая воображение идея органического сближения НСДАП с русскими монархистами. В союзе с Германией большевизм в СССР мог приобрести национальный облик без трагической войны на Востоке. Место фон Шойбнер-Рихтера в качестве внешнеполитического советника фюрера занял другой выходец из России – догматик Альфред Розенберг, не оценивший перспективу геополитического сближения с нашей страной.

Сложившаяся политическая ситуация подталкивала к этому союзу реалистически мыслящие круги Германии, в том числе «здоровую» часть немецких монархистов. В 1929 г. репара-

ционные обязательства Германии были значительно усилены «планом Юнга», грабительский характер которого осуждала советская Россия. Для противодействия Плану в Германии был создан Имперский комитет по требованиям немецкого народа, среди учредителей которого находилась НСДАП. Комитет предложил, а Рейхстаг отклонил проект «Закона против порабощения немецкого народа», подписанный 4,14 млн. избирателей (10,6%). «Требования...» позволили Гитлеру наладить связь с влиятельными финансовыми кругами и издательским концерном Гугенберга.

Вокруг «Требований...» разгорелась борьба, в ходе которой Зоден-Фрауенхофен, исказив позицию кронпринца, поддержал немецких сторонников плана Юнга. Гитлер ответил графу Открытым письмом в «Фёлькишер Беобахтер» – одним из самых радикальных документов «периода борьбы», содержавшим аргументы, актуальные до наших дней.

Фюрер доказывал, что с подписанием соглашения о прекращении огня в 1918 г. Германия впервые отказалась от защиты немецкого народа посредством собственной мощи, доверившись надеждам на иностранные обещания, на фиктивное право и честные намерения дать в будущем человечеству образец мирного образа мысли. Это трусливое поведение было рассчитано на то, что место оружия займет упорная, самоотверженная работа и постоянная готовность к новым жертвам, как средству умиротворения вражеских притязаний. Тогда лозунгом Германии станет – «через работу к свободе!». Но этот нелепый лозунг, писал Гитлер, противоречит всему историческому опыту. «Ни разу за последние семь тысяч лет не было примера, чтобы народ пришел к свободе на пути мирного выполнения притязаний врага... История учит, что народы, которые определенное время платили дань, привыкали к такому положению, так же как привыкал получатель дани... Любое право связано с силой, а длительное лишение права связано с потерей силы. Такие народы пропитываются рабской психологией... В конце концов мы увидим перед собой массу рабов уже не достойных свободы».

«Единственное средство исправить это гибельное положение, – продолжал Гитлер, – силой народа убрать правительство и политическую систему, ответственную за уничтожение империи, и заменить их теми, кто несет в себе лучшие черты народа, обладающие силой и способностями для выполнения этой миссии... Ни один человек не имеет права причитать о порабощении другими странами или жаловаться на недостаток мужества для сопротивления, если он не может начать борьбу

Эрнст Юлиус Рэм (1887 - 1934) с адъютантом, графом дю Мулен-Экартом (слева)

с внутренними проявлениями разрушения. Хорошо говорить, что мы, конечно, за борьбу, но в другой момент. Опыт показывает, что для труса этот момент никогда не наступит. Почти никогда нельзя рассчитать заранее, что борьба будет успешной. Величие победы заключается не в последнюю очередь в максимальной силе сопротивления, которое надо преодолеть... Всемирная история показывает, что если в успехе борьбы сомневаться, то победы не будет... Никогда не придет из слабых сердец к нации сила для сбрасывания иноземного ига. Победа над ними является внутренней предпосылкой победы над внешним врагом». Национал-социалистическое движение победило, потому что в ситуациях, требовавших наступления, оно никогда не считало время «неподходящим» или метод «неправильным».

В том, что гнёт на Германию непрерывно возрастал, Гитлер видел историческое доказательство того, что политический долг с помощью работы никогда не может быть погашен. Он считал ложью, что страна способна нести такой груз. «Через одиннадцать лет после окончания войны, в то время когда всему миру ясно, что Германия не могла быть виновником войны, заключен договор на основе самого низкого самобичевания всех времен, который делает крепостными всех детей и внуков вплоть до отдаленного будущего, – писал фюрер. – Тот, кто в 1918 году разоружил наш народ и оставил беззащитным перед интернациональными финансовыми магнатами, не может желать его возрождения как сильной политической державы. Они хотят наш народ экономически и духовно сделать белыми неграми. Это цель еврейской расы, господствующей сегодня над Германией. Эту цель осуществляет коалиция, простирающаяся

от социал-демократии до Немецкой демократической партии, во всем подготавливающей дорогу марксизму. Она покрывает его и надеется вместе с ним извлечь выгоду из бедствий народа. Ее духовная верхушка – финансовое еврейство, которому марксистские кулаки придают грубую физическую мощь».

В лице Зоден-Фрауенхофена Гитлер свел счеты с частью высшего слоя немецкого общества, боявшейся перемен. С ростом силы гитлеровского движения граф и ему подобные ушли в тень. Всю войну он жил в Германии, не подвергаясь репрессиям. В целом аристократия, которую представлял Зоден-Фрауенхофен, заняла нейтральную или сочувствующую позицию к национал-социализму.

Задолго до 1933 г. некоторые ведущие представители этого сословия поддержали НСДАП и были с ней до конца. Сын кайзера Август Вильгельм Прусский (ум.1949), член партии с 1930 г., стал генералом СА и депутатом Рейхстага, регулярно выступая на партийных митингах. Принц Кристофф Гессенский, член НСДАП с 1931 г. и генерал СС, начальник отдела Имперского министерства авиации, в 1943 г. погиб во время боевых действий в Италии. Адъютант Геббельса принц Ф.-К. Шаумбург-Липпе (в партии с 1928) с 1943 г. служил в танковых войсках. После интернирования в 1945-48 гг. он стал писателем. Умер в 1983 г. Наследный принц цу Вальдек-Пирмонт, генерал СС и член партии с 1929 г., в 1938-45 гг. руководил СС и полицией области «Фульда-Верра». После войны приговорен к пожизненному заключению, вышел на свободу в 1950 г. Наследный герцог Ф.Ф.Мекленбургский, внук русской княгини, член НСДАП и СС с 1931 г., занимал должность советника имперского наместника в Дании В.Беста. Принц Филипп Гессенский (в партии с 1930), генерал СА, обер-президент провинции Гессен-Нассау, после капитуляции Италии в 1943 г. был отправлен в Бухенвальд. Умер в 1980 г. Герцог К.-Э.Саксен Кобург-Готский (ум.1954), ге-

Франц Пфеффер фон Заломон (1888 - 1968) и Адольф Гитлер

Франц Пфеффер фон Заломон и Рудольф Гесс, 1937 г.

нерал пехоты в Первую мировую войну, с 1926 г. руководил крупнейшей националистической организацией Германии «Стальной шлем». С приходом к власти национал-социалистов он возглавлял Имперский автоспорт, затем Германский союз фронтовиков и Германский Красный Крест. В НСДАП состояло много женщин из высшего круга. До конца 1934 г. около 150 аристократок вступило в партию Гитлера (30% против 8% среди мужчин).

В 1930 г., когда ряды НСДАП интенсивно пополнялись представителями высших сословий Германии, партию потряс тяжелый продолжительный кризис, возникший из-за притязаний руководства штурмовых отрядов – Sturmabteilungen (СА) на ведущую роль в национал-социалистическом движении. Первые ударные отряды НСДАП создал бывший офицер генштаба Эрнст Рем в 1923 г. Вскоре он преобразовал их в военизированную организацию штурмовиков Имперский военный флаг. Но через два года Рем был снят со всех постов из-за постоянного нарушения партийной дисциплины. В конце 1926 г. Гитлер назначил руководителем СА члена НСДАП с 1924 г., бывшего командира Добровольческого корпуса и активного бойца в Руре Пфеффера фон Заломона. Фюрер тогда сказал фон Заломону: «Что нам нужно, – это не 100 или 200 дерзких заговорщиков, а 100 или более тысяч фанатичных борцов за наше мировоззрение. Надо работать не в тайных монастырских кельях, а в огромных массовых колоннах, и не кинжалом, ядом или пистолетом, а завоеванием улицы. Мы докажем марксизму, что будущим хозяином улицы будет национал-социализм, так же как и хозяином государства... Если мы хотим создать фактор силы, нам нужно единство, авторитет и муштра... Мы должны создавать армию не политиков, а солдат нового мировоззрения».

К осени 1927 г. существовало уже 17 отрядов СА. До неожиданного успеха на выборах 1930 г. партия находилась в фазе

ожидания, планирования и спокойствия. Гитлер использовал время относительной консолидации Веймарской системы для нацеленного на будущее строительства партийной организации. Создавались все новые отделения и пункты. Не осталось ни одного социального слоя или профессиональной группы, не вовлеченных в НСДАП. Уже в конце 20-х годов в смелых набросках был создан образ нового государства. В этой концепции тихого захвата власти роль СА осталась открытой.

Беспокойство внес заместитель командира СА на Востоке, бывший командир Добровольческого соединения, а затем полицейской сотни в Берлине капитан Вальтер Штеннес. Подчиненный Геббельса, он сразу вошел в разногласия с ним. В 1928 г. Штеннес нацелил руководителей берлинских штурмовиков против «тряпок» – Гитлера и фон Заломона, а через два года потребовал выдвижения трех руководителей СА в Рейхстаг. Руководство партии называло его склочником и бонзой. Гитлер же из политических соображений считал тогда несовместимым депутатский мандат с членством в СА и пресек диспут по этому вопросу. В 1932 г. произошли перемены. Фюрер лично возглавил СА и пресек амбиции ставшего, наконец, депутатом Штеннеса и ему подобных, не желавших подчиняться партийной дисциплине. Теперь Штеннес открыто критиковал Гитлера за приверженность к легальному завоеванию власти и держал особняком подчиненные ему штурмовые отряды.

В августе 1930 г. берлинские СА в кровопролитной схватке с СС захватили управление делами гау. По прибытии в Берлин Гитлера мятеж мгновенно закончился. Он удовлетворил ряд материальных претензий СА, но конфликт разгорался из-за осуждения штурмовиками «буржуазного национализма», с которым Гитлер еще пытался согласовать позиции. Гауляйтер Берлина Геббельс, выступавший, скорее, за «социалистическую» линию, сидел между двух стульев.

Вальтер Штеннес (1985 - 1989)

В феврале 1931 г. фюрер в берлинской газете

Почетный знак Стального шлема

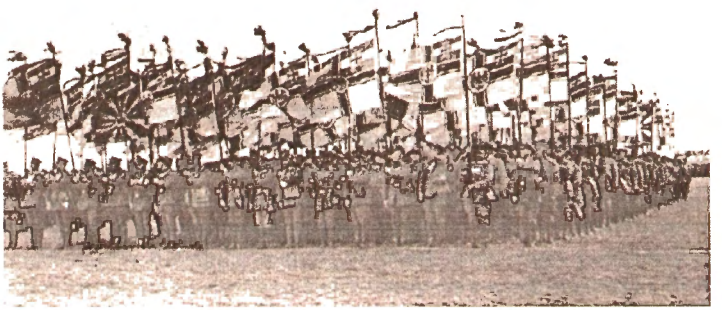
Геббельса «Ангрифф» выступил против «провокаторов, пытавшихся подстрекать СА к безумному предприятию». Он тут же вернул из опалы первого руководителя штурмовиков Эрнста Рема, назначив его начальников штаба СА. Влияние Штеннеса резко упало, но и Рем не собирался складывать оружие перед партией. В апреле личный состав штурмовых отрядов достиг 400 тысяч. Почти все руководство СА в Восточной Германии некоторое время поддерживало пониженного в должности Штеннеса при нейтральном отношении Рема. Тогда же берлинские штурмовики выпустили воззвание против «антигерманской и неограниченной партийной деспотии и безответственной демагогии» Гитлера. Люди Штеннеса вновь заняли помещения гау и в захваченной редакции «Ангриффа» выпустили номер, оспоривший беспрекословное подчинение Гитлеру и его намерение исключить СА из политики. После этого Штеннеса окончательно убрали из руководства, многие члены которого вместе с ним покинули штурмовые отряды. В СА пришли новые лица, занявшие высокое положение: граф Хельдорф, Г.Хайдебрек, Э.Хайнесс, К.Эрнст. Всех «новобранцев» взрастила оппозиционная фюреру стихия. Трех последних убили в 1934 г. во время «ночи длинных ножей». Будущего полицай-президента Берлина Хельдорфа казнили в конце войны за участие в заговоре против Гитлера.

В апреле 1931 г. Гитлер поручил Геббельсу решительно очистить ряды НСДАП, сказав, что «лучше вообще не иметь национал-социалистическое движение, чем иметь партию без дисциплины, непоследовательную и непослушную». Во время подавления апрельского мятежа в Восточной и Северной Германии около 500 штурмовиков было уничтожено. Геббельс записал в дневнике: «Мятеж задохнулся сам. Но продолжает бродить и бурлить. В любой момент это может повториться, если мы не реформируем партию сверху донизу»

4 апреля Гитлер подвел итог борьбе за очищение СА. Он писал в «Фёлькишер Беобахтер»: «Партий, в которых каждый может делать все, что захочет, предостаточно. Я создал национал-социалистическое движение не для того, чтобы множить число подобных партий. Цель, за достижение которой мы бо-

ремся, – великая и требует личной позиции, соответствующей её величию... Я никогда не потерплю в Движении сознательного непослушания или нарушения закона, планомерного разрушения ее руководства». Обращаясь к бойцам СА, он сказал: «Когда 11 лет назад я вместе с шестью товарищами создал это Движение, Германия представляла собой беззащитные развалины, находящиеся под господством жаждущей добычи своры партий, желавших обратить бедствия нашего народа в благо для себя. Знаками того времени были разрушающий марксизм и трусливая соглашательская буржуазия... Это была неслыханно трудная цель, тяжелый путь и порой почти безнадежная борьба. Те люди, которые сейчас нападают на меня, никогда своими силами не создали и не сохранили даже маленького союза... Я горд, что судьба дала мне возможность из ничего развить Движение, ставшее сегодня не только надеждой и уверенностью миллионов, но и устрашением для миллионов других».

«В своих рядах мы не знаем классовых противоречий, сословного или профсоюзного чванства, потому что мы сами вышли из всех слоев нашего народа и жили вместе в общей заботе о юном, дорогом нам Движении, – заключал Гитлер. – И для меня самого эта борьба была тяжелее вдвойне. Я не был сыном богатых родителей, не заканчивал университетов, а воспитывался суровой школой жизни, в нужде и лишениях... Во времена нетвердости всех понятий, традиций и всех властей мы снова создали в нашем народе с помощью национал-социалистического движения авторитет, которому слепо верят миллионы. Тот, кто пытается подорвать этот авторитет, действует или безумно, или бессознательно легкомысленно, или как сознательный враг». Фюрер отнес Штеннеса к безза-



Парад организации «Стальной шлем» (Берлин, 1932 г.)

стенчивым провокаторам. После исключения из СА В.Штеннес создал «Боевое товарищество национал-социалистов», вскоре бесследно исчезнувшее, как ранее «Черный фронт» Отто Штрассера (*деятельность братьев Штрассеров описана в главе «Левый путь национал-социализма*). Сам Штеннес избежал репрессий, эмигрировав в Китай, где до 1949 г. инструктировал армию генерала Чан Кайши и умер в 1989 г.

После кризиса, вызванного Вальтером Штеннесом, в СА снова и снова проявлялось недовольство (Брауншвейг, Аугсбург, Франкония). В июле 1934 г. все оппозиционное руководство штурмовиков, не сумевшее поладить с партией, во главе с Ремом было уничтожено. В ноябре 1941 г. Пфеффера фон Заломона исключили из НСДАП за оппозиционные настроения. В конце войны он командовал дивизией фольксштурма (ум. в 1968).

Расправа с радикальными элементами в СА нашла историческое оправдание в факте стремительного восстановления Германии из праха после прихода к власти НСДАП в результате выборов. Действия Гитлера внутри Германии до начала Второй мировой войны не содержали серьезных ошибок. Ни одна оппозиционная сила не могла предложить ничего лучшего, тем более – вооруженная стихийная масса.

До самого падения Рейха оппозиционные настроения проявлялись в различных организациях и партийных структурах. Они, как правило, не носили прежней остроты и в некоторых случаях искусно сопрягались с официальной идеологией, балансируя на грани дозволенного, и даже переходя за неё. Отдельные персоны демонстрировали при этом чудеса приспособления в стремлении обновить идеологию.

Удивительно стойким образцом внутренней оппозиции оказался Национал-социалистический студенческий союз (НСДБ) с момента основания в 1930 г. Уже тогда группа функционеров пыталась интеллектуализировать Союз и ставила под сомнение личность его руководителя – рейхслейтера НСДАП Бальдура фон Шираха. Двигателями этого течения стали лидер боннской фракции в Студенческой палате Германии Эрнст Анрих (1906-2001) и занимавший тот же пост в Эрлангене Рейнхардт Зункель. В гильдии Анриха было много сторонников национал-социализма, но сам он долго не решался привязать ее к гитлеровскому движению. Наконец Анрих признал: «Рядом или выше Гитлера уже не появится более полноценного движения. Где найти и откуда ждать того, кто с такой же силой как Гитлер воплощает в себе способность к признанию, побуждению и проповедыванию, а главное, – готов для этой задачи целиком

отдать себя и свою судьбу». «Возможно, весь национал-социализм – ошибка, – писал он в феврале 1930 г., – но ради шанса спасти Германию я должен присоединиться к нему». Это признание показало, что Анрих не имел самостоятельной цели, которой следовало посвятить жизнь. Тем не менее, студенческий лидер постоянно искал такую идею.

Пытаясь воплотить собственные замыслы о деятельности НСДАП, Анрих отказался от предложения фон Шираха стать его заместителем по вопросам высшей школы. Он планировал создать независимое от партии Национал-социалистическое студенческое товарищество. Как политик, Эрнст Анрих не понимал значения единства и внутренней цельности гитлеровского движения. В августе 1930 г. он составил Памятную записку о сущности и структуре Студенческого союза. Записка предлагала программу широкого реформирования и «демократизации» национал-социалистического движения в университете и нашла много сторонников в НСДБ, будучи направлена против стиля руководства и личности фон Шираха.

Стремясь к компромиссу, Ширах в ноябре 1931 г. ввел Анриха в центральное руководство высшей школы. На новом месте Анрих действовал как теоретик, в основном на заднем плане. Р.Зункель же постепенно становился лидером оппозиции, сплачивая недовольных в отдельную группу. Бунт достиг кульминации в письме 24-х руководителей групп высшей школы с требованием сместить Шираха. Тот вдруг согласился со многими предложениями реформаторов и назначил Зункеля своим заместителем по руководству НСДБ в Берлине, а также главным редактором газеты Студенческого союза «Ди Бевегунг» («Движение»). Одновременно фон Ширах информировал Гитлера о поведении «бунтовщиков» в окружении Анриха. Заимствованное у старых противников Гитлера предложение Анриха о создании сообщества немецких фюреров в молодежном движении («рейхсфюрершафта») противоречило идеям вождя, который тут же заявил, что не потерпит никакого коллективного руководства в национал-социалистической организации студенчества, обязанной быть лояльной частью германского общества, вступающего в полосу обновления. Он увидел опасность для Союза в том, что оппозиция преподносит чисто интеллектуальные точки зрения.

В частной переписке студенческого лидера появлялись «революционные» мотивы: «Я безусловно останусь национал-социалистом... Но эта буржуазия – иногда спрашиваешь себя: Где Германия? Она – эти буржуа? И для них пытаются завоевать новый внутри и снаружи Рейх?». Ситуация накалилась, и

Ширах исключил Зункеля из НСДБ без права апелляции. Через Грегора Штрассера, бывшего тогда главой организационного отдела партии, Анрих и Зункель в марте 1931 г. попали на прием к Гитлеру, безучастно внимавшему их жалобам. В следующем месяце и Анриха удалили из НСДБ. Фон Ширах добивался исключения обоих из партии. В знак протеста из Студенческого союза вышли многие группы высшей школы, заявив о своем подчинении непосредственно НСДАП. Однако характер Союза не позволял подчиненным ему структурам развиться в самостоятельные подразделения, диктующие условия руководству. Гитлер не согласился с отставкой Шираха, подчеркнув, что «НСДАП не парламентский клуб, из которого легко можно выйти».

В мае 1931 г. он занял непреклонную позицию. Выступая в Коричневом доме с многочасовой речью, Гитлер критиковал претензии «интеллектуально слоя немецкого народа». «Занятие умственным трудом еще не руководство, – сказал он. – Духовная элита нации больше не имеет права на руководство. Народ лишен политического руководства. И это происходит потому, что теоретическая мысль слишком специализированна... Когда я основал НСДАП, главным для меня было – удастся ли на место еврейско-интеллектуального поставить национальное массовое руководство... Но когда национал-социалистическое движение победит, оно должно поставить молодежь на службу себе... Мне нужны не дискутирующие, духовно отъевшиеся молодые люди, а такие, кто хочет идти в массу и принимать жизненное участие в ее борьбе... Эту задачу никак нельзя выполнить за письменным столом. Народное государство без интеллигенции немыслимо. Но только позднее у нас появится время для высшей школы, и не только практическое, но и глубокое теоретическое обучение знаниям об умении руководить массами».

Обосновав в речи необходимость авторитарного руководства, фюрер неожиданно затронул одну из главных проблем национал-социалистического движения – расовую. Не догматически трактуя её (так мыслил крупнейший расолог Рейха Ганс Гюнтер), Гитлер заметил, что Германия по расовому составу не является чистой. В нее вошли нордические, восточные и другие элементы, и смешение из этих составных частей. Поэтому на любой вопрос, требующий занятия позиции по чистоте рас, следуют различные ответы. Так что при демократическом решении вопроса всегда остаются недовольные «расистской неполноценностью» ответа. «Поэтому для нас немыслима никакая другая форма организации, кроме основанной на призна-

нии вождя и его авторитета», – заключал Гитлер. Это суждение поучительно и вне студенческого контекста. Оно указывало на заданные пределы практического применения расовой теории, без радикальных мер против «неарийских» народов. Согласно ему, следовало ограничиться пропагандой биологического несмешения несовместимых расовых групп и соблюдать эти условия на практике. Расовые проблемы всегда волновали нацистских интеллектуалов, и борьба вокруг них принимала порой острые формы. Поэтому поучения фюрера студенческому руководству ложились на подготовленную почву, а, с другой стороны, предостерегали молодых людей от чрезмерной самостоятельности в этом сложном вопросе.

«Студент поздно пришел в наше движение, – говорил Гитлер, – поэтому цель его завоевания не в том, чтобы создавать кружки духовного усовершенствования, но чтобы сделать из него вождя, а это произойдет не на пути государственного или научного воспитания, а лишь в обстановке связи с массой... Наше направление, помимо знания, обладает реальной силой народа. Иметь практические знания хорошо, но без силы полностью бесполезно... Если национальная интеллигенция далека от народа, то её народное направление всего лишь народная клика».

Гитлер доказывал необходимость авторитарного руководства, особенно в драматические моменты истории. «Не существует единства, охватывающего всё, – сказал он. – Поэтому тот, кто хочет добиться успеха, должен установить духовную тиранию, а это влечет за собой вечную критику. Так как невозможно построить организацию, в которой каждый делает то, что хочет, то я целиком отметаю подобную свободу... Если бы все люди были одинаковы по характеру, опыту, основным принципам мышления, то организации вообще были бы не нужны... Однако есть люди, соглашающиеся в ключевых моментах, и к этому ведет лишь один путь... Маршировать отдельно и ударить вместе?... Нет, человека надо вести к цели, указывая ему эту цель. Всегда есть соприкосновение с другими целями, но лишь частичное. Одна цель, один путь! Поэтому НСДАП с самого начала не провозгласила свободу мысли. Наша организация идет по общему сплоченному маршруту. Для этого единого пути каждый должен отказаться от больших или маленьких личных целей. Долговременный отказ отдельных людей от личных целей в конце приводит к общему большому достижению для тысяч... Организации, в которых каждый из лучших побуждений сам определяет лучший путь, исчезают в момент, когда им начинает противостоять другая организация, в которой отсутствует какой-либо индивидуализм».

Затем Гитлер обрисовал границы допустимой свободы при национал-социализме: «Каждый имеет право высказать мне собственное мнение. При этом может возникнуть острейший спор. Но обращение к организации со своим мнением я запрещаю... Нигде нет больше возможностей для выдвижения предложений, чем у нас. Ни одно решение я не принимаю легко и никогда без обсуждения с другими, так как я, скрепив его своим именем, отвечаю за всё».

Затем фюрер защитил фон Шираха, отметив его заслуги перед Движением. Но все знали, что студенческий лидер по характеру и стилю работы был постоянно готов к критике. Многие даже считали Шираха «частью оппозиции, имманентной системе» внутри партийного руководства.

Речь Гитлера возымела действие. Вскоре Зункель письменно отрекся от прежней практики, обещая больше не заниматься политикой высшей школы, и тем сохранил членство в партии. До 1937 г. он служил в Имперском министерстве образования у Б.Руста, а в 1944 покончил жизнь самоубийством. Некоторых бунтовавших функционеров удалили с постов, и в организацию окончательно вернулось спокойствие. Группы высшей школы возвратились в Студенческий союз. Лишь Нойбек в Эрлангене во время выборов во Всеобщий студенческий комитет создал группу «За Гитлера против Шираха». Впоследствии он стал коммунистом, подтвердив общую репутацию оппозиционеров как политически неустойчивых лиц.

Исключенный из НСДБ Анрих опубликовал брошюру «Три статьи о национал-социалистическом мировоззрении», привлекшую внимание в интеллектуальных нацистских кругах. В ней в смягченном виде отражены реформаторские настроения. Анрих и вне Студенческого союза представлялся национал-социалистом по духу. Он получал предложения от влиятельных персон, работающих в сфере науки и политики высшей школы, но его беспартийность не позволила воспользоваться ни одним из них.

Очищение молодежной организации от протестующих завершилось отстранением от руководства немецким студенчеством В.Лиенау (погиб в 1941 г. в Греции в дивизии СС «Лейбштандарт»), а затем его преемника Ф. Штэбеля (ум.1977). Анрих в 30-е годы серьезно занялся наукой и стал известным специалистом по вопросам германских границ, а в 1941-44 гг. возглавлял Страсбургский университет. Его строптивого коллегу профессора фон Грюнберга назначили ректором университета в Кёнигсберге (ум.1975).

Во всех случаях принцип фюрерства строго выдерживался Гитлером. Так, в апреле 1933 г. он исключил из партии, снял

с постов в Берлине и арестовал трех капитанов в отставке за оспаривания своих решений в гау, суде и хозяйственной организации. Все они были сотрудниками д-ра О.Вагенера – известного «левыми» настроениями руководителя экономического отдела Имперского руководства НСДАП. До этого, в конце 1932 г. Гитлер расформировал отдел Вагенера, запретив распространять «антикапиталистические» программы, внушенные Грегором Штрассером. Г.Кордеман – самый активный из капитанов оказался агентом тогдашнего главы рейхсвера и противника нацистов генерала фон Шлейхера.

Вильгельм Кубе (1887 - 1943)

Характерной фигурой среди независимо мысливших национал-социалистов был «старый борец» Вильгельм Кубе, имевший университетское образование по истории и теологии. Убежденный антисемит, он задолго до прихода к власти национал-социалистов основал в Берлине Немецкий народный студенческий союз, установив контакты с известными юдофобами: Т.Фричем, А.Бартельсом, Д.Эккартом и фон Зонненбергом, членом Немецкой социальной партии которого он состоял. Кубе, как многие его современники, представлял евреев лишенными корней всего органически выросшего. С 1914 г. он редактировал несколько праворадикальных листков. Во время Первой мировой войны Кубе переменил членство в двух правых партиях, прежде чем вступить в НСДАП. В 1928 г. по предложению Гитлера он стал председателем прусского ландтага и гауляйтером Остмарка. Его активная пропаганда в «Фёлькишер Беобахтер» и агрессивные выступления в ландтаге привлекли в партию множество сторонников. Кубе дал торжественный обет верности фюреру, которому следовал всю жизнь, несмотря на повороты в своей биографии. Он был известен в Германии и как литератор. Его пьесы шли на сценах Германии до и после 1933 г.

В.Кубе всегда интересовался вопросами церкви и веры и в «период борьбы» стал специалистом в этой области. Он отвергал «признанную церковь» и активно участвовал в создании движения «Немецкие христиане», поставившего целью создание самостоятельной немецкой государственной церкви,

до момента, когда Гитлер пресек подобные попытки. После внушительной победы НСДАП на свободных выборах в марте 1933 г. Кубе стал гауляйтером крупнейшей гау Курмарк с центром в Берлине, но в 1936 г. Гитлер снял его со всех постов по обвинению в кумовстве и должностных злоупотреблениях. С середины 1940 г. Кубе работал в ведомстве радиопропаганды Геббельса. Однако Гитлер не забыл заслуг преданного партийца и в июле 1941 г. назначил его генеральным комиссаром Белорутении со столицей в Минске. Его начальником стал Генрих Лозе – имперский комиссар Остланда (оккупированные Прибалтика и Белоруссия).

Вскоре после назначения Вильгельм Кубе вступил в разногласия с СС. Будучи в теории фанатичным антисемитом, он протестовал против расстрела евреев полицейскими командами и даже прикрывал их как рабочую силу. Кубе подвел теоретическую базу под свою умеренную политику, доказывая наличие у евреев нескольких процентов «нордической» крови. Такое поведение вызвало неприязнь к генеральному комиссару со стороны СД и партийного секретаря Мартина Бормана. Ведомство министра оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга начало заниматься Кубе, хотя атмосфера в оккупированной Белоруссии была спокойной.

В сентябре 1943 г. Вильгельма Кубе убила партизанка по заданию НКВД. Довольно успешная коллаборационистская политика не укладывалась в концепцию партизан, которые должны были опираться на ненависть населения к немцам. На торжественных похоронах генерального комиссара руководители Рейха произносили объективные речи. Геббельс сказал: «Он нашел достойную смерть политического солдата. Кубе пал на поле битвы за наше мировоззрение». Вильгельм Кубе представлял ту часть партийного руководства и государственных чиновников высокого уровня, которые без враждебных намерений пытались улучшить разные стороны жизни национал-социалистической Германии, не помышляя об общем изменении политической системы.

Судьба другого «старого борца» – Йозефа Вагнера также сложилась трагично. В отличие от Кубе Вагнер не раз переходил грань допустимого. В его лице Гитлер осудил группу лиц, чья политическая деятельность, несмотря на их преданность национал-социализму, постоянно подпитывалась либеральными идеями. Выходец из рабочей семьи, Вагнер в 1922 г. вступил в НСДАП. Через шесть лет он стал гауляйтером Вестфалии (с 1931 – Южной Вестфалии). В 1932 г. Вагнер основал «Высшую школу политики» для подготовки партийной смены. Через год

Ге́рман Вильге́льм Ге́ринг (1893 - 1946)

его назначили вице-президентом Госсовета Пруссии (заместителем Геринга), а в 1935 г. еще и гауляйтером Силезии и, наконец, – Имперским комиссаром по ценообразованию. Это был единственный случай в НСДАП, когда одно лицо руководило двумя крупными, да еще отстоявшими далеко друг от друга гау.

Возглавив Комиссариат, Й.Вагнер в разрез с политикой ведущего финансиста Я.Шахта сразу выпустил указ о замораживании цен, что вызвало ярость Гитлера. Гауляйтер и дальше проявлял необычное своеволие: противился усилению М.Бормана в партии и осуждал захваты в Европе. Будучи статс-секретарем в имперском правительстве, он тормозил гибкую церковную политику в своих гау, придерживаясь традиционных («консервативных», по выражению национал-социалистов), воззрений на роль церкви. Глава Имперской службы безопасности (СД) Р.Гейдрих, сам слывший свободомыслящим, говорил в 1936 г.: «В церковных одеждах политическое проникновение пропитывает все стороны жизни нашего народа... Таким образом вносят недоверие и сомнения в объединенную фюрером общность народа и пытаются посеять раздор между партией и государством».

В начале 1941 г. Й.Вагнера отстранили от руководства гау Силезия за защиту польской интеллигенции, оставив гауляйтером Южной Вестфалии, а в ноябре фюрер приказал председателю партийного суда Вальтеру Буху начать дело об исключении Вагнера из партии. Однако суд большинством голосов оправдал гауляйтера (!). Он остался в партии, но Гитлер не подписал решения суда, и оно не вступило в силу.

После ряда эпизодов, показавших определенную независимость юстиции, фюрер принял крутые меры в сфере права. В середине 1942 г. он назначил министром юстиции фанатичного нациста Отто Тирака. Теперь юристы открыто говорили между собой об «управляемой юстиции» в Рейхе. В парла-

ментской речи Гитлер сказал: «Я ожидаю, что нация даст мне право немедленно вмешиваться везде и соответственным образом действовать там, где нарушается принцип безусловного выполнения великих задач, решающих вопрос – быть или не быть. Фронт, родина, транспорт, управление и юстиция должны иметь только одно понимание – завоевание победы. В это время никто не может кичиться своими правами, но знать, что сегодня существует только долг. Поэтому я прошу германский рейхстаг дать мне установленное законом право заставлять исполнять свой долг каждого, в противном случае – лишать должности без права возвращения, кто бы он ни был и какими правами ни обладал... В это суровое время не может быть самодостаточного явления с благоприобретенными правами, наоборот, все мы лишь послушные слуги нашего народа». В ноябре Гитлер распорядился, чтобы партийный суд отныне руководствовался не «формальными правовыми представлениями, а политической необходимостью Движения».

С октября 1943 г. гестапо следило за Й.Вагнером. После покушения на фюрера 20.07.44 г. его арестовали за контакты со своим бывшим референтом, заговорщиком фон Вартенбургом и в апреле 1945 г. казнили в концлагере Заксенхаузен[1].

Рано закончилась жизнь критически настроенного партийного функционера и государственного деятеля Карла Рёвера. Член НСДАП с 1923 г., депутат Рейхстага, имперский наместник земли Ольденбург, Рёвер обрел большую популярность среди её населения. Он был отличным организатором, «донесшим идею Гитлера до последнего крестьянского дома» (из официальной характеристики). Считавшийся приверженцем левого национал-социалиста Г.Штрассера, Рёвер умудрялся дружить с главным идеологом НСДАП А.Розенбергом. В то время как Гитлер налаживал связи с промышленниками, К.Рёвер критиковал «насквозь реакционный и капиталистический» хозяйственный совет в партийном руководстве. Обладатель резких манер и грубой речи, он утверждал, что с завоеванием власти «класс евреев будет выдворен туда, где он должен быть» (за границу). Став в 1933 г. имперским наместником, Рёвер пригрозил демократическим партиям, что они «больше не будут говорить. Мы жестоко воспользуемся своей властью». Карл Рёвер прославился так называемой «борьбой за крест». В конце 1936 г. по его приказу из христианских школ гау Везер-Эмс убрали распятия, что вызвало массовые протесты верующего населения Ольденбурга, вынудившие наместника отменить свой указ.

1 По другим данным Й. Вагнер был случайно застрелен советским солдатом при освобождении.

Присутствие во власти Рёвер ярко отметил Памятной запиской 1942 г. В ней он без прикрас обрисовал положение в партии, предложив меры по ее реорганизации «после выигрыша войны». Эта оговорка позволила ведущим функционерам партии осторожно обсуждать содержание Записки. Сам Гитлер нашел в ней кое-что ценное, сказав Борману, что он знает – многое плохо, но «сначала мы должны закончить войны, затем будем очищать стол». Впоследствии партийная канцелярия приняла ряд мер по расстановке кадров в духе Записки Рёвера.

Распространено неверное мнение о «хаосе компетенций» и взаимной борьбе в государственных и партийных структурах Третьего Рейха. Между тем, существовал «Закон о единстве партии и государства». Заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса возвели в ранг министра, а партийная канцелярия Мартина Бормана стала связующим штабом при обсуждении государственных законов и координирующей инстанцией между министрами и узким кругом руководителей при Гитлере. Высокие партийные функционеры имели действенное политическое влияние, когда им удавалось успешно решать государственные задачи в своих областях. Но это свидетельствовало о роли личной инициативы и творчества в работе государственных и партийных органов. Гауляйтеры пользовались далеко идущей автономией и применяли свои полномочия для организации полнокровной жизни в своих областях. Большей координации не требовалось. То, что М.Борман похоронил планы создания «национал-социалистического сената», было вопросом борьбы с демократическими влияниями и шло в общем русле устоявшейся партийной жизни. Ведущие фигуры Рейха – Борман, Гиммлер, Геббельс и др., каждый в своей сфере определяли политику государства и партии, а их «соперники» проявляли самостоятельность до очерченных фюрером пределов. Показателен пример Альберта Шпеера. Этому министру вооружений, координирующему в своей области десятки ведомств, удавалось наращивать военное производство до самого конца войны.

Разумеется, нигде не обходилось без упущений и ошибок. В Памятной записке Карл Рёвер предлагал строже разделить компетенции, разумнее проводить принцип фюрерства, улучшить «естественный отбор» руководителей («без дураков и слабохарактерных»), ужесточить прием в партию. Он писал: «Большая часть безразличных людей проскользнула в Движение в 1933 году... Партия должна состоять из готового к борьбе, решительного меньшинства... Исключением могли

Обложка журнала «Вилле унд Махт»

быть лишь больные и постаревшие в честном деле». Трудно предположить, что руководители Рейха имели другое мнение на этот счет, но стремительно убывавший фактор времени решал всё.

Народоправство в национал-социалистическом преломлении существовало в Рейхе с 1933 по 45 год. Но оно не распространялось на структуры парламентского типа. Малосодержательные дебаты во всевозможных «сенатах» и партиях противоречили принципу фюрерства, в идеале совмещавшему творческие способности с безусловным авторитетом. Идеология национал-социализма отвергала буржуазную демократию, по германскому опыту всегда производившую отбор худших наверх. Все её структуры возглавлялись, как правило, фигурами, лишенными творческой силы и глубокого национального чувства. К.Рёвер сомневался в этих закономерностях, предлагая основать «сенат» из партийных функционеров и повысить значение СА, ставшего бродильным котлом постоянной революционности, а также советовал преобразовать Гитлерюгенд в добровольную организацию внутри партии.

В мае 1942 г. Карл Рёвер, отличавшийся слабым здоровьем, тяжело заболел прогрессирующим слабоумием, перед смертью выразив намерение лететь в ставку фюрера и к Черчиллю (!). Гитлер, Розенберг и Геббельс высоко оценили его заслуги перед национал-социалистическим движением.

Впечатляющий пример долговременного свободомыслия в Третьем Рейхе являл печатный орган Гитлерюгенда «Вилле унд Махт», бессменно возглавлявшийся молодым нацистским интеллектуалом Гюнтером Кауфманом (р.1913), членом партии с 1933 г. Имперский руководитель молодежи Бальдур фон Ширах назначил его редактором этого журнала в 1934 году. Под руководством Кауфмана журнал воплотил дарованное фюрером и провозглашенное Ширахом «право юности на критику». Эта формула дала возможность «свободомыслящим»

в широких пределах варьировать идеи национал-социализма, руководствуясь лишь политическим тактом. В короткое время вокруг «Вилле унд Махт» сгруппировалась талантливая молодежь, мастерски подававшая острые материалы. Многие сотрудники журнала стояли в стороне от партийно-политической жизни и поэтому не могли найти работу в других органах печати. Кауфман нашел впечатляющие лозунги для нового стиля работы. Он провозгласил целью воспитание «художественно развитых людей с солдатской твердостью,... во времена, когда искажаются идеалы революции людьми, не понимающими современных задач». «В этой молодежи должен быть воплощен синтез Потсдама и Веймара», – писал Кауфман, открыв острую тему освещения периода германской истории, в целом отвергавшуюся национал-социализмом.

Особый резонанс вызывали номера журнала, посвященные событиям и лицам, с трудом вмещавшимся в идеологические каноны партии. С 1935 по 1944 г. «Вилле унд Махт» вопреки рекомендациям Розенберга и Геббельса отмечал юбилеи философа Л.Клагеса, композитора Р.Штрауса, драматурга Г.Гауптмана, историка искусств профессора Пиндера... Во время войны Кауфман отказался по требованию Геббельса выпустить специальный антисемитский номер журнала. В этом вопросе определенную солидарность с ним проявлял фон Ширах. Назначенный в 1940 г. гауляйтером Вены, он запретил намеченный снос могил на еврейских кладбищах со словами: «Перед могилами власть партии заканчивается».

Бальдур Бенедикт фон Ширах (1907 - 1974)

Некоторые выпуски журнала служили «взаимопониманию народов». В них империалистические намерения отвергались в пользу «совместных действий» в Европе. Журнал неоднократно вторгался в сферу МИДа. Фон Ширах, ставший в конце 1936 г. издателем «Вилле унд Махт», получил напрямую статьи премьер-министров Англии (Чемберлен) и Франции (Шотан), в которых основ-

ное внимание уделялось отношениям этих стран с Германией. До войны высказывания лидеров иностранных государств чаще можно было прочесть в молодежном журнале, чем в партийных газетах. «Гитлерюгенд» через «Вилле унд Махт» объявил 1938 г. «годом понимания». Дело не ограничилось печатной пропагандой. Делегация молодежи во главе с Ширахом нанесла визиты в Турцию, Грецию, Румынию, Югославию, Ирак, Персию и Сирию для организации молодежного движения в этих странах. Несколько руководителей «Гитлерюгенда», включая Аксмана и Кауфмана, с той же целью ездили в Италию и Францию, а 30 лидеров молодежи совершили многонедельную поездку в Японию. Всё это вызвало недовольство министерства иностранных дел.

В «Вилле унд Махт» появились свидетельства «неповиновения». В статье «О полноте власти фюрера» выдвигалось требование заменить лозунг «Ты должен!» на «Я хочу!», против чего протестовало внешнеполитическое (партийное) ведомство А.Розенберга. Наверху копилось недовольство деятельностью журнала. Но даже поддержка заместителя фюрера по партии Р.Гесса не помогла Розенбергу закрыть журнал. В окружении Шираха посмеялись над упреками ведущего идеолога НСДАП в «создании подобия партии рядом с партией». В выпуске «О женщинах, любви и воспитании» утверждалось: «Прекрасное сильное поколение нельзя воспитать лишь в палаточном лагере. Однобокость никогда не ведет к совершенству... Нет никакого стыда, если человек женится на женщине, не имеющей светлых волос и требуемых голубых глаз». Журнал полемизировал с Гиммлером, побуждавшим молодых эсэсовцев зачинать для отечества детей вне брака. Эти спорные проблемы вызывали сомнения и у ряда высокопоставленных деятелей Рейха, но настораживала высокая концентрация таких материалов в «Вилле унд Махт».

Статья «Гитлерюгенд и церковь – можно ли перешагнуть пропасть?» вызвала недовольство Гитлера, но это не помешало Г.Кауфману, проявлявшему самостоятельность в оценке различных сторон немецкой жизни, получить очередные повышения в молодежной структуре и в ведомстве прессы. Он упорно критиковал официальную политику в области кино, находившегося под контролем Геббельса, и часто получал от него строгие выговоры. Министр пропаганды терпел эту строптивость из-за мастерства, с которым Кауфман преподносил острые темы, создавая впечатление больших неиспользованных возможностей, заложенных в национал-социалистическом

строе жизни. В 1937 г. он стал также редактором официального органа Имперского руководства молодежи «Дас юнге Дойчланд». В немецких издательствах вышло много книг Кауфмана о воспитании молодежи в Рейхе.

Всё это не означало, однако, перехода в оппозицию. В «Вилле унд Махт» решительно выступали против нелегальных групп. Редакционная статья (конец 1938 г.) писала: «Молодежные группировки сегодня – это большевизм. Молодежь сидит на мягких подушках, попивая чай, и распевая русские песни... Пора прекратить эту государственную измену».

Назначенный в 1940 г. имперским наместником в Вене, Бальдур фон Ширах сохранил должность рейхслейтера (высшего партийного руководителя НСДАП) по воспитанию германской молодежи, тогда как Артур Аксман возглавил имперское молодежное руководство (государственная структура). Гюнтер Кауфман последовал за Ширахом в Вену, как его пресс-референт. Теперь он писал о «революционной» культурной политике шефа. Таким образом, этот термин, политически скомпрометированный Г.Штрассером и Ремом, сохранил свой смысл в более тонкой сфере культуры. Здесь фон Шираху предоставилась возможность широкого самовыражения в рамках партийной доктрины, отличавшейся достаточной гибкостью в культурной области. К тому же Гитлер, внимательно наблюдавший за всеми явлениями в культуре, сохранил этот канал творческих поисков в знак неизменного уважения к гауляйтеру Вены с его исключительными организаторскими способностями и чутьем на одаренную молодежь. Все же временами возникали скандальные ситуации. Так, фюрер запретил открытую под покровительством Шираха выставку «Юное искусство в Вене», включившую «дегенеративные» полотна экспрессионистов.

Начало войны сотрудники «Вилле унд Махт» восприняли как катастрофу. Ширах повторял: «Я воспитываю молодежь для мира, а не для войны». К Рождеству 1939 г. вышел номер журнала «Немец с Богом» с эпиграфом: «К любой сфере, а не только в вопросах религии, применимо изречение: «Не судите, да не судимы будете!». Как следствие этого «пацифизма», Кауфмана направили в пехоту простым солдатом, где он заработал Железный Крест первой степени и звание лейтенанта (1941-1942). Служа в элитной дивизии «Великая Германия», Кауфман пытался координировать выпуск своего журнала. В феврале 1940 г., во время войны с Англией специальный номер, посвященный Шекспиру, обыгрывал «нордические» черты в личности и творчестве великого англичанина.

В сентябре 1942 г. журнал рассказал о созданном в Вене «Европейском молодежном союзе». После конференции руководители молодежи возродили распущенный после прихода к власти НСДАП «Стальной шлем». Объединенная борьба европейской молодежи на фронтах поглощала различия в их взглядах на послевоенное будущее Европы. Пафос борьбы против большевизма и вера в идеалы Новой Европы уже привели к формированию высоких боевых качеств у войсковых подразделений СС, в большинстве состоявших из молодежи разных стран (дивизии «Гитлерюгенд», «Викинг», «Нордланд», «Валлония», «Шарлемань»). Признав организационные успехи устроителей конгресса, Геббельс проявил недовольство тенденцией к растущей самостоятельности молодежных структур.

В середине войны «Вилле унд Махт» и лично Кауфман опубликовали самые смелые материалы, вызвав, наконец, серьезные санкции. В октябре 1942 г. в журнале появилась статья о гибельной политике Наполеона в России – «войне без сильной идеи и лозунгов, воодушевляющих идеалами подчиненные и принужденные к военной службе народы». Ранее военные репортажи Кауфмана показывали опустошительные последствия восточной политики Германии. В апреле 1943 г. «Вилле унд Махт» – единственный орган в Рейхе – в специальном выпуске писал о «вечной России» (!) и о воззвании генерала Власова к солдатам Красной Армии, запрещенном к публикации всем немецким газетам. В этом номере писатель русско-немецкого происхождения Эдвин Двингер утверждал: «Примитивное выпячивание господина всегда ошибочно». Командование сухопутных сил Германии перепечатало его статью «Русский человек – путь к преодолению большевизма» в своей газете «Информация для личного состава». Используя открывшуюся возможность, «Гитлерюгенд» создал в советской тыловой зоне 16-й немецкой армии «деревни немецко-русской дружбы», где вместе проводили отпуск русские

Артур Аксман (1913 - 1996)

гражданские лица, немецкие солдаты и добровольцы разных национальностей («хиви»).

В 1943 г. шок вызвала статья Гюнтера Кауфмана «Вызывание духов», где он писал: «Народы не желают делиться на народы-господа и народы-рабы. Мы не хотим терпеть идеологов расизма... Немецкий народ соединил в своей крови кровь всех народов континента... Будущая Европа станет континентом одной большой семьи, в которой каждый сохранит своё, но никто не почувствует себя человеком второго сорта». Подобная статья могла появиться только при сочувственном отношении не обладавших смелостью автора достаточно крупных фигур в партийно-государственных ведомствах. Такие лица были в идеологическом ведомстве Розенберга, в СС и СД, а также в вооруженных силах и военно-промышленных кругах Германии, видевших, куда клонятся военные действия. Дело, однако, не объяснялось лишь поражением на фронтах. Ряд руководителей Третьего Рейха постоянно вел поиски лучших вариантов европейского континентального устройства.

Задолго до конца войны Гитлер говорил: «Для большого числа наших сторонников суть национал-социалистического Движения лежит не в букве наших лозунгов, а в гораздо большей степени – в сознании, которое мы в состоянии им привить». Еще в 30-е годы, объясняя гибкость в расовых вопросах при союзе с Японией, фюрер заявлял: «Идеи нашей программы не обязывают нас действовать подобно дуракам». Но расовые устои не удалось поколебать сомневающимся. Попытки людей Розенберга смягчить оккупацию, доведя её до стадии сотрудничества на почве русской автономии, разбивались об убеждения фюрера в неполноценности славян. По этой причине генерал Власов не смог внушить доверия высших партийных инстанций к своим войсковым соединениям, хотя военное командование было готов к сотрудничеству. «Великая Россия» ни в каком виде не входила в планы Гитлера, но войска СС включали наряду с мусульманскими дивизиями и казачьими формированиями также русский полк «Витязь» и несколько других подразделений.

Хотя представления Кауфмана разделяли многие молодые офицеры СС и фронтовики «Гитлерюгенда», ход событий опрокидывал расчеты «реформаторов» в Рейхе. Часто выражалось мнение: «Когда мы вернемся домой после войны, то займемся основательной чисткой... с Гитлером против партии». В январе 1944 г. партийный суд исключил Гюнтера Кауфмана из НСДАП. Но дисциплинарный процесс в высшем суде «Гитлерюгенда» не довели до конца, и документ об исключении из партии, ав-

томатически лишавший офицерского звания, не дошел до кадровой службы армии. Полумеры против Кауфмана включали также трехгодичный запрет на работу в «Вилле унд Махт».

До закрытия в 1944 г. журнал оставался средой молодых увлеченных национал-социалистов. Кауфман с товарищами в полном объеме использовали допустимую свободу в авторитарной Германии. «Вилле унд Махт» не призывал к свержению Гитлера. Его сотрудники не участвовали в Сопротивлении. Сражаясь на фронте, они не перебегали к врагу. Эта молодежь хотела реформировать систему, которой служила чиновниками и солдатами. Ведь и Гитлер сказал перед смертью Артуру Аксману: «Идеи живут дальше по собственным законам. Я думаю, что придет что-то совершенно новое». «Вилле унд Махт» не удалось увидеть «социальное государство высочайшей культуры». Из 11,5 тысяч молодежных руководителей погибли 9,5 тысяч. И среди них – многие сотрудники журнала.

Среди политических деятелей Рейха, пытавшихся обновить идеологию, были и те, чьей основательности и умелому практицизму отдавали должное на самом верху власти. Здесь выделялся один из руководителей Имперского министерства оккупированных территорий, член НСДАП с 1929 г. Альфред Фрауенфельд. Вплоть до 1937 г. он возглавлял гау Вены, будучи самым влиятельным национал-социалистом Австрии, а затем руководил Имперской палатой театров. В 1942 г., после недолгого периода службы в МИД Фрауенфельда назначили генеральным комиссаром оккупированного Крыма. Статс-секретарь Имперского министерства внутренних дел, один из ведущих расовых теоретиков Вильгельм Штуккарт писал после войны: «Крым получил Фрауенфельда, который никогда не пресмыкался и ничего не просил, и которому я давно хотел дать что-то прекрасное».

С самого начала Фрауенфельд решил, что Крым, как составная часть Имперского комиссариата «Украина», не должен управляться варварскими методами Эриха Коха. Он придерживался неортодоксального мнения, что украинцы должны иметь высокообразованное национальное правительство. Практика управления оккупированными территориями показала явное преимущество мягких методов. В то время как в Ровно (резиденция Коха) гражданских служащих-немцев убивали даже днем, в Крыму все было тихо. Фрауенфельд говорил, что он мог проехать по степи 200 километров без оружия и охраны. Министр вооружения Альберт Шпеер также утверждал, что первое время он ездил один через обширные украинские леса, но полгода спустя территория наводнилась партизанами.

Взаимная неприязнь Фрауенфельда и Коха не принесла пользы никому. Имперский комиссар Кох жаловался в партийный суд на Фрауенфельда, а тот на него – министру А.Розенбергу. Гитлер и Гиммлер прикрывали Коха, который открыто заявил в марте 1943 г.: «Мы – народ-господин и должны править жестко, но справедливо... Самый последний немецкий рабочий в расовом и биологическом смысле в тысячи раз ценнее, чем местное население». Розенберг выпустил инструкции, запрещающие высказывания о расовом превосходстве и предписал достойно обращаться с украинцами, но Кох обходил его распоряжения. В Нюрнбергской тюрьме (1946) Альфред Розенберг писал: «Многие факты, приводимые на процессе, отражают борьбу за грандиозную концепцию восточной политики, имевшей целью включение народов Восточной Европы в судьбу целого континента – против примитивного образа мысли, не осознающего этой масштабности».

Теоретически Фрауенфельд выглядел победителем в споре с Эрихом Кохом. В 1944 г. он подготовил для Гитлера Памятную записку «О проблеме управления оккупированными территориями», с копиями Розенбергу, Геббельсу, Герингу и Штуккарту. Фрауенфельд писал: «Украинцы, три четверти из 40 млн. которых попали под управление немецкой администрации, с ликованием встретили германских солдат, как освободителей от ненавистного ига большевизма, и оказали им высокое доверие. Но это доверие подрывалось неправильным обращением, и показательно, что всего за год этот абсолютно дружественный Германии народ вынужден уйти в леса... Огромная глупость и близорукость думать, что оккупированную область можно эксплуатировать, если оглупить население и создать ему невыносимые условия. История всех колониальных стран учит, что они не являются странами сказочных богатств, из которых можно без усилий черпать прибыль. Наоборот, они требуют огромных затрат денег и труда; но потом принесут проценты на вложенный труд, намного превышающий усилия метрополии... Курс беспощадной жестокости, способы обращения с местным населением, подобные применявшимся в прошлом столетии по отношению к цветным рабам, приведет к катастрофе... Лишение жизни даже одного человека, не вызванное высшей необходимостью, является убийством... виновных в таких действиях история называет чудовищами и неудачниками».

Геббельс нашел ужасной эту записку: «В ней перечислено так много прегрешений, ответственность за которые лежит на режиме Коха, что волосы встают дыбом». Однако для практического осуществления предложений Фрауенфельда уже не

Отто Абетц (1903 - 1958)

было времени. Крым покидали. В начале 1945 года из канцелярии влиятельного Мартина Бормана сообщили автору, что «в будущем занятые восточные территории будут управляться Вами, по Вашим идеям и подобранными Вами людьми».

На Нюрнбергском процессе заместитель главного обвинителя от США Кемпнер сказал о Записке Фрауенфельда: «Я нигде не читал, чтобы кто-то осмелился вести с Гитлером подобные речи». Если кто-то на процессе говорил, что фюреру нельзя было противоречить, то Кемпнер зачитывал целые страницы из этой Записки. В январе 1947 г. Фрауенфельда приговорили к пятнадцати годам тюрьмы, но затем в Германии уменьшили срок как «менее виновному», и уже через год выпустили на свободу.

В соответствии с континентальной стратегией Гитлера оккупационная политика в западных странах велась несравненно более мягкими методами, и эффективного сопротивления немецким войскам там фактически не было до высадки союзников в Европе. Убедителен пример Франции. Пьер Дрие ля Рошель в книге «Фашистский итог» (июль 1944 г.) утверждал: «Сначала Франция ожидала от национал-социализма насилия, затем большого обновления». Немецкий посол во Франции Отто Абетц хотел стать движущей силой такого обновления. Подобные ожидания основывались у французов на европейских традициях, культивируемых консерваторами разных стран. Но даже сочувствовавшие коммунизму лица с мировым весом надеялись на лучшее будущее. Ромен Роллан писал в это время: «Германия и Франция – два крыла Запада. Если одно подбито, это мешает второму». Крупный физик-ядерщик Фредерик Жолио-Кюри во время оккупации предоставил немецким ученым свои лаборатории и весь персонал для атомных исследований военного характера, в которых сам добровольно участвовал.

О.Абетц (р.1903) за несколько лет до прихода к власти национал-социалистов стал энергичным защитником германо-французского взаимопонимания. Летом 1930 г. по его приглашению около ста представителей молодежных и студенческих

организаций обеих стран собрались в Германии. Позднее прошли еще две такие встречи. На одной из них было образовано подобие интернационала против собственных внутренних врагов. «Патриотические немцы» и «патриотические французы» объединились для отражения угрозы, исходящей от империалистических кругов, влекущих Европу к разъединению на противостоящие военно-политические блоки. В 1934 г. состоялась новая франко-германская встреча в Берлине, организованная «Гитлерюгендом». Тогда Абетц отметил, что «вожди германской молодежи во многих вопросах казались не такими твердолобыми, как многие партайгеноссе старшего поколения». Абетц вскоре возглавил отдел Франции в «Гитлерюгенде». Увеличилось число взаимных визитов и личные контакты молодежи. Вскоре Абетц попытался примирить союзы фронтовиков обеих стран.

В это время Риббентроп создал во внешнеполитическом бюро НСДАП подобие конкурирующей организации по отношению к негибкой дипломатии старой школы имперского министра фон Нейрата. Рабочий штаб Риббентропа, трудившийся без бюрократии, признавая лишь инициативу и успех, Абетц называл «мозговым трестом». Вскоре Риббентроп назначил его своим референтом по Франции, а, став министром иностранных дел, поддерживал усилия дипломатов по взаимопониманию двух народов.

В ноябре 1934 г. Гитлер принял делегацию французских фронтовиков в Берлине, но через три года началась травля «франкофила» Абетца, инициированная СС и частью руководства студенческим движением Рейха. Служба безопасности «вскрыла» некоторых его сотрудников, породненных с «неарийцами», установив «проникновение пробольшевистских идей в команду Абетца». В суде он доказал несправедливость всех обвинений. Судебное постановлении отметило, что Абетц «отлично работает референтом и приносит пользу германскому Рейху». За полгода он получил четыре повышения по службе и, будучи членом партии с 1937 г., сделал быструю карьеру в СС. В декабре 1938 г. О.Абетц был членом официальной делегации Германии при подписании парижского договора о дружбе. Затем он написал работу «Попытка наладить взаимопонимание между народами», в которой предвидел «войну без ненависти» между двумя странами. Незадолго до капитуляции Франции Абетца назначили посланником в Париже. Его сторонниками были знатоки Франции: профессора Ф.Гримм и Р.Шлейер, известный публицист Ф.Зибург и доктор Карл Эптинг. Все они считались «либералами».

Следует отметить, что Гитлер с известным тактом относился к французским проблемам. Чтобы не унижать «родственную по происхождению» нацию, он отказался от парада победы в Париже и не требовал от французов вступления в войну против Англии. Фюрер допускал значительную самостоятельность в культурной жизни Франции. Став послом, Отто Абетц говорил: «Сегодня Германия стоит перед более или менее объединенным фронтом католицизма, протестантизма, семитизма, масонства, крупного капитала, демократии и коммунизма. Единственным шансом на прорыв этого фронта является установление подлинного и радикального взаимопонимания с Францией». Взаимопонимание посол понимал шире, чем предписывал официальный курс. Это стремление к объединению противоречило расчетам Гитлера сохранить немецкую гегемонию в Европе и в послевоенный период. К тому же фюрер понимал, что любую конфедерацию, составленную из разнородных этносов, ожидали неминуемые раздоры и разложение. В конце войны было уже не до поисков наилучшего европейского устройства, а для Гитлера исторические детали теряли смысл, когда рушилась центральная идея его Движения.

Но в первый период оккупации Франции простор для поисков казался открытым таким энтузиастам как Отто Абетц. Для ускорения планов установления «нового порядка» в Европе Абетц часто встречался в Париже с лидером бельгийских фашистов Леоном Дегрелем, еще с 1936 г. поддерживая его идею о создании, наряду с обновленной Францией, «Великой Бургундии» – двух опор новой Европы. Где-то была грань между наивностью и сознательным сопротивлением планам Гитлера. И то и другое совмещал опыт Франции, иногда в одном лице. Но с быстротекущим имперским временем эта грань обнажалась.

Личная позиция Абетца в акциях оккупационных властей была противоречивой. Известен «список Отто Абетца» об изъятии запрещенной литературы. При его участии многие произведения искусства переправлялись в Рейх. После первых убийств немецких офицеров он не протестовал против расстрелов подозреваемых французов и содействовал высылке евреев из Франции. Но в 1942 г. Абетц высказал Гитлеру претензии к оккупационной политике. В ответ фюрер призвал посла проявить больше твердости, предупреждая об опасности «политики чувств». Он сказал Геббельсу: «В Париже мы получили второе правительство. По-моему Абетц сильнее, чем нужно, настроен на сотрудничество». После Рождества и до конца 1943 г. Отто Абетца отзывали из Парижа. Затем он

вернулся с заданием от Гитлера укрепить позиции главы коллаборационистского правительства Лаваля в интересах Германии, (в оккупированной зоне шла борьба фракций).

Карл Штрёлин (1890 - 1963)

В завершающий период оккупации Абетц пытался действовать самостоятельно. Он сократил список Риббентропа на высылку из Франции потенциально опасных лиц с двух тысяч до нескольких человек, из которых арестовали лишь двоих за явную связь с Сопротивлением. Абетц протестовал против массовой отправки французских рабочих в Рейх. Во время июльского заговора 1944 г. против Гитлера он занял сторону руководства СС, на короткое время арестованного руководством оккупационных войск. Не доказано, имел ли Абетц контакты с участниками заговора, хотя его близость к военному руководству Парижа вызывала подозрения. Перед окончательным отъездом посла из Франции он вместе с военным комендантом Парижа генералом Хольтицем отказался выполнить приказ о разрушении города.

В октябре 1945 г. Отто Абетца арестовали в Южном Бадене и три с половиной года продержали в полной изоляции. Затем суд приговорил его к 20-ти годам принудительных работ. В заключительной речи он подтвердил свою верность Германии. В 1954 г. его освободили, а через четыре года Абетц вместе с женой погиб в автокатастрофе, подстроенной сионистами.

Умеренно оппозиционный путь от начала до конца Рейха прошел обер-бургомистр Штутгарта Карл Штрёлин. Он был одним из нескольких глав городов, сохранивших собственное политическое направление и взгляды, и расценивавших ответственность за своё население выше следования партийным догмам (в числе других: Ф.Кребс из Франкфурта, Карл Крогман из Гамбурга). Участник Первой мировой войны, Штрёлин служил затем в военной полиции. Как председатель военно-полевого суда Добровольческого корпуса, свергнувшего советскую республику в Мюнхене, он приговорил к смерти 52 иностранных члена Совета рабочих и солдатских депутатов. С середины 1920 г. Штрёлин изучал общественно-политические науки

в Вене под руководством видного социолога Отмара Шпанна (1878-1950). Впоследствии национал-социалисты, ставившие себе в заслугу ликвидацию классовых перегородок, резко критиковали Шпанна за его теорию «сословного государства» и либеральные мотивы в научных работах. После 1938 г. ученого на много месяцев заключали в концлагерь Дахау, а затем запретили преподавать в вузах.

Штрёлин, как и его учитель, разделял националистические настроения и в конце 1923 г. фактически, а с1930 г. формально вступил в НСДАП. В мае 1933 г. он стал обер-бургомистром Штутгарта, подчиняясь по партийной линии гауляйтеру земли Вюртемберг Вильгельму Мурру, ставшему его постоянным противником. Штрёлин, отвергавший безответственную парламентскую систему, приведшую к хаосу в Германии, радикально обновил общественно-политическую жизнь Штугарта. Он провел глубокую реформу конституционных прав общины и полную деполитизацию на основе профессиональных сословий. Это соответствовало главной экономической идее национал-социализма. Несмотря на влияние учителя, Штрёлин, однако, отказался от иерархического разделения сословий в духе О.Шпанна, что было бы неприемлемо для НСДАП. Обер-бургомистр уволил политически неблагонадежных чиновников и ввел в ратуше авторитарный стиль руководства. Такое поведение отличало критиков сложившейся политической практики. Занимая властные позиции, каждый из них использовал все преимущества принципа фюрерства, пытаясь сочетать новые методы управления с собственными идеями.

Советы общин при Штрёлине уже не выбирались жителями, а назначались партией при согласии обер-бургомистра и имели лишь совещательный голос. К.Штрёлин устранил безработицу, строил жилье и развивал город. Стиль его работы был непривычным для того времени. Он неожиданно появлялся в городских учреждениях и лично следил за порядком. Обер-бургомистр противился усилиям В.Мурра поставить под партийный контроль все его действия, прибегая к записанному в уставе германских общин праву на самостоятельность муниципального управления. В 1933 г. Штрёлина, представлявшего Германию на лондонской конференции по долгам, назвали «странным наци» за подчеркнутую самостоятельность поведения.

Уникальной сферой деятельности обер-бургомистра стали международные отношения. Штутгарт был «городом иностранцев». С 1917 г. здесь находился Германский иностранный институт, опекаемый Рудольфом Гессом и шефом партийно-

го Управления зарубежными немцами («фольксдойче») Э.В. Боле. Штрёлин был председателем Института и руководил ежегодными съездами фольксдойче. С 1938 г. он стал членом Имперского руководства НСДАП по муниципальной политике и в рамках своих возможностей проводил «внешнюю политику» на мирное улаживание конфликтов (этнических немцев преследовали в ряде зарубежных стран, прежде всего, в Чехословакии и Польше), особенно стремясь наладить отношения с Францией.

Взгляды Карла Штрёлина в первый период мировой войны (сентябрь 1942 г.) характеризует его высказывание: «Очень жаль, что весь мир воюет против Германии, потому что национал-социализм – понятный всем синтез развитого капитализма и большевизма». Теоретическое объединение разнородных общественных типов в одну политическую систему, было типичным для «левых» национал-социалистов. Неопределенность и несмываемая романтическая окраска подобных идей, так и не достигших окончательного прояснения, не особенно беспокоили партийное руководство даже во время войны с СССР.

Штрёлин все же предпринимал определенные действия, вытекавшие из его нестандартных взглядов. В 1941 г. и позднее он препятствовал клеймению евреев в своем городе и помогал желающим выехать из Рейха, а также пытался пресечь эксцессы в концлагерях. В противовес гауляйтеру Мурру он активно пропагандировал евангелическую церковь, за что получил партийный выговор в начале 1943 г. После первых опустошительных бомбардировок германских городов союзниками Штрёлин стал сомневаться в правильности политики Гитлера и в целях национал-социализма вообще. Как большинство «инакомыслящих», вплоть до заговорщиков – Штауфенберга и Роммеля, он собирался лояльно служит Германии лишь в победоносную пору. В августе 1943 г. Карл Штрёлин отправил Памятную записку в Имперское министерство внутренних дел с изложением концепции изменения внутренней и внешней политики Рейха. За осторожное предложение ограничить национал-социалистическое влияние на органы управления, прежде всего, в муниципальной сфере, он получил строгое предупреждение и намек на возможное начало суда над ним.

В январе 1944 г. Гитлер освободил Карла Штрёлина от работы в Имперском руководстве НСДАП, оставив его руководить Штутгартом. Обер-бургомистр записал в дневнике: «При вступлении в партию я ожидал, что национальный социализм создаст условия для политического, экономического и морального оздоровления нашего народа и для мирного сосущест-

вования с другими народами мира». Штрёлин уже готовился к переходу в новое время, предвидя конец строя, которому обязывался служить. Ссылки на непонимание глубины и политического объема национал-социализма обнаруживают легкомыслие в расчетах и порождают сомнения в гуманных мотивах деятельности подобных лиц.

В послевоенной книге «Патриоты или изменники» Штрёлин писал о координации своей деятельности с Карлом Герделером – одним из главных обвиняемых в заговоре против Гитлера и о контактах с подозреваемым в измене фельдмаршалом Роммелем. Однако эти факты не нашли достаточного подтверждения. Зато известно, что 10 августа 1944 г. Штрёлин выразил по радио «глубокое потрясение вероломным покушением на фюрера... Весь немецкий народ, и, в первую очередь, вермахт питают отвращение к этим предателям... и верит, что наш фюрер один сумеет провести немецкий народ сквозь опасности настоящего времени к лучшему будущему».

В Нюрнберге Карла Штрёлина причислили к разряду «наименее виновных». После войны он продолжал считать себя национал-социалистом, пытаясь оправдать прошлую деятельность и контактируя с правыми политиками, для которых написал несколько работ, основал союз фронтовиков в Вюртемберге и умер в 1962 г. в возрасте 72 года.

Из обозрения всех типов оппозиции и разнообразных персоналий следуют ясные выводы:

• все оппозиционеры, от искренних «реформаторов» до прямых изменников открыто не переходили определенной границы, когда речь заходила об исключительности Гитлера и его монопольном праве на власть;

• посягательства на ведущую роль партии, в окончательном виде созданной Гитлером не имели авторитетных исполнителей. Обреченные не провал, они и в случае успеха грозили ввергнуть Германию в унижение и слабость, какие она имела при демократической власти, когда внутренних свобод было множество, а внешних – ни одной;

• если бы фюрер дал возможность укрепиться оппозиционным тенденциям в партии, уникальное *социальное государство*, организованное им, перестало бы существовать;

• наконец, поиски обновления следовало вести в русле, близком к первоначальной Программе из 25-ти пунктов – лаконичной и оставляющей простор для творчества. Усилия в этом направлении умных «оппозиционеров» (например, Фрауенфельда, Кауфмана, Абетца) постепенно приносили плоды.

Всё решил недостаток времени. Двенадцать лет правления национал-социалистов по глубине преобразований и зна-

чительности событий составили целую историческую эпоху, значение которой далеко выходит за пределы 1933-1945 годов. В этой связи необходимо объективнее и глубже оценить личность Гитлера, чем это принято в популярной и околонаучной литературе. Начав свою «революцию» до 1933 г., он был вынужден долго считаться с государственной, экономической, дипломатической и военной элитой. Многие из её представителей вступили затем в НСДАП, но не прониклись национал-социалистическими идеями. После 1933 года армия будущих «оппортунистов» из разных слоев общества вошла в партию Гитлера, руководство которой никогда радикально не ограничивало вступление в неё. Чем выше был их социальный статус, тем больше скептицизма сохраняли они в душе, и нестойкие убеждения этих «попутчиков» ломались при потрясениях, сопровождавших короткую историю Рейха. Поэтому их путь не может служить опровержением идей национал-социализма, заслужившего критику по другим основаниям.

По выражению современного немецкого исследователя Г.-В.Зандера сам Гитлер был «многослойным человеком». Наряду с удивительными способностями и познаниями он отличался глубокими заблуждениями, вылившимися во всеобщую катастрофу. Первые шесть лет правления фюрера отмечены большими успехами во внутренней и внешней политике. За это время Гитлер вывел Германию из деморализации и разрухи, превратив её в социальное государство, почти лишенное «классовых» противоречий, и в мировую державу, далеко превзошедшую мечты Бисмарка и Вильгельма II.

III Рейх стал экспериментом по установлению мирового порядка, но рухнул сам. Это была попытка устранить кризис современного мира одновременно ошибочными и верными средствами. Закономерно то, что национал-социализм был побежден не изнутри, а в результате войны. Фюрер не был ни сверхчеловеком, ни диким зверем, как его представляли друзья и враги. Он образцово решал многие задачи, но их изобилие сломило Гитлера, подсказав ему роковые решения. Главные из них – крайности расовой теории, приведшие к трагической практике, и выступление в роли угнетателя в бессмысленной войне против России. Наконец, Гитлеру следовало научиться устанавливать союз с побежденными у римской истории или даже у английских империалистов, растерявших свой мировой вес вследствие той же войны.

Внутренние события также сыграли роль в цепи злоключений национал-социализма. Невозможно было изменить в короткий срок все слои немецкого общества. Наиболее подат-

ливым к радикальным изменениям оказался простой народ. Благодаря ему немецкое общество до конца войны сохранило монолитную основу в рамках системы, созданной Гитлером. И это несмотря на традиционный скептицизм верхних слоев к революционному повороту, осуществленному фюрером и его партией. Недовольство военных росло по мере обострения обстановки на фронтах, что привело к концу войны нескольких высших генералов и генерал-фельдмаршалов к участию в заговоре против Гитлера. Церковь, особенно католическая, была недовольна поисками самостоятельной религии в ведомствах Розенберга и Гиммлера. Аристократия, прежде всего прусская, сожалела об упущенных возможностях союза с СССР. Финансово-промышленные круги вели себя достаточно лояльно, но ряд их видных представителей (Тиссен, Шахт) сохранили подозрительные связи с американо-английскими корпорациями даже во время войны.

В отличие от Гитлера ни один из его противников и ни одна соперничавшая группа за всё время существования НСДАП, как в «период борьбы», так и находясь у власти, не имели программы с ясно обозначенными национальными целями. Фантастические левые идеи и провалившаяся европейская демократия не могли стать основой национального мировоззрения, решавшего судьбу Германии. Многие «идеалисты» превратились в предателей в ходе мировой войны. Все эти лица были готовы разделить с фюрером политические и военные успехи, но отступались от него при крупных неудачах. Они преследовали собственные, часто корыстные цели, не считаясь с будущим своего народа, тогда как чудовищные унижения и беды Германии, преодоленные не их волей, давно были ими забыты.

Постепенно рушились надежды на мир в Европе, при котором все оппозиционные слои теряли почву. Непоправимой ошибкой Адольфа Гитлера стало нападение на Советский Союз и война на два фронта. К союзу с Россией склонялись видные политики, немецкие военные и дипломаты. Геринг, Риббентроп, Геббельс и Борман понимали, что с точки зрения германских интересов имело смысл заключение долгосрочного мира с Россией и последующее перерождение русофобского большевизма в национальную сторону. Однако фюрер выбрал ошибочную стратегию, позволив англичанам в начале июня 1940 г. эвакуировать уже обреченный 300-х тысячный корпус через Ламанш. Тем самым он подтвердил намерение в определенный момент переключить острие военных действий Германии на Восток. После первой серии побед на советском фронте наступило равновесие сил, а затем, к радости «союзников»,

немецкие войска увязли в сражениях и, наконец, Германию вынудили отступать по всему фронту. Расовая пропаганда против славян вообще и русского народа, в особенности, привела к тому, что Сталин высоко поднял русское знамя, с которым и победили Германию. Биологическая догма о превосходстве немцев даже над родственными народами сыграла роковую роль.

Но война в пределах Западной Европы, даже с участием США, не была безнадежной. Военно-экономическая автаркия в пределах Новой Европы могла успешно противостоять намечавшимся американским притязаниям на мировое господство с помощью национальной революционной армии европейского типа, для которой европейские войска СС оказались слишком поздней заменой, не сумевшей нарастить достаточную боевую мощь. Ошибкой был отказ своевременно принять миллионы людей разных национальностей, желавших воевать на стороне Германии из-за вызывающей позиции господства над людьми.

После окончания Второй мировой войны ведущие финансисты и промышленники, богатевшие на производстве вооружения, сумели уйти от ответственности, переложив её целиком на политиков. Но даже пристрастные представители союзников понимали проблему вины глубже, чем она отражена в судебном приговоре над руководителями III Рейха. Главный обвинитель от США Роберт Джексон назвал вдохновителя военных приготовлений Германии Ялмара Шахта самой омерзительной личностью среди подсудимых. Близкую точку зрения на этого человека высказали французский и английский судьи на Нюрнбергском процессе. Однако Шахт, державшийся в суде с вызывающей дерзостью, был оправдан по всем статьям с помощью масонских друзей из США и Англии. Он обрел свободу, тогда как менее виновные лица из руководства Германии поплатились длительными сроками заключения или были казнены.

Свершилось буржуазное правосудие, и всё вернулось на круги своя. Глубокие идеи социального государства и Великоимперской Объединенной Европы рухнули, и на их обломках вновь утвердились лживые буржуазные порядки, хранящие силы, всегда готовые организовать новую тотальную войну во имя господства финансовой плутократии над народами Европы и мира.

ГЛАВА II.
ЛЕВЫЙ ПУТЬ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

«Каждый народ имеет свой собственный социализм».
«Там, где кончается марксизм, начинается социализм».
Артур Мюллер ван ден Брук.

«Есть столько же социализмов, сколько великих наций».
Жорж Сорель.

Национальный социализм европейского типа – многообразное и сложное явление. Клеймо отверженности, лежащее на единственном историческом воплощении идеологии этого типа – германском национал-социализме, не должно смущать дух исследования, ведущий к истине. В отличие от национальной государственности с ее здоровыми перспективами, буржуазная демократия, возникшая из разложения органических основ государства, стирающая национальные различия, с неизбежностью влечет государства и народы к потере суверенитета. Правящий слой любого современного демократического государства состоит из худших, вырождающихся представителей народа. Выдающийся социальный мыслитель XX века Жорж Сорель назвал демократию «диктатурой немощи,.. шарлатанством жадных и коррумпированных проходимцев». Порядочный человек, случайно оказавшийся в кампании демократических правителей, быстро выдавливается из государственных структур.

Неустранимые пороки буржуазной демократии диктуют необходимость государственного устройства, противоположного системе, основанной на многопартийности и всеобщем избирательном праве. В его поисках полезно изучить совокупность идей, лежащих в основе мировоззрения национального социализма, прежде всего построения идеологов этого движения в 20-30-х годах XX столетия, берущие истоки в трудах консервативных немецких мыслителей предшествующего периода.

Философское обоснование сильного государства дали выдающиеся философы Фихте и Гегель во времена германской раздробленности. Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814) в зрелых трудах («Замкнутое торговое государство», 1800 г.; «Речи к немецкой нации», 1808 г.) призывал к созданию «экономически

самодостаточного национального немецкого государства». Он наделял его рядом обязательных функций: определять круг лиц, занятых в каждой отрасли производства, гарантировать сбыт произведенного и устанавливать цены на продукцию, иметь монопольное право на внешнюю торговлю, располагать сильным аппаратом полицейской власти и др. В то же время Фихте усматривал в частной собственности определяющее значение для буржуазного государства. После поражения Германии в войне с Наполеоном философ призывал немецкий народ к объединению и моральному возрождению. Фихте сформулировал тезис о превосходстве народа над государством и сообразно этому исключил из сферы права вопрос о формах государственного устройства, как инструмент *практической* политики. Нетрудно увидеть своеобразное претворение этих принципов в практике национал-социалистического государства.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831), официальный философ прусского правительства, сформулировал ряд принципов, определивших развитие немецкой государственно-консервативной мысли на столетие вперед. В лекции в Гейдельбергском университете (1816) он сказал: «Прусское государство, в особенности, построено на разумных началах». С 1818 г. до конца жизни Гегель преподавал в Берлинском университете. В лекциях по философии истории и в труде «Философия права» он изложил свою теорию государства. Предвосхищая корпоративные модели будущего (Сорель, Муссолини), Гегель на место распространенной парламентской системы выдвигал представительство сословий. Все противоречия гражданского общества, по Гегелю, примиряются в государстве (прусском, по преимуществу). Возвеличение им немецких народов и пренебрежительное отношение к народам Востока было продолжено в националистических построениях XX века. Вдобавок Гегель критиковал идею Канта о вечном мире и ее осуществление в федерации государств или народов и считал утопией создание международной системы безопасности. Он говорил о «высоком

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831)

Жорж Сорель (1847-1922)

предназначении войны», благодаря которой «осуществляется нравственное оздоровление народа», что также нашло отражение в радикальных поисках немецких политических мыслителей.

После образования II Рейха в 1871 году в Германии появилась целая плеяда социологов, историков и писателей, разрабатывавших идеи немецкой самобытности и особой роли государства в жизни немецкого народа. Среди них достаточно выделить Людвига Бюхнера (1824-99), увязавшего характеристику классов с их расовой природой; историка Генриха фон Трайчке (1834-96), считавшего войну путем к преобладанию «белой расы»; социолога Поля де Лагарда (1827-91), писавшего: «Мы хотим свободы, а не либерализма; Германии, а не иудео-кельтских теорий о ней... мы не хотим, чтобы нас вел русский кучер, таща на французском аркане, не хотим быть отхлестанными еврейской плеткой».

К предшественникам нацизма относят немецкого писателя Юлиуса Лангбена (1851-1907). В книге «Рембрандт как учитель» (1890) он предложил героический идеал для Германии. Лангбен видел германскую культуру под угрозой американизации. Он называл немцев «превосходствующими арийцами» и утверждал, что Германия должна править Европой и миром. Лангбен отвергал «однобокое интеллектуальное образование» и призывал к естественному и поэтическому развитию личности. Он превозносил народное искусство и консерватизм в культуре. Национал-социалисты ставили его в один ряд с такими личностями как Лагард и Чемберлен.

Концентрация националистических идей в Германии перед первой мировой войной связана с деятельностью интеллектуалов, объединившихся вокруг крупного немецкого поэта Стефана Георге (1868-1933). В 1928 г. антидемократ Георге в сборнике «Новое царство» предсказал появление в Германии героя, возродившего страну. Его сторонники создали «Кружок Стефана Георге», куда вошли многие известные писатели, поэты, художники, университетские преподаватели. Профессор Гейдельбергского университета, поэт Фридрих Гундольф (1880-1931) с 1922 г. возглавлял кафедру истории литературы.

Наполовину еврей, Гундольф был убежденным националистом, называвшим немцев «господствующей нацией», а врагов Германии «слепой чернью». Он очаровывал аудиторию лекциями об исчезнувшем мире германского романтизма. «Культуре будущего предопределено быть созданной германским разумом», – утверждал Гундольф. Среди членов «Кружка»: крупный философ Людвиг Клагес (1870-1956), политический мыслитель Адольф Шулер, поэт Эрнст Бертрам, писатель и политик Карл Вольфскель. Многие из них стали провозвестниками фашизма. Э.Бертрам (1884-1957) в 1922-46 гг. заведовал кафедрой филологии Кёльнского университета. Его диссертация о Ницше (1919) легла в основу нацистского культа этого философа. Альфред Шулер первым использовал в Германии свастику как политический символ. Антисемитскими речами Шулера восхищался будущий фюрер.

В отстраненности от большой политики стояли люди высокого стиля и не лишенные снобизма интеллектуалы, оказавшие влияние на становление радикального националистического режима. Видный немецкий ученый Вернер Зомбарт (1863-1941), чье творчество принадлежит двум прошлым столетиям, в работе «Немецкий социализм» определял социализм как «состояние общественной жизни, при котором поведение личности определяется обязательными нормами, вытекающими из интересов политической общины и воплощающимися в традиционном порядке». «Всякий, кто отказывается от химеры единой мировой республики, – писал Зомбарт, – не может и не должен игнорировать перспективы социальной эволюции, ограниченной пределами нации».

Термин «Третий рейх» впервые употребил в «Закате Европы» Освальд Шпенглер (1880-1936): «Третий рейх – это германский идеал, вечный образ зари, которому отдали свои силы все великие люди, от Данте до Ницше и Ибсена». Саму концепцию «Третьего Рейха» в книге с таким названием задолго до прихода к власти национал-социалистов сформулировал немецкий политический мыслитель Меллер ван ден Брук (1876-1925), основатель знаменитого «Июньского клуба», центральная фигура немецкой консервативной революции 20-х годов. Он описал «Третий Рейх» как идеал грядущего немецкого государства, в котором сняты противоречия между Востоком и Западом, Современностью и Традицией, Цивилизацией и Культурой. Лучший переводчик на немецкий язык Достоевского, с которым он познакомился через своего друга Д.Мережковского, ван ден Брук с 1910-х годов стал убежденным сторонником «Ostorientirung» (восточной ориентации Германии). Он развил

Артур Меллер ван ден Брук (1876 - 1925)

взятую у Достоевского идею «старых» и «юных» народов. К последним ван ден Брук отнес русских и немцев, особенно пруссов, подчеркивая и прославляя их балто-славянский этнический компонент.

В его журнале «Gewissen» («Сознание») сотрудничал ряд видных консерваторов, ставших законодателями политических взглядов германской элиты в наступающие новые времена. Они занимали политическую позицию «справа», а экономическую «слева», сочетая традиционные ценности – государство, нацию, иерархию, империю, духовность с социальной справедливостью, борьбой против капиталистического угнетения и «процентного рабства», этикой труда. Синтез этих взглядов представил сам ван ден Брук, утверждавший: «реакция» не способна к созиданию, а чистая революционность «сама по себе способна только разрушать». Истинный консерватизм признает необходимость исчезновения старых, отживших форм. Подлинные же ценности бессмертны и всегда возобновляются в новых формах. Задача консерватизма – не сопротивляться революции, но выигрывать ее. «Консерватор имеет вечность на своей стороне», – писал ван ден Брук. Романтическая сторона таких воззрений не умалила их практического значения для будущего.

Ван ден Брук не был национал-большевиком, как следующие за ним левые консерваторы, но он положительно отнесся к Октябрьской революции в России. Он отличал марксизм – «доктрину человека без страны и национальных корней» от большевизма – «русского по своей сути душой и сердцем». Ван ден Брук часто ссылался на Фихте и Фридриха Листа, ведущего теоретика автаркии и экономики больших пространств, и вдохновлялся примерами средневековых гильдий. Он писал: «Идеи, укорененные в наших древнейших традициях, в сочетании со сверхсовременным пониманием целей, которые мы

перед собой ставим, – вот что такое германский социализм». Геополитический реализм ван ден Брука проявился в его утверждении: «Только у Германии достаточно сил привлечь Россию в Европу. Без Германии Россия будет отнесена к Азии. Однако мы не можем отказаться от России. Она – Европа, она Христианская страна... Движение европейских сил, сначала обращенное к Западу, сегодня направляется на Восток. И Германия вновь движущая сила этого процесса». Ван ден Брук, разумеется, имел в виду *мирный* характер «движения» в сторону России – взгляд, который разделяли некоторые руководящие фигуры Третьего Рейха фактически до конца нацистского периода.

Обозревая комплекс идей консервативной революции с момента их зарождения, следует указать на беспощадных критиков Французской революции как начала буржуазной эры: французов Жозефа де Местра, Луи Бональда, испанца Доносо Кортеса, которые до перехода к тотальному отрицанию левых идей прошли через период увлечения ими. Термин «революционный консерватизм» впервые употребил русский славянофил Юрий Самарин в 1875 году. Подобное определение своим взглядам давал Достоевский. Основные принципы консервативной революции в германском преломлении подготовили Фихте, Гердер, Э.М.Арндт, Л.Ф.Ян, немецкие романтики и Ницше. «Левые» варианты этой политики опираются на идеологию так называемого «третьего пути». Не случайно этот романтизированный вариант консерватизма отражен в творчестве европейских писателей и поэтов, часто символического направления: Пиранделло, Маринетти, Д`Аннунцио, Стефана Георге, Ортега-и-Гассета... Германские «младоконсерваторы» и близкие к ним фигуры: ван ден Брук, Шпенглер, Отмар Шпан, Вильгельм Штапель и др. были элитарными интеллектуалами и прямого воздействия на политическую ситуацию не оказывали. Но они стали предтечами национал-социализма, который воспринял лишь часть их идей и с подозрением относился к аристократической обособленности этих лиц. Близкая к «третьему пути» политическая практика воплотилась в раннем итальянском фашизме; северо-итальянской республике Сало, возникшей в 1943 г. с помощью Германии; в политических и боевых организациях православного румынского фашиста Корнелиу Зеля Кодряну, в эмигрантском русском «сменовеховстве» и, наконец, в необольшевизме, о котором речь впереди.

Радикальную позицию занимали так называемые национал-революционеры, яркими представителями которых были Эрнст Юнгер, Франц Шаубеккер, фон Заломон. В довоенной

Эрнст Юнгер (1895 - 1998)

книге «Авантюрное сердце» Юнгер писал: «Наша надежда на молодые души, которые, будучи истинными господами, болезненно тащатся сквозь строй свиных корыт. Наша надежда на их восстание, которое потребует великого разрушения, потребует взрывчатки, чтобы очистить жизненное пространство во имя новой иерархии». Отстраненность Эрнста Юнгера, этого прославленного героя первой мировой войны от острых политических событий, демонстрирует вся его жизнь: недоверие к НСДАП с одновременной службой в немецких оккупационных войсках в Париже, полумифическая близость к заговорщикам против Гитлера, спокойное созерцание разрушений в конце второй мировой войны (с трубкой в зубах наблюдал бомбежку Берлина в 1945 г.).

Не все консервативные революционеры обладали такой способностью к приспособлению и определенной независимостью образа жизни в воюющей Германии. Другие лидеры этого лишенного организационного единства движения поплатились еще до того, как ситуация в стране вошла в критическую фазу выживания. Так, основатель национал-революционного молодежного движения в Германии («Младонемецкого ордена») Артур Мараун был арестован гестапо вскоре после запрещения «Ордена» 30 января 1933 г. Национал-социалистический порядок не приняли и некоторые видные сторонники фашизма в оккупированных странах. Первый и самый радикальный французский фашист (основатель движения «фаши») Жорж Валуа, автор книги «Новая эра человечества», отверг прогерманский режим и вступил в Сопротивление, был депортирован и умер в концлагере Берген-Бельзен. Так оказывались несостоятельными романтизированные и эклектичные варианты фашизма с нигилистической подкладкой и с интернациональными мотивами марксистского типа или с узко-национальной направленностью

В рядах революционного консерватизма выделялось течение «фёлькиш» (немецкие народники). Для них был характерен мистический расизм в духе Гвидо фон Листа и Йорга фон

Либенфельса и настроения, оформленные в 1929 г. в самостоятельную систему Вальтером Дарре в его труде «Кровь и почва».

Отдельно стояли так называемые «бюндиш» – различные молодежные союзы консервативно-революционного направления, такие как «Вандерфогель» («Перелетные птицы») – анархическое, националистическое, почвенное движение, возникшее в начале XX века.

На этом фоне широкого националистического брожения возникла в феврале 1920 года путем переименования Немецкой рабочей партии (НРП) Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП), в короткое время вобравшая в себя и подчинившая своему влиянию разнообразные слои немецкого общества, привлеченные боевой и ясной идеологией, а также безукоризненной организацией партии. С самого начала в идеологии НСДАП присутствовала яркая социалистическая составляющая. В мае 1919 г. центральный орган НРП газета «Мюнхенер Беобахтер», сообщала, что ее текущие тенденции «укладывались в рамки требований других левых партий». Особенно сильные социалистические тенденции среди партийцев проявлялись на Северо-Западе Германии и в Рурской области, где образовалась полусамостоятельная национал-социалистическая организация с центром в Гамбурге, чей гауляйтер (партийный руководитель провинции) А.Фольк сочувствовал Ноябрьской революции 1918 г., тогда как в Баварии вся националистическая пропаганда строилась на проклятиях революции. Но лишь с середины 1920-х годов оформилась лево-националистическая фракция, конкурирующая с мюнхенским руководством партии.

Не случайно руководители этой фракции братья Штрассеры пришли в нее из разных направлений – Грегор справа, а Отто слева. Обер-лейтенант Грегор Штрассер (1892-1934) после мировой войны основал в Баварии один из добровольческих корпусов («фрайкоров») и на его основе сформировал первое подразделение штурмовиков (СА) вне Мюнхе-

Артур Мараун (1890 - 1980)

Отто Штрассер (1896-1974)

на, участвуя с ним в «Капповском путче» 1920 г. Затем он создал в Нижней Баварии партийную группу НСДАП и стал ее гауляйтером. Очень быстро Грегор занял положение второго человека в партии, уступая лишь Гитлеру в ораторском мастерстве и организационных способностях. Гитлер поручил ему создание парторганизаций на Севере и западе Германии, наделив полной свободой действий.

Его брат Отто (1896-1974) – армейский лейтенант, после войны стал членом Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и участвовал в подавлении «Капповского путча», командуя тремя «красными сотнями». В конце 1923 г. Отто вступил в НСДАП, став ближайшим помощником брата. С тех пор О.Штрассер проявлял неуемное стремление к лидерству, придав своим левым симпатиям чрезвычайно гибкий характер, доходивший до отрицания основ национал-социалистической идеологии. Он сразу же занялся выработкой новой программы вместо гитлеровских «двадцати пяти пунктов».

Чуть не с нуля братья создали партийные ячейки на Севере и Западе страны, и туда же переместился центр влияния НСДАП. Грегор Штрассер назначал гауляйтеров по своему усмотрению. Наибольшую поддержку ему оказали тогда будущие видные функционеры партии: Карл Кауфман, Эрих Кох, Пфеффер фон Заломон, Йозеф Вагнер, Гельмут Брюкнер, Мартин Мучман, Генрих Лозе, Теодор Вален, Фридрих Гильдебрандт, Эрнст Шланге. Большинство из них (за исключением фон Заломона и Й.Вагнера) впоследствии ревностно поддерживали фюрера. Ближайшим помощником братьев стал выходец из рейнской рабочей семьи, член партии с 1923 г. Йозеф Геббельс. До этого он долго колебался между симпатиями к Коммунистической партии Германии (КПГ) и к Штрассерам. В его окружении той поры было много коммунистов. Теперь Геббельс редактировал центральный орган лево-социалистического крыла партии – журнал «Nazional-sozialistisce Briefe» («Национал-социалистические записки»), как идеолог этой части НСДАП и непревзойденный мастер пропаганды до

1930 г. Геббельс вел в журнале острую дискуссию по рабочему вопросу, суть которой сводилась к требованию создать «боевой» нацистский профсоюз.

В 1925 г. Грегор Штрассер, используя особое положение в партии, провозгласил «Рабочее содружество северо-западных гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу, который занялся «борьбой против склеротических бонз в Мюнхене» и провозгласил Грегора «силой, противостоящей бонзам» (Гитлеру и его окружению). Главной особенностью, отличавшей позицию левых наци от мюнхенского руководства, была установка на особого рода социализм, – не реформистского типа, как у СДПГ, «сотрудничавшей с капиталом», и не на «антинациональный социализм КПГ, а на «национальный социализм». Его, по мнению братьев Штрассеров, уже игнорировали сторонники Гитлера, занятые «обхаживанием» капиталистов. «Будущее принадлежит диктатуре социалистической идеи в государстве», – писал Геббельс в центральном органе партии – газете «Фёлькишер Беобахтер». В речи в Кенигсберге (1926) он провел параллель между большевизмом и национал-социализмом – двумя революционными движениями XX века. Грегор Штрассер говорил, что его идеал – Август Бебель и в целом социал-демократическое движение до первой мировой войны. С КПГ его разделяла полная финансовая и политическая зависимость коммунистов от Москвы и большое число евреев, особенно в руководстве партии.

«Фрайкоры»

Грегор Штрассер (1892-1934)

Политическая позиция Грегора в это время включала требование высоких промышленных и аграрных пошлин, автаркию и корпоративное построение народного хозяйства, интенсивное обложение посреднических прибылей, борьбу против «жёлтых профсоюзов». Другую идею Г.Штрассера – о превращении всех собственников земли в наследственных арендаторов обосновал В.Дарре в конце 20-х годов, безуспешно пытаясь воплотить ее в жизнь в должности министра продовольствия и сельского хозяйства III Рейха. Сторонники Штрассера не считали марксистское учение о классовой борьбе изобретением евреем. Некоторые левые нацисты даже предлагали союз с КПГ и СССР, которые «в сегодняшней ситуации во многом наши союзники против Веймара, Версаля и Уолл-Стрита». Часть этих требований совпадала с известной программой НСДАП («25 пунктов»), особенно в хозяйственной части. Но эту программу еще до прихода к власти Гитлер рассматривал как «классический» документ «периода борьбы», во многом утративший практическую ценность. Новой и неприемлемой для фюрера была принципиальная установка Грегора Штрассера на сближение с большевистской Россией.

Между тем, на конференции «Рабочего содружества» в ноябре 1925 г. одиннадцать гауляйтеров, среди которых были будущие нацистские министры и рейхслейтеры (руководители главных управлений НСДАП) Б.Руст, Й.Тербовен, Р.Лей, дискутировали проект новой партийной программы Отто Штрассера. «25 пунктов» дополнялись экспроприацией и раздачей помещичьих земель и промышленного капитала, с передачей 30% акций предприятий рабочим. Партийная фронда, на этот раз с участием одного из основателей НСДАП, экономиста Готфрида Федера, продолжилась на очередной конференции в начале следующего года в Ганновере. Там Б.Руст заявил, что Гитлер северо-западным партийным организациям «не указ», а Ф.Гильдебрандт воскликнул: «Долой мюнхенских реакционе-

ров! Долой прислужников князей!». Но на разрыв с Мюнхеном оппозиционеры не пошли.

Однако Гитлер сразу нанес ответный удар. На конференции НСДАП в Бамберге он публично разорвал программу Отто и объявил конференцию «Рабочего содружества» незаконной. Заколебавшийся Федер критиковал «большевистские тенденции» в программе Штрассеров, которую тут же отозвал Грегор. В Бамберге же Геббельс, убежденный красноречием и логикой Гитлера, перешел на его сторону и в октябре 1926 г. стал гауляйтером Берлина, сохранив этот важный пост до последних дней Рейха. Посты гауляйтеров получили также Кауфман в Гамбурге и Эрих Кох в Восточной Пруссии. Пфеффер фон Заломон возглавил мюнхенскими СА.

Но полного разгрома фракции не произошло, несмотря на директиву Гитлера о роспуске «Рабочего содружества». Братья Штрассеры основали в Берлине издательство «Кампфферлаг» и развернули широкую пропагандистскую кампанию, нападая на крупный капитал, особенно на Ялмара Шахта (у многих убежденных национал-социалистов Шахт, связанный с европейским масонством и международными финансовыми кругами, всегда вызывал подозрение. Не случайно в начале 1942 г. его сняли со всех постов, а с июля 1944 г. содержали в концлагерях до конца войны).

Гитлер ответил репрессиями. В сентябре 1926 г. из НСДАП исключили большую группу левых нацистов во главе с Хауэнштайном, Каннѐнбергом и Тиммом (Отто Штрассер отказался следовать за ними). Через два месяца они провозгласили «Независимую национал-социалистическую партию Германии» (ННСПГ) и её боевую организацию – «Союз друзей Шлагетера» (1,5 тысячи членов). В программе новой партии содержались требования социальной и национальной революции, народного социализма и Великогерманской Советской республики. ННСПГ призвала коммунистический «Союз красных фронтовиков» вести совместную борьбу с «буржуазными фашистами». Не получив поддержки, партия распалась в 1927 году, а в апреле Гитлер лишил «Национал-социалистише брифе» статуса официального органа партии.

На Нюрнбергском съезде 1927 г. «левые» выдвинули «пролетарские» требования. Проявив тактическую гибкость, фюрер временно смирился с активностью оппозиции, и на очередном съезде в 1929 г. разрешил создать общегерманскую партийную рабочую организацию. В мае 1930 г. официально провозгласили «Национал-социалистическую организацию производственных ячеек» (НСБО). Благодаря энергии и организаторс-

кому таланту 23-х летнего заместителя Геббельса Рейнгольда Мухова, ячейки были созданы на большинстве крупных предприятий северной Германии. НСБО критиковали капитализм и эксплуатацию не менее жестко, чем марксисты, заменяя интернациональную программу национальной. Геббельс в сочинении «Наци-Соци» писал: «Нет ничего лживее, чем толстый, откормленный буржуа, протестующий против идеи классовой борьбы». В эту картину вписывались оппозиционные группы в КПГ, с 1930 г. нападавшие на «социал-фашизм». Активностью отличались исключенные из партии коммунисты Генрих Брандлер и Август Тальгеймер.

К этому времени в результате резкого роста влияния НСДАП именно на Западе и Севере Германии влияние Грегора Штрассера и позиции его фракции резко улучшились. Этому способствовал переход в партию ряда представителей революционного крыла долго конкурировавшей с НСДАП праворадикальной «Немецко-фёлькишской партии свободы» (видные фигуры среди них – К.Хирль, В.Кубе, В.Штёр). Еще один перебежчик – цу Ревентлов со своей газетой «Рейхсварт» усилил идеологические позиции штрассеровской группы. Бастион «левых» – «Отдел экономической политики» возглавлял доктор философии Отто Вагенер.

В мае 1929 г. пресса левых национал-социалистов и КПГ в совместной кампании против «плана Юнга» резко критиковала традиционных союзников НСДАП – Немецкую национально-народную партию Гугенберга и «Стальной шлем», как «подручных американского финансового капитала», предпочитающих «союз между германской и американской буржуазией своей связи с судьбой нации». Гитлеровское руководство обвиняли в отказе от революции, соглашательстве с клерикалами и монархистами и осуждали за участие в коалиционном правительстве Тюрингии. В очередном проекте программы Отто Штрассер, подспудно оформлявший собственную позицию, писал, что партия «стоит на точке зрения классовой борьбы трудящихся против паразитов всех рас и исповеданий» и снова призывал к созданию «народного советского государства». В этом проекте присутствовал мотив интернационализма, чуждый Грегору Штрассеру. Происходящее дало основание А.Розенбергу весной 1930 г. утверждать, что позиции КПГ, левых социал-демократов и штрассеровской фракции стали «неразличимы».

1 августа 1929 г. Отто Штрассер опубликовал свои «14 тезисов германской революции». В апреле следующего года левые нацисты поддержали забастовку саксонских металлистов, требуя боевого сотрудничества с КПГ. Всё это вызвало ожес-

точенную реакцию правого крыла НСДАП, группировавшегося вокруг Геринга, имевшего обширные давние связи с финансово-промышленными кругами Германии. В мае 1930 г. Гитлер встретился с братьями, убеждая Отто передать ему свое издательство и стать членом рейхстага, но получил отказ. Желание единоличного лидерства оказалось заманчивее короткой карьерной перспективы. Но Гитлер вновь не дал соперникам времени на перегруппировку и объединение сил. Геббельс, лавировавший между фракциями, получил приказ принять организационные меры против штрассеровцев. Гауляйтер Берлина еще сохранял левые убеждения и даже поддержал забастовку, как средство борьбы против «системы» и «плохих» капиталистов. Но приказ он выполнил. В результате Отто Штрассер и его группа вышли из партии, после чего капиталисты перестали считать НСДАП партией левых. Важная цель, поставленная фюрером, была достигнута.

В июле 1930 г. новая группа образовала «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (БСРНС). Вскоре к нему примкнули несколько сот функционеров НСДАП и СА. Эмблема Боевого содружества сочетала меч, молот и черный флаг со свастикой. Однако большинство левых нацистов вновь не решилось порвать с Гитлером, чье влияние на массы становилось все сильнее. КПГ же в соответствии со своей экстремистской сутью объявила организацию Отто Штрассера более вредной, чем сама НСДАП. Это было время резкого усиления влияния нацистской партии в рабочем классе. На выборах 1930 г. за НСДАП голосовали 2 млн. рабочих, 200 тыс. рабочих состояли в СА. Среди членов партии доля рабочих составляла 28% (в два раза больше, чем их доля в КПГ– «партии безработных»). Коммунистическая партия также получила значительный прирост голосов и повела решительную борьбу против «Боевого содружества», двое из трех секретарей которого перешли в КПГ. Но и БСРНС также росло численно. В апреле 1931 г. в нем состояло уже 6 тысяч членов. Пришли коммунисты и члены правых организаций – «Союза Оберланд», «Вервольфа», «Союза Артаманов», «Стального шлема» и национально настроенные интеллектуалы из «Младогерманского ордена».

Большое пополнение «Боевое содружество» получило из штурмовых отрядов, в начале 30-х годов находившихся в постоянном брожении. СА и НСДАП были запрещены после «пивного путча» в ноябре 1923 г., но продолжали действовать под названием «Фронтбан» во главе с капитаном Эрнстом Ремом, выпущенным из тюрьмы сразу после суда. Не признававший

иерархии, основанной на строгом идеологическом единстве, Рем был сторонником объединения партии с многочисленными праворадикальными «фёлькиш-группами», имевшими самостоятельные программы. Он попытался создать из этой кочующей массы «Национал-социалистическую партию свободы», но Гитлер после освобождения из тюрьмы в декабре 1924 г. восстановил НСДАП и развалил партию Рема. В мае следующего года Рем отказался от руководства штурмовиками и уехал военным инструктором в Боливию.

До начала 1926 г. СА подчинялись гауляйтерам, затем их возглавил штрассеровец фон Заломон, разделивший Германию и Австрию на семь групп СА. Скоро Гитлер понял, что из нового руководителя не удастся сделать марионетку. Штурмовые отряды постепенно превращались в один из главных бастионов левого крыла НСДАП. Дело дошло до путча, когда начальник одной из групп Вальтер Стеннес захватил резиденцию Геббельса в Берлине и удерживал ее три дня. Путч подавили с помощью полиции, после чего исключенные из партии путчисты образовали «Национал-социалистическое боевое движение Германии» во главе со Стеннесом, через два месяца сократившееся с 9 до 2 тысяч. Но после присоединения «Боевого движения» к революционным национал-социалистам Отто Штрассера его группа распространила свою деятельность на всю страну. К новой организации, получившей название «Боевого содружества», примкнул ряд «старых бойцов», в их числе бывший адъютант Гиммлера по руководству СС Г.Густерт. Отто стал политическим, а Стеннес – военным руководителем «Боевого содружества», возросшего до 10 тысяч. Однако произошел новый раскол. Часть членов ушла в КПГ и НСДАП. Кроме того, образовались две другие лево-нацистские организации. Вдобавок в сентябре 1931 г. от «Боевого содружества» откололась группа В.Стеннеса, и ко второму имперскому конгрессу революционных национал-социалистов (октябрь) в их рядах осталось около 2,5 тыс. человек.

Распад этих многочисленных групп, конечно, не был делом случая. Случайным было возникновение леворадикальных объединений. Их губило несовпадающее понимание участниками целей движения и применяемых средств, не до конца ясных самим основателям. Самым упорным из них был Отто Штрассер, постоянно пытавшийся воплотить свои расплывчатые идеи в причудливых организационных формах.

В конце 1931 г. в Берлине О.Штрассер объединил праворадикальные, левонацистские и национал-большевистские организации в «Чёрный Фронт», под самоназванием «школа

офицеров и унтер-офицеров немецкой революции». Лозунг Отто «За немецкую народную революцию!» заимствовал к этому времени руководитель КПГ Эрнст Тельман. Постепенно обозначалось отступление от национальных интересов. Позднее Штрассер писал о «Чёрном фронте»: «Это была разновидность масонской организации, которая пустила корни в каждом классе, касте или партии германского общества. Руководящее ядро организации, которое я возглавлял, состояло из верных друзей, порвавших с нацистами и официально сотрудничавших с "Чёрным фронтом". Остальные члены организации оставались в тени. Таким образом, слово "чёрный" означало еще и невидимость и неуловимость наших действий для немецкого общества... У членов "Чёрного фронта" были звания, как принято в масонской ложе и такие "собрания" действовали во всех больших гарнизонных городах и промышленных центрах Германии».

В это время «революционные национал-социалисты» тесно сотрудничали с коммунистами, участвуя в совместных забастовках, демонстрациях, бойкотах и драках со штурмовиками (!). Организовывались различные комитеты, собрания и дискуссии с участием Отто Штрассера и видных деятелей КПГ (В.Мюнценберг, Х.Нойман и др.). На конгрессе революционных национал-социалистов в сентябре 1932 г. двумстам делегатам была представлена новая боевая организация «Чёрная гвардия». Но копии с СС не получилось из-за недостатка дисциплины и подлинной воли к действию. Продолжалась утечка кадров в НСДАП и КПГ. – Москва, улучшив отношения с Францией, потребовала от немецких коммунистов свернуть антиверсальскую направленность и курс на привлечение националистических средних слоев. К Гитлеру вернулись два члена прежних секретариатов НСДАП, а в КПГ ушли пятеро бывших фюреров Гитлерюгенда и активистов штрассеровского движения. Однако небольшая группа вокруг Отто Штрассера и после прихода Гитлера к власти 30 января 1933 г. продолжала активную деятельность, так что в списке «врагов народа» фюрер поместил ее на первое место. – Дело было не в реальном влиянии группы. *Никакая* оппозиция сложившемуся партийному монолиту не допускалась.

Отто Штрассер перебрался в Прагу 30 января 1934 г. Там он объявил о создании «Комитета действий германской революции» как контр-правительства в эмиграции и центра действий всех оппозиционных сил. В начале 1936 г. О.Штрассер стал лидером охватившего довольно широкие круги эмиграции «Германского народно-социалистического движения» с активным

участием бывших коммунистов, социал-демократов, небольших левых групп и оппозиционных нацистов, вроде Германа Раушнинга – автора полуфантастических «бесед» с Гитлером. В следующем году Штрассер создал «Германский фронт против гитлеровского фашизма», а в 1941 г., уже в Швейцарии – «Движение за свободу Германии» и «Немецкий национальный совет».

В послевоенной книге «Гитлер и Я» Отто Штрасер перетолковал смысл своей оппозиции во времена нацизма. Примеряясь к новой мировой конъюнктуре, он писал о «духе европейского единства и коалиции союзников, созданной для того, чтобы сражаться с прусско-большевистской опасностью». Штрассер предлагал «создать на месте Германии федерации независимых областей» (!). Эта цель достигалась конфискацией и разделением крупных поместий, а также национализацией тяжелой промышленности». Таким образом, Отто Штрассер, применяя марксистские идеи, фактически предлагал вернуть Германию в состояние раздробленности, существовавшей до 1871 года. Всё это означало разрыв с центральной идеей национал-социализма, отраженной в его названии. Бурно-хаотическую деятельность этот перманентный (вечный) революционер в стиле Троцкого продолжал вплоть до смерти в 1974 г. С середины 50-х годов он создавал в ФРГ небольшие сектантские группы типа «Союза немецких социалистов» или «Независимой рабочей партии».

Готфрид Федер (1883-1941)

В самой НСДАП борьба за левый, социалистический курс продолжалась после ухода Отто Штрассера в 1930 г. Гитлер долго проявлял сдержанность к левым, используя их в тактических целях. Он вернул Рема из Боливии 1 января 1931 г., когда ему понадобился начальник штаба СА, а в июне 1932 назначил Грегора Штрассера имперским организационным секретарем НСДАП с внушительными полномочиями, но за нелояльность уже 9 декабря лишил его всех партийных постов. Попал в опалу и самостоятельно мысливший

Готфрид Федер. Фракционная борьба в партии обострилась в декабре 1932 г., когда Грегор Штрассер участвовал в попытках генерала Шлейхера создать «рабочее правительство» с опорой на социал-демократические профсоюзы, в надежде на новый раскол НСДАП. 63 нацистских депутата рейхстага помогали ему, включая Кауфмана, Вагенера, Хирля... Гитлер пресек инициативу Шлейхера, а сторонники Грегора в очередной раз предали его.

Тем временем «антипартийная группа Штрассера-Федера» продолжала борьбу. В январе 1933 г. вся земельная организация Средней Франконии выступила против «интриг» и «парламентской болтовни» НСДАП. На партийном съезде в этом месяце прошла бурная дискуссия со штрассеровцами по всем центральным вопросам. В результате последовал разгром нацистского профсоюза – НСБО, радикальные активисты которого были изгнаны из него летом 1933 г. Некоторые попали в концлагеря как «марксистские агенты». В августе Р.Мухов прекратил прием в профсоюз, а через месяц он погиб при таинственных обстоятельствах. НСБО объявили «школой руководящих кадров» Немецкого трудового фронта, руководимого рейхслейтером Робертом Леем, который еще долго придерживался «левых» взгляды на трудовой процесс.

Летом 1933 г. среди штурмовиков стало проявляться недовольство «остановкой революции». Произошли бунты активистов СА в Берлине, Дрездене, Кёнигсберге, Франкфурте. Они привели к массовым чисткам в организации. К концу года исключили 200 тысяч штурмовиков. Летом Рем писал в теоретическом органе «Национал-социалистише монатсхефте»: «СА и СС не потерпит, чтобы германская революция заснула на пороге». В феврале 1934 г. он предложил кабинету министров заменить рейхсвер Народной армией – старое требование левых нацистов, коммунистов и национал-большевиков. Эрнст Рем, ставший в сентябре 1933 г. министром без портфеля, планировал образовать специальное министерство и лично возглавить Народную армию, все военизированные организации и союзы фронтовиков.

Выступая в апреле 1934 г. перед дипломатическим корпусом, Рем, опровергая Гитлера, только что проведшего переговоры с военным руководством Германии, подчеркнул социалистический характер революции национал-социалистов. Он обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению. Рем заявил: «В качестве несокрушимого барьера на пути реакции, мещанства и лицемерия стоят СА, ибо в них воплощается все то, что составляет понятие революции!.. На-

ционал-социалистическая революция в Германии означает прорыв к новому мировоззрению. Расовая обусловленность ее центральной проблемы народной общности доказывает, что новый немецкий идеалистический национализм не имеет никаких влечений к завоеваниям, но обращает свою энергию вовнутрь». 8 июня Рем отдал угрожающий приказ всем подразделениям. Упомянув о врагах СА и их напрасных надеждах, он заявил: «СА были и остаются судьбой Германии!».

В рядах штурмовиков открыто говорили о «второй революции», которая должна искоренить многочисленных «реакционеров» в вооруженных силах и экономике и создать народную национал-социалистическую армию во главе с Ремом. Отто Штрассер сохранил хорошие связи с верховными вождями СА и готов был предоставить им идеологическое обоснование решающих изменений. Эти лица простодушно собирались вырвать Гитлера из союза с реакцией, к которой он, по их мнению, примкнул в интересах захвата власти. Поэтому в неформальный союз против левой угрозы объединились глава рейхсвера Бломберг и откровенный нацист генерал-майор Рейхенау, немецкие националисты в кабинете министров Папена и промышленники во главе с Круппом и Тиссеном. Гитлер пока лавировал между группами.

Но пока рейхсвер топтался на месте, СА завоевали сильные позиции, вобрав в себя весь «Стальной шлем» и подчинив университеты благодаря учреждению там специальных постов. Штурмовики создали «полевую полицию СА» и во многих местах выставили блок-посты, опиравшиеся на вспомогательные лагеря СА. В июле 1933 г. руководство штурмовиков достигло предварительной договоренности с рейхсвером: генерала СА Ф.В.Крюгера назначили главой системы военного образования, и штурмовые отряды стали надзирать за подготовкой кадров в этой системе. Штурмовые подразделения на Востоке достигли давно вынашиваемой цели – получили доступ к складам оружия пограничных войск. Затем штурмовики создали специальную группу, открыто вооруженную винтовками и пулеметами (после гибели Рема в штаб-квартире СА нашли больше оружия, чем было у прусской полиции). Общая численность штурмовых отрядов достигла в конце года четырех миллионов членов. К тому же в СА стекались многочисленные коммунисты, рассчитывая продолжить начатую штурмовиками революцию.

В начале июня руководство СА активизировало работу на предприятиях. Глава политического отдела СА проник на завод Круппа, спровоцировав рабочих прекратить производство. Всё

это вызвало массированную атаку на Гитлера правоконсервативных кругов. Ее застрельщиком стал вице-канцлер Франц фон Папен – доверенное лицо крупных промышленников. 17 июня он заявил: «Руководство партии должно следить за тем, чтобы в стране не развернулась под новыми знаменами классовая борьба. Мы осуществили революцию не для того, чтобы проводить в жизнь программу марксизма. Тот, кто угрожает гильотиной, сам попадет под нож... Ни один народ не может позволить себе вечного восстания снизу, если он должен выдержать испытание историей... С вечной динамикой нельзя сделать ничего определенного по форме. Германия не должна стать движущимся в неизвестное поездом, о котором никто не знает, когда он остановится». Папен угрожал Гитлеру своей отставкой, фон Нейрата и фон Крозигка, а военный министр Бломберг – введением чрезвычайного положения. 25 июня командующий сухопутными войсками Фриче объявил боевую тревогу в рейхсвере, приказав солдатам оставаться в казармах. Рема исключили из Германского союза офицеров. Все известные факты ставят под сомнение распространенную версию о подделке доказательств заговора в СА Герингом и Гиммлером.

Гитлер срочно созвал совещание высшего руководства СА, и 30 июня 1934 г. – в «ночь длинных ножей» в Бад-Висзее близ Мюнхена отряды СС уничтожили почти всю верхушку штурмовиков. Попутно расстреляли старого противника национал-социалистов – бывшего канцлера Шлейхера, его соратника генерала Бредова и комиссара мюнхенской полиции в 1923 г. Густава фон Кара. Погиб Грегор Штрассер – прямодушный идеалист, борец за социальную справедливость и национальную чистоту. Особую часть убитых составили руководители католического движения – Клаузнер, Пробст и фон Бозе, а также идеологи папеновского «Клуба господ» Шотте и Юнг. Сам Папен случайно избежал расправы. Все эти лица не поняли глубины происходящих событий. Фон Папен вызвал недовольство Гитлера угрозами в адрес его движения, гораздо более радикального, чем представлялось католическим консерваторам, связь которых с враждебными нацизму международными кругами до конца не была нарушена и в годы войны 1939-45 гг. В немецком народе расправу со штурмовиками встретили с полным сочувствием.

После гибели Рема в СА еще действовала левая группа – «Колонна Шредингера», издававшая бюллетень «Красный штандарт». Группа имела тесные контакты с военно-политическим аппаратом КПГ, возглавлявшимся бывшим офицером

Кайзера Г.Киппенбергером. Знаменательно, что во время репрессий 1938 г. в СССР исчезли несколько членов Политбюро КПГ, включая Киппенбергера, Гейнца Ноймана, Гуго Эберляйна – единственного немца среди основателей III Интернационала и Германа Реммеле, написавшего в 1932 г. 2-х томную книгу – гимн Советскому Союзу. Тайно симпатизировавшие друг другу национальные диктаторы одобряли подобные методы расправы с оппозиционными группами и идеологически чуждыми элементами.

Одновременно с разгромом СА Гитлер принял меры против радикальных действий левых в экономике. Получив власть, бывшие функционеры штрассеровского крыла начали активно вмешиваться в дела крупного капитала. Отто Вагенер (1888-1971) в должности имперского комиссара экономики пытался диктовать законы Объединению германских работодателей и в июне 1936 г. был снят с поста. Во время «ночи длинных ножей» он был арестован и на короткое время исключен из СА. С 1940 г. служил в вермахте и завершил свою карьеру в конце 1944 г. военным губернатором оккупированных Германией Додеканесских островов. Адриан фон Рентельн (1897-1946), ставший председателем Германского промышленного и торгового совета (1933-35), начал кампанию против крупных универсальных магазинов. Тогда Гитлер воспрепятствовал этому, но впоследствии он применил часть этих мер в более гибких формах. В августе 1941 фон Рентельн потерял все экономические должности и был назначен генеральным комиссаром Литвы, (после войны выдан советским властям и повешен).

Поучительна судьба Готфрида Федера (1883-1941) – автора пунктов 10-14 и 16-18 знаменитой программы НСДАП. В них содержались требования конфискации военных прибылей, национализации промышленных трестов, участия рабочих в прибылях крупных коммерческих предприятий, изъятия из частной собственности крупных магазинов и сдачи их в наём по низким ценам мелким арендаторам, принятия закона о безвозмездной конфискации земель. Готфрид Федер считал национал-социалистическое движение двойной противоположностью «капитализму и его марксистским сателлитам». С 1931 он возглавлял Экономический совет НСДАП, а в июле 1933 г. был назначен статс-секретарем Имперского министерства экономики. В этой должности он пытался создать поселения фермеров вокруг больших городов, что вызвало протест Германской организации фермеров – средоточии крупных землевладельцев, и в декабре 1934 г. Федера удалили из министерства. С 1936 г. он преподавал в Высшей технической школе в Берлине, не под-

вергаясь репрессиям и рассматривал Третий рейх как «измену революции».

Рудольф Гесс (1894-1987)

Несколько видных партийных функционеров не прекращали оппозиционную деятельность. Верховный руководитель СА с 1926 по 1930 г. Пфеффер фон Заломон, возглавивший затем дипломатическую разведку Германии, был исключен из партии в 1941 г., после побега Р.Гесса в Англию, как его друг. В 1944 г. его арестовал М.Борман по подозрению в связи с участниками заговора против Гитлера. В следующем году фон Заломон командовал дивизией фольксштурма.

Гельмут Брюкнер (1896-1951) – активист нацистского движения с 1924 г., в 1932 г. на важном посту земельного инспектора «Восток» стал одним из руководителей НСДАП. В начале 1935 г. его исключили из партии как сторонника самостоятельной политики СА. До конца войны он работал на фабрике, был арестован СМЕРШем и умер в советском лагере.

Остался оппозиционером член НСДАП с 1922 г. Йозеф Вагнер (1899-1945), гауляйтер Вестфалии (1928) и Силезии (1936). Вагнер осуждал политику захватов в Европе и противился антицерковной политике Бормана в своих провинциях. Его сняли со всех постов в 1940 г. как сторонника смещения Гитлера. В конце 1943 г. он был арестован гестапо, привлечен к расследованию заговора 1944 г. и казнен за две недели до окончания войны.

Биография других штрассеровцев в НСДАП сложилась по-иному. Доктор философии, рейхслейтер Роберт Лей (1890-1945) в конце 1925 г. безоговорочно встал на сторону Гитлера. До прихода партии к власти он занимал в ней два крупных поста, сначала имперского организационного руководителя, затем – главы Политической организации НСДАП. После 1933 г. Лей фактически потерял влияние в партийном руководстве, возглавив Германский трудовой фронт (ДАФ) и благотворительную рабочую организацию «Сила через радость».

Члена НСДАП с 1922 г., одного из руководителей гау Рур Эриха Коха (1896-1986), близкого сотрудника Грегора Штрассера, исключили из партии при разгроме Гитлером оппозиции в июле 1928 г., но вскоре восстановили. С 1928 по 1945 г. он занимал важный пост гауляйтера Восточной Пруссии, а с 1941 г. был также рейхскомиссаром Украины. Приговоренный к пожизненному заключению, Кох умер в польской тюрьме.

Гауляйтер Мекленбурга в 1925-45 гг. Фридрих Гильдебрандт (1898-1945) тесно сотрудничал с Г.Штрассером и в 1931-32 гг. резко критиковал экономическую политику Гитлера, но затем вернулся к нему. На процессе в Дахау был признан виновным в казни американских летчиков и повешен.

Ряд бывших приверженцев Г.Штрассера, не проявлявших чрезмерной активности, занимали крупные посты в государстве и партии накануне и после прихода Гитлера к власти. Бернгард Руст (1883-1945) с апреля 1933 г. возглавлял Имперское министерство науки, воспитания и образования (застрелился при подходе союзников). Член НСДАП с 1921 г. Карл Кауфман (1900-69) был гауляйтером Рура (1926-28), а затем Гамбурга (1929-45). Гауляйтор Саксонии в 1925-45 гг. Мартин Мучман (1879-1948), взятый в плен СМЕРШем, умер в московской тюрьме. Генрих Лозе (1886-1964) – гауляйтер Шлезвиг-Гольштейна (1925-45) и рейхскомиссар «Остланда» (оккупированная Белоруссия и Прибалтика), освободился из заключения в Германии в 1951 г. Константин Хирль (1875-1955) с 1931 г. возглавлял различные трудовые структуры Германии, став в конце 1935 г. Имперским руководителем рабочих и зам. министра внутренних дел.

Эрих Кох
(1896-1986)

Сразу после «ночи длинных ножей» была проведена основательная чистка в партии и Национал-социалистическом союзе студентов. Пятую часть функционеров, принятых в партию до 1933 г., сняли с постов (в Берлине – свыше 50). Их заместили вновь принятыми членами НСДАП.

С приходом к власти в Германии национал-социалистов было ликвидировано еще одно обширное политическое течение, имевшее органичес-

кие корни в новой немецкой истории – *национал-большевизм*. Он возник в Веймарской Германии как синтез правого национализма, уязвленного Версальским договором, французской оккупацией и еврейским доминированием в экономике и политике, с революционным пролетарским социализмом. Национал-большевизм стремился под красным флагом социальной революции, в военном союзе с Советской Россией решить национальные проблемы Германии. Его сторонники надеялись, что большевизм в Германии не будет носить ярко выраженный деспотический характер, если придет к власти при поддержке состоятельных и образованных людей.

В 1919 г. в стране появились десятки добровольных вооруженных корпусов – «фрайкоров». Их возглавляли Рем, Гиммлер, Геринг, Г.Штрассер, но также будущие коммунистические руководители: Б.Ремер, Л.Ренн, Х.Плаас, Бодо Узе. Многие из них рекрутировались из 200 тысяч безработных капитанов и лейтенантов рейхсвера. Кроме фрайкоров размножились традиционные для Германии «юношеские союзы» и «фёлькишские» (народные) организации с националистической и антисемитской окраской. Все они стали питательной средой для возникновения и нацистских, и национал-большевистских объединений.

Лидеры национал-большевиков вышли из интеллектуальной элиты. Эрнст Никиш, Карл Отто Петель, Вернер Ласс были публицистами; Пауль Эльцбахер, Ганс фон Хентинг, Фридрих Ленц – университетскими профессорами; Бодо Узе, Беппо Ремер, Хартмут Плаас – военными; Карл Трёгер, Крюпфган представляли чиновников и юристов.

Исходным материалом для появления национал-большевизма послужило мощное течение «консервативных революционеров»: «младоконсерваторов» (ван ден Брук, О.Шпенглер) и «неоконсерваторов» (Эрнст Юнгер, фон Заломон, Фридрих Хильшер), и связанное с ними «национал-революционное движение». Свою ненависть все эти силы распространили на цивилизацию Запада, которая ассоциировалась у них с гуманизмом, либерализмом и демократией.

Шпенглер, а позднее Геббельс описывали социализм как прусское наследие, а марксизм – как «еврейскую западню» для отвлечения пролетариата от его долга по отношению к нации. Национал-революционеры относили это к Троцкому, но не к Ленину и Сталину (в середине 20-х годов они пытались организовать в СССР покушение на Льва Троцкого). Эти люди ценили советский опыт первых пятилеток и централизацию управления экономикой. В 1931 г. Э.Юнгер писал в эссе «Тоталь-

ная мобилизация»: «Советские пятилетки впервые показали миру возможность объединить все усилия великой державы, направив их в единое русло». Популярной была идея экономической автаркии, ярко изложенная в книге «Конец капитала» Фердинандом Фридом – членом кружка, сложившегося вокруг национал-революционного журнала «Ди Тат» (1931). Главный редактор журнала А.Кукхоф писал: «Единственное средство изменения сложившегося социального и политического состояния Германии – насилие масс... путь Ленина, а не путь Социалистического Интернационала».

Национал-революционеры выдвинули идею «пролетарского национализма», в русско-прусской традиции разделяя народы на угнетенные и господствующие – «молодые» и «старые». К первым относили немцев, русских и другие народы «Востока» (!). Они – «жизнеспособны» и обладают «волей к борьбе». Национал-революционные группы приветствовали проведенную в 1927 г. в Берлине учредительную конференцию «Лиги против империализма», инспирированную Коминтерном.

Сходные идеи развивали в начале 20-х годов итальянские националисты и ван ден Брук, писавший в1923 г.: «Мы – народ в узах. Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?». – Подобные взгляды «умеренных» консерваторов вполне согласовывались с военно-политическими действиями Гитлера в Европе, от которых впоследствии многие из них открестились.

Не случайно многие участники национал-революционного движения со временем примкнули к нацистам (А.Винниг, Г.Г.Техов, Ф.Шаубеккер). Другие, пройдя через увлечение национал-социализмом, встали в «аристократическую» оппозицию к нему (Э.Юнгер, фон Заломон, Г.Эрхардт). Стали коммунистами А.Броннен, А.Кукхоф). Четверть вожаков и публицистов «неоконсерваторов» (Никиш, В.Лаас, Петель, Х.Плаас, Ганс Эбелинг) перешли к национал-большевикам – составив три четверти участников нового движения. Остальные национал-большевики пришли из коммунистического лагеря.

Смещаясь влево, национал-революционеры объявили, что добиться национального освобождения можно лишь предварительно достигнув социального, и что это может сделать только немецкий рабочий класс (Э.Юнгер, «Рабочий», 1932 г.). Эти люди называли либерализм «моральным недугом народов» и считали СССР союзником в борьбе против Антанты. Их героями были Фридрих II, Гегель, Клаузевиц и Бисмарк.

Взгляды революционных националистов во многом совпадали с программами русских эмигрантских течений – «сменовеховцев» и особенно «евразийцев». Между журналами «Ди Тат» и «Евразия» установились тесные связи. Еще в 1921 г. Н.П.Савицкий писал: «Чувство, именуемое "патриотической страстью", приводит к национал-большевизму. Лучшим в нынешних безмерно трудных обстоятельствах представляется сохранение годного политического аппарата большевиков при изменении их бессмысленной экономической политики... В области политической большевики сумели выделить годные элементы из всех слоев русского общества».

Национал-большевики после отделения от национал-революционеров добавили в список почитаемых имён Ленина, Сталина, а некоторые и Маркса. Они осуждали фашизм и нацизм, «переродившиеся» после 1930 г., пропагандировали классовую борьбу, диктатуру пролетариата, Систему Советов и «Красную армию вместо Рейхсвера». Основной постулат национал-большевизма не уступал в резкой определенности излюбленным формулировкам гитлеровской партии. Он подчеркивал всемирно-историческую роль угнетенной (революционной) нации в борьбе за построение тоталитарного национализма ради грядущего национального величия Германии. Национал-большевики призывали соединить большевизм с пруссачеством, установить «диктатуру труда» (рабочих и военных), национализировать основные средства производства; опираясь на автаркию, ввести плановое хозяйство; создать сильное милитаристское государство под управлением фюрера (!) и партийной элиты. Несмотря на ряд совпадений с программой НСДАП, все это далеко отстояло от центральной идея «Mein Kampf» – искоренения большевизма и завоевания восточных территорий.

Для понимания национал-большевизма нужно отметить присутствие в рейхсвере сильной группы, выступающей за советско-германское сотрудничество. Её вдохновителем был главнокомандующий рейхсвера генерал Ганс фон Сект, активными сторонниками – военный министр Отто Гесслер и фактический начальник Генштаба Отто Хассе. Во время польско-советской войны Сект, поддерживая контакты с Председателем РВС Советской Республики Троцким, считал возможным в союзе с Красной Армией ликвидировать Версальскую систему. Шоком для Запада было подписание в апреле 1922 г. Раппальского договора, возобновившего дипломатические отношения между Германией и Россией в полном объеме. Это стало подтверждением русофильской прусско-немецкой тра-

Иоганн фон Сект

диции. «Фёлькишер Беобахтер», напротив, писала о «раппальском преступлении Ратенау», как о «личном союзе международной еврейской финансовой олигархии с международным еврейским большевизмом». После 1923 г. начались закрытые военные контакты двух стран. Главком вооруженных сил генерал Бломберг восторгался речью Ворошилова «За сохранение тесных военных отношений с рейхсвером».

Фон Сект излагал идеи сближения Германии с Советским Союзом до 1933 г. («Рейхсвер», «Будущее германского рейха», «Мысли солдата»). До начала войны с СССР вели просоветскую пропаганду генералы и теоретики рейхсвера – Фалькенгейм, Г.Ветцель, фон Метч, Кабиш, барон фон Фрейтаг-Лорингхофен. Характерно изменение позиции крупных промышленников Германии. Если в начале 20-х годов Г.Стиннес, А.Фёглер и др. активно снабжали финансами антибольшевистское движение, то десятилетие спустя монополисты Э.фон Борзиг и П.Клёкнер после посещения СССР заручились планами закупки немецкого оборудования, воодушевленные масштабами предполагаемой выручки. Идеологические соображения у такого рода лиц всегда отступали перед возможностью обогатиться.

Постепенно события объединяли в Германии многих участников разворачивающейся мировой драмы. С первых дней революции в России национал-большевистские идеи «носились в воздухе». Октябрь 1917 г. приветствовал издатель популярнейшего буржуазного еженедельника «Ди Цукунфт» М.Гарден в 2-х томном труде о современной истории «Война и мир» (1918). Видный политик и промышленник Вальтер Ратенау в эссе «Кайзер.Размышления» (1919) с воодушевлением писал о «перспективах социализма».

Пионером национал-большевизма стал профессор, доктор права, ректор Берлинской высшей школы коммерции Пауль Эльцбахер (1868-1928), депутат Рейхстага от Немецкой национальной народной партии (НННП). Его статья в «Дер Таг» 2 апреля 1919 г. была первым изложением идей национал-большевизма: соединение большевизма и пруссачества, Советская система в Германии, союз с Советской Россией и Венгрией для

отпора Антанте. По мнению Эльцбахера, Россия и Германия должны были защищать от агрессии Запада Китай, Индию и весь Восток и установить новый мировой порядок (!). Он одобрял «беспощадное наказание ленивых и недисциплинированных рабочих Лениным». Эльцбахер ожидал от подобного поворота событий защиты от разрушения старых культур «поверхностной цивилизацией Англии и Америки». «Большевизм означает не смерть нашей культуры, а ее спасение», – обобщал профессор.

Статья получила широкий отклик. Один из руководителей НННП, крупный историк и специалист по Востоку Отто Гётч также выступил за тесное сотрудничество с Советской Россией. Член партии Центра, министр почт И.Гисбертс заявил, что для сокрушения Версальской системы необходимо немедленно пригласить советские войска в Германию. В органе Союза сельских хозяев «Дойче Тагесцайтунг» (май 1919 г.) появилась статья «Национальный большевизм», которая ввела этот термин в политический оборот в Германии. В этом же году П.Эльцбахер издал брошюру «Большевизм и немецкое будущее» и вышел из НННП после осуждения партией его публикации. Позднее он сблизился с КПГ, а в 1923 г. вступил в инспирированную Коминтерном «Международную рабочую помощь». В том же 1919 г. вышла брошюра профессора криминалистики, офицера первой мировой войны и антиверсальского активиста Ганса фон Хентинга (1887-1970) «Введение к германской революции». Через два года Хентинг издал «Немецкий манифест» – наиболее яркое изложение идей национал-большевизма того времени. В 1922 г. фон Хентинг установил контакт с лидером национального крыла коммунистов Генрихом Брандлером и стал военным советником в аппарате КПГ. Через брата-дипломата Хентинг поддерживал связи с рейхсвером и готовил в Тюрингии «красные сотни» для будущих событий.

В организационном плане идеи национал-большевизма пыталась воплотить в жизнь группа бывших радикалов, а позднее коммунистов, во главе с Генрихом Лауфенбергом и (евреем!) Фрицем Вольфгеймом. Во время первой мировой войны историк рабочего движении Лауфенберг и его молодой помощник Вольфгейм, успевший побывать в США и пройти школу борьбы в анархо-синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира», возглавляли левое крыло гамбургской организации СДПГ. После революции 1918 г. Лауфенберг некоторое время руководил гамбургским Советом рабочих, солдат и матросов. Вместе с Вольфгеймом он участвовал в организации КПГ, а после ее раскола перешел в Коммунистическую рабо-

чую партию Германии (КРПГ) вместе с 40% членов КПГ. Они призывали немецких рабочих к народной войне для создания Коммунистической Советской республики. К «патриотическим силам» эти лица относили националистические слои буржуазии, включая самые «реакционные».

В апреле 1920 г. Лауфенберга и Вольфсгейма по требованию Коминтерна исключили уже из КРПГ. Через три месяца они вместе с бывшим редактором органа КПГ «Ди Роте Фане» Ф.Венделем основали «Союз Коммунистов» (СК), принявший экономическую программу в духе «обобществленного хозяйства» известного левого экономиста Сильвио Гайзеля, уже проводившуюся в Баварской Советской республике. Постепенно к работе СК подключилась часть левых нацистов (Р.Шапке) и национал-большевиков (К.О.Петель).

Тогда же (1920) оба бывших коммуниста в Гамбурге инициировали создание «Свободной ассоциации по исследованию германского коммунизма» (САС) из офицеров колониальных частей генерала Леттова-Форбека, под руководством известных публицистов братьев Гюнтеров. Среди сторонников САС были крупные фигуры – Мюллер ван ден Брук, правительственный советник Севин, один из лидеров лево-нацистского движения в Веймарской республике Эрнст цу Ревентлов. К САС примкнул ряд лиц с академической подготовкой и множество бывших офицеров, большей частью молодого поколения (национал-большевики выше всего ценили военную дисциплину). В августе 1920 г. член САС советник юстиции Ф.Крюпфганс выпустил получившую широкий резонанс брошюру «Коммунизм как немецкая национальная необходимость». Через четыре года братья Гюнтеры и двое издателей основали в Гамбурге «Националистический клуб» с журналом «Немецкий фронт», а с конца 20-х годов издавали журнал «Молодая команда», близкий по направлению к национал-большевизму.

Альберт Лео Шлагетер

Вершина деятельности Союза Коммунистов пришлась на март 1921 г., во время неудачной попытки путча со стороны КПГи КРПГ. Тогда СК готовился

включить в планируемое национальное правительство группу своих военспецов. В Гамбургском восстании (окт.1923) СК не участвовал, так как большинство его членов во главе с Вольфсгеймом накануне подверглись превентивному аресту.

VÖLKISCHER BEOBACHTER

Röhm verhaftet und abgesetzt

Газета «Фёлькишер Беобахтер»

В 1920-21 гг. национал-большевистские идеи распространились среди баварских коммунистов. Там под влиянием фон Хентинга их пропагандировали в газете КПГ секретарь партячейки О.Томас и депутат ландтага Отто Граф. Они вступили в сотрудничество с крайне «реакционным» «Оберландом», возглавлявшимся капитанам Ремером, и за это были исключены из партии как «оппортунисты». Но контакты коммунистов с фрайкоровцами продолжались, например, во время боев в Силезии в 1921 г.

Первый пик влияния национал-большевистских идей проявился во время оккупации Рура франко-бельгийскими войсками в 1923 г., сопровождавшейся безработицей, голодом и анархией. Коммунисты занимали тогда важнейшие посты в фабзавкомах и комитетах контроля, сформировав около 900 пролетарских сотен (до 20 тыс. в одной Саксонии). Они приняли политику сотрудничества с германскими националистами, которую провозгласил лидер КПГ и ведущий идеолог Коминтерна Карл Радек под названием «Курс Шлагетера».

На расширенном заседании Коминтерна (1923) в речи, посвященной памяти одного из культовых нацистских героев – убитого французами Альберта Лео Шлагетера, Радек призвал фашистов в союзе с коммунистами к борьбе с «антантовским капиталом». «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, – заявил Радек. – Имя его много говорит немецкому народу... Шлагетер – мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить германскому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром... Против кого хотят бороться герман-

ские националисты? Против капитала Антанты, или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала, или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов? Если патриотические группы Германии не решатся сделать дело большинства народа своим делом и создать, таким образом, фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в никуда». В заключение Радек критиковал гробовое спокойствие социал-демократов, утверждая, что активная сила контрреволюции перешла теперь к фашистам.

Неискушенным в хитроумной политике Коминтерна немецким националистам эта речь показалась откровением прозревшего коммуниста. Было забыто еврейское происхождение Радека, в другое время бывшее для левых нацистов символом извечного приспособления этих лиц. Но М.Шойбнер-Рихтер писал в «Фёлькишер Беобахтер» о «слепоте значительных мужей Германии, не желающих замечать угрожающей большевизации Германии». Еще раньше Гитлер заявлял, что 40% немецкого народа стоит на марксистских позициях, и это самая активная его часть, а в сентябре 1923 г. он говорил, что воля направляемых из Москвы коммунистов тверже, чем у обрюзгших мещан вроде Штреземана.

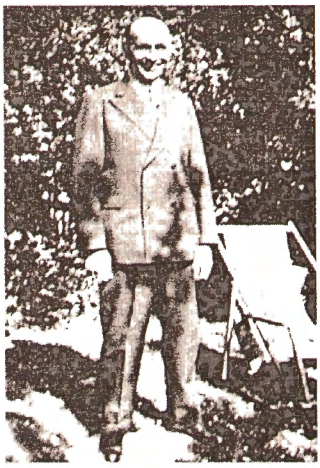
В это время возможность сотрудничества с КПГ обсуждали Цу Ревентлов и другие национал-революционеры, а «Ди Роте Фане» печатала их выступления. НСДАП и КПГ выступали на собраниях друг у друга. Один из руководителей НСДАП «периода борьбы» Оскар Кёрнер, второй председатель партии в 1921-22 гг. (первым был Гитлер), на партийном собрании заявил, что национал-социалисты хотят объединить всех немцев, и говорил об общности с коммунистами, чтобы положить конец «хищничеству матерых волков биржи». По приглашению штутгартской организации НСДАП на ее собрании выступил активист КПГ Г.Ремеле. Речь Радека приветствовала Клара Цеткин, а лидер левой фракции в КПГ Рут Фишер писала: «Кто призывает к борьбе против еврейского капитала, тот уже участвует в классовой борьбе, даже если сам не подозревает об этом». В свою очередь, нацисты и «фёлькише» звали к борьбе против евреев в КПГ, обещая взамен свою поддержку.

В 1923 г. появились брошюры: «Свастика и советская звезда. Боевой путь коммунистов и фашистов» и «Дискуссия между Карлом Радеком, Паулем Фрейлихом, Э.-Г. цу Ревентловым и М. ван ден Бруком» (двое первых – лидеры КПГ). Коммунисты и националисты всех мастей боролись рука об руку против

французов в Руре (лидер здешней военно-политической организации КПГ Анри Робинсон – «Гарри» в 1942 г. был арестован в Париже гестапо и казнен как резидент ГРУ!). В Восточной Пруссии бывший офицер, коммунист Э.Волленберг активно сотрудничал с фрайкором «Оргеш».

Но уже в конце 1923 г. в руководстве КПГ начала преобладать линия на свертывание союза с националистами. Их объявили «слугами крупного капитала, а не бунтующими против капитала мелкими буржуа», как считали Фрёлих, Ремеле и другие сторонники сотрудничества. Тут сыграла роль непреодолимый для национал-революционеров и нацистов антисемитизм. Несмотря на пятикратную (!) смену руководства КПГ в Веймарской Германии, в каждом из них евреи составляли огромный процент, фактически доминируя, но оставаясь на втором плане (еврейка Роза Люксембург при немце Карле Либкнехте, затем единолично еврей Пауль Леви, еврей А.Тальгеймер при немце Генрихе Брандлере, еврей Аркадий Маслов при немке Рут Фишер, евреи Х.Нойман, а затем В.Хриш при немце Эрнсте Тельмане). Не составляли исключения инструкторы, представители и сотрудники Коминтерна в Германии: Радек, Яков Рейх – «товарищ Томас», Август Гуральский – «Кляйне», Белла Кун, Михаил Грольман, Борис Идельсон и другие. Неопределенную границу между правыми либералами и консерваторами тогда можно было установить по тому, объясняют ли они особенности русской революции преобладающим участием евреев в ее руководстве, или находят другие объяснения.

Между тем, в начале 20-х годов резко увеличилось число националистических организаций за счет преобразования многих фрайкоров в гражданские «союзы». Некоторые при этом левели, приобретая ярко выраженный национал-большевистский характер. Один из самых крупных союзов, проделавших подобную эволюцию, – «Бунд Оберланд» возник из «Боевого союза», основанного в 1919 г. для борьбы против левых в Баварии членами знаменитого «Общества Туле», в составе которого были основатели и первые функционеры НСДАП – Антон Дрекслер, Дитрих Эккарт, Готфрид Федер, Карл Харрер, Рудольф Гесс, Макс Аманн. В следующем году несколько десятков тысяч оберландовцев сражались против «Красной армии Рура», а в марте 1921 г. дрались с поляками в Верхней Силезии. Они активно участвовали в «Капповском путче», входя вместе с геринговскими СА и ремовским «Союзом имперского военного флага» в «Рабочее содружество отечественных боевых союзов».



Йозеф «Беппо» Ремер

Основали «Оберланд» офицеры братья Ремеры. Один из них – Йозеф Ремер («Беппо») стал военным лидером организации. Формальным руководителем «Оберланда» числился крупный правительственный чиновник Кнауф, но в августе 1922 г. Ремер выгнал его за «сотрудничество с буржуазией» (!). Новым председателем стал будущий участник «Пивного путча», впоследствии группенфюрер СС Фридрих Вебер (1892-1955), также вскоре отстраненный Беппо Ремером. После путча фактически существовало два «Оберланда» – Ремера и Вебера. Летом 1926 г. Й.Ремера арестовали при встрече с Брауном – одним из лидеров нелегального военно-политического аппарата КПГ и советским разведчиком. В «Оберланде» произошел кризис. Часть его членов во главе с Остеррайхером перешла в НСДАП, группа Беппо через некоторое время обосновалась в КПГ.

В это время левую линию пыталась проводить часть ведущих функционеров НСДАП и не только из тактических соображений. Известный соратник Гитлера полковник Макс Бауэр в заметках о путешествии в «Страну красного царя» писал, что его мнение об СССР и руководителях партии изменилось после знакомства с очень многим, что соответствовало его консервативным и милитаристским принципам. В 1926 г. руководитель нацистской фракции в рейхстаге и будущий министр внутренних дел Германии Вильгельм Фрик, внес предложение об экспроприации имущества «банковских и биржевых князей и других паразитов народа».

«Оберланд» Вебера в этом году принял национал-революционную программу ван ден Брука и создал параллельный союз «Товарищество Третьего Рейха» под председательством национал-большевика Эрнста Никиша, с тех пор олицетворявшего это течение в целом. Никиш в своей газете «Видерштандт» нападал на национал-социалистов, видя в них враждебную силу романизации на немецкой земле, притупляющей остроту борьбы против Версаля. Он осуждал урбанизацию, буржуазный декаданс и капиталистическую денежную эко-

номику. Критика большевизма, по мнению Никиша, означала отрицание того русско-азиатского образа жизни, в котором заключалась единственная надежда на ее «эвакуацию с перины английской проституции».

В 1929 г. три четверти членов веберовского «Оберланда» вместе с лидером вступило в НСДАП, а оставшиеся 500 человек в сентябре 1930 г., перед выборами в рейхстаг призвали своих сторонников голосовать за КПГ, опубликовавшую перед этим «Программу национального и социального освобождения германского народа» (то же сделали многие националистические объединения). В 1931 г. «Бунд Оберланд» Ремера организационно слился с кружком Э.Никиша и принял название «Товарищество сопротивления» с отделениями в крупных городах Германии.

Беппо Ремер и его люди тогда же открыто объявили о приверженности коммунизму. Во время «Ночи длинных гожей» Ремера арестовали. По выходе он создал из бывших оберландовцев нелегальную организацию «Революционные рабочие и солдаты». Используя личные контакты с группой высших офицеров (Э.Диттель, Риттер фон Грайм, фон Хаммерштайн-Экворд, Вильгельм Лист – все будущие генералы и генерал-фельдмаршалы Гитлера!), Беппо продолжал шпионить на СССР. После прихода к власти национал-социалистов Ремера вновь арестовали и казнили по обвинению в покушении на Гитлера.

Большое распространение идеи национал-большевизма получили в крестьянском движении Веймарской республики. Акты насилия и террор распространились в этой среде после того, как многие его лидеры (Бодо Узе, фон Заломон, Х.Плаас – бывшие офицеры и фрайкоровцы) примкнули к КПГ, пройдя через националистические союзы и НСДАП.

Начало 30-х годов вновь резко оживило национал-большевистское движение, так как мировой экономический кризис тяжелее всего отразился на Германии. Центрами национал-большевизма становятся небольшие кружки активистов. Если в 20-е годы они собирались вокруг близких по духу национал-революционных изданий («Ди Тат», «Коменден», «Формарш»), то теперь у них появились собственные: «Умштюрц» Вернера Ласса, «Гегнер» Х.Шульце-Бойзена, «Социалистише Нацьон» Карла-Отто Петеля, «Форкемпфер» Ганса Эбелинга... Всего в этих кружках состояло до 10 тыс. человек. Для сравнения: численность военных националистических союзов в конце 20-х годов составляла от 6-15 тысяч («Викинг», «Бунд Танненберг», «Вервольф») до 70 тыс. членов («Младогерманский Орден»).

«Стальной шлем» тогда насчитывал несколько сот тысяч человек, а военизированная организация КПГ «Союз красных фронтовиков» – 76 тысяч.

Сравнительная малочисленность национал-большевистских организаций начала 30-х годов компенсировалась их большой активностью и значительным числом близких по ориентации объединений. В числе прочих к ним примыкали «Немецкое социалистическое боевое движение» Готтхарда Шильда, «Младопрусский союз» Юппа Ховена, «Немецкий социалистический рабоче-крестьянский союз» Карла Бааде.

Каждая национал-большевисткая организация имела особенности. «Видерштандт» Э.Никиша выступал в основном по внешнеполитическим вопросам, ратуя за германо-славянский блок «от Владивостока до Флессингена»; «Форкемпфер» делал упор на плановую экономику, «Умштюрц» пропагандировал «аристократический социализм» (большую популярность здесь имела работа Ленина «Что делать»!), «Социалистише Нацьон» соединяла национализм с идеями классовой борьбы, диктатуры пролетариата и Советов; «Гегнер» внушал ненависть к Западу, призывая германскую молодежь к революции в союзе с пролетариатом. Все вожаки этих групп, за исключением Никиша, были выходцами из ультраконсервативного лагеря.

В стороне от этой пятерки собственно национал-большевистских групп стоял сходный по тактическим действиям «Рабочий кружок «Ауфбрух» («Прорыв»). Его возглавляли бывшие лидеры «Оберланда» – офицеры Беппо Ремер, К.Дибич, Г.Гизеке и Э.Мюллер, писатели Бодо Узе и Людвиг Ренн, бывшие штрассеровцы Р.Корн и В.Рем. Эта организация, действовавшая в Берлине и пятнадцати германских землях, насчитывала 300 активистов. Она полностью контролировалась КПГ и занималась переманивания командных кадров для своих боевых групп при создании ударного кулака в борьбе за власть.

Появление этой группы было связано с очередной пропагандистской кампанией Коминтерна – так называемым «курсом Шерингера» (бывшего офицера фрайкора) на привлечение в КПГ антиверсальскими лозунгами средних слоев, в том числе «революционно-пролетарских» элементов из нацистской среды. Лейтенант Рихард Шерингер, приговоренный в 1930 г. к заключению за национал-социалистическое разложение войск рейхсвера, в тюрьме осознал, что «политика силы по отношению к западным державам возможна только с предварительным уничтожением либерализма, пацифизма и западного декаданса». «Курс Шерингера», задуманный как масштабное предприятие, проводился с августа 1930 до октября 1932 г. и

принес значительные плоды. Под его влиянием в КПГ перешло множество национал-большевиков, бывших фрайкоровцев и нацистов, руководителей национального крестьянского («Ландфолькбевегунг») и молодежного движения (Эберхард Кёбель, Герберт Бохов, Ганс Кенц и др.). В результате КПГ резко увеличила численность и голоса на выборах.

Все же в результате резкой поляризации сил гораздо большее число бывших фрайкоровцев и членов националистических союзов перешло в НСДАП и СА, особенно во второй половине 1932 г. Сторонники строгой дисциплины и твердого курса сделали тогда окончательный выбор, в то время как масса лиц с неустойчивыми взглядами продолжала кочевать по организациям и партиям. К тому времени «курс Шерингера» был снят Москвой с повестки дня. Это решение имело достаточно рациональное объяснение, так как у власти в Германии находился «западник» фон Папен, и советская компартия решила переориентироваться на союз с Францией, приказав КПГ следовать новому курсу.

С приходом к власти Адольфа Гитлера национал-большевистское движение в Германии было легко и быстро ликвидировано. Его участники эмигрировали (Эбелинг, Петель), подверглись репрессиям (сотни сторонников Никиша в 1937 г.) или были убиты при нелегальной работе, как Д.Шер. Журнал Эрнста Никиша «Видерштандт» закрыли в 1934 г., а его через пять лет приговорили к длительному сроку заключения. Как будто подтверждались опасения «правых» нацистских идеологов, предупреждавших в «период борьбы» о провокационности большевистских тенденций с нестойкой национальной окраской. В ранней брошюре «Чума в России» Альфред Розенберг писал об угрозе «движения западно-азиатского духа против Европы». Когда в июне 1921 г. православный национал-социалист Макс Шойбнер-Рихтер, – близкий друг и наставник (!) Адольфа Гитлера, убитый во время «пивного путча», организовал конгресс русских монархистов в Бад-Рейхенгалле, крупная буржуазная газета писала о «правых большевиках, собравшихся благодаря мягкости правительства Кара». Уже к 1923 г. КПГ создала в Германии обширную разведслужбу, которой полностью руководили советские спецы, превратившие немецкую промышленность в стеклянный дом, просматриваемый из Москвы. В феврале-марте 1925 г. в Лейпциге прошел «процесс ЧК» над участниками коммунистического путча 1923 г. Осудили советского военного лидера восстания А.Скоблевского («Гельмута») и руководителя террористической группы «Т» Феликса Ноймана, готовившего покушение на ведущего сторонника сближения с Россией генерала фон Секта.

10 Pfennig

der Angriff

Tageszeitung der Deutschen Arbeitsfront

Das erste Bilddokument vom britischen Bombenabwurf auf Köln

Sühne für den Bromberger Blutsonntag

Polnische Mordbestie vor dem Richter

Englische Bombenangriffe auf friedliche Araber in Hadramaut

«Der Angriff» – «Штурм», нацистская газета, основанная Геббельсом в 1927 в Берлине

После 1933 г. значительная часть национал-большевиков проявила себя в сфере шпионажа в пользу СССР. Здесь отличились Х.Шульце-Бойзен и Харнак – лидеры «Красной Капеллы», казненные после её разоблачения». Харнак возглавлял «Сообщество по изучению советского планового хозяйства», вдохновлявшееся идеями профессора Ф.Ленца, а обер-лейтенант Шульце-Бойзен до 1933 г. издавал национал-революционный журнал «Гегнер», критикуя «косность Запада» и «американское отчуждение». Работали на советскую разведку: бывший редактор «Ди Тат» Адам Кукхоф (1887-1943), Беппо Ремер со своими оберландовцами; Г.Бохов, Г.Эбелинг, д-р Карл Хаймзот (псевдоним в советской разведке – «доктор Хитлер!). Влияние национал-большевистских идей испытали ведущие заговорщики против Гитлера братья Штауфенберги (бывшие «консервативные революционеры»).

В начале 1933 г. Никиш, Петель и др. пытались выдвинуть единый избирательный список в рейхстаг во главе с лидером крестьян-террористов Клаусом Хаймом. Петель опубликовал «Национал-большевистский манифест». Но было уже поздно. Под занавес Э.Никиш выпустил книгу «Гитлер – злой немецкий рок» (1932). Движение завершило практическую часть своей истории. По мнению исследователя А.Севера национал-большевикам для овладения властью не хватало «оригинальности,

бесстрашия и активности». Но эти качества, как многие другие, присущи лишь подлинно народным вождям, идеология которых целиком совпадает с настроением масс. История отсеивает всех, кто придерживается промежуточных позиций, пытаясь претворить в практику несовместимые убеждения.

Провалилась и тактика «единого фронта» близких по идеологии крупных левых движений. В конце 20-х – начале 30-х гг. не было ни одного серьезного случая сотрудничества СДПГ и КПГ на руководящем уровне. С другой стороны, определенные плоды приносила в то время совместная тактика НСДАП и КПГ. 20 октября 1930 г. на совместном митинге в Берлине (300 коммунистов и 1200 нацистов) выступали Геббельс и Нойман. В августе 1931 г. НСДАП и КПГ вместе голосовали против прусского правительства, возглавлявшегося СДПГ. В апреле 1932 г. центральный коммунистический орган «Роте Фане» выдвинула лозунг: «Красный натиск на Красную Пруссию!», после чего в июне, при поддержке КПГ, нациста избрали председателем прусского ландтага, а в июле фон Папен, опираясь на парламентское большинство НСДАП и КПГ, ликвидировал социал-демократическое правительство Пруссии. Наконец, 3 ноября 1932 г. партии провели совместную забастовку транспортников Берлина. Этот парадоксальный расклад сил отражал логику борьбы за немецкий народ.

Приход национал-социалистов к власти демократическим путем мгновенно изменил политическую ситуацию в Германии. Все партии, включая СДПГ, проявили готовность к участию в работе по созданию народной общности и понимание собственных упущений и ошибок в период Веймарской республики. Массы лишившихся иллюзий партийцев устремились в НСДАП и СА, в том числе более пятисот руководителей компартии. Двое когда-то особенно радикальных членов КПГ опубликовали брошюру «От советской звезды к свастике через концентрационный лагерь». Многие высшие коммунистические функционеры сотрудничали с гестапо. Бертольд Карване и депутат рейхстага от КПГ Мария Реезе стали видными национал- социалистами. В 1941 г. бывшие председатели фракций КПГ в рейхстаге и прусском ландтаге Торглер и Каспер работали в Восточном отделе Имперского министерства пропаганды. Эрнста Тельмана арестовали по доносу его близкого соратника. Рабочий-поэт Макс Бартель – близкий друг Вилли Мюнценберга писал в газете Геббельса «Ангрифф»: «По сравнению со старыми рабочими-партийцами национал-социалистическая партия – цветущий весенний луг». Группа молодых левых из пражской эмиграции («Новый почин») во главе с бывшими

коммунистами В.Левенгеймом и Р.Лёвенталем по-новому определяли природу национал-социализма, а социал-демократ В.Шифф объявил причиной фашизма не реформистский, но революционный дух.

Летом 1933 г. журнал Коминтерна признал, что в марте и апреле «рабочие массы потоками устремились к фашизму», первым впечатлением был «колоссальный триумф фашизма». Во многих местах произошли стачки, но скоро все попытки коммунистов собраться с силами нейтрализовало гестапо. Партия понесла новые тяжелые потери. Уже в июле Гитлер объявил о завершении бескровной революции национал-социалистов. Расправа с оппозицией в СА устранила реальную угрозу потрясений. Почти все старое чиновничество сохранило свои места. Организация промышленной верхушки лишь изменила свое название и поменяла некоторых функционеров, а в военном руководстве не произошло заметных изменений. Но сотрудничество рейхсвера и Красной Армии завершалось. Карл Радек неожиданно выступил в «Правде» против «ревизионизма». Корректировка советского курса сопровождалась назначением сторонника прозападной линии М.Литвинова министром иностранных дел СССР. Советский Союз вошел в Лигу Наций, которую долго называл сборищем поджигателей войны. Однако Сталин не собирался полностью порывать с Германией, и через несколько лет открылись новые возможности для сближения. В марте 1939 г. советский вождь произнес речь, обвинив западные страны в натравливании Германии на СССР, а в апреле Литвинов был заменен Молотовым.

Но и в Германии не прерывалась «раппальская» линия. Второй человек в Рейхе Герман Геринг много сделал для продолжения связей между двумя странами. В Германии уже некоторое время бытовали размышления об ослаблении идеологического противоборства и констатировали «национализацию большевизма» (!) в духе идей русской эмиграции начала 20-х годов. В 1936 г. Гитлер в меморандуме о задачах 4-летнего плана открыто ссылался на «грандиозный план» советского государства и требовал хозяйственной мобилизации. Он грозил расправиться с «кое-какими коммерсантами», а в следующем году сказал, что если частное хозяйство не выполнит 4-летний план, то государство перейдет к полному контролю над экономикой. Геринг же подчеркнул, что в связи с масштабами задачи, как получение прибылей, так и соблюдение законов не имеют значения. Я.Шахт обрушился на такие воззрения и в конце 1937 г. ушел в отставку. В Зальцгиттере при создании «Государственных предприятий им. Г.Геринга» появились зачатки государственной или партийной экономики.

Подобные явления означали большее, чем заимствование чужих идей. Верхушка национал-социалистов во главе с самим фюрером искала пути воплощения государственной идеологии, свободной от незримого диктата частного капитала. Но даже если со стороны Гитлера это было тактическим приемом для выигрыша времени, не связанным с позицией левых нацистов, то ряд ответственных лиц III Рейха с энтузиазмом воспринял такой поворот событий (Геббельс, Риббентроп и др.). В июне 1939 г. эстонский посол сказал статс-секретарю МИД Германии Вайцзекеру, что в Москве не доверяют демократическим государствам в большей степени, чем тоталитарным. Высокие чины министерств иностранных дел СССР и Германии, беседуя, пришли к выводу, что при всех различиях общее в идеологии Рейха, Италии и Советского Союза – враждебная установка к капиталистическим демократиям. «О непримиримых противоречиях речь идти не может, так как Коминтерн уже не занимает господствующего положения, большевизм все больше сплавляется с национальной историей России, а мировая революция откладывается Сталиным до греческих календ», – сообщали немецкие участники.

В обращении к НСДАП 1 января 1940 г. Гитлер обратил гнев исключительно против «плутократических сил» и «еврейско-капиталистического мирового врага», который находится в упадке, тогда как «молодым нациям и системам принадлежит будущее (!)». В последующие месяцы он не раз высказывался положительно о Советском Союзе, прежде всего в личной корреспонденции. 8 марта Гитлер писал Муссолини, что Россия со времен победы Сталина без сомнения переживает период изменения большевистских принципов в направлении национального российского уклада жизни, и поэтому отсутствует интерес и повод к борьбе, тем более, что обе экономики чрезвычайным образом дополняют друг друга. После второго посещения Москвы Риббентроп и гауляйтер Гамбурга Форстер утверждали, что их беседы с ведущими советскими лицами протекали как со старыми партийными товарищами.

Однако логика событий влекла фюрера по проложенному им курсу. И в речи 3 октября 1941 г. он назвал большевизм и капитализм «крайностями, одинаково удаленными от принципа справедливости», за осуществление которой державы Оси ведут борьбу в стремлении придать Европе новый, лучший облик. Гитлер неоднократно заявлял, что он осуществил другую, лучшую революцию, чем большевики, так как она дала возможность занять государственные посты самым бедным, причем «творческая сила старых сословий» не ущемлялась и национальная собственность не была уничтожена.

В последние годы национал-социализма его облик оставался таким же, как у истоков, когда произошло непрочное слияние революционного народного движения с руководящими прослойками из традиционной элиты. Но именно благодаря этому в национал-социализме существовали тенденции, указывающие на его типологическую новизну. Они могли быть доведены до конца, если бы это самобытное политическое движение взяло из большевизма то, что заслуживало внедрения в дополнение к собственным построениям. В беседе с руководителями Рейха и гауляйтерами в мае 1943 г. Гитлер представил Сталина и большевизм как образец для внутренней структуры своего режима. В свою очередь, рейхсфюрер СС Гиммлер заявлял, что Германия одержала победу на Западе, так как являлась «революционной» по сравнению с этими буржуазными государствами. 22 июля 1944 г., в день покушения на Гитлера, рейхслейтер Роберт Лей обрушился на «свиней с голубой кровью» и при большом одобрении аудитории потребовал, чтобы «немецкая революция вернула все, что они промотали».

Знаменитая речь рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса 18 февраля 1943 г. с призывом к «тотальной войне» получила огромный резонанс еще и потому, что в ней провозглашалась необходимость отмены всяких «привилегий». Еще раньше в выступлениях Гитлера начались резкие нападки на правосудие и на чиновников. После июльского заговора он публично и в частных беседах осуждал «прогнившие и упадочнические высшие сословия, ...этот буржуазный сброд». Гитлер считал, что «интеллигенты и ученые не годятся для создания сообщества, совершенно сплоченного по мировоззрению», так как они «никчёмны и вредны». В последних беседах (февраль-март 1945) фюрер, объясняя причины поражения своей революции, говорил, что немецкая политика в значительной степени делалась генералами и дипломатами – «людьми вчерашнего дня». Он назвал «закосневшую буржуазию» «бессердечным и безродным отродьем», признав тем самым крушение своих попыток перестроить немецкое общество на всесословных принципах, в едином идеологическом духе.

Оценивая перспективы и неудачи национальных левых движений в Германии, представлявших в совокупности уникальное явление, следует добавить, что достаточно влиятельные группы левой ориентации существовали в 20-40-е годы и вне Германии. В 1929 г. шведская секция Коминтерна исключила из III Интернационала руководство компартии Швеции за «правый уклон». Её лидеры Нильс Флюг и Кари Чильбум выступили против нового курса Коминтерна – «класс против

класса». В начале 30-х гг. исключенная группа объединилась с небольшой социал-демократической группой в Социалистическую партию Швеции. Во второй половине 30-х годов СПШ, еще называвшая себя марксистско-ленинской, стремительно эволюционировала к национал-социализму. На деньги германского посольства она издавала свою газету. Вскоре Чильбум и его сторонники присоединились к СДПШ, а Н.Флюг (один из основателей Коммунистического интернационала молодежи) стал ярым нацистом. В 40-е годы Социалистическая партия Швеции была крупнейшей нацистской организацией, объединив вокруг себя более мелкие группы той же ориентации. Во время второй мировой войны шведское правительство преследовало ее за активную прогерманскую деятельность.

В Италии, Муссолини и подавляющее большинство фашистских лидеров были выходцами из левореволюционного крыла Итальянской социалистической партии, на базе которого образовалась коммунистическая партия. Многие коммунисты также перешли в фашистское движение. Один из основателей и фактических лидеров ИКП начала 20-х гг. Николо Бомбаччи в 40-е годы стал секретарем фашистской партии и вместе с Муссолини был автором второго, последнего фашистского манифеста. До этого он входил в Исполком Коминтерна, приезжал на все его конгрессы, за исключением 1-го, и встречался с Лениным. Раньше Н.Флюга Бомбаччи вступил в конфликт с Коминтерном, в конце 20-х гг. вернулся в Италию из эмиграции и редактировал небольшой лево-фашистский журнал «Прометео». Левая фракция фашистской партии во главе с Джузеппе Боттаи, мало отличавшаяся от ИКП, активно действовала в Италии в 20-40-е годы. В конце войны партизаны казнили Н.Бомбаччи вместе с Дуче. В середине 30-х гг. среди молодых левых фашистов, вокруг сына Муссолини Витторио сложилась группа так называемых «диссидентов» («универсальных фашистов»), превозносившая социалистическое строительство в СССР и особенно Сталина. После разгона группы часть ее перешла в ИКП, другие создали «Революционную социалистическую партию» и после войны также слились с коммунистами. Интересно, что тайная террористическая группа в рядах фашистской партии, инспирированная Муссолини для расправы с политическими противниками, называлась «ЧК из Виминале» (см. советский фильм «Убийство Матеотти»).

Первым национал-большевиком Франции был Жак Дорио, рабочий-металлург, основатель французского комсомола, затем член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, мэр «красного пригорода» Парижа Сен-Дени, часто сидевший в тюрьме за учас-

тие в беспорядках и потому популярный в СССР. В свое время он поддерживал дружеские отношения с Лениным, Сталиным и Мао Цзедуном. В начале 30-х гг. Дорио был конкурентом заурядного Мориса Тореза, но совершил ошибку, за полгода до приказа из Москвы выступив инициатором Народного Фронта, чем воспользовался Торез, выставив его из ФКП. Тогда Дорио создал «Народную партию Франции», структурно копировавшую ФКП и ставшую одной из крупнейших фашистских партий мира. Жак Дорио активно сотрудничал с оккупационным режимом. Он приезжал на Восточный фронт подбодрить французских добровольцев, а в феврале 1945г. погиб при бомбежке в Германии в форме немецкого офицера. В его партию входили многие бывшие коммунисты, включая членов ЦК и Политбюро.

Во Франции действовали и другие фашистские группы, созданные коммунистами. Член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, рабочий Марсель Життон – 3-й человек в партийной иерархии, после подписания советско-германского пакта порвал с коммунистами и создал «Нацистскую рабоче-крестьянскую партию». За протест против Пакта он попал в список бывших депутатов-коммунистов, подлежавших уничтожению, и в сентябре 1941 г. члены военной организации ФКП застрелили его в Париже.

Среднее звено Французской коммунистической партии с началом второй мировой войны выдвинуло лозунг братания с германскими солдатами, свержения французского правительства и создания новой «Парижской Коммуны» из «патриотических элементов», включая фашистов. Торез и другие вожаки ФКП сбежали в Москву, а рядовым членам партии разъяснили, что они руководят нелегальной борьбой во Франции. Коммунистическая партия поэтому подверглась репрессиям. Многие ее активисты были интернированы, но после прихода немцев выпущены на свободу. ФКП пыталась сотрудничать с новыми властями и даже пыталась наладить легальный выпуск газеты «Юманите», пропагандируя идею «национального правительства». Только после 1941 г., получив приказ из Москвы, она начала активную борьбу против оккупационной власти.

В целом история континентальной Европы 20-40-х годов отмечена торжеством тоталитаризма над демократией и ее свободами. Существует две точки зрения на тоталитарный режим в крупном государстве. Большинство «политологов» внушают населению, что участие в тоталитарном движении дегуманизирует человека, так как его фанатичная вера оправдывает любое преступление, уводит от реальной жизни и обманывает, обрекая на гибель. Но есть и другое мнение. Независимые исследователи утверждают, что тоталитарное движение придает

жизни его участника подлинный смысл, возможность реализовать свои способности, обрести истинных друзей и реальный авторитет, превратившись из жертвы закулисных манипуляций в творца истории. История учит, что коренные пороки демократии – власть меньшинства и его денег, неограниченная свобода, ломающая все традиции народов и влекущая их к вырождению, – могут быть устранены лишь путем внедрения в массы сознания общности каждого человека с судьбой государства и всего народа.

Перед приходом к власти НСДАП Германия переживала трагическую пору разрушения. Торговцы, наживаясь на голоде и постоянной девальвации марки, покупали товары за границей и продавали их в Германии по заоблачным ценам, используя для своих целей Рейхсбанк. Они ловко и незаметно проникали в высшие эшелоны власти, заводили полезные знакомства в министерствах, оказывая с их помощью влияние на ведущих лиц государства, обязанных защищать неимущих от произвола эксплуататоров. Скандалы, связанные с галицийскими евреями-банкирами Кутицкером, Барматом и Склярекомъ, пошатнули до основания финансовую систему страны и вызвали бурное возмущение общественности. Братья Бармат, высланные из Германии, продолжили бессовестные аферы в Голландии, где за год до этого уже прогремел скандал, связанный с их криминальной деятельностью, а три брата Склярек продолжали свои мерзкие делишки в Чехословакии.

Разрушительную работу, начатую спекулянтами, довершили короли немецкой индустрии. Лидер тяжелой промышленности Гуго Стиннес, начинавший с поставок угля государству, скупил всех конкурентов и разорил все предприятия средней величины. Так же вели себя знаменитый магнат Тиссен и Кирдорф, распоряжавшийся секретным фондом тяжелой индустрии. Ежечасно росла инфляция, и к ней нельзя было приспособиться, несмотря на ежедневную выплату жалованья. К полудню цена вещи могла увеличиться в 3-4 раза. За один доллар уже давали 4,2 триллиона (!) марок. Всюду внезапно появились бесчисленные толпы иностранцев с пачками долларов, фунтов и франков, скупавшие предметы первой необходимости и произведения искусства, которые немцы уже не могли приобрести. В такой аморальной обстановке в Германии быстро развилась ксенофобия и антисемитизм.

Тогда-то набиравший силу, но лишенный необходимых средств национал-социализм воспользовался финансовыми предложениями дальновидных немецких промышленников, уже почуявших приближение краха нелепой Веймарской сис-

темы. В 1930 г. СА финансировались исключительно Тиссеном и его друзьями, в то время, как Яльмар Шахт через Германа Геринга свел Адольфа Гитлера с другими воротилами экономики. Так начался пятнадцатилетний период бурного обогащения немецких промышленников и банкиров, завершившийся грандиозной войной, соответствующей объему накопленных вооружений, – и новой трагедией для Германии.

Возникает вопрос: можно ли было совместить левый и правый национализм в Германии и по-иному направить немецкую историю? Народный вождь отверг постоянную готовность Грегора Штрассера и его левых сторонников к компромиссам, выходящим за пределы тактической целесообразности, с любыми оппозиционными силами, включая социал-демократов, и установку на почти полную национализацию экономики. Неприемлемой для руководителя НСДАП была позиция Эрнста Рема в важнейших вопросах предстоявших преобразований: планы анархической реорганизации армии (обилие военизированных групп под одним руководством), а также – исключительная направленность на внутреннюю жизнь искалеченной Версалем Германии. В национал-большевизме фюрера не устраивала его слепая ориентации на Восток и копирование советского опыта в экономике и в политической структуре общества.

У Адольфа Гитлера в руках были все рычаги для наилучшего сочетания достоинств национально-социалистического устройства Германии. До 1939 г. его политика, внутренняя и внешняя, была почти безупречной. Ни одна другая сила, «реакционная» или левая, не была в состоянии освободить страну от чудовищных пут Версальской системы методами, безошибочно примененными фюрером, в том числе во внешней политике. Достаточная социальная справедливость была достигнута в Германии и без тотальной национализации. Даже интенсивные военные приготовления оправдывались необходимостью, и не столько проблематичной угрозой с Востока, сколько политикой Запада, стремившегося столкнуть Германию с СССР.

И если Гитлер не мог изменить природу буржуазного строя, то у него была возможность создать исторически новый социальный строй. Автаркии следовало добиваться, прежде всего, в финансовой сфере, ликвидировав обязывающие международные связи немецкого капитала. Тогда появлялась возможность переориентации военных планов. Завоевание «восточных пространств» оказалось нереальным и ошибочным. После драматического по своим последствиям нападения на Польшу единственно логичным представлялся курс на военный разгром Англии, руководство которой, как и пронизанная

интернациональным духом немецкая финансово-промышленная корпорация, несли немалую ответственность за все последовавшие события. На Германию тогда интенсивно (и охотно!) работала почти вся Европа, завоеванная и нейтральная. Нападение на Советский Союз привело к мировой трагедии, в измененном виде длящейся до наших дней.

История должна, наконец, научить народы. Поборники разрушительной демократии, опирающейся на мировые финансы, одержат победу, если из-за ужасов, связанных с прошлым Германии, запретить исследование путей, ведущих к национальному социализму. Необходимо учесть трагические ошибки и утраченные возможности воплощенного в 30-е годы в Германии государственного строя. Исторический урок для крупного государства, содержащийся в опыте национал-социализма, состоит в необходимости своевременного устранения всех препятствий на пути национально-государственного строительства, – прежде всего всеобщей коммерциализации общества и психологии индивидуализма – главных черт буржуазного образа жизни. Индивидуализм порождает мятущийся революционный дух и его вечную тягу к общественным потрясениям – другую угрозу устойчивому государственному порядку. Будущее национальное руководство России должно осознать необходимость создания единой народной общности, как залога государственной силы на долгие времена.

ГЛАВА III.
НЕМЕЦКИЕ ПЛАНЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ 1939-45 ГОДОВ

«Европа не создается ни интеллектом, ни мечем; она рождается».
Ф.Кюль.

«Великой державой следует считать такую державу, которая может противостоять соединенным силам всех прочих держав».
Л.фон Ранке.

«Движение не ограничивается рамками народа, в котором оно возникло, оно распространяется на другие народы и видоизменяется в зависимости от их особенностей. Но народ, в котором оно возникло, остается лидером в этом круге народов».
Э.Крик, «Национально-политическая антропология»,т.2.

«Единая Европа возможна будет только тогда, когда последний американский солдат в Европе будет убит или взят в плен».
Жан Тириар (1992).

Многочисленные проекты и планы объединения Европы, занимающие умы мировых политиков целые десятилетия, имеют самую различную природу. Каждая группа политиков преследует при этом собственные стратегические цели. Особым усердием отличаются «атлантисты», – авторы слияния европейских стран в сверхгосударство с либеральной экономикой и открытыми границами. Такое объединение, независимо от технических деталей устройства, обречено на управление гигантскими межнациональными монополиями и банковскими союзами. Национальные различия, прежде всего в юридическом смысле, сведутся к минимуму. Ни о каком доминировании европейских наций не будет речи. Очевидно, Европа при таком порядке в сравнительно короткое время заполнится азиатами, африканцами и арабами, если не китайцами. Об общем куль-

турно-историческом наследии и едином индоевропейском происхождении народов континента придется забыть навсегда.

Как всякий радикальный проект, он должен иметь противоположную по смыслу конструкцию. Такого рода планы редко воплощаются в политической истории народов. Но они указывают реальные пределы возможного в исторической практике, и потому должны быть изучены независимо от того, кто и когда работал над их осуществлением. Важны солидность обоснования и качество разработки. С этих позиций заслуживает внимания опыт идеологических организаций и служб национал-социалистической Германии, учитывая интеллектуальный уровень и серьезную научную репутацию разработчиков этих проектов.

История Европы дает немало ориентиров, следуя которым возможно определить перспективные пути сближения европейских государств. Священная Римская Империя, охватившая в своем неравномерном развитии огромный период с 962 по 1806 год, стала прообразом континентального состоянии, к которому стремились европейские консерваторы с середины XIX века до наших дней. Это межгосударственное образование коренным образом отличалось от крупнейших империй нового времени – британской и русской. Замкнутая в континентальных границах, (в отличие от Британской империи), допускавшая значительную децентрализацию составных частей (сравнительно с империй, созданной Петром Великим), Священная Римская Империя была первой, не до конца осознанной попыткой объединить Европу в геополитическое целое. Династические браки долгое время скрепляли континент надежнее искусственных идеологических схем, с помощью которых современные политики атлантической ориентации пытаются придать ему единый облик.

В этом древнем образовании Германия занимала особое место не только фактом завоевания Италии Оттоном I, положившим начало Империи, но прежде всего благодаря ведущей роли германцев в организации имперской жизни в дальнейшем. Немецкие племена внесли существенный вклад в построение французской, английской, а в более широком смысле – северно-европейской и даже восточнославянской государственности (до сих пор в исторической науке находит место гипотеза об участии прусских элементов в «призвании варягов» на Русь).

Проектированием «новой Европы» в национал-социалистической Германии занимались несколько ведомств: идеологические службы Розенберга, руководящие структуры СС, МИД Германии, имперское министерство экономики и т.д. Первона-

чальные усилия в этом направлении еще до прихода партии к власти предпринял уроженец Ревеля, сын немца и эстонки Альфред Розенберг. В 1917 г. он окончил Высшую техническую школу в Москве и до февраля 1918 года жил в России, сочувствуя большевикам. В 1920 г. Розенберг сблизился с Гитлером, вступил в НСДАП и участвовал в «пивном путче» 1923 г. Наряду с Максом Шойбнер-Рихтером он был одним из двух «русских немцев», оказавших сильное влияние на будущего фюрера, но в отличие от православного, монархически настроенного Шойбнер-Рихтера, Розенберг всегда занимал антихристианскую позицию, а после знакомства с национальным составом руководства Советской России превратился в яростного борца с большевизмом и «мировым еврейством». В 1933 г. он возглавил внешнеполитическое управление НСДАП и до конца войны был уполномоченным Гитлера по вопросам мировоззрения в партии, занимая ряд других постов, связанных с воспитанием населения.

Европейскую идею национал-социализма Розенберг начал разрабатывать еще в 20-е годы, предложив разделить сферы мирового влияния с Британской империей. Поясняя смысл своей деятельности по объединению Европы на судебном процессе в Нюрнберге (1946), он сказал: «Национал-социализм был европейским ответом на вопросы, поставленные нашим столетием». В общих чертах концепция «новой Европы» сложилась у Розенберга в первой половине 30-х годов. Первый шаг на пути сближения европейских народов заключался, по его мнению, в бескомпромиссной борьбе с большевизмом. Взгляды Розенберга сразу же подверглись критике со стороны тех, кто считал нереальным союз с Англией, предлагая разобраться с СССР только после решающих ударов по крупным европейским странам. В дальнейшем это противоборство не ограничивалось областью геополитики, но обрело идеологический характер. Те, кто противостоял партийным теоретикам, руководствовались практической целесообразностью, прежде всего экономического свойства (Риббентроп, Геринг, министр экономики В. Функ).

Альфред Розенберг (1893-1946)

В преддверии широкомасштабной войны на континенте

Карл Шмитт (1888-1985)

вопрос о наилучшей организации европейской территории после ее завершения приобрел для немецких политиков особую актуальность. С 1939 года он оказался в центре внимания идеологов НСДАП. Основой дискуссии послужили опубликованные в первой половине года работы крупного немецкого правоведа Карла Шмитта, первым в фашистской Германии сформулировавшего положение о великом пространстве, как субъекте международного права, идущем на смену государству, или союзу государств. При этом Шмитт обращал внимание на ряд пунктов американской доктрины Монро (1823), пригодных, по его мнению, для перенесения на европейскую почву в интересах намечавшегося «нового порядка». Он поддерживал идею разумного территориального разграничения с запрещением проникновения «пространственно чуждых сил» в сферу исторически сложившегося влияния крупных государств, без права «идеологического вмешательства во всем мире».

Хотя Шмитт отводил рейху роль политического руководителя великого пространства в Европе, представители биополитического направления в национал-социализме – В.Бест, Р.Хён, В.Штуккарт, В.Дайц критиковали его построения. Видный юрист, руководитель административно-правового управления имперской службы безопасности Вернер Бест противопоставил международно-правовому принципу организации великого пространства, предложенному Шмиттом, принцип народной организации (объединенной одной расой народов). Один из ведущих расологов Германии, статс-секретарь министерства внутренних дел, доктор права Вильгельм Штуккарт считал «правильно понимаемую доктрину Монро в меньшей степени географической идеологией, чем выражением расово-биологических факторов». Директор Института государственных наук при Берлинском университете, профессор Райнхардт Хён упрекал Карла Шмитта в распространении на государство принципов либерального индивидуализма. В итоге великое пространство превращалось у Шмитта в фальшивую конструк-

цию – простое географическое понятие, в империалистическое, а потому агрессивное и нестабильное образование, способное лишь механически абсорбировать народы различных рас и континентов, доказывал Хён.

Основательные разработки европейской объединительной идеи содержались в выступлениях и трудах главы отдела по решению социальных задач внешнеполитического бюро НСДАП, философа Вернера Дайца – ближайшего сотрудника Розенберга. В ходе мировой войны Дайц развивал и уточнял свои теории в соответствии с военно-политической обстановкой, искусно сопрягая их с психологическими изменениями в общественных кругах Европы. Подлинное великое пространство, учил он, не может быть организовано искусственным возведением географических или геополитических конструкций или насильственными действиями других пространств с их чуждой биологической субстанцией (расовым составом народов). В отличие от мнимого (фальшивого) великого пространства подлинное является «естественным жизненным пространством *семьи народов*,... получая характер, размеры и форму от своей биологической субстанции. То же относится к малому жизненному пространству одного народа. Тем самым народность и семья народов – единственный первоисточник политических, экономических, культурных и правовых форм в малом и великом жизненных пространствах».

Это определение, лежащее в основе всех построений В.Дайца вплоть до падения рейха, вытекало из признания безусловного превосходства народного суверенитета над государственным. Национал-социалистский теоретик доказывал ущербность основанного на либеральных принципах государственного суверенитета, порождающего систему международных отношений, постоянно генерирующих напряженность и мировые войны. Напротив, биологический принцип народного суверенитета, доказывал Дайц, породит межгосударственную систему, не стремящуюся к захвату чужих пространств и покорению народов с иным расовым составом. Тогда неизбежен переход от постоянных войн к вечному и счастливому миру. Подлинно жизненное пространство абсолютно невосприимчиво к вмешательству пространственно чуждых сил. Его невозможно завоевать на длительное время, а тем более покорить. В сущности, предлагалось устройство «многополярного» мира почти в современном смысле.

Эти парадоксальные выводы Дайц подтверждал открытыми им законами, создающими оптимальные условия жизни семьи народов. Согласно *закону автаркии* всякая организация жиз-

ни становится жизнеспособной, когда она существует исключительно за счет собственной силы и своего пространства. Из закона автаркии вытекал *закон перерождения и вырождения*, в соответствии с которым «семья народов не может на длительное время покинуть свое жизненное пространство, чтобы не обрекать себя на перерождение и гибель». Фактическое запрещение экспансии в чужую семью народов будет содействовать всеобщему умиротворению. Дайц выдвинул лозунг права семьи народов на самоопределение, как «фундамент нового мирового порядка». Он насчитал шесть великих жизненных пространств, уже находящихся в процессе возникновения:

- европейской семьи народов;
- восточно-азиатской;
- индийско-малайской;
- народов черной расы;
- североамериканское;
- Южная Америка.

В.Дайц отметил, что эти великие пространства естественно распадаются на три пары, в каждой из которых южная часть идеально дополняет северную. Восточно-азиатское и индийско-малайское пространства вместе составляют Великую Восточную Азию, европейское и африканское – Великую Европу, два американских – Великую Америку. Прийти к «новому мировому порядку» можно, только воплощая принцип самоопределения семей народов. «Америка – американцам», «Восточная Азия – восточноазиатам», «Европа – европейцам». Вторая мировая война, по мнению ученого, и ведется с целью реализации этого права, т.е. в интересах огромного большинства народов мира.

При анализе внушительной концепции В.Дайца не плодотворно предвзятое отношение к ее расово-этническим мотивам. Только история разрешит спор между сторонниками повального смешения народов и приверженцами их разумного географического разграничения. Будущее Европы выявит преимущества одного из путей: безудержного новаторства или строгой традиции. Острота политического противостояния не позволит довольствоваться никого не устраивающей серединой. Не следует также отождествлять гипотетические схемы философа с реальной политикой, проводившейся в Германии по приказу одного человека. Их подлинный смысл не меняется от искажений, которому они подверглись на практике. Многое просто не было реализовано. Нужно учесть и то, что изощренные теоретики, вроде Дайца и Р.Хёна, придавали расширительный смысл термину «раса». С самого начала в «семью на-

родов Европы» были внесены далеко отстоящие от «арийцев» народы финно-угорской группы – венгры, финны. Постепенно освобождалось место в будущем содружестве и для восточноевропейцев. Не только прибалты, но и белорусы, украинцы и русские не рассматривались ответственными немецкими учеными той поры как представители «низшей расы».

Вернер Дайц дальше других теоретиков НСДАП продвинулся в интуитивном познании общественных законов, в годы войны заложив основы учения о государственно-политическом значении жизненного пространства. Фальшивый хаос суверенных государств, типичный для либерального мира, биополитик заменил идеей европейской семьи народов-планет, поставив народную идею национал-социализма во главе преобразовательного процесса в Европе. Обсуждая эту тему, следует иметь в виду, что у планировщиков объединенной Европы XXI века не больше правовых оснований для умаления суверенитета отдельных государств, чем их было у немецких теоретиков.

Из биологического качества, пояснял Дайц, природа создала три общности людей – отдельную семью, народную семью (народность) и семью народов. Эта политико-биологическая реальность подчинена ряду сформулированных ученым законов жизни. Европейская семья народов возникла под воздействием природного закона *биологической гравитации*, согласно которому отдельные люди объединяются в семью, семьи в народную общность и народности в семью народов. Вследствие выполнения каждым элементом системы положенной ему задачи, в народной общности, как и в отдельной семье, нет и не может быть насилия со стороны вождей, поскольку женская часть народа свободно и добровольно подчиняется мужской его части – вождям. Следуя традиции, идущей со времен Бисмарка, Дайц делил европейские народы на мужские и женские. Первые являются активными людьми движения, вторые – статическими людьми, требующими над собой руководства. У каждой группы свои особые функции и задачи. Смешение групп нежелательно, так как противоречит порядкам природы. С другой стороны, невозможно существование одной группы без другой. Поэтому бессмысленно судить о том, какие народы важнее. Для семьи народов существенно одно – сохранить себя как единую целостную систему. Хотя Дайц не заострял на этом внимания, немецкие теоретики, как правило, относили славян к женским народам, а народы германской группы – к мужским.

Используя биополитические построения, ученый создал стройную логическую систему. Как и в общностях первых двух

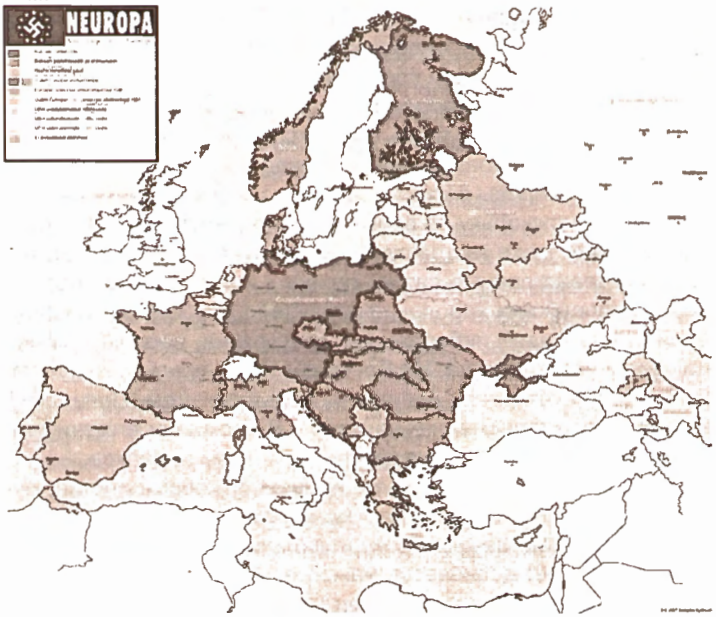
уровней, в семье народов нет диктата и произвола. Все народы свободны и суверенны. Их место в семье народов определяется исключительно собственной производительностью и вкладом в общее дело. Народ с наибольшим весом составляет ядро системы. Вокруг него, как вокруг солнца, вращаются остальные народы. Это устройство Дайц противопоставил двум распространенным видам насилия – автократическому и демократическому. Первое осуществляется в жёстко централизованном (классовом) государстве, второе – в либеральных системах. Крупнейшим достижением режима за шесть предвоенных лет нацистские идеологи считали преобразование немецкого народа в единую народную общность, в которой вместо классов существуют мужские и женские элементы. Такой строй Дайц назвал «естественной демократией». То, что немецкие биополитики считали Германию отцом семейства европейских народов, означало большее, чем субъективный выбор абстрактных теоретиков. Ведь они представляли нацию, имевшую исторический опыт и определенные возможности воплотить в жизнь эти идеи.

Дополнительно к природному закону гравитации, действующему только внутри биологической общности, Дайц сформулировал ещё четыре закона жизни, действие которых проявляется в её отношениях с внешним миром. Распространив *закон автаркии* на европейскую семью народов, Дайц назвал достаточным жизненным пространством для нее как минимум всю Европу (другие биополитики включали сюда дополнительно Африку и северную часть азиатского континента, вплоть до Охотского и Берингова морей). Воссоздание самодостаточной целостности Европы рассматривалось как первостепенная задача рейха, поскольку со времен великого переселения народов, а затем эпохи географических открытий, фальшивые великопространственные связки привели к размыванию образа жизни европейских народов, считал Дайц. На Западе возобладали чуждые идеи либеральной демократии, парламентаризма, мирового хозяйства. На Востоке – идеи, привнесенные извне монголо-татарами, царизмом, большевизмом. Появление в этом ряду «царизма» не случайно. В Германии его считали разновидностью деспотических византийских порядков.

Восстановление подлинного жизненного пространства, полагал Дайц, означает возврат к истинному укладу жизни европейских народов. *Закон образа жизни* гласит: только тот народ (семья народов) добивается максимального расцвета и независимости, который достигает автаркии на основе собственного образа жизни. Его нельзя передать другому народу, так как

дело идет о сложном взаимодействии определенных биологических качеств с конкретным пространством. Из этого закона вытекало право каждого европейского народа на жизненное пространство и суверенитет. По мнению Дайца, исключение составляли лишь цыгане и евреи, как не поддающиеся изменению чужеродные включения. Выполнение закона образа жизни ставило перед национал-социалистами задачу «европеизировать Восточную Европу», вновь создать из мужских и женских народов биологически здоровую, единую европейскую семью.

Нарушение установленной автаркии вызывает действие *закона перерождения и вырождения*. Его суть: если члены одной семьи народов на длительное время проникнут в жизненное пространство другой семьи народов, их ожидает глубокая трансформация и гибель, ибо силы крови и почвы нового мира рано или поздно уничтожат агрессора. В пример приводилась массовая эмиграция европейцев в Америку, Австралию и Южную Африку в XVI-XIX веках, приведшая к тому, что на новом месте их биологическая субстанция полностью переродилась, и они превратились в американцев, австралийцев, южноафриканцев. В результате возникли совершенно новые народы, в пространственном и расовом отношении чуждые европейским.



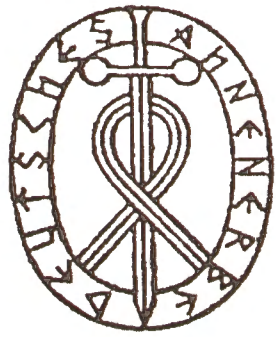
NEUROPA

В основе четвертого – *биологического нравственного закона* Дайца лежит неразделимая биологическая сплоченность отдельной семьи, семьи народа и семьи народов, выраженная в известном нацистском лозунге: «Общее благо выше корыстолюбия» (под последним понимался и «нездоровый эгоизм членов семьи народов»). Так этические нормы национал-социализма распространялись на весь европейский континент. В.Дайц писал: «Народ и государство, (в том числе Германия! – И.Б.), не обладают неограниченным суверенитетом, они должны интегрироваться в более широкий суверенитет семьи народов». Вернер Бест занимал более жесткую позицию. Обсуждая возможность переселения отдельных народов внутри семьи, он пояснял, что организация великого пространства равнозначна формированию отношений между наполняющими его народами. В таком же духе рассуждал В.Штуккарт. Выступая в марте 1942 г. на учредительном конгрессе Международной академии государственных и управленческих наук, он заявил, что XX век – это время семей народов и потому на повестке дня стоит вопрос об устранении государственного разобщения в пользу сообщества народов Европы. Но подобная реорганизация невозможна без «управления, несущего ответственность за пространство». Имелась в виду руководящая роль Германии в утверждении «нового порядка».

Ведущие биополитики подчеркивали стабилизирующую роль расового фактора в процессе становления единой общности. В каждом народе существуют верхние и нижние слои, утверждал В.Дайц. Под влиянием происходящего в немецком биологическом круговороте, часть верхних слоев постоянно выпадает в осадок – материнское лоно народности, чтобы со временем восстановиться там для нового подъема. Этот нормальный процесс нарушается, если нижние слои народа, и, прежде всего, опустившиеся сверху, начнут пропитываться расово чуждыми элементами. Тогда может возникнуть гибридный слой, способный выделять собственные верхние слои с потенциальной угрозой самому существованию руководящего слоя. С ним соглашался В.Бест: «Будущее за тем народом, которому принадлежит самый нижний слой населения».

Однако в теории Дайца отсутствовало разделение на «низшие» и «высшие» расы. Все шесть великих жизненных пространства признавались равноценными, но «расово чуждыми» друг другу.

В 1939-42 гг. в рейхе тщательно изучали различные европейские народы под углом определения места каждого из них в новой Европе. Так участники всегерманского совещания ис-



Символика «Аненербе»

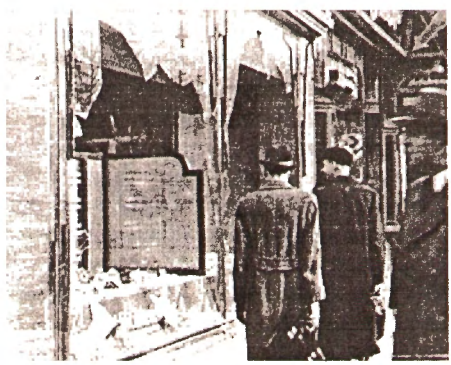
ториков (октябрь 1942) обсуждали доклады о специфических чертах крупных (немецкого, английского, французского, итальянского, русского) и малых (балкано-дунайских, скандинавских и др.) народов, подчёркивая необходимость опоры на «сильные» народы в процессе преобразования континента. По мнению этих историков, только они способны к самоуправлению. Управление же слабыми народами более обременительно, так как требуют привлечения дополнительного административного персонала. Конкретизировалась выдвинутая годом раньше схема В.Беста, предусматривавшая формирование союзного, надзорного и правительственного или колониального управления. В этом заключалась «европейская миссия Германии».

Не случайно с октября 1939 г. в Германии под началом Гиммлера действовал Имперский комиссариат по укреплению немецкой народности, занимавшийся теоретической и практической разработкой проблемы. Наряду с вопросами гражданства в пределах рейха, а затем в присоединенных и оккупированных областях, идеологические службы рейсфюрера СС решали фундаментальные вопросы исторического наследия европейских народов. В 1933 г., сразу после прихода к власти национал-социалистов в Германии было создано «Немецкое общество по изучению и наследию предков» («Аненербе»), а через два года ему поручили изучать все, что касалось «духа, деяний, традиций, отличительных черт и наследия «индогерманской нордической расы». В 1937 г. общество

Вольфрам Зиверс (1905-1948), генеральный секретарь Аненербе (с 1935 года)

было введено в состав СС. Его генеральным секретарем стал антрополог Вольфрам Зиверс, осужденный в 1946 г. по сомнительному обвинению на смертную казнь американским судом. Привлеченные к исследованиям немецкие ученые, ведущие германские университеты и научные институты вышли за рамки официальной доктрины, изолировавшей немецкую народность от других этнических частей индоевропейской общности, включая ее восточные ветви. Был собран обширный научный материал, исследованы раскопки древних поселений Германии, курганы на Украине, древние манускрипты и антиквариат Тибета, Китая, Индии. Воззрения многих вовлеченных в круги СС интеллектуалов были далеки от принятых мировоззренческих стандартов. Например, консервативный еврейский философ Мартин Бубер дружил с идеологом «Аненербе» Фридрихом Хильшером. Эта исследовательская организация не ограничилась узко-германской пропагандой, но стояла за единую Европу, разделенную на частично автономные национальные регионы, без подчеркнутой роли этнических немцев. Организация приобрела международный характер. В нее входили представители азиатских и ближневосточных народов, арабы, тюрки, тибетцы... В экономической сфере отрицались все капиталистические основы общественного устройства – плутократия, финансовый либерализм, свободный рынок и т. д.

Поверхностные представления об СС, только как главном карательном органе III рейха, утверждены в общественном мнении кругами, незнакомыми со сложной структурой и многосторонней деятельностью этой организации, или искажающими правду из пропагандистских соображений. Двенадцать главных управлений СС занимались самыми разнообразными вопросами, от сугубо идеологических до военно-организационных, связанных с набором и обучением войск – СС (Waffen-SS). Соединения, охраняющие концлагеря, составляли небольшую часть этой «империи», к тому же неоднородную по человеческим качествам своего персонала. Что касается войск СС, то в целом они были, по выражению исследо-



Последствия «Хрустальной ночи»

Das Schwarze Korps

ZEITUNG DER SCHUTZSTAFFELN DER NSDAP

Wir können uns das leisten!

Газета «Черный корпус»

вателя К.Семёнова, «солдаты как все», с кодексом чести, типичным для воюющих сторон.

Высокую по меркам авторитарного государства меру свободомыслия демонстрировала газета руководства СС «Дас шварце корпс» («Черный корпус»). Широкая популярность газеты (редактор Гюнтер д`Алкуен) объяснялась достаточно высоким уровнем публикаций. В народе ее считали единственной оппозиционной газетой. «Черный корпус» систематически критиковал партийных аппаратчиков, коррупционеров и чиновных махинаторов (показательно, что членство в партии не было обязательным условием приема в СС, и ряд видных эсэсовцев не состоял в НСДАП). В январе 1937 г. газета писала: «После спада революции возникает опасность оцепенения... Одним из выводов является необходимость появления новой формы оппозиции». Когда летом 1935 г. мюнхенские нацисты били витрины еврейских магазинов, «Черный корпус» писал: «Еврейский вопрос является одной из жгучих проблем нашего народа, но он не может быть решен уличным террором». Полиции газета рекомендовала не злоупотреблять понятием «враг государства», предлагая «проанализировать статистику обвинений, основанную на сведении личных счетов и доносов». Неудивительно, что многие читатели доверяли газете, которую партийные функционеры время от времени обвиняли в «очернении действительности». Однако глава службы безопаснос-

ти рейха (СД) Р.Гейдрих лично покровительствовал «Черному корпусу», защищая его от нападок.

Вскоре Гейдриху удалось собрать у себя в службе группу молодых интеллектуалов, поставивших целью «улучшение национал-социализма». Их объединяло представление о том, что строгая дисциплина и личная самоотверженность смогут поднять отечество на новую высоту, и убеждение в приоритете государственной власти над правами граждан. Готовность к принятию диктатуры росла по мере того, как на глазах немцев завершалась социальная катастрофа, вызванная позорным для нации и преступным по канонам международного права «Версалем». В их сознании укоренилось представление о виновности международных концернов и банков, нажившихся на войне и поражении Германии. В результате молодые немцы считали необходимым придать «разумный характер» новому порядку в рейхе, диктатуру одного человека сделать рациональной, а саму национал-социалистическую революцию – соответствующей основным правилам человеческого общежития и, возможно, – образцом для Европы. На деле эти интеллектуалы столкнулись с внутрипартийной борьбой за власть и вызреванием нового слоя государственных бюрократов.

Тут они узнали о создании в структуре СС (1933 г.) организации, поставившей задачу вскрывать и исправлять возникшие в государстве недостатки. Этим и занялся Отто Олендорф, приглашенный Гейдрихом на службу в СД по рекомендации начальника отдела службы безопасности, профессора права Райнхарда Хёна. Оллендорф, как и Хён, считались критически мыслящими людьми. Оба до этого уже отстранялись от преподавания в научных институтах за свободомыслие. Чуть раньше в организации были приняты молодые ученые-юристы Вернер Бест и Херберт Мельхорн. Каждый приглашал в СД друзей и знакомых, так что в отделе Хёна скоро появились: профессор литературы и доктор философии

Отто Олендорф (1907-1951) на Нюрнбергском процессе

Хельмут Кнохен, доктора права Франц Зикс и Хайнц Йост, дипломированный инженер, доктор Вильгельм Альберт. Все они вскоре заняли высокие посты в службе безопасности, а еще один представитель молодой элиты, талантливый правовед-государственник Вальтер Шелленберг со временем стал руководить иностранной разведкой, сменив репрессированного В.Канариса.

После 1936 года Хёна, Олендорфа и Беста уволили с должностей, связанных с идеологической работой, за чрезмерный либерализм. Два последних возглавили новые отделы в созданном в 1939 году Главном управлении имперской безопасности (РСХА). Райнхард Хён вернулся к профессорской деятельности. Для нашей темы важно, что Бест, Хён и Х.Кнохен в конце 30-х годов активизировали разработку основ и попытки реализовать планы европейского объединения, прежде всего на опыте Франции.

В сентябре 1939 г. по инициативе Вернера Дайца было основано Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики. Доверенное лицо рейхслейтера Розенберга, член имперского экономического совета НСДАП с 1931 года, с большими связями в промышленно-финансовых кругах, Дайц принадлежал к узкому кругу разработчиков внешнеэкономической концепции партии. С апреля 1933 г. он возглавлял отдел внешней торговли, а после 1936 г. – отдел по решению специальных задач внешнеполитического бюро НСДАП. Его публикации с пропагандой биополитических идей европейского единства широко распространялись в Германии. Даже Сопротивление использовало их в пропагандистских целях.

В.Дайц стал председателем правления и президентом совета Общества и сформировал все его органы, в том числе научный и экономический советы, совет по вопросам культуры – всего около пятидесяти человек. Членами президиума совета Общества стали 15 высокопоставленных чиновников. Среди них: Г.Бакке (имперское министерство сельского хозяйства), Р.Фрайслер (мин-во юстиции), Штуккарт (МВД), В.Кляйнман (мин-во транспорта), Г.Мус (Гос. управление территориального планирования), Ф.Зыруп (мин-во труда), имперский руководитель спорта фон Чаммер унд Остен, Вернер Бест (РСХА), референт фюрера В.Меервальд. Другие видные фигуры: заместитель Геббельса в министерстве пропаганды Л.Гуттерер, один из руководителей ведомства Геринга по выполнению 4-х летнего плана В.Марецке, вице-адмирал О.Гроос (верховное командование вермахта – ОКВ), генеральный директор ка-

лийного синдиката А.Дин, К.Зельцер (Национальный трудовой фронт), президент Прусской академии наук Т.Фален.

Представление о политическом весе участников дает фигура еще одного члена президиума – Герберта Хунке. Впечатляет перечисление его постов: советник по экономике берлинской организации НСДАП, президент рекламного совета германской экономики, основатель партийного экономического журнала «Ди дойче фольксвиртшафт», зав. Отделом зарубежных стран в министерстве информации и пропаганды, профессор, руководитель отдела экономической и социальной политики в Немецкой высшей политической школе, член правления «Дойче банк».

Экономический совет Общества возглавляли Дайц и Дин. Научный совет, руководимый профессором Фаленом и директором Института мирового хозяйства при Кильском университете А.Прёделем, состоял из известных ученых. В их числе: член Академии немецкого права Карл Шмитт, директор Института Срединной Европы В.Лёрх, ректор Высшей торговой школы в Кёнигсберге Э.Шон, директор Института государственных наук при Берлинском университете Райнхардт Хён.

Таким образом, через Общество, представлявшее собой корпорацию первоклассных экспертов НСДАП, правительства, вооруженных сил, полиции, монополистического капитала и академической науки, Дайц получил доступ практически во все партийно-правительственные инстанции рейха, кроме МИДа, возглавлявшегося конкурентом Розенберга по объединительным проектам Риббентропом.

Все крупные мировые агентства, в том числе ТАСС, выделили сообщение об организации Общества, объявившего своими целями «планомерно поощрять экономическое и культурное сотрудничество народов и государств европейского великого пространства путем исследования различных основ их жизни, народно-хозяйственных структур и возникающих отсюда возможностей взаимного дополнения». Предполагалось сформулировать политическую идею «нового естественного европейского единства» от Атлантики до Урала и от Нордкапа до острова Кипр, со сферами влияния, простирающимися в глубины Северной Азии и Африки. Немалое место руководители общества отводили борьбе против Англии и других врагов рейха. При этом творчески использовались некоторые идеи преобразования Европы, предлагавшиеся в 1914-15 годах Пангерманским Союзом при поддержке ведущих промышленников – Г.Стиннеса и А.Тиссена.

Другой вариант «нового европейского порядка» отстаивал Срединноевропейский экономический совет, в котором господс-

Рихард-Вальтер Дарре (1895-1953),

твующие позиции занимали «Дойче банк» и крупнейшее химическое объединение «И.Г.Фарбениндустри». Они предлагали обеспечить экономическое преобладание Германии в духе памятных записок 1914 г. В.Ратенау, не путем аннексий, государственного планирования и управления континентальной экономикой, а посредством установления экономического господства немецких монополий в европейских странах. Основательная разработка с опорой на исторические традиции Европы в сочетании с романтическим ореолом неизведанного пути придавали планам Общества Дайца привлекательный вид в сравнении с традиционным империалистическим подходом Срединноевропейского экономического совета. Однако к началу 1942 года решительные действия промышленной группы сорвали все попытки воплотить в европейскую действительность проекты Дайца.

Но первые два года прошли в плодотворной работе. Выполнение заказов Общества европейского планирования исследовательскими институтами гарантировалось распоряжением имперского министра образования Б.Руста по договоренности с Розенбергом. Теснейшие деловые связи сложились у Общества с Институтом мирового хозяйства (профессор Прёдель) – единственным в своем роде исследовательским заведением рейха. Институт разрабатывал теоретические модели экономического переустройства Европы и мира, выдавал текущие рекомендации, предлагал планы на далекую перспективу. 1 сентября 1939 г., в первый день мировой войны Институт в письме начальнику военно-экономического штаба ОКВ генералу Г.Томасу заявил о готовности выполнять поручения штаба и во время войны передал ему сотни тысяч документов о повышении военного потенциала Германии за счет нейтральных и оккупированных стран.

Среди авторов отчетов, ежегодников, сборников, предоставленных Обществу, – представители многих германских

университетов, высших технических школ, госстатуправления, специализированных институтов, ведомств и служб. Все они учитывали разъяснение Вернера Дайца: «Если мы хотим руководить экономикой Европы, что является абсолютно необходимым и произойдет в результате экономического упрочения европейского континента, как ядра белой расы, то мы по понятным причинам не должны открыто заявлять об этом, как о германской великопространственной экономике. Мы всегда должны говорить только о Европе, поскольку германское руководство является само собой разумеющимся вследствие политического, экономического, культурного, технического влияния Германии и ее географического положения». Первым иностранцем – почетным членом Общества Дайца стал итальянский журналист К.Скарфольо, автор популярной книги «Англия и континент», утверждавший, что эта страна присоединится к социальной общности новой Европы, или погибнет. В.Дайц был хорошо знаком со многими руководителями пронацистских группировок в европейских странах и привлекал их к совместной работе. Долгое время он настойчиво, но безрезультатно добивался создания специального имперского комиссариата в Германии по вопросам европейской великопространственной экономики.

Это было следствием резко обострившейся с июня 1940 г. борьбы в рейхе за право руководить программами «нового экономического порядка». Еще до оккупации Франции в Вене возникло быстро набравшее вес Общество Юго-Восточной Европы – филиал министерства экономики Германии – конкурента внешнеполитического бюро НСДАП Розенберга. Министр Функ, наряду с Риббентропом и Герингом, представлял круги, не разделявшие биополитический подход к европейским проблемам. Новое общество занялось вопросами германского проникновения на Балканы экономическими методами. В годы войны оно вместе со Срединноевропейским экономическим союзом разрабатывало проек-

Вальтер Эмануэль Функ (1890-1960)

ты вовлечения этой группы стран в европейскую великопространственную экономику. В.Дайц пытался поставить Общество под свой контроль через координатора проекта Прёделя, работавшего на разных «хозяев», но получил очередной отпор.

Однако нацистские ортодоксы – Розенберг, Гиммлер, Гесс, Вальтер Дарре – сторонники ярко выраженного идеологического подхода, доказывали необходимость партийного руководства экономическими процессами. Дайц и Хунке ввели в научный оборот термин «политическая экономика». Г.Хунке писал: «В семье порядок диктует отец, в народе – вождь, а в мире – сильнейший... Национал-социалистическая немецкая экономика, как политически руководимая экономика, подобно солнцу, вошла в жизнь европейских народов и будет ими управлять в их планетном движении». В.Дайц пояснял: «Действительное сообщество труда возможно лишь у людей и народов одной крови и одной и той же почвы». Вернер Дайц представлял собой тип ученого, не менявшего убеждения из-за перемены политической ситуации. Еще до прихода партии к власти он в своем гамбургском журнале «Экономическая служба национал-социалистов» поддерживал критику крупного капитала, которую вели Грегор Штрассер и Готфрид Федер. Противостояние по этим вопросам с представителями крупнейших германских монополий в политическом руководстве рейха продолжалось вплоть до его падения и принимало порой резкие формы.

Имперский министр экономики Вальтер Функ и его заместитель Г.Шлотерер, уполномоченные Герингом возглавить работу по формированию великопространственной европейской экономики, перешли в наступление. В июле 1940 г. под председательством Функа прошло важное совещание руководителей министерств и ведомств. На нем резко критиковались идеи Дайца и директора Немецкого института по изучению конъюнктуры профессора Вагемана. Функ назвал «фантазией» разговоры о Европе как о едином великом экономическом пространстве. Затем он запретил своим указом всем подразделениям имперской хозяйственной палаты сотрудничество с Обществом Дайца. В августе на заседании межведомственного торгово-политического комитета с участием высоких должностных лиц МИД, ОКВ, министерств экономики, финансов, сельского хозяйства, Рейхсбанка и других служб В.Дайцу запретили «публичную пропаганду ради осуществления его идей» и призвали Общество ограничиться научно-исследовательскими работами.

Таким способом были упрочены позиции традиционно тяготеющей к международным связям финансово-промышленной

корпорации внутри Германии. Идеям «народного капитализма» пришлось отступить. Один из основателей НСДАП, самобытный экономист Г.Федер, автор антикапиталистической программы и теории «процентного рабства» к этому времени был «забыт». Но борьба продолжилась в других формах. Как раз в это время в опалу попали два крупнейших представителя монополистического капитала. Оба в свое время сыграли видную роль в приходе Гитлера к власти, обеспечив ему поддержку германских монополий, но затем обратились в «протестантов». В начале 1940 г. был лишен германского гражданства эмигрировавший в Швейцарию, а затем помещенный в концлагерь до конца войны Фриц Тиссен. В январе 1939 г. потерял пост президента Рейхсбанка, а через три года – должность имперского министра без портфеля и, наконец, арестованный за связь с участниками заговора против Гитлера, Ялмар Шахт. Вальтер Функ и его попечители действовали осмотрительней, но их родство с потерявшими доверие коллегами проявилось в агрессивном неприятии первоначальных идей партии о превосходства труда над капиталом.

Теперь же Дайца вынуждали ограничиться научными исследованиями. Когда он все же приступил к созданию экономических советов своего Общества в немецких землях, последовал удар с другой стороны. М.Борман от имени партийной канцелярии в резком тоне потребовал прекратить эту деятельность. В феврале 1941 г. усилиями Дайца был основан в Дрездене Центральный исследовательский институт организации национальной и великопространственной экономики – первое в рейхе научное учреждение, занимавшееся проблемой экономической реорганизации Европы с позиций национал-социалистического мировоззрения. Крупный взнос в период становления Института внес Фонд Адольфа Гитлера, поступили деньги от Имперского продовольственного сословия (министр В.Дарре), Народного Трудового Фронта (рейхслейтер Роберт Лей), от некоторых монополий и банков. Однако Рейхсбанк (президент Функ) отказался финансировать новый Институт. Отношения с «прагматиками» осложнились после публичного выступления В.Дайца, осуждавшего воззрения в партии и государстве «с позиций мгновенной полезности» и подтвердившего идеологический подход с опорой на незыблемость закона автаркии.

1 октября 1941 г. с помощью В.Функа был создан конкурирующий с Институтом Дайца Институт великопространственной экономики при Гейдельбергском университете во главе с профессором В.Томсом. Внутренняя борьба с участием высших

руководителей партии (Розенберг, Гесс, Борман) свидетельствовала о накоплении в НСДАП *мировоззренческих* различий по вопросам «новой Европы», обнаружившихся уже в начале мировой войны. Тогда Розенбергу не удалось стать уполномоченным фюрера по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения. Этот планировавшийся им пост позволил бы взять под контроль объединительные процессы в Европе. Все же видную роль в оформлении идей о новой Европе сыграл возникший перед вторжением в СССР Оперативный штаб рейхслейтера Розенберга для оккупированных территорий. Вопреки распространенному мнению, деятельность Штаба далеко не ограничивалась конфискацией культурных ценностей. Это был орган идеологической войны. К 1943 году он стал автономной частью розенберговской «империи», занимаясь в основном европейской проблематикой. Начальник Штаба Г.Утикаль писал: «Заключаемое с Западом соглашение не может распространяться на идеологических противников национал-социализма... Мы будем требовать бескомпромиссного продолжения борьбы против евреев и масонов. Их окончательное устранение было и остается первой предпосылкой образования новой Европы». Для выполнения своих задач рабочие группы Штаба сразу же завладели уникальными архивами и богатыми библиотеками крупнейших городов Европы. Среди них бесценные рукописные фонды и специализированная библиотека Международного института социальной истории в Амстердаме, содержавшая не предназначенные для всеобщего обозрения материалы о конспиративных организациях во всем мире.

В апреле 1941 г. руководитель СД Р.Гейдрих, имевший подходящие кадры в своей службе, безуспешно пытался перехватить у розенберговского Штаба инициативу по «научной разработке идеологического противника». Проекты Розенберга и Дайца первой половины 30-х годов, оживленные изысканиями последних лет, легли в основу новой схемы действий в Европе. По планам А.Розенберга национал-социалисты должны были взять под свою защиту всю территорию, на которой в древности проживали индогерманцы, и с которой они по разным причинам должны были уйти. В середине 1940 г. он рассуждал в главной партийной газете «Фёлькишер беобахтер» о необходимости для «великогерманского объединения нордических народов» войти в контакт с народами Юго-Восточной Европы. В итоге, по его словам, возникнет «симбиоз... т.е. общность труда для удовлетворения потребностей совершенно различных рас и народов. Без сомнения, это новый европейский поворот и путь к самостоятельной экономике Европы».

С начала войны аппарат Розенберга разрабатывал пути включения СССР в систему «нового европейского порядка». Крупными специалистами по этим вопросам в его службах были выходцы из России – Г.Лейббрандт и А.Шикеданц. Первый еще летом 1939 г. направил в рейхсканцелярию меморандум «Восточноевропейские вопросы», рекомендуя создать после оккупации Польши подконтрольные рейху государственные образования на землях украинцев и западных белорусов. Они должны были стать первыми элементами «великого жизненного пространства» на территории СССР. Кроме изготовления документов и материалов по Советскому Союзу зав. отделом Восточной Европы во внешнеполитическом ведомстве НСДАП Лейббрандт осуществлял политическое руководство берлинской газетой белоэмигрантов «Новое слово» и готовил кадры гражданской администрации для подлежащих захвату областей СССР. Символичным было прекращение деятельности в Германии курируемой Й.Геббельсом организации «Антикоминтерн» в августе 1939 г., за четыре года до ликвидации Коминтерна. Ее журнал «Ди акцион» ориентировался теперь на проблемы «новой Европы».

За месяц до вторжения в СССР Гитлер назначил Розенберга уполномоченным по централизованному решению проблем восточного пространства, а в июне – министров восточных оккупированных территорий. Рейхслейтор получил новые возможности для реализации своих европейских идей. Уже через месяц В.Дайц в статье «Восточная Европа – образ жизни и аграрные отношения» предлагал, уничтожив большевизм, восстановить естественный образ жизни славянских народов и, возрождая крестьянский мир, приспособить его к потребностям «новой Европы». Тогда с утверждением народного суверенитета славян появится возможность «соединить в соответствии с законами жизни Западную и Восточную Европы в живую целостность». «Сочетание глухого коллективистского ритма народов Востока и звонкой индивидуалистической мелодии вождизма Западной Европы, творческое дополнение русского образа жизни немецким биополитическим руководством превратит новый европейский порядок в реальность», – писал Дайц.

Это были первые наметки социально-экономического переустройства оккупированных территорий СССР, воплотившиеся в феврале 1942 г. в закон о новом аграрном порядке. Очевидно, что подобные мероприятия учитывали не только неизбежный факт эксплуатации завоеванных земель, но также необходимость организации жизни народов, приближающейся к общепринятым нормам. В июле 1941 г. в Германии пропа-

гандировалась статья В.Дайца «Рейх как идея европейской организации». В ней рассматривалась структура новой Европы и перечислялись основные функции ее составных частей. Возрождение традиционного уклада жизни в каждой части континента, их взаимодействие и взаимодополнение обязательно повлекут, считал Дайц, биополитический поворот Западной Европы на Восток с последующим подключением восточноевропейского пространства к общеконтинентальному «новому порядку». Розенберг резче формулировал свою позиция в этот период: «Старый мир противостоит нам в формах демократии и большевизма. Но Германия стала единственным гарантом великоевропейской идеи. Вся Европа мобилизуется на борьбу против Востока». Позднее он добавил к своему плану: «Это послужит и благу всех народов Востока».

После нападения на СССР Оперативный штаб Розенберга развил бурную деятельность. Ее вели три рабочие группы Восточного отдела – «Остланд», «Центр», «Украина» и особая группа «Наука», руководимая Г.Хэртле. В этой группе сосредоточились крупные силы немецкой профессуры. Книгу Хэртле «Идеологические основания большевизма» называли в рейхе основным пособием для его «духовного подавления». Руководители служб Розенберга исходили из идеи биополитической целостности обеих частей европейского континента в духе известной с середины 30-х годов концепции «сознательного европеизма». Так обозначалась европейская солидарность под главенством рейха, готовилась политическая и социально-экономическая база для коллаборационизма. Несмотря на помехи соперничавших ведомств, Розенберг, используя занимаемые им государственные и партийные посты в идеологической сфере, все активнее пытался распространить сферу своего влияния на оккупированные страны Западной Европы.

Главным объектом для создания собственных филиалов, независимых от других партийно-правительственных учреждений, не случайно была выбрана Франции. В немецкой прессе сотрудничество Германии и Франции называли первой опорой строящегося «нового европейского дома». Это подкреплялось весомыми историческими соображениями. Эксперты подчеркивали особую роль древнегерманского племени франков в образовании Франции. В общеевропейском процессе имперского строительства, начиная с X века, это государство из-за своего географического положения и традиций играло особую роль, поставляя императоров и претендентов на престолы в различные европейские дворы. Постепенное разложение Священной Империи затронуло все европейские державы.

Со времен буржуазной революции XVIII века монархическая Франция стремительно превращалась в либерально-демократическое государство. Через столетие политический писатель Эдуард Дрюмон синтезировал происшедшие радикальные перемены, назвав свое государство «еврейской Францией», как символом окончательного разрыва с богатыми имперскими традициями. Франция издавна была преимущественно католической, но тогда же немецкий социолог Макс Вебер и его ученик Вернер Зомбарт связали расцвет капитализма с подавляющим влиянием евреев, трансформировавших протестантский дух в идеологию культа денег и в немецкоязычных странах. В 1898 г. Дрюмон создал «Лигу французских патриотов» во главе с рядом видных литераторов (М.Баррес, Ф.Брюнетьер, Жюль Леметр, Ф.Коппе, к которым вскоре присоединились Жюль Верн, Пьер Луис, Ф.Мистраль и другие). Хотя Лига существовала всего четыре года, она собрала в своих рядах около сорока тысяч французов – важный показатель общественных настроений, склонявшихся к национализму.

Выдающейся личностью мирового масштаба, оказавшей огромное влияние на оформление и правых, и левых революционных движений в Европе, был социолог и философ Жорж Сорель (1847-1922). Этот французский теоретик анархо-синдикализма с исключительной свободой и органичностью использовал в своих самобытных построениях отдельные идеи Ницше и Лабриолы, Тэна и Ренана, Прудона и Э.Гартмана. Его классический труд «Размышления о насилии» (1906), сразу же переведенный в России, был направлен против марксизма и содержал идеи, впоследствии с энтузиазмом использованные консервативными революционерами, прежде всего, Муссолини, назвавшего Сореля своим «духовным отцом». Жорж Сорель отвергал участие рабочего класса в революционной борьбе («Социальные очерки современной экономики», М., 1908). Романтизируя революцию, он представлял ее иррациональным стихийным взрывом народа, опиравшимся на мифы, подобные религиозным. Эта идея, имевшая реалистический смысл как возбуждающее пропагандистское средство для будущих революционных масс, была успешно воплощена в Италии Муссолини и в Германии Гитлером. Критикуя «парламентский кретинизм» французской и немецкой социал-демократии, Сорель считал единственным носителем социалистических идей синдикаты, отличавшиеся от обычных профсоюзов гармоничным взаимодействием государства и профессиональных корпораций, исключавшим «классовую борьбу». Широта взглядов французского мыслителя проявилась в одобрительном от-

ношении к явлениям казалось бы несовместимого идейного плана. Перед первой мировой войной Жорж Сорель пришел к соглашению с крайне правой организацией «Аксьон Франсез». Но через несколько лет он приветствовал революцию в России. И это не было простым переходом в другую политическую позицию. Сорель одобрял свержение буржуазного строя, какой бы стороной оно не совершилось.

Значительный вес во французском обществе к началу XX столетия приобрели два писателя и политических деятеля – М.Баррес и Ш.Моррас. Член Французской академии Морис Баррес (1862-1923) прославился как националист и ревностный католик острой и страстной критикой Французской республики, а также художественными произведениями, среди которых выделяется яркая трилогия «Роман национальной энергии» («Беспочвенные», «Призыв к оружию», «Их лица», 1897-1902 гг.). Влияние Барреса испытали все значительные писатели того времени: А.Жид и Пруст, Клодель и Полан, Арагон, Мальро. Постоянные объекты его разоблачений – парламентская демократия и социализм. Европейские правые и сегодня почитают Барреса как выразителя строгих континентальных традиций.

Выдающийся публицист и поэт, член Французской академии Шарль Моррас стал известен как воинствующий антидрейфусар после обвинения офицера-еврея Дрейфуса в государственной измене в 1898 г. Годом позже он создал крупную монархическую группу «Аксьон Франсез», включившую ряд известных писателей и политиков: Ж. Банвиля (1879-1936), П.Лассера (1867-1930), Леона Доде (1867-1942), Жюля Леметра (1853-1914) и др. Группа, разрастаясь в численности, действовала до середины 40-х годов. В издававшейся им с 1908 г. газете того же названия Моррас четыре десятилетия подряд призывал к дисциплине и порядку в обществе, пропагандируя превосходство «латинской расы», что дало повод демократической публике отнести его к предшественникам фашизма. Монархист и католик, неистовый националист во время первой мировой войны, Моррас после поражения Франции в 1940 году нашел воплощение своих идей в союзе с Германией. Но еще в книге «Будущее разума» (1905), выявляя греко-римские истоки французской культуры, он приближался к идее исторической общности крупных европейских наций. В поэзии Шарль Моррас был сторонником классической чистоты стиля (сборник «Надписи», 1921). Масштаб этой личности не позволяет по примеру либеральных демагогов отнести его к «идеологам коллаборационизма». Это приблизительное название больше подходит

писателям остро политического стиля – А. де Шатобриану и Бразильяку. Тем не менее, Моррас за деятельность, способствовавшую идейному сближению разнородных прогерманских сил во французском обществе в период оккупации, был приговорен в январе 1945 г. к длительному тюремному заключению, но через шесть лет помилован президентом республики.

Многолетние усилия консервативных идеологов Франции подготовили почву для сочувственного восприятия политическими кругами государства грядущих перемен в Европе. В начале XX века ряд крупных европейских стран был охвачен политическим брожением. Революционные процессы в России еще до свержения монархии активизировали противостоящие силы в Европе. Подрывная деятельность Коммунистического Интернационала, раскрывшего свои возможности после большевистского переворота, выявила глубину опасности для независимого существования европейских стран. В результате в них возникла патриотическая реакция на потакание либеральных кругов революционным движениям. Естественным центром сопротивления стала поверженная в войне Германия. Поправший все международные юридические нормы Версальский договор вместе с масштабной перекройкой европейских границ нанес сильнейший удар по национальному чувству немцев, одновременно заложив основу для нового мирового конфликта в интересах американо-английской финансовой верхушки. Ответом стало приобретшее к началу 30-х годов массовый характер движение национал-социалистов, с приходом к власти быстро изменившее политическую картину в Европе.

История повторилась. В 1939 г. международная финансовая верхушка и ведущие демократические политики обоих континентов вновь содействовали вовлечению европейских народов в кровавую бойню (Ротшильды, немец Я.Шахт, Черчилль, Рузвельт, французское руководство, правители Польши...). Неудивительно, что новый германский режим вызвал наибольший отклик в консервативных кругах Франции,

Дриё ла Рошель (1893-1945)

ставшей к этому времени форпостом европейского либерализма с его нигилистическим отношениям к национальным традициям и ценностям. Первое собственно фашистское объединение во Франции – «Союз бойцов и производителей» основал в 1925 г. ветеран мировой войны, публицист и оратор Жорж Валуа (Грессон). В книге «Фашизм» (1927) он пропагандировал слияние национализма с социализмом, у которых общие враги: индивидуализм, либерализм и парламентаризм. Истинно национальное государство, писал Валуа, должно снять партийные и классовые противоречия в обществе. Союз объединил несколько тысяч мелких предпринимателей, служащих, технической интеллигенции и ветеранов войны. Многие французские правые, не принимавшие крайностей фашистского движения, активно боролись с Валуа, создавая всевозможные объединения вроде «Лиги патриотов», «Патриотической молодежи» и т.п. Среди них по-прежнему пользовалась большим влиянием многочисленная организация «Аксьон Франсез».

Избавившаяся от правых и левых политиканов Германия, оккупировав Францию в 1940 году, попыталась на свой лад очистить эту страну от либерального наваждения, используя внушительный потенциал антидемократических настроений, накопленный во французском обществе. Ведущие фигуры коллаборационистского правительства не были паникерами или трусами, доказав свое мужество и любовь к отечеству на полях сражений первой мировой войны. Но в период между войнами их вера во Францию поколебалась из-за бессмыслицы парламентского правления и нелепого руководства страной. Хаос нарастал, перейдя в критическую фазу в середине 1936 года, когда лидер социалистов Леон Блюм возглавил правительство Народного Фронта, потворствуя действиям левых партий, попиравших государственные интересы. Его преемники – К.Шотан, Э.Даладье и П.Рейно (июнь 1937 – июнь 1940), провоцировали европейскую напряженность, подталкивая Германию к противостоянию с восточноевропейскими странами и Советским Союзом. Внутренняя жизнь Франции изобиловала тогда крупными экономическими афёрами и социальными потрясениями. Французские консерваторы уже не видели возможности выхода из этого состояния собственными силами государства.

Писатель Дриё ля Рошель свидетельствовал об этом времени: «в зловонной парижской среде тесно сплетены еврейство, деньги, развращённый свет, опиум, левые. Узкий кружок, полный высокомерия и самодовольства... Непреложным и неоспоримым образом в нем царят предрассудки, из которых образуется самое противоречивое, комичное и гнусное сбори-

ще... Все эти тайные братства смыкаются здесь и помогают друг другу с неприкрытым фанатизмом... Оба вида извращений, салонная аристократия, декадентское искусство. И все окутано политическим франкмасонством. Всякий наркоман знает, что всегда найдет кого-нибудь, кто защитит его от властей».

Сразу после оккупации Дриё описал трагедию падения Франции: «С нашей стороны ни одного ответного удара с юга до севера. Дети, воспитанные учителями-масонами, социалистами и коммунистами, с младых ногтей страдают атрофией сопротивления; а вся верхушка – это выпускники лицеев, до глупости рациональной и объевреенной Сорбонны, Эколь Нормаль, Политехнического института, инспектора министерства финансов. Все бегут, что есть мочи». «Вот где обнажился совершенно анахроничный характер нашей культуры. Не имея ни политических, ни социальных, ни моральных ресурсов, мы не в состоянии иметь соответствующее вооружение... Социализм, обретя в Германии гибкие и сильные формы, использовав преимущества капитализма и социал-демократии, торжествует над старой парламентской и плутократической системой... Все, что я любил во Франции, было мертвым или в состоянии агонии». «А в основе всего лежало пораженчество, которое было тайной страстью всех французских рабочих и мелких буржуа со времен Седана и фашодского кризиса. Французский народ так и не простил себе этих поражений и уже тогда вынес себе приговор. Со своей стороны, дворянство и буржуазия не могли поверить в демократическую судьбу Франции», – писал Дриё ла Рошель в дневнике.

«Невероятным стало то, что люди, которые создали всю эту посредственность, дремоту, обессмысленность и эту измену, – они вдруг захотели извлечь из-под груды обломков силу, способную воевать. Эти люди, которые убили всё добродетельное, что крылось во французском духе и во французском сердце, теперь претендовали на то, что возродят эти добродетели одним махом и сделают людей бойцами, наделенными силой, ловкостью и жертвенностью... Эти евреи, эти чиновники – рационалисты, журналисты

Анри Петэн (1856-1951)

Пьер Лаваль (1883-1945)

из кафе, эти кулуарные политиканы – все они стали призывать к оружию и к жертвенности. Эти юристы из синагог и масонских лож, крикуны из парламента стали толкать в бой тех, кого они в течение пятидесяти лет тщательно разоружали заботами их учителей, профессоров Сорбонны, их журналистов и романистов. Эти апостолы, воспевавшие слабость и беспомощность, говорившие о мире дрожащими голосами, вдруг ожили и стали энергичными сторонниками войны, искателями приключений в словацком и польском конфликтах... Бедные французы, которым так долго вдалбливали, что имеет значения только та их жизнь, эта шкура без всякой духовной подкладки, только аперитив и рыбная ловля – были вытолкнуты на передовую без самолетов и танков, под защитой недостроенной линии Мажино... А на что могли пожаловаться эти крестьяне и горожане, погибшие под огнем пикирующих самолетов и под гусеницами танков? Люди, которые послали их на бойню, были те самые депутаты, которых они с гордость избирали раз в четыре года... вся эта фальшивая элита, созданная за счет дипломов, браков по расчету и игры на бирже».

Эта удручающая картина не потеряла смысла до наших дней. Подобный стиль жизни сознательно культивируется в европейских государствах, как и в России, и при сходных обстоятельствах может привести к тем же результатам. Стоит продолжить: «Все эти дураки гордились тем, что ими правят другие дураки, у которых не намного больше храбрости и упорства... Эти мелкие воришки дважды за последние двадцать лет показали себя серьезными убийцами, крупными поставщиками пушечного мяса, неукоснительными и неустанными живодерами. Мелкий буржуа, выходец из народа отправляет на смерть, став министром, не хуже, а то и лучше, чем дворянин и принц», – писал Дриё ла Рошель. «Германия придет в ужас от своего завоевания и той пустоты, которая откроется перед ее глазами. Она раздавила то, что уже было пылью... Германия находится под страшной угрозой со стороны Франции, подобно тому, как грозит солдату встреча с проституткой, больной сифилисом». «Разговариваю с людьми из разгромленной армии, и все они

говорят одно и то же: не было настоящих боёв, не было настоящего сопротивления. С первых же ударов немцев начался отход наших войск повсюду, сверху донизу. Штабы окопались в глубоком тылу, с которым невозможно установить связь, они не отдавали приказов, офицеры бросали своих подчиненных, а те из-за нехватки боеприпасов сразу же отступали. Там, где у нас имелись танки, боеприпасы или противотанковое оружие, это не использовалось в полном масштабе. Пораженчество справа соединилось с пораженческой позицией левых, и они не встали на защиту Франции, как законного государства».

Главным лицом в последовавших событиях стал герой первой мировой войны, маршал Франции Анри Петэн (1856-1951). Сын крестьянина, Петэн командовал корпусом, потом армией, отличившись в знаменитом сражении под Верденом (март 1915). Через два года назначен начальником Генштаба, затем командующим группой армий. Играл выдающуюся роль в оборонительный и наступательный периоды завершившей войну кампании 1918 г. После Петэн занимал высокие должности в военных ведомствах, а с 1934 по 1939 год был военным министром. Во время боевых действий летом 1940 г. он возглавил группировку, призывавшую к скорейшему перемирию с Германией. Став в июне премьер-министром, Петэн отклонил предложение ряда командующих продолжать войну и в июле подписал капитуляцию Франции. Считая, что Англия обречена, он заявил: «лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом». При голосовании в Национальном собрании в июле 1940 г. 569 депутатов (против 80, воздержавшихся 17) передали Анри Петэну всю полноту власти в южной, не оккупированной части страны (режим Виши). Новое правительство сразу же порвало отношения с Англией. С этого времени и до августа 1944 года маршал Петэн возглавлял государство, Госсовет и до апреля 1942 г. – правительство.

Ведущую роль при Петэне играли Пьер Лаваль и адмирал Дарлан. Ветеран социалистической партии Лаваль (1883-1945), сенатор в 1927-40 гг., долгое время возглавлял различные министерства, а в середине 30-х годов полгода был премьер-министром. Доброволец в первую мировую войну, он в сентябре 1939 г. организовал группу бывших премьеров (Кайо, Фланден, Шотан), выступавших за сепаратный мир с Германией. Летом следующего года Лаваль стал министром иностранных дел правительства Виши, но в декабре был отстранен группировкой своего политического соперника Дарлана. Весной1942 г. вернулся к власти и до падения режима возглавлял правительство, а также министерства иностранных и внутренних дел.

Несмотря на демонстративно прогерманскую позицию Лаваля, немцы настороженно относились к нему из-за его карьерных притязаний. Организация борьбы с Сопротивлением и отправка в Германию сотен тысяч французов лишили премьера популярности в обоих борющихся лагерях.

Незаурядной личностью был противник Лаваля Жан-Луи Дарлан (1881-1945). Командир морской батареи во время первой мировой войны, он в 1939 г. возглавил военно-морские силы Франции и пользовался огромным авторитетом во флоте. Личная преданность Дарлана Анри Петэну обеспечило новому главе государства поддержку вооруженных сил и ВМФ Франции. В конце 1940 г. адмирал Дарлан стал влиятельным членом Директории из пяти человек, а затем вице-премьером правительства, возглавив французские вооруженные силы. Немцы считали его более сильной фигурой, чем Петэн. До своего отстранения от власти Дарлан безуспешно пытался ослабить зависимость Франции от Германии. В 1942 году его назначили верховным комиссаром Французской Северной Африки. Через два года американцы, оценив независимое поведение Дарлана, признали его в этой должности. В конце войны он был убит монархистом-фанатиком.

Коллаборационистские политики, рассредоточенные по разным организациям, большинство которых возникло в 30-е годы, не сумели объединиться в одну общую силу. Некоторые из них, разочаровавшись в идее сотрудничества с оккупационными властями, преследовались гестапо за антигерманские настроения. Кадры коллаборационистов поставляли члены военизированной организации Марселя Бюкара (1895-1946) «Парижские синие рубашки» (1933), Французской социальной партии полковника де ла Рокка (основана в 1936), 150-тысячного Секретного комитета революционного действия («кагуляры») промышленника Эжена Делонкля (1936), Антиеврейского движения (Rasemblement antijuif) Даркье де Пельпуа (1937), генерального комиссара по еврейским вопросам в правительстве Виши. Основную же силу представляли сторонники двух главных идеологов франко-германского сотрудничества – Жака Дорио (1898-1945) и Марселя Деа (1894-1955).

Призванный в 1917 году в армию, Жак Дорио из политических соображений сдался в плен и до конца войны содержался в немецком лагере. В 1920 г. он покинул социалистическую партию, через два года стал членом Исполкома Коминтерна, а затем секретарем французской Федерации молодых коммунистов. Полтора года общения с Лениным и Троцким в послереволюционной Москве не сделали из него подлинного интер-

националиста. С 1931 г. Дорио был Депутатом Национального собрания Франции, а в 1934 году разошелся с М.Торезом и порвал с коммунистами. Тогда же он основал Французскую народную партию (НФП), развернувшую активную пропаганду против парламентаризма, коммунистов и евреев. В 1940 г. НФП стала ведущей коллаборационистской партией в оккупированной зоне. Жак Дорио активно сотрудничал с национал-социалистами, создал военизированный Антибольшевистский легион, имея чин лейтенанта СС. Погиб в Германии во время авианалёта.

Профессор философии Марсель Деа, кавалер ордена Почетного Легиона и капитан французской армии во время первой мировой войны, в 1933 г. основал Новую социалистическую партию правого толка. В 1936 году Деа занимал пост министра авиации Франции, затем был депутатом Национального собрания. В начале 1941 г. вместе с Э.Делонклем создал Национальное народное объединение (ННО) – главного конкурента партии Дорио. Издавал коллаборационистский еженедельник «Л` Овр», в котором яростно критиковал режим Виши за непоследовательно прогерманскую политику. В 1942 г. от ННО откололось Социал-революционное движение Делонкля, занимавшего ярче выраженную национальную позицию (аналогия с русским генералом Власовым). Сразу после этого НФП Дорио, ННО и Движение Делонкля объединились в «Лигу французских волонтеров против большевизма». Ее возглавил журналист-германофил Фердинанд де Бринон (1885-1947), основатель Франко-германского комитета (1935), занимавший пост Генерального уполномоченного правительства Виши по вопросам оккупированной зоны при германской военной администрации. Разнородную по составу Лигу французских волонтеров парализовали разногласия, из-за которых германские власти уже в апреле 1942 года запретили легионерам вести пропаганду среди населения. Эжена Делонкля, заподозренного в антинацистской деятельности, через год расстреляли немцы.

Ряд известных политиков и представителей творческих профессий занимал высокие должности в правительстве Виши. Участник первой мировой войны, журналист Жозеф Дарнан (1897-1945), член «Аксьон Франсез» с 1925 г. и Французской народной партии Дорио с 1936 г, сформировал в 1942 году подконтрольную Виши 30-тысячную милицию, во главе которой проводил аресты участников Сопротивления и других противников режима. Через год этот ярый германофил, имевший чин майора СС, стал шефом французской полиции. Министром образования в правительстве Лаваля был в течение двух с

половиной лет член Французской Академии, эссеист Абель Боннар (1883-1968), после войны изгнанный на десять лет из Франции. Боннар старался проводить либеральную политику по отношению к французской интеллигенции, не препятствуя разнообразию стилей в творчестве писателей, художников и театральных коллективов. Активный участник коммунистического движения 30-х годов, затем член Французской народной партии Поль Марион (1899-1954) более двух лет занимал пост генерального секретаря по информации и пропаганде в правительстве Виши. Одновременно состоял президентом Комитета друзей войск СС. Ему удалось привлечь к работе в своем ведомстве ряд талантливых журналистов и писателей. Один из них – радиожурналист Филипп Энрио (убит в 1944 г.), инициатор широкой пропагандистской кампании среди населения южной Франции в поддержку режима, до назначения П.Мариона возглавлял министерство информации. Бюллетени Сопротивления представляли его одним из самых одиозных деятелей Виши.

Некоторые высокопоставленные лица в правительстве при возможности занимали антигерманскую позицию, используя складывающиеся обстоятельства. Это не прибавляло им авторитета ни у одной из борющихся сторон. Непримиримый антикоммунист, поклонник Муссолини, член партии Дорио Пьер Пюше (1895-1944) до 1943 г. последовательно возглавлял министерства промышленности и внутренних дел. Создал специальные трибуналы, без юридических формальностей выносившие приговоры коммунистам и участникам Сопротивления. Организовал в октябре 1941 г. Службу по тайным обществам, занимавшуюся масонами, отлученными от общественных функций законом от 13 августа 1940 г. После конфликта с Лавалем, Пюше ушёл в отставку, перебравшись в Марокко. Установил контакты с мятежным генералом Жиро, но не получил поста в антигерманском движении из-за плохой репутации. Расстрелян в Алжире по приговору военного трибунала.

Депутат Национального собрания от консервативного католического движения в 1919-39 гг., активист «Аксьон Франсез», пехотный офицер в первую мировую войну Ксавер Валла (1891-1972) больше года был генеральным комиссаром по еврейским вопросам в правительстве Виши. Участвовал в разработке антиеврейского законодательства, требуя исключить евреев из политической жизни Франции. Создал особые антиеврейские части во французской полиции. К.Валла занимал непоследовательную позицию в отношении Германии, предпринимая самостоятельные действия, недостаточно радикальные с точ-

ки зрения оккупационной власти. Как безногий инвалид войны получил мягкий приговор от голлистского суда, позволивший ему в 1950 г. выйти на свободу.

Профессиональный адвокат, искушенный политик с внушительным стажем, депутат Национального собрания в 1914-40 гг. Пьер Фланден (1889-1958) с 1924 г. занимал различные министерские посты. В середине 30-х годов полгода был председателем Совета министров, а затем – министром иностранных дел. На этом посту поддержал действия Петэна по заключению мира с Германией и до ноября 1943 г. входил в состав Высшего правительственного совета вместе с Петэном, Лавалем, Дарланом и Хюнцингером. Умудрялся, сотрудничая с Германией, поддерживать союзников. Арестован в Алжире в 1946 г. и приговорен Высшим парижским судом на пять лет «национального (гражданского) бесчестия», но сразу амнистирован за «заслуги» перед движением Сопротивления.

Идеологическое содействие коллаборационизму – от прямой поддержки до благожелательного или безразлично-нейтрального отношения, оказывали крупные писатели и видные журналисты Франции. Остальные (меньшинство) распределилось по разным категориям. Одни поддержали Сопротивление (в основном за границей), другие мягко критиковали некоторые стороны режима, третьи отличались трусливым поведением. Например, философствующий эссеист Сартр, маскируя еврейское происхождение, искал покровительства влиятельных и просто независимых лиц (Дриё ла Рошель, Селин), на которых после падения правительства Виши писал доносы и пасквили.

Значительным авторитетом в коллаборационистских кругах пользовался драматург и писатель Тьерри Молнье (1909-88), начинавший литературную деятельность в «Аксьон Франсез». Перед войной он издавал еженедельник «Восставшие» («L' Insurge»), в котором излагал доктрину, близкую национал-социализму. Яростный защитник классических идеалов в искусстве, Молнье не был модернистом и в политике, изобретательно сочетая верность традиционным формам государственности с одобрением политических перемен во Франции. Во время оккупации он редактировал журнала «Ревю Франсез». После войны Тьерри Молнье сохранил высокое положение в литературном мире, став одним из основателей солидного журнала «Круглый стол» (1948) и членом Французской Академии (1953). В это время он написал драму «Ночной дом», в которой представил коммунистов бесчеловечными фанатиками, сохранив, таким образом, преемственность с прежними взглядами.

Репутацию главных идеологов коллаборационизма заслужили два известных деятеля культуры – А.Шатобриан и Р.Бразильяк. Писатель, историк и публицист Робер Бразильяк (1909-1945) печатался во многих газетах и журналах Франции, открыто поддерживая идеи фашизма. Ревностно сотрудничал с германскими властями, основав культурно-политическое движение «Коллаборасьон». Издавал ведущую профашистскую газету «Же сюи парту» («Je Suis Partout»), проповедуя антисемитизм и призывая к расправам с участниками Сопротивления. Расстрелян по приговору Высшего суда юстиции.

Лауреат самой престижной Гонкуровской премии Франции, писатель Альфонс де Шатобриан (1877-1951) вышел из первой мировой войны сторонником франко-германского политического и идеологического сотрудничества, оставаясь ревностным христианином. В романе «Бриера» он изобразил борьбу крестьянской общины против капиталистического предпринимательства, но в отличие от ряда коллег – критиков «третьей республики», отвергал левацкие идеи. В «Ответе Всевышнему» Шатобриан пропагандировал идеи, близкие к национал-социализму, в котором нашел «духовное обновление». С первых и до последних дней оккупации возглавлял коллаборационистский журнал «La Gerbe» («Сион»). За активную поддержку режима Виши был приговорен к смерти, но сумел скрыться в Австрии.

Писатель и журналист, убежденный германофил, освобожденный после оккупации из немецкого плена, Жан-Бенуа Мешен (1901-83) до сентября 1942 г. отвечал в правительстве Дарлана за франко-германские отношения. Мешен был сторонником тоталитарной и нацистской Европы. После войны приговорен к пожизненному заключению, но освобожден в 1954 году.

Видное место в пропагандистских структурах коллаборационизма принадлежало бывшему директору Международного института сотрудничества с Лигой Наций, руководителю Национальной корпорации французской прессы, издателю крупной вечерней газеты «Ле нуво тан» Жюльену Люшеру (1901-46, казнен). В 1945 г. был расстрелян депортированный из Испании диктор франкистского «Радио-Сарагоса», член Народной французской партии Жан-Эрольд Паки (р.1912), автор и ведущий коллаборационистского радиожурнала, передачи которого неизменно заканчивались словами: «Англия, как Карфаген, будет разрушена».

Лучшие писатели Франции в 1940-44 годах публиковали свои произведения в ведущих издательствах («Галимар» и

др.), в крупных газетах и журналах; авторитетные ученые работали в солидных институтах и общественных организациях. Часть из них сохранила репутацию на приемлемом уровне и даже получила признание и титулы в 50-е годы. Степень их вины в глазах послевоенных критиков различалась в зависимости от чувства меры, с которым они балансировали вокруг острых тем: Сопротивление, еврейский вопрос, полицейские мероприятия, переселение в Германию... Писатель и журналист Люсьен Ребате (1903-72) с 1945 по 52 год отбывал заключение как активный коллаборационист. В 60-е годы он являлся духовным наставником французских «новых правых», ориентируя их в направлении объединенной Европы, покоящейся на традиционных («индо-европейских») ценностях. Сближению европейских консерваторов после войны содействовали математик и писатель оккупационного периода Луи Ружьер и юрист Дофин Менье, создавший вместе с Дриё ла Рошелем в 40-х годах Свободный факультет экономики и права в Париже. Подвергался репрессиям историк и политический деятель, активист франко-германского сближения, Бернар Фэй – профессор «Коллеж де Франс», руководитель Национальной библиотеки. Ему поставили в вину «разжигание антисемитизма». Был осужден за коллаборационизм писатель и критик Робер Пуле. Погиб в 1945 году в боях в Берлине известный журналист, один из руководителей Легиона французских добровольцев Жан Фонтенуа, организовавший летом 1940 г. встречу германского посла О.Абеца с Лавалем. Под обвинением в содействии оккупационным властям находились редактор еженедельника «Же сюи парту», журналист Поль-Антуан Кусто (1906-58) и директор этого журнала Шарль Леска, близкие к немецкой газете «Propagandastaffel», выходившей во Франции. Удалось избежать преследований журналисту и литературному критику Пьеру Бриссону (1896-1964), многолетнему редактору газеты «Фигаро», имевшей при оккупации фашистскую направленность.

Респектабельность франко-германскому сотрудничеству в годы войны придавали такие личности как Пьер Гаксот (1895-1982) – историк XX века и политический публицист. Правый монархист и активный сторонник Ш.Морраса, Гаксот, ставший в 1953 г. членом Французской Академии, способствовал своим авторитетом объединению консервативных сил в послевоенной Франции. Лояльность по отношению к германским властям соблюдали поэт, писатель и драматург Андрэ Лебэй; автор многочисленных этюдов о масонстве и редактор традиционалистского журнала «Ревю де Пари», литератор Марсель

Луи Фердинанд Селин (1894-1961)

Тьебо. На крайне левом политическом фланге находился писатель и публицист Жан Бернье (1894-1975), автор замечательного романа «Прорыв» (1920), ловко вписавшийся в консервативную атмосферу оккупированного Парижа. Отстраненную позицию от национал-социализма занимал романист Жан Шлюмберже (1877-1968), что не помешало ему после войны оправдывать коллаборационизм в сборнике «Процесс Петэна» («Le process Petain»).

Особый интерес для нашей темы представляет политическая позиция крупнейших писателей Франции, большинство которых вольно чувствовали себя при оккупационном режиме, а многие сотрудничали с ним, не прерывая литературной работы. Один из самых выдающихся писателей XX века Луи-Фердинанд Селин (Луи Детуш, 1894-1961) связал свою судьбу с режимом Виши, но не был причастен ни к одной его политической акции. Реформатор литературного языка, одинокий и свободный Селин оказался затянутым в общественную борьбу всеми свойствами личности, сформированной в тяжелые годы первой мировой войны, из которой он вышел раненым, тяжело контуженным и увенчанным высокими наградами героем. Подобные войны швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт относил к разряду «неблагородных». Л.-Ф.Селин не считал, что эта война велась ради освобождения Франции. Задолго до 30-х годов он предчувствовал новые катастрофы, наблюдая за оргией унижений, которым победители подвергали Германию.

Сторонясь политических партий, Селин отдался творчеству, создавая одно за другим остросовременные произведения. В 1932 г. он опубликовал один из ключевых романов XX века – «Путешествие на край ночи», захватывающую автобиографию первой половины жизни. Среди многого, здесь отражен собственный военный опыт, внушивший Селину презрение к французскому обществу. В 1936 г. вышел антисоветский очерк «Моя вина», навеянный посещением Ленинграда. С 1937 по 41 год писатель издал три памфлета объемом около 400 печатных страниц каждый. В проникнутых яростным антисемитизмом «Безделицах для погрома» (1937) Селин рекомендовал ре-

формировать Францию на фашистский манер. В «Школе трупов» (1938) отражены расистские настроения и культ силы. Скандальную славу принес писателю памфлет «Попали в переделку» (1941), где он издевался над поверженной Францией, сравнив оккупацию с «веревкой без повешенного». Роман «Смерть в кредит» (1936) из-за избытка натурализма запретила публиковать немецкая цензура.

В сентябре 1944 г., большая группа французов, включая министров Виши, переехала в южногерманский город Зигмаринген. Здесь французские эмигранты разделились на три группы. Петэн, Лаваль, Боннар, Марион и другие, перевезенные против своей воли, считали себя пленниками немцев. Этой группе противостояло несколько активных политиков, продолживших сотрудничество с Германией. Фернан де Бринон, Ж.Дарнан, Дорио, Марсель Деа по инициативе Гитлера и Риббентропа организовали «Правительственную делегацию в защиту национальных интересов» с целью в дальнейшем сформировать на ее основе новое правительство во главе с Жаком Дорио. Третью группу составили около двух тысяч «неявных коллаборационистов», съехавшихся со всех сторон Франции. Многие из них не занимали официальных постов, но все были достаточно известны как литераторы, художники, журналисты, лидеры политических партий.

Через два месяца к ним присоединился Селин. В марте 1945 г. он вместе с женой бежал в Данию, был арестован и заключен на 14 месяцев в подземную (!) тюрьму, а затем провел три года в ссылке на балтийском побережье в неотапливаемой (!) хижине. Ему вменили в вину аполитичные сочинения «Безон сквозь годы» и «Банду Гийоля», а также членство в пронацистском Европейском клубе писателей. Летом 1951 французский Верховный Суд амнистировал Селина, позволив ему вернуться в Париж. Здесь он создал три последних романа, где с редкой художественной силой описал жизнь в Зигмарингене. «Из замка в за-

Анри де Монтерлан (1896-1972)

мок» и «Север» изданы во второй половине 50-х годов, а «Ригодон» – через восемь лет после его смерти. К Селину вновь пришел шумный успех, но не материальный достаток. Он стал одним их трех французских писателей (наряду с Монтерланом и Мальро), публиковавшихся в самой престижной серии издательства «Галлимар» – «Плеяде». Здесь вышли все его сочинения, что означало официальное признание Л.-Ф.Селина классиком мировой литературы.

Анри Монтерлан (1896-1972) также занял место в первом ряду французских писателей XX века. Его биография – еще один пример обращения французского националиста в патриота единой Европы. Страдающий врожденной болезнью сердца Монтерлан, обманув врачей, ушел добровольцем на передовую в первую мировую войну. «Я буду обесчещен, если после войны станет известно, что я не был на фронте», – писал он в дневнике. Демобилизованный после ранения в спину, Монтерлан занялся литературой, создав по военным мотивам один из лучших своих романов «Мечта» (1922). «Новая британская энциклопедия» (1980, т.6) характеризует его как «автора романов и драматических произведений, представляющих собой мужскую и аристократическую оппозицию женственно-слабому и демократическому веку». Последователь М.Барреса, Монтерлан создал героический мир мужских добродетелей, апологию спорта и силы (романы «Бестиарии», 1926; «Холостяки», 1934; тетралогия: «Девушки», «Жалость к женщинам», «Демон добра», «Прокаженные», 1936-39). Исповедуя культ твердой власти, он демонстрировал вызывающее презрение к французской демократии и приветствовал победу Германии как спасительный урок для Франции («Июньское солнцестояние»,1941). После 1942 года Монтерлан обратился к драматургии, пропагандируя тоталитарный режим («Мертвая королева», «Ничей сын», 1942-43). «Фашизм, – утверждал он, – направляет добуржуазную сплоченность общества против плутократических идеалов буржуазной демократии, обнаруживших свою безжизненность и губительность уже в ходе первой мировой войны». Патриотизм Монтерлана не умещался в рамки одного государства. Даже комиссия Петена отвергла его предложение посвятить мемориал в Дуомоне памяти как французских, так и немецких солдат.

Сразу после войны писатель вновь призывал к установлению сильной политической власти, выказывая недоверие к пассивным народным массам (пьесы: «Малатеста», «Завтра будет день», «Пор-Рояль», «Испанский кардинал», 1946-60). Драмы Монтерлана заняли место в восходящей к Корнелю героичес-

кой традиции французской литературы. В 1960 г. он стал членом Французской Академии. Европейская критика единодушна в оценке его произведений: «большой писатель», «блестящий стилист», «королевская манера письма», «враг буржуазной морали», «друг всего, что возвышает душу». Монтерлану удалось избежать обвинений от участников Сопротивления благодаря независимости поведения во время оккупации. Хотя социолог Раймон Арон и наградил его титулом «самого значительного из писателей-коллаборационистов», вишисты приписывали ему безразличие к устоям «нового порядка» (труд, родина, семья). Монтерлан до конца жизни остался верен раз выбранной отстраненности от узкого национализма своих соотечественников. Современникам внушала уважение цельность его натуры и последовательность поведения.

«Великим писателем и провозвестником благополучного состояния мира на пути индустриализации» назвал Жана Жионо (1895-1970) историк французской литературы Жак Бреннер. В 25 лет Жионо сражался под Верденом и в других трагических местах, почти потеряв зрение. В его роте уцелело лишь несколько человек. Из осмысления военного опыта возникла ненависть к цивилизации. «Нельзя убить войну, не убив капиталистического государства», – писал Жионо в антивоенном романе «Большое стадо» (1931). Он осуждал шумные и грязные, бесчеловечные большие города, выступал против любых социальных пут и всех политических группировок. Его почитали молодые люди. Жионо стал провозвестником экологов, воспевая таящиеся в природе «истинные богатства» (роман «Песнь земли», 1934). Он удостаивался сравнения с Гомером и Л.Толстым. В 1939 г. Жионо выступил против воинской повинности, был арестован за «пораженческие настроения» после объявления войны с Германией и под хлопоты Андрэ Жида освобожден от армии.

Подобную позицию тогда разделяли видные деятели культуры – добровольцы первой мировой войны. Все они начинали зрелую жизнь как французские националисты. Многие принимали участие в деятельности основанного в 1915 г. Ш.Моррасом Комитета по выявлению уклоняющихся от военной службы. Но в оккупации Франции немецкими войсками они усмотрели событие, выходящее по своему значению за пределы «обычного» исхода войны. Идея европейского объединения в толковании национал-социалистов пробудила во французских консерваторах память о достойном Отечестве Отечеств – Священной Римской Империи, лишенной ненавистных им пороков буржуазной цивилизации.

В этот период Жан Жионо написал отстраненную от военно-политического противостояния книгу «Триумф жизни», но был обвинен критиками в поддержке режима Виши. В 1941-44 годах его пьеса «Конец пути» с успехом шла в театрах Франции. Следующая драма Жионо – «Путешествие в коляске» (о занятом в 1797 г. французами Милане) в отличие от пьес Сартра (!) не получила специального разрешения немецкой цензуры, но ставилась в театре Мариньи. В августе 1944 г., на второй день после освобождения Франции Жионо был арестован и просидел шесть месяцев в лагере. Попав в черные списки комитета по чистке литераторов, он не смог печататься до 1947 года. После издания романа «Гусар на крыше» (1951) и нескольких высокохудожественных исторических хроник критика назвала Жионо одним из лучших современных романистов. Ему присудили премию Монако. Он стал членом Академии Гонкуров, а затем – председателем жюри кинофестиваля в Каннах, написав прекрасные сценарии к фильмам «Крез» и «Крах Павии». В 1965 г. Жионо опубликовал свой лучший роман «Два всадника в грозу», но был отстранен шведами от Нобелевской премии по старым политическим мотивам.

Писатель и дипломат Поль Моран (1888-1976), по словам французского романиста Бори, был «для белой расы тем же, что Бальзак для роялистов, полный ностальгии, страстный защитник, понимающий, однако, что дело проиграно. Он укоренен в Европе до 1914 года и не примирился с ее крахом». С 1913 г. Моран, окончивший школу политических наук в Париже и факультет права в Оксфорде, направлялся посланником в Италию, Испанию, Англию и другие страны, одновременно занимаясь литературным творчеством. В «Хронике XX века» (1925-30) и в описаниях своих многочисленных путешествий по миру писатель рисует сократившуюся в размерах, больную и одряхлевшую Европу, критикуя США за культ денег, за детские мысли в философии и политике. Нелестно отзывается о неграх, метисах и желтой расе. Известность принесли ему произведения 20-х годов: новеллы «Открыто ночью» и «Черная магия», роман «Левис и Ирена». Здесь изображен мир крупных предпринимателей, беспринципных космополитов и хищных прожигателей жизни. «Милая Франция» (1933) сатирически рисует засилье евреев в парижском кинематографе. Ясная политическая позиция писателя определилась в антисоветском памфлете «Я жгу Москву» (1924).

В 1939 г. Поль Моран оставил дипломатический пост в Англии и вернулся во Францию в распоряжение Петэна, отправившего его посланником в Румынию. В это время Моран жил

надеждой на создание европейского третьего рейха – оплота для победы над большевизмом. В период оккупации он публиковал остро критические биографии ряда известных французских писателей демократического направления. Популярностью в этой серии пользовалась работа о Мопассане (1942). Не принимавший активного участия в коллаборационистской деятельности, Моран после войны получил возможность вернуться к дипломатической работе. Вновь отдавшись литературе, он занял в ней прочное и неоспоримое место. Его стиль описывают как «ностальгическую и тревожную музыку слов». В серии исторических романов 60-годов о Габсбургах, написанных в сухой и остроумной манере, Поль Моран еще раз горюет об утрате аристократизма в Европе и тираническом господстве масс.

Жак Шардон (р.1886), автор известных романов «Эпиталама» (1921) и «Счастье Барбезье» (1938), в период оккупации Франции присоединился к сторонникам европейского объединения. В 1941 г. он дополнил свою предвоенную «Частную хронику» вторым томом, описав в художественно-публицистической манере психологию француза, хладнокровно принявшего поражение страны, за что от него отвернулся ряд писателей, больше известные «передовыми» убеждениями, чем литературным талантом. В книге «Увидеть лицо» (1941) Шардон утверждал, что Франция благочинно впишется в новую Европу, создание которой провозгласили национал-социалисты. «Примирение для человека невозможно, – писал он, – предаваясь праздности, человек скучает. Он живет только, когда охотится, расставляет ловушки, уничтожает врага, все разрушает и перестраивает». Шардон охотно участвовал в работе Европейского клуба писателей. После войны он не скрывал своего уважения к немцам, утверждая, что ему не были известны крайности нацистской политики. Его несколько месяцев держали в тюрьме, но не судили. В романе «Отрешение» (1945) Шардон отстранился от пережитого, как того требовала этика выживания, и продолжал писать. Музыкальностью стиля и элегантным классицизмом его книги «Вот, что я думаю» (1966) восхищался президент де Голль.

Драматург Жан Ануй (р.1910) темы большинства антибуржуазных по духу пьес подчинял идее стоической борьбы с насилием в обществе. До войны он писал драмы на современные сюжеты («Путешествие без багажа», «Дикарка», 1937-38). В 1940 г. Ануй был мобилизован в армию, попал в плен и бежал. В оккупированном Париже он с помощью директора театра «Ситэ» Андрэ Барсака и своего друга Р.Бразильяка за-

нял видное место в театральном мире. Его комедии «Ужин в Санлине» и «Бал воров», исторические драмы «Эвридика» и «Антигона» с большим успехом шли во французских театрах. Полуподпольная парижская газета «Леттр Франсез», демонстрируя подцензурную свободу и художественную глухоту, назвала «Антигону» «гнусным произведением эсэсовца». Однако эта пьеса, как и напечатанная в коллаборационистской газете «Же сюи парту» драма «Леокадия», содержала мотивы трагической гибели непокоренных героев – доказательство явного свободомыслия. Стремясь к политической независимости, Жан Ануй отказался от участия в Сопротивлении. После войны он писал сатирические комедии, пародируя образы французских революционеров (Робеспьера и пр.) и высмеивая современную буржуазную мораль.

Лицо интеллектуального коллаборационизма представлял крупный писатель Пьер Дриё ла Рошель (1893-1945). Заслуживший три награды на фронтах первой мировой войны, он обобщил свой военный опыт в безупречной по мастерству серии новелл «Комедия Шарлеруа» (1934). Позднее Дриё говорил: «Чего бы я ни касался, все было или намеком на войну, или излишним балластом». Отвращение к грязному политическому миру, провоцировавшему войны, испытывал не только участник жестокой битвы при Шарлеруа. Воевавший на другой стороне немецкий писатель и легендарный офицер Эрнст Юнгер в знаменитой книге «Война как внутренний опыт» (1922) писал: «Современному миру недостает культуры войны – морального сознания того, что война может быть делом чести... Вот он, настоящий человек, гениальный солдат, элита центральной Европы. Настоящая раса, умная, сильная и волевая». В том же 1922 году Дриё ла Рошель издал книгу «Масштаб Франции». Переживая упадок жизненной силы своего государства, он утверждал: «В 1914 г. Франция была подавлена численностью и организацией немецких войск, а в 1918г. спасена вмешательством многочисленных американских соединений». С первых творческих шагов писателя в его произведениях ощущалось разочарование вчерашнего бойца, не желавшего примириться с потерей Францией первого места в мире, Он упрекал французов в том, что они упиваются своей посредственностью. В 20-е годы Дриё, наблюдая сходные явления по всей Европе, пришел к выводу о конце эпохи самостоятельных государств.

С этого времени всю его политическую публицистику пронизывает идея единой Европы: «Юный европеец», 1927; «Женева или Москва», 1928; «Европа против отечеств», 1931; «Фашистский социализм», 1934; «Рядом с Дорио», 1937. После

поездки в Германию в 1934 году Дриё возложил все надежды на национал-социалистическое государство. «В гитлеровской Германии есть какая-то моральная сила», – написал он в книге «Масштаб Германии». К концу 30-х годов были опубликованы самые известные произведения Дриё, рисующие, хотя и не без лиризма, упадок французской нации и разложение общества: «Болотные огни», «Мечтательная буржуазия», «Жиль». После поражения Франции писатель без колебаний встал на сторону немцев. С середины 1941 г. он осуществлял официальный надзор за литературой в Виши и в течение двух лет редактировал ведущий коллаборационистский журнал «Новое французское обозрение» (NRF), активно участвуя в работе Европейского клуба писателей. Дриё состоял членом Французской народной партии Жака Дорио, которого считал самым авторитетным политиком Франции.

Ставка на франко-германский союз, как почву единой Европы, не мешала Дриё ла Рошелю видеть все препятствия на этом проблематичном пути. В июне 1940 г. он записал в дневнике: «Не имея диктаторов, Франция и Англия не смогли дать Женеве (Лиге Наций – И.Б.) власть, которая могла бы подчинить Европу. Это было не под силу председателям госсоветов с их эфемерными и малозначительными мандатами. Демократия не могла создать единую Европу, ведь она не могла уже править даже собственными отечествами. Франция нуждается в том, чтобы Германия вырвала ее из провинциализма и бросила в великий поток автаркии, располагающей огромными средствами...Немецкий социализм, ослабленный остатками капитализма (!), вооружен лучше, чем плуто-демократия Рузвельта, чтобы организовать широкую автаркию без миллионов безработных». Однако разочарование Дриё в обеих сторонах быстро нарастало. Режим Виши и раньше представлялся ему «самодержавием без самодержца, без мужского начала». «Это старая Франция правых сил, полностью изношенная и разъедаемая длительным подчинением предрассудкам левых...Сторонники Морраса, которые слишком поздно добились своего, а за ними католики, республиканцы или правые либералы – всего лишь тени от прошлых противников», – писал Дриё в октябре 1941 г.

Ход событий укрепил его сомнения и в немецкой политике. Он упрекал оккупационные власти в нерешительности и неумении действовать: «За немцев страшно, видно, как из месяца в месяц их задачи расширяются и усложняются... Они все больше заняты на Востоке и ничего не решают на Западе. Они не приближаются к решению французского вопроса». Позднее

Дриё ла Рошель называл политику немцев «никудышной», находя этому более глубокое объяснение. Он критиковал национал-социализм за нежелание обратиться к внутренним источникам обновления, имея в виду уничтоженное в 1934 году левое крыло партии. По его мнению, Гитлер погубил себя, убив Грегора Штрассера и Рема, вместо того, чтобы избавиться от Папена, генералов и опекаемой Герингом старой промышленной верхушки. В январе 1944 г. Дриё писал: «Немцы пожинают то, что посеяли в 1940 и 41 годах: отсутствие революционного духа. Оправдать вторжение и оккупацию они могли только лишь революцией. Ведь дело было не в том, чтобы захватить Эльзас, а в том, чтобы уничтожить таможенные границы и объединить Европу против России... Какую великолепную социалистическую и расистскую революцию в Европе провалил Гитлер!».

Отношение Дриё ла Рошеля к Советскому Союзу было двойственным. Основную опасность от поражения немцев он видел в неизбежном распространении американской гегемонии на Европу: «Следует уповать на победу русских, но не американцев... Это раса, это народ, тогда как американцы – собрание метисов». Ненависть Дриё к «безвольной, развращенной буржуазии» осталась стержнем его мировоззрения: «Если бы я мог стать сегодня коммунистом, я бы сделал это только для того, чтобы прожить достаточно долго и увидеть, как из буржуа потекут мёд и кровь под русским сапогом». За полгода до самоубийства Дриё ла Рошель подвел итоги своему полному драматизма политическому пути: «Я был прав в 1934 г., когда написал в «NRF», что национал-социализм является раздраженной реакцией Германии, которая чувствует себя постаревшей, умалившейся перед лицом поднимающегося славянского гения... Сегодня монархия, аристократия, религия обретаются в Москве и нигде более».

К деятелям культуры, связанным с режимом, со скрытой враждебностью относились те, кто находил способы выражать иные художественные и публицистические идеи. В период немецкой оккупации появлялись самые разнообразные произведения, включая авторов оппозиционного толка и тех, кто тайно примыкал к Сопротивлению: стихотворения Одиберти, Арагона, Тардье; эссе Валери, Башляра, Полана; романы Сименона, Эме, Кено. Философ-экзистенциалист Альбер Камю дебютировал в 1942 г. в Париже романом «Посторонний». Недостаток бумаги не помешал Ж.-П.Сартру опубликовать в 1943 г. свою главную книгу «Бытие и время». Исключительно оживленно протекала театральная жизнь Парижа. С успехом шли пьесы

Ануя, Жана Кокто, Клоделя, Монтерлана, Жироду, Сартара, Камю. Администрацию «Комеди Франсез» возглавляли романист и публицист Жан-Луи Водуайе (1883-1963) и популярный драматург Эд Бурде (1887-1945). В это время был снят известный французский фильм «Дети райка» Карне и Превера. Из перечисленных лиц, по мнению современного исследователя Жака Бреннера, «лишь Арагон обрёл чувство родины и горечь поражения. Французская «родина» для остальных писалась с маленькой буквы».

С движением Сопротивления сотрудничали второстепенные писатели, публиковавшиеся под псевдонимами в подпольных изданиях или за границей: Ж.-Р.Блок, Арагон, Валери, Элюар, Роже-Вайян, Ф.Мориак, Роже Мартен дю Гар... Сент-Экзюпери – единственный из этого ряда, кто жил за пределами Франции. Певец мирового коммунизма Ромен Роллан (1866-1944) провел последние годы в зоне Виши. Там он, сознавая, что вышел из круга действия, отдался воспоминаниям. Работал над биографией погибшего в 1914 г. в бою французского националиста Шарля Пеги. В 1942 году издательство «Альбен Мишель» опубликовало начатую им еще в 20-е годы автобиографию «Внутреннее путешествие» (1942), о которой Дриё ла Рошель писал: «Какая вульгарная мысль, какой отвратительный стиль! Ещё один из Эколь Нормаль. Какое низкое отродье!».

Определённо, чистых идеалистов было немного и на стороне правых, хотя традиция концентрирует в людях более высокие свойства, чем политическая мода. Но не случайно большинство консервативно настроенных лиц, работавших в зоне оккупации и в пределах Виши, послевоенная юстиция не признала коллаборационистами. Это означало, что их деятельность расценили как нормальное проявление творческого духа. Если бы политическая картина континента сложилась по-другому, художественный и нравственный потенциал этих произведений искусства мог бы служить образцом для культуры будущей объединенной Европы. Культурная панорама Франции 1940-44 годов не ограничивалась философией, литературой и театром. В ней нашли место творцы изобразительного и музыкального искусств. Среди знаменитых – композитор Жорж Орик (1899-1983) и пианист Альфред Корто (1877-1962); художники Пикассо, Жорж Брак (1882-1963) и Морис Вламинк (1876-1958)... Разные направления и стили.

Такое стало возможным благодаря тому, что идеологический надзор за общественностью и организацию культурной жизни во Франции осуществляла в либеральном духе неболь-

шая группа немецких должностных лиц во главе с Отто Абетцом. Профессор рисунка, до войны живший в Париже, член НСДАП с 1931 г., организатор германо-французских молодежных встреч 1930-33 гг., Абетц несколько лет был референтом по Франции в имперском руководстве Гитлерюгенда. Перейдя в министерство иностранных дел Германии, он в 1938 г. стал помощником Риббентропа, а затем его личным представителем во Франции. Дальше вся его карьера была связана с этой страной. С начала оккупации он представлял МИД при командующем вооруженными силами генерале Штюльпнагеле. Ему поручили формировать в общественных кругах Франции положительное отношение к Германии. Уже через месяц Абетц отвечал за решение политических вопросов в оккупационной зоне и поддерживал контакты с правительством Виши, а с августа 1940 г. занял пост посла Германии в Париже с обширными полномочиями. В своей книге «История франко-германских отношений 1930-59 годов» он утверждал, что целью его деятельности всегда было возрождение единства двух народов в духе римско-греческой империи Карла Великого (I Рейх). Однако, писал Абетц, нацистские функционеры противились этой политике. В результате интриг в руководстве Германии он на год был отставлен от своих обязанностей во Франции, вернувшись туда в ноябре 1943 г. Карьера Абетца закончилась через год в Зигмарингене, после того, как ему не удалось уговорить своего друга Лаваля продолжить сотрудничество с Германией.

Еще два немецких специалиста, представлявшие разные ведомства Германии, эффективно контролировали общественную атмосферу Франции. Один из них – Карл Эптинг (1906-79), директор специализированного Немецкого института, ответственный по вопросам культуры при Отто Абетце. Служивший до войны в отделе университетских обменов с Францией, Эптинг играл важную роль в привлечении французских интеллектуалов на сторону Германии.

Лейтенант вермахта Герхард Геллер с ноября 1940 по июль 1942 г. руководил службой спецпропаганды, а затем занял пост атташе по вопросам литературы в немецком посольстве в Париже. Геллер располагал большими полномочиями, давая разрешения на публикации в издательствах и прессе Франции. Высокообразованный чиновник дружил со многими французскими писателями и был либерален в меру возможностей.

Значительный интерес к французским делам проявлял шеф службы безопасности Германии (СД) Рейнхардт Гейдрих. Одновременно с вступлением немецких войск в Париж он послал туда команду из двадцати человек во главе с Гельмутом

Кнохеном (р.1910), доктором философии, получившим образование в четырех крупнейших немецких университетах. До 1937 Кнохен работал в официальном агентстве германской печати (ДНБ), а затем перешел в центральное ведомство службы безопасности, где занялся анализом германской, французской, бельгийской и голландской прессы, а также сбором информации об эмигрантах. В 30 лет Кнохен успел заработать Железные кресты I и II степени за организацию крупной разведоперации против английской спецслужбы. В 1938 г. он сформировал в СД группу знатоков Франции. Среди них выделялись 27-летний журналист с дипломом Берлинского университета Хаген и два офицера Р.Нозек и Кифер, отлично владевшие английским, французским и испанским языками. Все члены команды Кнохена специализировались на анализе иностранных кругов, представлявших интерес для Германии. Заранее было собрано огромное количество материалов о Франции, её администрации, экономике и политике, деятелях культуры и религии. Сотрудники специального отдела СД годами изучали «регион V» (Париж). Сам Кнохен еще в 1937 г. с этими же целями посетил всемирную выставку в Париже.

В оккупированной Франции Гельмут Кнохен официально возглавлял службу безопасности, но сфера деятельности его команды не ограничивалась полицейскими функциями. Опытный сыщик Бемельбург, единственный гестаповец в группе Кнохена, организовал закрытие офисов антигерманских учреждений, конфискацию архивов, обыски у немецких эмигрантов, масонов и некоторых политиков, в то время как другие члены команды выполняли более интеллектуальную работу. Зоммер занимался коллаборационистскими партиями. Сам Кнохен, пользуясь своей интеллигентностью и умом, стал завсегдатаем парижских салонов, присутствуя на всех собраниях и празднествах активистов франко-германского сближения, и получая там массу нужных сведений. Он добился победы в этой неожиданной области, конкурируя с несколькими нацистскими ведомствами, искавшими первенства во французских делах. Однако полицейские полномочия у Кнохена отобрал в апреле 1942 г. Гиммлер, передав их своему личному представителю К.Обергу. В идеологической сфере группе Кнохена противодействовал штаб Розенберга во Франции. Самостоятельно работал Отто Абетц, руководивший действиями секретной государственной полиции по вопросам французской внутренней политики, пропаганды, печати и радио. Посольство Абетца располагало услугами экспертов из числа лидеров коллаборационистских и антисемитских групп. Среди них выделялись

политические активисты: де Пелльпуа, Бюкар, Клеманти и профессор антропологии Жорж Монтандон.

В свою очередь, люди Кнохена поддерживали контакты с лицами, близкими к исследовательской организации «Аненербе», – ректором Мюнхенского университета доктором Вуэштом, руководителем медицинского факультета Страсбургского университета Августом Хиртом, известным расологом Фридрихом Хильшером. Глава гестапо Генрих Мюллер, сторонник более жёстких методов обращения с теми, кто не до конца принял нацистскую идеологию, обвинял Гельмута Кнохена в преклонении перед французской культурой и «западнофильстве». Он утверждал, что Кнохен проявляет опасную мягкость к людям Запада, что он развращен и покорён их формой мышления и обычаями. Удивительным образом эти обвинения совпадали с упреками в чрезмерном либерализме, обращенными Дриё ла Рошелем к оккупационным властям. Дриё в согласии с полицейским министром Виши Жозефом Дарнаном причислял самого Лаваля к лицам, тайно сообщавшимся с франкмасонами. В действительности, эта искушённая в маскарадах тайная организация сумела сохранить свою структуру и кадры, несмотря на видимую непреклонность в её выявлении немецкими службами.

Крайне правое крыло коллаборационистов во Франции до конца 1941 г. находилось под опекой специалиста по сепаратистским партиям бригадефюрера СС доктора медицины М.Томаса. Политическими советниками Томаса стали создатели партии «Социальное революционное движение» Э.Делонкль и Фиполь. Активно работали в этом направлении: пронацистское рекламное агентство «Прима», антиеврейское объединение де Пелльпуа «Франс аншене», издательство Поля Фердонне «Гран Оксиден», комитет «Франция-Германия» Жоржа Скапини и де Бринона. Эти информационные службы и движения способствовали восприятию нацистских идей значительной частью французского общества. Сыграло роль и то, что благожелательно относящиеся к Германии французы давно находились под наблюдением двух солидных немецких учреждений: издательства «Вельтдинст» («Мировая служба») с резиденцией в Эрфурте, выпускавшего дважды в месяц бюллетени «Сервис мондиаль» на шести европейских языках и «Немецкого союза Фихте» из Гамбурга, распространявшего пангерманистские материалы.

Постоянно наращивали усилия по «освоению» Франции службы А.Розенберга. В ноябре 1941 г. эксперт внешнеполитического бюро НСДАП Г.Эберт получил задание наблюдать

за общественными движениями Франции, установив контакты с их лидерами. Подобные поручения в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и других странах выполняли В.Дайц, Шейдт и другие люди Розенберга. Для придания устойчивости этому процессу и подведению экономического фундамента под коллаборационизм в восточном министерстве был создан непосредственно подчинявшийся Розенбергу специальный сектор во главе с Маллетке. Он возник в связи с вопросом об участии европейских стран в «восстановлении Востока», как планируемой части объединенной Европы. На серии совещаний в Берлине с представителями министерства экономики, ОКВ, экономического штаба «Ост» и германских фирм были признаны «пригодными к сотрудничеству лишь те народы, которые по своему характеру в состоянии общаться с местным населением так, как хотим мы...». Эксперты остановились на Норвегии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Италии и Венгрии.

Перечисленные ведомства исходили в этом вопросе прежде всего из экономических выгод Германии и готовы были при случае отступиться от идеологических положений, в то время как Розенберг по-прежнему преследовал биополитические цели. Министерство экономики, МИД Германии, Геринг и даже Геббельс протестовали против жёсткой политики на Востоке, проводимой по настоянию главы СС Гиммлера. Но и Розенберг в программе Восточного министерства настойчиво призывал к гуманному обращению с населением, облегчению участи советских военнопленных и прекращению насильственной вербовки населения в Германию уполномоченным по использованию рабочей силы на оккупированных территориях Заукелем.

Тем временем обострились отношения Альфреда Розенберга с МИД. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в политику в оккупационных зонах, Риббентроп создал собственный «русский комитет», занятый именно этим. Осенью 1942 г. Гитлер, воспретивший подразделениям НСДАП выполнять «общеевропейские и мировые задачи», передал единоличное управление европейской политикой рейха Риббентропу, который отвечал за нее лично перед фюрером. Это серьезно ослабило империю Розенберга, особенно в Западной Европе. Все политические акции теперь должны были согласовываться с МИД Германии.

Поражение немцев под Сталинградом внесло новый импульс в поиски путей европейского объединения. В январе 1943 г., после совещания в восточном министерстве с высокими чинами армии и военно-экономических организаций, Ро-

зенберг объявил о «новой политической цели в русском пространстве», исходя из установки, что победить СССР можно только с помощью русских. Не дожидаясь ответа Гитлера, он разослал соответствующие директивы в высшие партийно-правительственные инстанции. Через месяц Геббельс издал свою директиву, рекомендуя не унижать и не оскорблять народы оккупированных территорий и прекратить высылку коренного населения. Геринг же считал такие меры недопустимыми даже для улучшения военного положения рейха. Всё это означало новую ставку на коллаборационистов Востока и Запада, интеллектуалов и военных. Тогда же партийная канцелярия запретила использовать понятия «великое пространство», «великопространственная экономика» и т.п., указав на недопустимость до конца войны делить мир на определенные зоны. Суммировав эти настроения, Розенберг и Геббельс призвали пересмотреть политический курс на Востоке и на Западе, выдвинув идею «Европейской декларации», наподобие «Атлантической хартии» союзников по антигитлеровской коалиции. Однако Гитлер отклонил замысел «декларации», как и «Восточную прокламацию» Геббельса («мы не должны ничего обещать»).

В публичных выступлениях неофициально оглашались новые экономические цели европейского сообщества: полная занятость, кооперация, блокадоустойчивость, высочайшая обороноспособность и т. д. Усиленно разрабатывались два плана: «европейский социализм» Розенберга и «европейская конфедерация» Риббентропа.

Идея конфедеративного устройства послевоенной Европы впервые прозвучала в памятной записке в МИД Германии внештатного сотрудника «Бюро Риббентропа» профессора Альберта Хаусхофера в ноябре 1941 г. Её основное положение гласило: война, вероятно, не будет выиграна никем. После нее сохранятся уже существующие пространства: англо-американское сообщество, Япония со сферой влияния в Восточной Азии, азиатское ядро Великороссии от Волги до Урала и Байкала. Германия удержит под своим влиянием Европу. «Насильственное покорение русской Евразии, так же мало достижимо, как завоевние Китая», – писал Хаусхофер. В согласии с идеями К.Шмитта о размежевании пространственно-чуждых сил профессор назвал главной целью Германии – добиться отказа англосаксов от вмешательства в Европу. Руководимый рейхом континент виделся А.Хаусхоферу в виде федерации из трёх групп государств. Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Хорватия и, возможно, Сербия должны быть присоединены к Германии.

Вторую группу составят союзные государства: Венгрия, Румыния, Болгария, при известных условиях – Финляндия, Греция, Украина и, в крайнем случае, – области Кавказа. В третьей группе предлагалось объединить Швецию, Норвегию, Данию, Швейцарию и Италию. За рамками планируемой Европы оставались Франция, Бельгия, Голландия, Испания и Португалия, так как «включение этих стран даже в самую слабую форму европейской федерации пока немыслимо», считал Хаусхофер.

Предложения о месте своих стран в новой европейской структуре выдвигали: Муссерт (Голландия), Квислинг (Норвегия), Леон Дегрель (Бельгия) и фашистские лидеры других европейских стран. Но Гитлер отверг все эти планы. Он высказался за образование великогерманского рейха, единственным сувереном в котором будет нацистская Германия. «Мы не могли бы создать конфедерацию, т.е. одно государство, состоящее из отдельных государств, потому что при первой возможности всё это здание снова развалится. Таким образом, безусловно, необходимо прочное объединение с целью отражения натиска с Востока», – заявил фюрер.

Всё же осенью 1942 г. в МИД началась проработка поставленного под сомнение плана, а затем Риббентроп направил Гитлеру несколько меморандумов с настоятельным предложением провозгласить Европейскую конфедерацию, как только Германия добьется крупного успеха в войне с СССР. Он подчеркнул, что с инициативой образования «новой Европы» в последнее время выступили Муссолини, Антонеску, Лаваль, ведущие политики Финляндии, Испании и Балканских стран. Министр рекомендовал ввести в состав Конфедерации Германию, Италию, Францию, Данию, Норвегию, Финляндию, Словакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Хорватию, Грецию, Сербию и Испанию. К ним могли быть причислены подвластные рейху образования, которые возникнут на оккупированных территориях.

Учреждение Европейской конфедерации, по мнению Риббентропа, затруднило бы вражеским державам обоснование смысла своего участия в войне против «монолитной и единой Европы». Так в МИД был найден самый важный и весомый аргумент в расчете на подрыв антигитлеровской коалиции. Министр считал также, что с провозглашением Конфедерации население оккупированных областей, нейтральных и союзных государств оставит беспокойство о своей дальнейшей судьбе, будет больше доверять рейху и повысит военно-экономический вклад в германский потенциал. «Таким путём можно сберечь много немецкой крови», – рассуждал он. По достижении

же победы можно будет перестроить европейскую структуру в сторону усиления единоличной роли Германии. Характерно, что в этих рассуждениях не упоминаются национал-социалистические положения об общности судьбы, нордической расе, европейской семье народов, различных образах жизни и т.д. Методологически Записка Риббентропа перекликалась с проектами Карла Шмитта и немецких геополитиков.

В апреле 1943 г. министр распорядился о формировании трёх рабочих групп при Комитете по делам Европы под своим руководством. Туда вошли ведущие лица МИД: фон Штеенграхт, Г.Хунке, Виль, несколько послов, интеллектуалы из СС Зикс и Френцель, профессор Бербер и доктор Мегерле. В распоряжении Комитета находились специалисты ряда научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений. Перед группами ставились задачи: подготовить исторические данные по вопросу о развитии политического устройства Европы с особым учётом прежних форм европейских объединений; составить перечень общеевропейских проблем, подлежащих урегулированию договорным путем; организовать руководство европейской пропагандой рейха. При анализе результатов обращало внимание несоответствие мало реальных целей солидным методам их обоснования. Такой подход был характерен и для других высококвалифицированных нацистских экспертов (Вернера Дайца, Прокша, Ф.Кюля), принадлежавших к иному идеологическому ряду. Показательно, что ключевые термины из их разработок интенсивно использовались в послевоенных программах творчески бесплодных выходцев из Сорбонны и Гарварда – строителей либеральной «Европы без отечеств».

Летом 1943 г. эксперты МИД Г.Фровейн, Р.Ран и фон Рентельн вступили в острую полемику по принципиальным вопросам со своим шефом. Не называя имени, они критиковали точку зрения Гитлера на проблему Европейской конфедерации. Ученые доказывали, что план должен быть реальным, убедительным и привлекать народы, «учитывая их стремление к миру, справедливому разрешению национальных проблем, экономическому и социальному благополучию». Значение пропагандистского элемента сводилось к минимуму. Ран подверг сомнению опасения Гитлера, что любая уступка коллаборационизму может быть истолкована как слабость Германии. Он утверждал, что предложенная им европейская политика «будет нужна нам всегда» – при неудачах в войне и в случае успеха. Сотрудники МИД ратовали за децентрализацию Европы, в которой кроме сильнейшего центра – великогерманского рейха с тяготеющими к нему германскими народами, найдется место

для «субгерманских» (юго-восточных и восточных) народов и Средиземноморья. Они не использовали национал-социалистические идеи для обоснования Европы как биологической общности («крови и почвы», «своей семьи народов» и т.д.), а оперировали центральным тезисом школы К.Шмитта о невмешательстве пространственно-чуждых сил.

В сентябре появился пакет документов с проектом Евроконфедерации и учредительной декларацией, которую требовалось принять на общеевропейском совещании. В документах говорилось, что СССР, США и Англия не могут предложить ничего нового народам Европы, потому что их планы пересекаются и противоречат друг другу, а интересы вообще не связаны с европейскими нуждами. Необходимо свободное решение европейских стран объединиться в сообщество суверенных государств на федеративной основе, утверждалось в Декларации. То, что в идеологической поддержке своих планов на послевоенный период нуждалась и противоборствующая сторона, доказывали действия Союзников. В марте 1943 г. по настоянию Сталина был распущен Коминтерн, а в октябре министры иностранных дел СССР, США и Англии опубликовали Декларацию о всеобщей безопасности. Единство только провозглашалось, но каждый преследовал свои цели. В ответ Комитет по делам Европы подготовил речь Риббентропа, в которой осуждалась антиевропейская политика американцев и англичан, несущая опасность ослабления и «балканизации» Европы. СССР же обвинили в планах «большевизации континента». В вызвавших большой эффект «Десяти тезисах Г.Хунке» говорилось, что национал-социализм требует от предпринимателей лишь обязательного осуществления права на труд (полная занятость населения) и соблюдения военно-экономических нужд. Все остальные экономические проблемы должны были решаться в соответствии с потребностями дня, без возвышения до уровня хозяйственно-политических принципов.

По заданию МИД Научно-исследовательский институт труда в годы войны занимался организацией международного сотрудничества в области социальной политики. В марте 1944 г. в Бад-Зальцбрунне состоялась подготовленная Институтом встреча ученых и специалистов нескольких европейских стран по социальному устройству новой Европы. Заключительный протокол назвал целью участников «социалистическую Европу без пролетариев». В июне министр экономики Вальтер Функ, выступая в Кёнигсбергском университете, также говорил о «подлинной экономической интеграции,... когда всем хорошо». Он заметил, что «новый порядок» означает не

подчинение других народов, а их сознательное присоединение к «европейскому экономическому сообществу» (!) без нарушения суверенитета государств (!). Таким образом, министерство экономики и МИД в заключительной фазе мировой войны тесно координировали действия в европейском вопросе. Практическую важность имело то, что Гитлер отверг все эти планы по мировоззренческим соображениям.

Не одобрил он и теснее увязанные с государственной идеологией проекты «европейского социализма», разрабатывавшиеся службами А.Розенберга, сочтя их утопией. Здесь первые позиции вновь занимал Вернер Дайц. В соответствии с открытыми им законами он осуждал «искусственные конструкции, которые не покоятся на связи крови и почвы, всегда индивидуалистические и империалистические». Он писал о конфедеративных планах: «Живое биологически-нравственное единство европейской семьи народов растворяется в чисто интеллектуальной, конституционной паутине абстракций, в картеле, объединении, создаваемом в политических целях, членство в котором можно приобрести или отказаться от него по своему усмотрению, исходя из личной выгоды». Дайц рассматривал эти притязания как наследие либеральной эпохи. В этой связи он критиковал Ницше за отсутствие биополитических идей и за уничижение христианства. «Не христианство, а современный английский либерализм был конечной причиной разложения, – считал учёный. – Он, как английская болезнь, способствовал ослаблению Европы».

Подчиненные Вернеру Дайцу учреждения развили бурную деятельность в последние годы войны. Их результаты публиковались в регулярных «Сообщениях» Института Европы, в монографиях, статьях и книгах самого Дайца. В труде «Жизненное пространство и справедливая организация мира» он заявил о необходимости во имя общего блага новой Европы поступиться даже *государственным* суверенитетом, приспособив его к нравственному закону («общее благо выше корыстолюбия»). Народный суверенитет выше государственного, утверждал Дайц, потому что сберегает индивидуальность каждого народа, а на творческом неравенстве людей и народов как раз и зиждется подлинный социализм. Поэтому «существует не только право, но и обязанность на народность», писал он. «Идеалом национал-социализма является не унифицированный европеец, а прочное европейское размежевание в нерушимых рамках семьи народов. И только отсюда разовьются затем новые государственные суверенитеты... как выражение суверенитетов народных. Они не будут служить, как прежде,

ослаблению народностей, – и тем самым, ослаблению европейской семьи народов, но укреплению обеих».

В начале 1944 г. Дайц опубликовал книгу «Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия». В ней он обнародовал предложенную биополитиками антиатлантическую декларацию. Центральное место в книге заняла евросоциалистическая идея, (так возник термин «евросоциализм», использованный левыми в 70-е годы (!). Это квинтэссенция всего написанного В.Дайцем ранее. Здесь утверждалась неизбежность борьбы с «империалистическими» системами – либерализмом Запада и большевизмом Востока. Дайц расправлялся с геополитическими и правовыми представлениями прагматиков, обвиняя их в уступках универсальной идеологии прежних времен, нашедшей законченное выражение в Атлантической хартии. Он настаивал на необходимости оторвать Западную Европу от Америки и Восточную Европу от неестественных отношений с Центральной Азией, возродив биологическую целостность европейской семьи народов. Это единственный способ приблизиться к европейскому социализму, к мирной организации Европы и всего мира. В такой планетарной перестройке заключался, по мнению автора, глубинный смысл второй мировой войны, рождающей европейскую нравственность, без которой немыслим подлинный социализм.

В одной из речей летом 1944 г. Вернер Дайц сделал неожиданное заявление о незавершенности национал-социалистического мировоззрения и дополнил положение о евросоциализме мыслью о том, что «утрированное общее благо не должно разрушать источник жизни общества, а также индивидуальность отдельного человека… и семьи народов». Эта новая для национал-социалистов постановка ключевой проблемы вела к заключению о принципиальной невозможности построения «естественного социализма» какой-либо одной народной общностью. Отсюда вытекало и то, что национал-социализм и европейский социализм не могут существовать по отдельности, друг без друга. Говоря о предвоенной ситуации в Европе, Дайц сожалел, что европейский аспект «естественного социализма» игнорировался в Германии всеми ведомствами, кроме «империи» Розенберга.

Ученый не ограничивался изложением своих идей. С 1943 года он делал практические шаги по воплощения евросоциалистической концепции. Его интересы распространялись на всю Европу – Восточную и Западную. В письме Розенбергу (июнь 1943) он заявил, что народы Восточной Европы надо рассматривать как «более или менее близких членов общей

семьи народов». В этом духе Дайц вместе с управлением военной пропаганды ОКВ распространял листовки в лагерях военнопленных на Восточном фронте и сформулировал «принцип движения Власова». Он пытался также организовать «Специальный отдел Восток» в структуре партийной службы Розенберга.

Поскольку команда Дайца опекала в основном западную часть континента, деятельность «евросоциалистов» была более результативной в Голландии, Бельгии и особенно в вишистской Франции, сотрудничеству с которой после серии поражений на Востоке в Берлине придавали первостепенное значение. Здесь В.Дайц опирался на помощь О.Абетца, командующего Западным фронтом фон Рунштедта и начальника военной администрации оккупированной зоны Михеля. Рвение в сотрудничестве с людьми Розенберга проявляли активисты режима Виши: министр производства Бишелонне, статс-секретарь министерства информации Люшер, дипломатический представитель в Берлине граф де Бринон. Идеи европейского социализма неустанно пропагандировали члены движения «Коллаборасьон» и «Объединения французских сил за континентальный союз».

Официально интересы Дайца в Париже представлял близкий сотрудник Розенберга Г.Эберт. Его переговоры с французскими коллаборационистами привели в январе 1944 г. к учреждению правительством Виши межведомственного Центра экономических исследований во главе с Бишелонне. Центр изучал вопросы автаркии, экономики великого европейского пространства, франко-германского сотрудничества, тесно взаимодействуя с дайцевским Центральным исследовательским институтом, фактически в роли его филиала. Вскоре усилиями Эберта и Бишелонне во Франции возникло Общество научного исследования великого пространства, находящееся в персональной унии и деловых контактах с соответствующей организацией Дайца. Наконец, по его инициативе вишистское правительство образовало в начале того же 1944 г. «Европейское издательство», возглавлявшееся на паритетных началах Люшером и Эбертом. Все три французские новообразования направлялись из единого центра, занимаясь детализацией идей евросоциализма применительно к специфике разных стран.

В связи с возросшими задачами по пропаганде европейского социализма во Франции, Голландии, Бельгии и других странах, Институт Европы В.Дайца принял исследовательскую программу на основе углубленного освоения биополитических законов, которые учёный уравнял с законами, действующими

в естественных науках. Он писал: «Сфера неорганического управляется нерушимыми законами природы, сфера органического – неопровержимыми биологическими законами, а сфера социального сосуществования – столь же неизменяемыми законами жизни, которым должна следовать человеческая воля. Эти три группы законов являются законами бытия, вечной жизни всего сущего». В феврале-марте 1944 г. Дайц прочитал в Париже серию лекций «Возрождение Европы из законов жизни европейской семьи народов». Его слушателями были чины германского посольства, офицеры Западного фронта, вишистские журналисты, участники движения «Коллаборасьон». В этих лекциях он скрыто критиковал отступления Риббентропа от принципиальных пунктов нацистской программы. Французские сюжеты выступлений Дайца отразили растущее стремление национал-социалистов представить вишистскую Францию равноправным союзником Германии.

В одной из лекций он предъявил новые небезосновательные обвинения СССР и США. «Сталин пытается создать организацию восточноевропейского пространства, заимствуя национал-социалистические идеи о праве народов на свободное национальное развитие, – заявил Дайц, – и точно так же Рузвельт стремится разрушить Европу, в то время, как он вынужден перенять наши экономические идеи».

В начале 1944 г. руководитель особой группы «Наука» Оперативного штаба Розенберга Г.Хэртлэ составил план, предусматривающий привлечение немецкой науки к изучению проблем «марксизма-большевизма». Начальник рабочей группы «Украина» Р.Прокш пояснил, что постановка задач в плане Хэртлэ является общеевропейской, так как необходимо найти и освоить для решения этой проблемы все европейские источники. В рамках Плана изучалось экономическое положение и социально-политическая обстановка в странах Европы, вёлся социологический анализ народов континента и многое другое. Летом эта идея воплотилась в Рабочем сообществе по изучению всемирной опасности большевизма. Среди многих экспертов к работе привлекли профессора Р.Хёна вместе с научными сотрудниками руководимого им Сообщества специалистов в области государственного права. Они получили задание изучить государственное и административное право в СССР. Другая структура – Центр по изучению Восточной Европы при министерстве Розенберга во главе с профессором фон цур Мюлленом (образован в июле 1943), координировал работу институтов и других учреждений по исследованию восточного пространства и готовил рекомендации для правительственных

органов. Ещё один Институт континентально-европейских исследований, руководимый выходцем с Кавказа профессором А.Никурадзе, занимался проблемами развития северных регионов восточной Европы, Прибалтики, Белоруссии, Украины, России, областей расселения казаков, Туркестана и Кавказа. Здесь изучались история, экономика, национальная политика, искусство этих территорий.

В конце войны в рейхе под руководством Оперативного штаба была проведена крупная антисоветская пропагандистская акция с участие немецких профессоров – специалистов по марксизму, СССР, европейским странам, международному праву, национальным отношениям и т.д. К концу 1944 г. число разработок Штаба превышало пять тысяч (1090 экспертиз). Их материалы, охватывающие весь континент, постоянно использовали партийные инстанции, ОКВ, СС, министерство Геббельса, институты и университеты.

Наряду с идеями, допускающими на определенных условиях вхождение России в будущую объединенную Европу, намечались другие цели. Их выразителем был Р.Прокш, подготовивший в 1944 г. «Европейский план», ориентированный исключительно против СССР. Главные пункты плана сводились к серии исследований, объектами которых были:

1. психология, «расовая субстанция», биологические силы, социально-экономические условия и социологический состав народов, населяющих соответствующие пространства;

2. автохтонные (существующие с древности) силы европейского пространства в их историческом развитии и значении в настоящее время;

3. влияние пространственно чуждых Европе сил;

4. ныне существующие политические взаимодействия: большевизм, католицизм, американизм – организации, личности, политические программы, цели, точки зрения на государство и т.п.

Одновременно с «Европейским планом» в Оперативном штабе для оккупированных территорий готовилось создание Специального отдела по решению мировоззренческих вопросов под руководством главы рабочей группы «Бельгия – Северная Франция» Г.Мухова, помогавшего В.Дайцу распространять идеи евросоциализма. Начальник Штаба Г.Утикаль утверждал, что главная задача Отдела должна иметь «решающее значение для духовной организации Европы». 16 декабря 1944 г. он сказал: «Низвержение врагов и завоевание мира зависят не только от военных и экономических мероприятий. Прочной перестройке Европы можно способствовать лишь, когда нам

удастся дать этой новой Европе правильные духовные и культурные основания... От нашей работы и активности зависит, будет ли эта концепция претворена в жизнь и, следовательно, возьмут ли во всемирно-историческое время руководство в новой Европе силы, лучшие в расовом и производительном смысле, или она будет уничтожена в большевистском хаосе».

Речь шла уже не о германской колонизации, но на первый план выдвигались духовные и философские цели войны. Ещё в августе 1943 г. Прокш говорил, что в войне не умирают за завоевание новых территорий или овладение месторождениями. «Речь идет о лучших человеческих ценностях. О самых глубоких вопросах – о подлинности, истинности в жизни». Главную задачу он видел в преодолении американизма (эксплуатации человека человеком) и большевизма (насилия над человеком). Тогда возродится взаимное уважение людей, что будет знаком возвращения к природе, попранной этими фальшивыми политическими системами. «Нашей целью является отыскать миру добро», – заключал Прокш. В январе 1945 г. он призвал немцев подать миру пример построения государства нового типа – «государства заботы, добра и счастливой жизни». Так зарождались элементы концепции «национал-социализма с человеческим лицом» (!). Подобные философско-этические размышления восходили к раннему Розенбергу, в «Мифе XX века» (1930) указавшему на естественные (природные) основы национал-социалистического мировоззрения.

На совещании Оперативного штаба в декабре 1944 г. Р.Прокш сказал: «Пришёл час Европы. Поэтому надо признать: народы отличаются друг от друга в духовном и физическом отношении... Мозаика многих возможностей... Если произносится слово «Европа», подразумеваются они все... Нынешнюю войну за Европу должна сопровождать новая идея. В войнах, которые ведутся за решение идеологических вопросов, всегда побеждают более сильные идеи. В этом заключается духовное поручение рейху. Целью является единство в многообразии... свобода народов в единстве континента». То же самое утверждали Розенберг и Дайц в первой половине 30-х годов.

Особое внимание в Оперативном штабе теперь уделяли Восточной Европе. В отличие от западной части континента, которую предполагалось просто «вернуть» Европе, на Востоке задача виделась в преобразовании на основе новой восточной политики отдельных территорий перед включением в единую европейскую систему. «Мы на Востоке политически провинились», – писал Прокш в журнале «Ди акцион» (сентябрь 1944). – «Будущая восточная политика должна вклю-

чать, однако,.. здоровое признание качественных пределов, отделяющих «людей Востока» от «людей Запада». Ставилась задача – «улучшить характер» восточноевропейских народов, так как с ними, и ни с кем иным, придется заниматься строительством новой Европы. Прокш советовал «убрать из душ мусор и заботиться о новых народах». Относительно России господствовала особая точка зрения. В декабре 1944 г. на совещании Оперативного штаба Р.Прокш сказал: «Желание присоединить к Европе Россию с её территорией от Ленинграда до Владивостока является утопией и вряд ли станет действительностью когда-либо в будущем». В любой момент, пояснял он, Россия может выйти из концерта мировых держав и пойти своим путем. Группа теоретиков Штаба усматривала угрозу для Европы в России «более национального оттенка» (большевистской или «власовской»). По этой причине Розенберг обвинил Риббентропа и Гиммлера (!) в формировании Русской Освободительной Армии и фактическом поощрении лозунга «единой и неделимой России»

Таким образом, переосмыслив претензии на завоевание «великого жизненного пространства», идеологи национал-социализма в конце войны вновь обратились к духовным поискам иррационального толка периода борьбы за власть.

Между тем, ортодоксы порождали всё новые идеи. В их основе неизменно лежало первенство партии над государством. Главная задача задуманного В.Дайцем Управления по делам Великой Европы виделась в учреждении «Совета семьи народов» в целях строительства европейского мира без гражданских войн между народами континента. Розенберг писал начальнику партийной канцелярии Мартину Борману и слал меморандумы Гитлеру о важности усиления духовного противоборства в гораздо большей степени, чем в начале войны. Он просил фюрера образовать высшую европейскую инстанцию для разработки европейской идеи (1944). Однако влиятельный бюрократ правительственной формации, шеф имперской канцелярии Ганс Ламмерс в резкой форме отверг эту идею. В письме Гитлеру (октябрь 1944) Розенберг, детализируя свои мысли о судьбе восточного пространства, предлагал добиваться преодоления взаимного отчуждения русских, украинцев и кавказских народов выдвижением общей европейской идеи. Её воплощение на территории СССР виделось министру в виде автономных образований, управляемых титульными нациями под германской опекой в «воспитательный» период. Гитлер ответил молчанием.

Тем временем возникла проблема удержания оставшихся союзников-коллаборационистов. В связи с этим Вернер Дайц

в «Меморандуме о европейской пропаганде» (сентябрь 1944) говорил, что только сейчас, после отступления немцев в Западной Европе и на Балканах, «большой массе населения в странах, оккупированных ранее Германией, становится ясно, насколько им было лучше при германском управлении по сравнению с наступившим теперь положением». Он утверждал, что национал-социалистическое мировоззрение никогда не сможет сохраниться в Европе как изолированный остров, но имеет право на существование только в качестве ядра нового европейского мировоззрения. Дайц призывал партийных единомышленников вернуться к тактике НСДАП 20-х годов: «Проповедь и пресса!». Здесь люди Розенберга нашли союзников в министерстве народного просвещения и пропаганды. Новое направление предусматривало координацию действий с Геббельсом, но не с Риббентропом, чей «оппортунизм» становился все ощутимей. В.Дайц предложил подключить к идеологической и пропагандистской войне журналистов и коллаборационистов, нашедших последнее убежище в рейхе, ориентировав их на разработанные принципы европейской политики. «Впоследствии на этих принципах, – писал он, – каждый народ должен революционным путем осуществить свое собственное народное и в тоже время европейское обновление». В развитие этой идеи Дайц намеревался преобразовать находившийся под его опекой Институт Европы в своеобразный центр идеологической переподготовки коллаборационистских кадров. В этом Институте он планировал учредить постоянный комитет из немецких и зарубежных журналистов для распространения европейской идеи.

В сентябре 1944 г. один из руководителей Института Европы Ф.Кюль провел серию бесед с начальником зарубежного отдела геббельсовского министерства Мэлике, который подключил к совместной работе руководителей других министерских отделов: Отто Дитриха, Браувейлера, Фриче. После этого в рамках акции «Проповедь и пресса» в Институте Европы началась активная подготовка к международным встречам эвакуированных коллаборационистов ряда стран, прежде всего Франции и Бельгии. Первая «Европейская беседа» прошла в ноябре. На ней были обнародованы положения нового меморандума А.Розенберга «Единый континент». В его основе лежали идеи В.Дайца о Европе, в которой не будет места противоборству великих держав, коалициям и враждебным группировкам. Утверждалось единство всех наций, проживающих на континенте. Меморандум призывал к мобилизации всех сил, чтобы не допустить проникновения большевизма в Центральную,

Ялмар Шахт (1877-1970)

Западную и Южную Европу. В противоречии с реалистическими мотивами плана максимальная задача виделась министру в повторной оккупации Восточной Европы, народам которой обещалась самостоятельность после победы национал-социализма.

На рубеже 1944-45 годов пропаганда идеи европейского социализма перешла в руки Геббельса. Его службы опекали работу «третьего конгресса Союза национальных журналистских объединений в Вене», о котором подробно сообщала газета «Фёлькишер беобахтер» (13-15 декабря 1944 г.). Там присутствовали представители двадцати двух европейских наций, в большинстве – активные коллаборационисты. Среди них: французский делегат Марсель Деа, вождь валлонских фашистов Леон Дегрель, руководитель «комитета фламандского освобождения» ван де Виль, венгерский министр культов Ф.Райнис и другие. С немецкой стороны в работе конгресса принимали участие доверенные лица министра пропаганды: О.Дитрих, Г.Зюндерман и др. Конгресс проходил под лозунгом «социалистического преобразования Европы». «Центральное решение» предусматривало объединение всех стран вокруг германского рейха. Только в этом случае, сказал Дитрих, можно добиться «социалистического освобождения» и открыть народам путь к «подлинному социальному прогрессу, ведущему в новое великое и счастливое будущее». Зюндерман говорил о необходимости европейского союза созидательных наций, а президент Союза В.Вайс в заключительной речи призвал к формированию «единого фронта душ и сердец Европы в борьбе против большевизма». Ни Розенберг, ни Дайц, принимавшие активное участие в подготовке венского конгресса, не упоминались в отчете главной партийной газеты.

Интенсивные усилия по воплощению европейской программы национал-социалистов в конце войны предпринимал Риббентроп. В отличие от Розенберга ведущие лица МИД приспосабливали свои программы к изменяющейся военно-политической обстановке без оглядки на идеологию. С осени 1944 г.

значительно оживилась деятельность Комитета по делам Европы при министерстве иностранных дел. Отбросив теперь как неактуальную идею конфедерации, члены комитета приступили к разработке новой «немецкой европейской концепции», с помощью которой надеялись обосновать господствующее положение рейха в Европе. В полемической форме обсуждались острые проблемы, в частности, вопрос о более терпимом отношении к либерализму (!), всегда подвергавшемуся жесточайшей критике национал-социалистами. Один из руководителей имперского министерства по делам науки, воспитания и народного образования А.Хольфельдер говорил, что идеи не могут овладеть массами, если в них нет нужды. Поэтому необходимо делать различие между либерализмом и индивидуализмом. Такая постановка проблемы в истории нацистской идеологии встретилась впервые.

Комитет Риббентропа провел в Веймаре международный семинар «Европа в час решения». 5 января 1945 г. формально под эгидой Немецкого института зарубежных исследований собрались более ста пятидесяти немецких и иностранных ученых, политиков, представителей министерств и ведомств. Был заслушан доклад о европейском социализме, трактуемом в духе решений международной встречи в Бад-Зальцбрунне, а не с позиций В.Дайца. Участник семинара, личный представитель Розенберга, начальник специального Штаба по решению мировоззренческих вопросов Г.Мухов подчеркивал впоследствии, что на семинаре отсутствовала «ясная установка и взлёт революционного желания, целеустремленное немецкое руководство и терминологическая четкость». Однако построения розенберговских ортодоксов уже мало кого интересовали в Германии.

Ялмар Шахт на параде рядом с Гитлером

Именно в это время Риббентроп попытался подчинить себе все организации рейха, занимавшиеся делами «новой Европы». Готовилось слияние в Кружок по изучению Европы соот-

Ялмар Горас Грили Шахт (1877-1970)

ветствующих служб Розенберга, Немецкого института зарубежных исследований при МИДе, Европейского управления СС, Зарубежного управления НСДАП, Немецкого трудового фронта и т.д. Все эти внушительные силы Риббентроп хотел ориентировать на решение первоочередных практических задач, связанных с подготовкой возможных сепаратных договоренностей с Англией и США.

Дело в том, что в январе 1945 г. Гитлеру поступило несколько записок от видных представителей крупного капитала, правительственных инстанций и вооруженных сил, в которых фактически признавалось, что война проиграна. Рекомендуя незамедлительно войти в контакт с лидерами США и Англии для прекращения военных действий на Западном фронте, МИД Германии предпринял последнюю безнадежную попытку сформировать новую коалицию против СССР. Готовность вступить в военно-политический блок с Великобританией и, возможно, с США оговаривалось требованием сохранить в составе рейха Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Австрию, Судетскую область Чехословакии и значительную часть Польши. Несмотря на определенную обоснованность предложений признать право Германии на исторически принадлежавшие ей или просто спорные территории, шансов на их удовлетворение у побежденной стороны не было. Тайные контакты с союзниками не принесли результата.

Но Альфред Розенберг не отступал от своей позиции. Выступая 1 марта 1945 г. с последней речью, посвященной «новой Европе», перед представителями партийных и государственных органов, вооруженных сил и научных кругов, он заявил, что европейская революция нерасторжимыми узами связана с судьбоносной борьбой немецкого народа и может победить только с победой рейха. Розенберг предупредил тех европейцев, которые, как он сказал, выступают против «старой Европы» на стороне антигитлеровской коалиции, что история когда-нибудь предъявит счет тем, кто вопреки «взаимным законам

жизни и традициям» не содействовал сожительству народов европейского континента.

Высмеивая обреченную стойкость Розенберга, противившегося упразднению восточного министерства, Геббельс писал: «По тем же причинам я мог бы создать какое-нибудь Западное или Южное министерство». Министр пропаганды записал в дневнике, что подобные утверждения отражают потерю реальности радикальными кругами в национал-социализме и несколькими сверхинтеллектуальными лицами, которые «впали в нирвану». 8 апреля в газете СС «Das schwarze Korps» появилась статья, в которой признавалось военное поражение рейха, но утверждалось, что национал-социалистические идеи сохранятся при любых обстоятельствах. На этом завершились усилия планировщиков «новой Европы» из третьего рейха.

С течением времени после войны, сквозь нагромождение программ и расчетов разнообразных сил проступала картина вероятного будущего Европы. Исторически выявленная тенденция к объединению континента основывается на ряде положений, имеющих непреходящую ценность независимо от источника их происхождения. История знает немало примеров глубоких и верных идей, которым не суждено было реализоваться в близкой перспективе. И всегда существовали планы, казавшиеся реальными, но не имевшие шансов на воплощение из-за компромиссов, не устраивающих стороны.

Континентальные программы немецких биополитиков, если убрать из них ряд острых формулировок, как дань времени, («расово-биологический фактор», «новый европейский порядок» и т.п.) обнаруживают солидную научно-историческую основу, что подтверждают принципиальные терминологические и смысловые заимствования, сделанные у них разработчиками послевоенных планов объединения Европы. Но нуждается ли в доказательстве право исторически сложившегося сообщества европейских народов на самостоятельный образ жизни, без вмешательства чужеродных сил, представляющих другие ареалы расселения?

Фридрих Флик (1883-1972)

Между тем, либерализованной Европой в XXI веке готовятся управлять между-

народные организации, представляющие космополитические группы, не имевшие корней в европейской почве. В этот исторический фон органически вписались довоенные предложения Риббентропа и Функа, за чьими спинами стояли финансово-промышленные круги Германии, нажившиеся на войне не меньше, чем их американо-английские коллеги. Эти лица в совершенстве владели низким искусством извлекать огромные деньги из массовых народных бедствий, начиная с «организатора германской экономики» Ялмара Шахта (1877-1970). Поскольку именно они диктовали «прагматикам» в нацистском руководстве предложения союзникам о послевоенном объединении Европы, следует кратко описать их деятельность при национал-социализме.

Уже в начале 20-х годов Шахт был одним из крупнейших банкиров Германии. Одновременно он представлял в стране американскую финансовую корпорацию Моргана, закулисные связи с которой не порывал во время второй мировой войны (!). С 1930 г. Шахт обеспечивал поддержку НСДАП немецкими монополистами, а через два года инициировал петицию промышленников и банкиров Германии президенту Гинденбургу с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. Сразу после прихода к власти нацистов он занял пост президента Имперского банка и быстро установил полный контроль над кредитной системой страны. В 1934 г., возглавив министерство экономики, Шахт по своей инициативе взялся осуществлять «экономическую подготовку к войне» и год спустя с согласия фюрера стал генеральным уполномоченным по военной экономике. Заложив основы германской военной промышленности, он внезапно, за три года до начала войны в Европе начал протестовать против военно-политических мероприятий нацистской партии, которые во многом сам вызвал к жизни (!). К январю 1942 г. Шахт был уволен со всех постов, а в июле 1944 г. арестован и содержался в концлагерях до конца войны. Взятый под стражу американцами в Австрии, он предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, был оправдан (!) и освобожден в сентябре 1948 года. До сих пор закрытые протоколы Трибунала союзников скрывают подробности этой истории, несомненно, подтверждающей участие международного пула банкиров в «заговоре против мира».

Подстать Шахту были другие крупные фигуры, финансировавшие войну и нажившиеся на индустрии вооружений. Осужденные международными судами после войны, они все были освобождены к 1951 году и заняли высокие места в экономической иерархии ФРГ.

Фриц Тиссен

Виднейший германский монополист Фридрих Флик (1883-1972) основой капитал составил в первую мировую войну и во время послевоенной инфляции, спекулируя на трагедии своих соотечественников. Он поддерживал нацистское движение с начала 30-х гг. и вошёл в категорию «фюреров военной экономики» (1938). Укрепил крупнейший сталелитейный концерн «Фридрих Флик» за счет конфискации еврейских заводов и установления контроля над металлургическими предприятиями в оккупированных странах, используя труд 50-ти тысяч иностранных рабочих. Член НСДАП с 1937 г., Флик входил в ближайшее окружение Гитлера, оказывая огромное влияние на экономическую политику нацистов. В 1947 г. на процессе Американского военного трибунала по делу руководства концерна его приговорили к семи годам тюрьмы и конфискации имущества. В январе 1951 г. всех шестерых главных лиц освободили. Через четыре года Флик контролировал около тысячи компаний, восстановив разделенный на множество мелких предприятий концерн, и стал богатейшим человеком в Германии.

Барон Густав Крупп (1870-1950) во время первой мировой войны полностью переориентировал свои предприятия на нужды военной экономики. То же самое он произвел в преддверии новой войны в 1933 г., став первым промышленником Германии в области тяжелой индустрии и вооружений. На гигантских заводах концерна «Фридрих Крупп», включая военный завод в Освенциме, широко использовался труд военнопленных и узников концлагерей. Трибуналом в Нюрнберге освобожден от ответственности «по состоянию здоровья».

Его сын Густав Крупп (1907-67), штандартенфюрер СС и президент «Фонда Адольфа Гитлера», с 1943 г. руководил концерном отца, а до этого возглавлял Имперский совет вооружений и руководил Имперским объединением угля и стали. После войны Международный трибунал отклонил попытку обвинения отнести Круппа к главным военным преступникам и приговорил его к одному году тюрьмы. В 1951 г. освобожден и вновь встал во главе своего концерна, добившись отмены постановления о его разукрупнении.

Крупный банкир с высоким авторитетом в финансовых кругах Германии Курт фон Шрёдер (1889-1966) в январе 1933 г. организовал в своем доме встречу Папена с Гитлером, завершившуюся компромиссом правящей верхушки с нацистской партией. Он состоял членом НСДАП, имел чин генерал-майора СС и был главой Объединения частных банков Германии. Шрёдера, причастного к конфискации еврейского имущества, арестовали в 1945 г. и через два года осудили на три месяца (!) заключения.

Примером субъективного правосудия союзников может служить судьба директора Имперского банка Эмиля Пуля (1939-45). С 1942 г. Пуль непосредственно курировал поступления на секретный счет СС золота и драгоценностей, изъятых у узников концлагерей, в том числе зубные протезы. Несмотря на тяжесть предъявленного обвинения, его приговорили к пяти годам заключения, из которых Пуль отбыл меньше половины. Вскоре после освобождения он вошел в руководство многих фирм и банков ФРГ.

Самую одиозную биографию с точки зрения обвинения имел член НСДАП с 1927 г. Вильгельм Кепплер (1882-1960) – ведущая фигура в управлении химической промышленностью Германии. В 1931 г. он создал «Группу Кепплера», преобразованную затем в «Кружок друзей рейхсфюрера СС» (в него входил ряд ведущих промышленников и банкиров: Флик, Бютефиш, Шмиц, Штейнбринк и др.). С 1933 г. Кепплер в должности уполномоченного Гитлера по экономике сыграл главную роль в организации производства синтетического каучука, волокна, дизтоплива и других материалов, имевших широкое военное применение. Он был одним из руководителей ориентированного на войну Управления по 4-х летнему плану Германа Геринга. Кепплер занимал видное место в экономических структурах СС, являясь главой нескольких фондов и предприятий, подконтрольных этой организации, и имел один из самых высоких чинов обергруппенфюрера (генерала) СС. В 1949 г. его приговорили к 10 годам заключения. Через два года Кепплера освободили благодаря ходатайству ряда влиятельных представителей деловых кругов США (!).

Специальный трибунал в 1948 г. рассматривал дело о руководстве монопольного химического концерна «ИГ Фарбениндустри», обвиненного в массовом производстве отравляющих веществ, в том числе «Циклона-Б», применявшегося в концлагерях. Концерну также вменили в вину использование на его многочисленных филиалах «рабского труда» заключенных. По этому делу проходила группа ведущих промышленников

Германии. В их числе – член правления «Фарбениндустри», организатор химического производства в Освенциме Генрих Бютефиш (1894-1969); руководитель производства ядовитых газов и заводов в Освенциме, глава комитета по боевым химическим веществам Имперского министерства вооружений Отто Амброс (р.1901. Все обвиняемые получили от 4 до 8 лет заключения, но освобождены в 1950-51 годах.

Особое место среди нацистских промышленников занимал владелец концерна «Металлургические заводы Августа Тиссена», доктор права Фриц Тиссен (1873-1951). Один из богатейших немцев, он с 1923 г. (!) поддерживал нацистскую партию, а в 1931 г. стал её членом. Именно Тиссен за два года до прихода к власти НСДАП организовал встречу Гитлера с крупными промышленниками Германии, обеспечив финансовую поддержку нацистской партии. В 1933-34 гг. Тиссен был ведущим экономическим экспертом правительства и депутатом рейхстага, но затем «разочаровался» в национал-социализме и в 1939 г. эмигрировал за границу. После войны он проявил себя сторонником либерального устройства Европы.

Милостивое отношение юстиции победителей к организаторам промышленной эксплуатации Европы контрастировало с серией жестоких приговоров, вынесенных представителям национальной идеологии, часто в нарушение основ международного права. Достаточно привести примеры убийства философа Эрнста Крика в американском концлагере, казнь по приговору Нюрнбергского трибунала, как «главного военного преступника», издателя и публициста Ю.Штрайхера – малозначительную фигуру в рейхе, казнь руководителя «Аненэрбе», учёного Вольфрама Зиверса. В этом же ряду – долгие годы запрета на профессиональную деятельность видных немецких ученых, писателей и представителей других искусств, чья вина заключалась в том, что они служили отечеству при национал-социализме.

В архивах американских военных трибуналов, содержащих исключительно богатые сведения о многосторонней деятельности нацистского государства, наибольший интерес представляют процессы против промышленных групп Германии. «Судебные дела»: №5 (Флик и др.), №6 (директора «ИГ Фарбениндустри»), №10 (Круп) проливают свет на запутанные и сложные связи между национал-социализмом и крупнейшими промышленными компаниями Запада. Изучение этих источников подводит к выводу о целеустремленной политике подлинных творцов европейской истории XX века, связавших её различные периоды в единую цепь трагических событий.

Не удивительно, что все бывшие бонзы нацистской экономики великолепно вписались в новые политические структуры. Главный принцип их деятельности остался прежним: никакого идеализма, прежде всего – выгода! Это вполне устраивало международных конструкторов послевоенной Европы. Их усилиями, исполняя обязательные для всех юридические процедуры, европейские правительства широко открыли свои страны кочующим афро-азиатским массам – худшей части оседлых народов обоих континентов, мотивируя это, прежде всего, финансово-экономическими выгодами. Сплоченные и пренебрегающие чуждыми для них традициями, неприхотливые на первых порах чужеземцы быстро перестают довольствоваться малым и благодаря своей плодовитости постепенно меняют демографический облик Европы. Этот процесс грозит европейским странам утратой политической самостоятельности, так как управлять со стороны хаотической смесью народов гораздо легче, чем объединением культурных наций. Тогда европейцам придётся вспомнить урок, с муками для всех преподанный немецкими биополитиками либеральной Европе.

ГЛАВА IV.
УПАДОК РУССКОЙ ИМПЕРИИ

Строгая православная традиция относит начало упадка русского общества ко времени реформ Петра Великого. Созидаемая имперская мощь России подтачивалась изнутри духовными преобразованиями самовластного государя, подрывавшими авторитет церкви. Общественная дисциплина, которую внедрял Петр, держалась при нем на силе принуждения. Началось постепенное ослабление «страха Божия». К тому же Император нарушил баланс сословного равновесия, выделив себе в опору обновившееся дворянство. Земские Соборы больше не созывались. Свободные крестьяне и холопы слились в единый слой «работных персон», что вскоре привело к крепостному праву. «Государственная система Петра Великого, – писал П.И.Ковалевский, – основывалась на чуждом русской исторической традиции западном идеале автократии и на "пользе государства" как высшем благе. Она охватывала все стороны жизни и возглавлялась Монархом, который правил не в согласии с землей и не "по Правде Божией", а "по Правде воли Монаршей"... Россия до Петра была "симфонией" двух частей – Государства и Церкви, иногда нарушавшейся, но без сосуществования которых она не мыслилась даже Иоанну Грозному». Всё усиливавшееся влияние иностранцев, под которое подпал Петр, при безмерной восприимчивости русского народа обещало осложнения в будущем. Таким образом, России постепенно была навязана скопированная с Запада, чуждая ей бюрократическая система управления.

В царствование Екатерины II заложенное Петром Великим немецко-протестантское влияние сменилось более опасным французско-философским, атеистическим и масонским. Поощряемая ею традиция «вольномыслия» сложилась с еще одной роковой чертой русского характера – нелюбовью к формальной дисциплине и самоконтролю. «Жалованная грамота» дворянству (1785) усилила его особенную роль в государстве, тогда как крестьяне не получили освобождения от крепостной зависимости. Победоносные войны и успешное отстаивание русских границ прославили Екатерину, в конце царствования осознавшую опасность и запретившую масонство как активную международную силу, враждебную России. Однако инерция ослабления духовной силы самодержавия сохранилась и

Николай I Павлович
(1796 – 1855)

усилилась при преемниках Екатерины.

Следующей вехой на этом пути стало правление Александра I, получившего блестящее, но чисто либеральное западноевропейское образование вместо православного и русского. Опасный мистицизм царя поддерживался его атеистическим и республиканским окружением (Кочубей, Новосильцев, Строганов, Чарторыжский). Из трех «александровских» обер-прокуроров Синода Русской Православной Церкви двое были вольнодумцами, один католиком. Свод законов российской империи составил убежденный республиканец Сперанский. Победа над Наполеоном встряхнула русское общество. Усилилось православие, были закрыты тайные союзы и вольнодумное «Библейское общество». Но не случайным стало и восстание декабристов, показавшее всю опасность пренебрежения русскими традициями.

Поворот страны на национальный путь при Николае I прекратился с его смертью в 1855 году. Сокровенная уваровская формула «православие, самодержавие, народность», добытая из недр русского духа, приобретала отвлеченный характер. Переломной точкой развития России явилось «несчастное царствование» (К.П.Победоносцев) сына Николая – Александра II. Воспитательное воздействие на цесаревича либерала Сперанского и выкреста Канкрина пересилило влияние глубоко православного поэта В.Жуковского. Это сказалось на проведении судьбоносных реформ, из которых самой неудачной была главная для России – крестьянская. Освобождение крестьян произошло за их счет в пользу помещичьего землевладения. Возникла и обострялась трагическая ситуация крестьян без земли и помещиков без крестьян. В городах копилась взрывоопасная масса оторванных от земли рабочих. Дворянство

стремительно пополнялось либеральными, кадрами, изживавшими остатки традиций. Приращение российской империи за счет Средней Азии при Александре II, важное геополитически, без твердого руководства в будущем сулило новые проблемы России. Усложнило дело реформа университетов, получивших большие права, использованные либеральной профессурой в антимонархических целях. Недаром из рядов студенческой молодежи полвека рекрутировались революционно-разрушительные силы. 1 марта 1881 г. после нескольких покушений польский террорист убил императора. Его сын Александр III в короткое время расправился с бандами революционеров. Но и твердый характер нового царя коренным образом не изменил положения. Многие сенаторы и члены Государственного Совета, губернаторы, дворцовые сановники и, разумеется, «сливки интеллигенции» прониклись либеральными настроениями, создав критическую массу, готовую к любому повороту событий. Преобладали приспособленцы и карьеристы – постоянные разновидности либералов. Меньшая часть состояла из недалеких людей, слепо верящих в прогресс без православной веры и родины. Сюда относились и более крупные фигуры, вроде писателя и поэта В.Соловьева.

«Пробное» монархическое объединение – Антисоциалистическая лига, возникшая в 1879 году, не оставила следа в истории. Сразу после убийства царя была основана тайная организация «Священная Дружина». Одним из ее организаторов стал двусмысленный Витте. Дружина состояла в основном из аристократов и представителей торгового сословия (около 750 человек). По словам одного из ее участников туда «набилась всякая дрянь» (пример использования врагами монархии новой политической структуры). Уже через год организацию распустили, а ее место

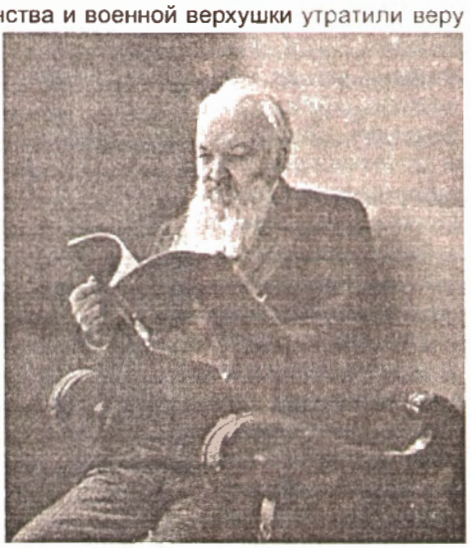
Александр III Александрович (1845 – 1894)

Граф Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837 - 1916)

заняла Добровольная Народная Дружина – 15 тысяч членов во главе с графом И.И.Воронцовым-Дашковым для охраны царя. ДНД вяло просуществовала до самого падения монархии, не выполнив своей цели.

Взрывной характер события приобрели в правление Николая II, не решавшегося на твердые меры против бунтовщиков, если они требовали постоянного применения. За несколько лет до революции 1905 года убежденные монархисты признали необходимость сплочения перед надвигавшейся опасностью. К этому времени значительная часть дворянства и военной верхушки утратили веру в самодержавие. Промышленники и купцы, презрев интересы государства, гонялись за прибылью. Полиция насыщалась сомнительными элементами. Внутри Церкви укрепились либералы.

В 1901 г. по инициативе группы сановников, писателей и ученых, обеспокоенных угасанием веры и денационализацией русского общества, возникла первая общероссийская монархичес-



Суворин Алексей Сергеевич (1834 - 1942)

Издательство А. С. Суворина (Невский проспект, 42). Фото 1900-х гг.

кая организация «Русское Собрание». Среди сорока членов-учредителей РС были такие фигуры как профессор К.Я.Грот, академик Н.П.Кондаков, доктор русской истории Н.П.Лихачев, видный богослов, директор Археологического института Н.В.Покровский, начальник Николаевской академии генштаба генерал Н.Н.Сухотин, писатель М.Коялович и другие представители культурно-политической элиты империи. Председателем Собрания стал популярный писатель князь Д.П.Голицын, его заместителями – знаменитый издатель А.С.Суворин и писатель С.Сыромятников. По словам современника, Русское Собрание зародилось, «когда любовь к отечеству была в забвении и... стало невыгодным быть русским человеком». Признаком хорошего тона у русского образованного слоя тогда признавался космополитизм. Однако, несмотря на провозглашение Собранием исключительно культурно-просветительских целей, либеральная печать встретила его основание поношением и злобными насмешками. «Общественность» восприняла это название как вызов. Но и русских патриотов унижало то, что ведущая нация вынуждалась демонстративно подтверждать свое существование в государстве. Тут же поступил донос министру внутренних дел В.К.Плеве, который собирался закрыть РС, но, разобравшись, сам вступил в него (тремя годами позже этот патриот был убит эсером).

В Русском Собрании состояли и темные личности, вроде будущего члена Временного Правительства А.И.Кривошеина.

Такие лица пытались придать Собранию нейтрально-благопристойный характер, уводя его от активной политики. Первый период деятельности Русского Собрания прошел в организации лекций, вечеров, выставок согласно уставной цели «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа». Эта обширная, но ограниченная просветительством задача не учитывала остроту сложившейся в стране ситуации. Заполнение пробелов в национальном воспитании, требовало непомерного напряжения сил для расшатанного общественного организма. Но наверстать упущенное за многие десятилетия еще казалось возможным. Время требовало решительных нетрадиционных мер, не ограниченных лояльностью к меняющимся правительствам. Однако крупнейшие монархические организации пытались спасти империю, не прибегая к консервативно-революционным действиям. Эта умеренная тактика противостояла свирепой решимости и бурному натиску левых радикалов, не церемонившихся в выборе средств. Самостоятельные действия монархистов, если они хоть немного выходили за рамки дозволенного, быстро пресекались властями. Даже консервативный министр В.К.Плеве боролся с революционерами без должной твердости (настаивал на мягких приговорах виновникам восстаний, привлекал к суду патриотов по сомнительным обвинениям в организации еврейских погромов).

Плеве Вячеслав Константинович (1846 -1904)

К концу 1902 года в Русском Собрании состояло уже 1600 человек (1000 – годом ранее). Открывались отделы на местах (Харьков, Одесса, Оренбург, Екатеринославль, Варшава, Вильно). Популярность приобрели общественно-политические вечера В.Л.Величко и литературные вторники Н.Энгельгардта. Активно работал Окраинный отдел. Князь М.Н.Волконский основал Кружки русских студентов в столице и Харькове. «Известия Русского Собрания» в 1903-4 годах печатали актуальные спецвыпуски. Но даже рост авторитета организации, после того как царь на-

звал ее членов «истинно-русскими людьми», не прибавил монархистам политической активности. Собрание ничем не проявило себя в период борьбы со смутой 1904-05 годов, довольствуясь культурной работой. В свою очередь, власть нанесла ощутимый удар по патриотическому движению, запретив военнослужащим после подавления революции состоять в политических организациях. Русское собрание покинули более двухсот офицеров, включая активнейшего генерала, сенатора А.М.Золотарева. Через семь лет последовал такой же запрет духовенству. Таким образом, две мощные государственнические силы были изъяты из политической борьбы военной и церковной бюрократией, и трон лишился существенной опоры в развернувшейся борьбе за власть. Единственным заметным событием в деятельности РС в этот период стал созванный по его инициативе Первый Всероссийский Съезд Русских Людей (Санкт-Петербург, февраль 1906). В работе съезда участвовали около тридцати организаций и видные монархисты: Дубровин, Пуришкевич, Грингмут, Шмаков. Обсуждались злободневные проблемы – земельная, окраинная, о печати и др. Но главный вопрос – объединение монархических организаций не был решен из-за противодействия ведущих столичных союзов. Неспособность договориться осталась у монархистов вплоть до свержения самодержавия. Сразу же обнаружилась печальная закономерность борьбы за лидерство между организациями, а затем – внутри каждой из них.

Дубровин Александр Иванович (1855 - 1918 (1921))

Картина в Русском Собрании коренным образом изменилась во второй половине 1906 г. после отставки из-за болезни князя Голицына. Этот пост пустовал до 1909 года, когда его занял кн. Лобанов-Ростовский, но два новых товарища председателя – Н.Энгельгардт и граф Гейден (оба немцы!) сразу резко активизировали работу Собрания, превращая его в полноценную политическую организацию. Авторитет их действиям придала поддержка митрополитов Антония (Храповицкого) и

Голицын Дмитрий Петрович (1860 - 1928)

Серафима (Чичагова). В дальнейшем видные священнослужители играли важную роль в духовном оформлении монархического движения. Их гласная поддержка помогала выстоять в годы запрета на прямую политическую деятельность Церкви. Новая программа Собрания провозгласила единство и неделимость России, отвергнув право автономии для малых народов и, подтвердив свою верность неограниченному самодержавию. Еврейский вопрос предлагалось решать с сохранением черты оседлости и с новыми ограничениями для евреев, как лучшим средством против погромов. В начале 1907 г., перед выборами во вторую Государственную думу в Устав РС внесли дополнение, разрешившее блокироваться с другими монархическими организациями, включая резко политизированный Союз Русского Народа (о нем ниже). Тогда столичные монархисты получили урок, к сожалению, не усвоенный большинством. Ни один из них не прошел в Думу. Подвело стремление к обязательному компромиссу, как рок преследовавшее патриотов на их пути.

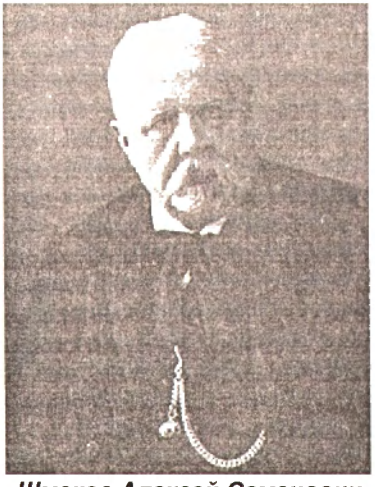
Уже в 1908 г. появились признаки упадка Русского Собрания, связанные с внутренней борьбой радикальных и умеренных элементов. С трудом достигнутый потенциал наступательной активности ослаблялся сумбурными организационными изменениями. Ослабил РС отход от дел в 1909 году авторитетного князя М.Н.Шаховского. Перед мировой войной из Устава РС был исключен пункт об активной

Пуришкевич В.М. в годы I Мировой войны

Грингмут Василий Андреевич (1851 - 1907)

политической деятельности. В этот период пост Председателя занимали бесцветные лица. Финансовые трудности привели к закрытию газеты и невозможности содержать патриотическую гимназию. Либеральные «Биржевые новости» опубликовали злобную статью «Начало конца Русского Собрания». С началом войны многие члены РС ушли на фронт. Последний состав Совета Собрания состоял из официальных лиц разного ранга.

Идеологи РС не уставали подчеркивать элитарный характер организации и ведущую роль образованных слоев в государственном развитии, не учитывая реальную расстановку сил в стране, подпавшей под полное влияние либеральной интеллигенции. Такого рода «образование», поставленное на службу революционным заговорщикам, стало злом для России. Беда была в том, что ведущие деятели Русского Собрания, держась за сословные предрассудки, не нашли в самодержавной форме правления равновесную точку с нуждами широких слоев народа. Не случайно организации не удалось выделить из своей среды лидера национального масштаба. Работа Собрания теперь носила академический характер, и после февральского переворота оно было запрещено вместе с другими объединениями монархистов. В 1918-19 годах Г.Г.Замысловский пытался возродить Русское Собрание на юге России, но не встретил понимания командования Добрармии, состоявшего из противников царской власти. Так бесславно



Шмаков Алексей Семенович (1852 - 1916)

Митрополит Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) (1863 - 1936)

завершилась деятельность одной из крупнейших монархических организаций России.

В провинции действовали менее значительные монархические объединения, провозгласившие себя «умеренными»: Курская партия правового порядка, Тульский союз за царя и отечество, Бессарабская партия центра и др. Они пропагандировали подрывающие монархию идеи, заложенные в Манифесте 1905 года – многопартийность и парламентаризм. Эти партии без раздумий бросились искать союзников среди разных слоев русского общества, соблазненных перспективой буржуазных свобод. Компромиссы заключались с кем попало. В результате в них оказалось немало скрытых врагов самодержавия, обнаружившихся в ходе быстрой трансформации умеренных в конституционалистов, а затем в прямых пособников революционных сил. В отличие от Русского Собрания эти партии целиком отдались политике со всеми ее грязными приемами. Конечно, внутри них были честные патриоты, но логика соглашательства с либералами привела к преобладанию беспринципных элементов, готовых нарушать все монархические заповеди.

Революция 1905 года породила массовые высокоактивные патриотические объединения, среди которых особую роль сыграл Союз Русского Народа (СРН), созданный в разгар событий группой монархистов во главе со статским советником А.И.Дубровиным. Вдох-

Священник Чичагов Леонид Михайлович, 1898 г. (1856 - 1937)

Митрополит Серафим, 1933 г. (в миру Чичагов Л. М.) (1856 - 1937)

новителем был игумен Арсений, а в первый Главный Совет Союза, кроме председателя и двух его товарищей – потомственного дворянина А.И.Тришатного и художника А.А.Майкова, вошли купцы И.Баранов, В.Воронков и П.Сурин, присяжный поверенный П.Булацель, предприниматель и социолог Г.Бутми, коммерсант В.Андреев. Видными членами СРН стали писатели П.Крушеван, Н.Энгельгардт и князь М.Н.Волконский, ученый Б.В.Никольский. Первая же публичная акция союзников впечатляла своими масштабами. 21 ноября 1905 года им удалось собрать 20-ти тысячный митинг с широким представительством всех слоев общества. Ошеломленные таким размахом либералы и социалисты, уже тогда действовавшие заодно, приумерили революционный пыл в столице. Союз быстро разрастался. Один Тришатный за полгода открыл до шестидесяти отделений, начиная с Ярославля, Новгорода и Одессы.

Союз Русского Народа стал подлинно всесословной организацией, пропорционально отразившей структуру русского общества. Подавляющая его часть состояла из крестьян. Особенно активную поддержку Союзу оказало крестьянство в окраинных губерниях, где был силен инородческий и иноверческий гнет. Например, в Волынской губернии, включенной в еврейскую «черту оседлости», крестьяне записывались селами. СРН уделял много внимания крестьянскому вопросу, но найти свое место в борьбе за крестьянство монархисты не сумели. Революционная пропаганда искусно использовала слагавшееся десятилетиями отчуждение помещиков от сельского быта. Призывы социал-демократов и эсэров отнимать землю силой привлекали многих. Лишенные сословных предрассудков руководители Союза Русского Народа не смогли предложить крестьянам более заманчивой перспективы, чем «черный передел». Активность крестьян-монархистов поглощалась стихи-

Манифестация Союза Русского Народа на Невском проспекте (1907 г.)

ей анархии в деревне из-за двусмысленной аграрной политики правительства, не решавшегося обуздать бунтарей. Создававшиеся Союзом экономические объединения, кредитные и потребительские товарищества не исправляли положения. Неуклюжее заимствование революционных методов: аграрные стычки, попытки захвата помещичьих земель, прямое неповиновение сельских подотделов СРН местной власти – использовались многочисленные врагами Союза для его дискредитации в обществе.

Активно участвовали в монархическом движении наемные рабочие, особенно в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Ярославле. На заводах столицы (Путиловский, Невский судостроительный) работали сильные отделы. В Иваново-Вознесенске и Киеве органы Союзов рабочих слились с отделами СРН. После октябрьской забастовки 1905 г. повсеместно возникали железнодорожные отделы Союза Русского Народа, (в Одессе шесть отделов насчитывали 1350 человек). Союзники трудно находили общий язык не с рабочими, а с владельцами предприятий. Отделы СРН часто конфликтовали с фабрикантами на экономической почве. В Союзе Русского Народа были широко представлены ремесленники, кустари, мелкие служащие и другие городские жители. Играли важную роль крупные купцы: Е.Полубояринова, Баранов, Тиханович-Савицкий, Ф.Постный и др.

Все вожди СРН (Дубровин, Пуришкевич, Н.Е.Марков) были высокообразованными людьми в отличие от еврейских и русских революционных кадров – сплошь недоучившихся бездельников с патологической тягой к террору. В Союзе Русского Народа состояли видные деятели науки и культуры: академик, филолог А.И.Соболевский, профессор медицины П.В.Никольский, математик и философ барон М.Ф.Таубе, профессор, правовед В.Ф.Залесский, ректор Новороссийского университета, профессор С.В.Левашов... Каждый их этих людей внес вклад в многообразную работу Союза, придавая интеллектуальный характер самым решительным действиям монархистов. Набирала силу пропаганда союзников: печатались воззвания, обращения, листовки. 23 декабря 1905 года царь принял депутацию СРН во главе с Дубровиным и принял значки организации, сказав: «Уповайте на Бога и надейтесь на меня». Это было время, когда патриотические объединения присматривались друг к другу, словно тая в зародыше разделяющие их разногласия, приведшие уже скоро к разложению монархического движения. Начались совместные действия.

В апреле 1906 года Союз Русского Народа вместе с Русским Собранием участвовал во Втором Съезде Русских Людей (Москва). Поучительно, что Съезд организовал маловлиятельный Всенародный Русский Союз (ВРС). Основанный по инициативе графа Н.П.Игнатьева и лидера московских монархистов деятельного В.Грингмута в ноябре 1905 г., этот Союз не приобрел авторитета из-за избытка демократизма и аморфной структуры. Работа без постоянного председателя и с полной автономией входящих в него организаций парализовала деятельность ВРС с его претензиями на лидерство в монархическом движении. Он просуществовал всего год и закрылся решением столичных и московских организаций. Съезд принял обращение к царю, предложив созвать Собора епископов Православной Церкви ввиду «обостряющихся настроений в церковной и государственной жизни». Постановили не признавать Государственную думу «выразительницей истинных убеждений русского народа». Правительство призвали ликвидировать зависимость от иностранного капитала. Обсудив крестьянский вопрос, Съезд ограничился требованием неприкосновенности земельной собственности. В отдельной резолюции подчеркнут упадок русской школы, как главная задача выделен подбор и воспитание школьных деятелей и указано, что государственная школа в Империи должна быть исключительно русской. Половина резолюций посвящалась национальным проблемам: против автономии Польши, за отмену преимуществ, незаконно

присвоенных себе Финляндией, о передаче свободных земель на Кавказе русским крестьянам-переселенцам…

Особое место в решениях Съезда занял еврейский вопрос. Съезд рекомендовал приравнять к иностранцам евреев, как не желающих сливаться с другими народами и стремящихся к господству. Закрыть им доступ в правительственные и общественные учебные заведения, разрешив открывать собственные низшие и средние училища. Не допускать евреев на государственную, общественную и военную службу, заменив ее уплатой военного налога. Удалить из средств массовой информации. Не предоставлять евреям политических прав, сохранив черту оседлости. Важно (и ошибочно!), что разработка единой программы монархического движения была отложена до следующего съезда.

К осени 1906 года Союз Русского Народа стал ведущей патриотической организацией России. Устав Союза не допускал разночтений: сохранение неограниченного самодержавия, «коренное изменение бюрократического стоя», «Дума должна быть национально-русской», «русской народности, собирательнице Земли…создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее начало в государственной жизни». По Уставу членами Союза могли быть только «природно-русские» обоего пола», давшие обещание не состоять в тайных сообществах (не делалось различия между велико-, бело- и малороссами). Для принятия инородцев требовалось единогласное постановление членов Главного Совета и учредителей. «Евреи в члены Союза никогда допущены быть не могут, даже…если примут христианство». Православной Церкви предполагалось придать господствующее положение, восстановив на началах соборности с включением старообрядцев. Таким образом, в Уставе подчеркнули преобладающее значение национальности перед старинным религиозным различием.

Сложность в предстоящую практику внесло определение ближайших задач власти: «установление строгого порядка и законности на твердых началах свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности…». Не внесло ясности добавление «с соблюдением правил, определяющих границы свободы». Все эти положения сыграли на руку либерал-революционерам. Русские консерваторы не сумели воспользоваться ни одним из них. В политике часто не удается «бить врага его же оружием». «Свободы» были вырваны либералами с боем и использовались по прямому назначению – для разложения монархии. Вступив раз на скользкую

дорогу, Союз Русского Народа решил принять участие в думских выборах, подчеркнув, что он не является парламентской партией европейского типа. Одно это расходилось с российским законодательством, не предусматривавшим юридических прав для «союзов», но лишь для политических партий. Теперь СРН предстояла трудная борьба с искушенным соперником в учреждении, сама природа которого заключалась в многопартийности. Скоро самой решительной части союзников стала ясна бесперспективность этого противостояния в рамках Законов Российской империи. Но и в дальнейшем отношение к Государственной Думе разделяло активистов Союза, еще до начала личного соперничества в руководстве.

Структура Союза Русского Народа была достаточно централизованной: Главный Совет – губернские (уездные) Советы – сельские подотделы и дружины. Все же в Москве, Петербурге и Одессе наряду с губернскими существовали городские отделы, подавая пример возможного двоевластия в других местах. Начальный период деятельности Союза был особенно эффективен. Преследовалась главная пропагандистская цель – «развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу Отечества – России единой и неделимой». Немалая заслуга в выполнении этой задачи принадлежала органам печати СРН. С декабря 1905 до 26 февраля 1917 года Дубровин издавал в Петербурге самую популярную монархическую газету «Русское Знамя», ярко и остро освещавшую злободневные вопросы русской жизни. Пользовались широкой известностью провинциальные газеты: «Вече» (Москва), «Русский народ» (Ярославль), «Друг» (Кишинев), «Почаевские известия», «Русская правда» (Астрахань), «Минин» (Нижний Новгород), «Русь православная» (Казань), «Черная сотня» (Харьков), «Набат» (Симферополь), «Русская речь» (Одесса)...

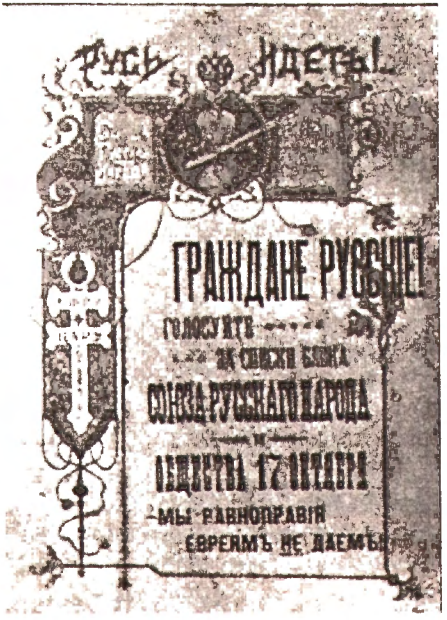
Бурно растущий авторитет Союза Русского Народа подтвердило внушительное представительство союзников на Третьем Съезде Русских Людей в Киеве (октябрь 1906) – 67 делегатов из 166. Приветствия прислали царь, царица и ведущие митрополиты. Этот съезд мог стать началом объединения монархических сил – на нем присутствовали все ведущие деятели патриотического движения. Председательствовали А.Дубровин, кн.Шаховской (Русское Собрание) и лидер московских монархистов В.А.Грингмут (Русский Монархический Союз). Съезд предложил Государю издать новый избирательный закон, исключающий территориальный и сохраняющий сословный при-

нцип формирования Думы, с усилением представительства русского населения, особенно крестьян, и лишением евреев избирательных прав. Монархисты исходили из опыта первой Государственной думы. Избранная с дискриминацией рабочих, крестьян и военных, эта Дума попала под контроль откровенных врагов самодержавия – кадетов (179 из 479 депутатов) и примкнувших к ним окраинных националов и трудовиков (177). Правые в ней практически отсутствовали. Проведя одну двухмесячную сессию в середине 1906 года, первая Дума была распущена из-за требований принудительного отторжения помещичьих земель ведущими фракциями.

Острые разногласия на Третьем Съезде вновь вызвал вопрос об объединении монархистов, посчитавших выработку единой программы преждевременной (!). В то время как ряд провинциальных делегатов требовал создания единой мощной организации, решительными противниками стали руководители крупнейших союзов – Русского Собрания и Союза Русского Народа. После долгих споров решили создать Главную Управу Объединенного Русского Народа во главе с тремя председателями съезда и 28 областных центров с местными отделениями. Эта внушительная с виду конструкция была обречена на разрушение, так как позволяла каждому отделу действовать самостоятельно. Главной Управе отводились лишь канцелярские функции (!). Даже компромиссное предложение о регулярных съездах новой структуры было отвергнуто. Таким образом, ни массовость (500 участников), ни торжественная атмосфера съезда не скрыли факт глубокой разобщенности монархистов. Далеко не все патриоты тогда ощущали приближение трагических событий.

Между тем, Союз Русского Народа наращивал активность и к весне 1907 года главенствовал в монархическом движении. К Четвертому Съезду Объединенного Русского народа (апрель 1907 г.) Союз насчитывал более 900 отделов по всей России. Большинство из 880 делегатов были союзники. Съезд замышлялся как символ победы над смутой и по составу соответствовал своему названию (почти две трети – крестьяне). Присутствовало много священнослужителей – от митрополитов до сельских батюшек. Председательствовал князь А.Г.Щербатов. Видные монархисты читали доклады: «Государственная безопасность (Б.Назаревский), «Общественная деятельность молодежи» (Л.Тихомиров), «Денежный вопрос» (кн.Щербатов), «Тирания свободы» (А.Шмаков)... Способы решения еврейского вопроса предложили Г.Бутми и Л.Бобров. С яркими речами выступили Дубровин, Пуришкевич, В.Грингмут и о. Восторгов.

Съезд проходил в период работы второй Государственной думы. В поисках подходящей общественной опоры правительство устранило от выборов значительную часть рабочих и мелких землевладельцев. Однако Дума стала «левее» прежней. Хотя число кадетов сократилось почти вдвое (до 98), трудовики, окраинные националы, впервые избранные эсеры и «народные социалисты», вместе с усилившимися почти в четыре раза социал-демократами (65 депутатов) дали подавляющий перевес над 54 правыми, включавшими октябристов, в которых правительство П.А.Столыпина не распознало скрытых врагов монархии. Вторая Госдума, вновь руководимая кадетами (!), проработав около трех месяцев, была распущена по обвинению социал-демократов в военном заговоре.



Избирательный плакат. г. Ростов-на-Дону. 1907 г.

Предвидевший такой исход Съезд в резолюции призвал к роспуску Государственной думы и к изменению закона о выборах для ее превращения из законодательной в законосовещательную. Предлагалось ввести военное положение, восстановить действие военно-полевых судов, разоружить превратившиеся в террористические банды отряды «еврейской самообороны», легализовать русские охранные дружины и обуздать либерально-революционную печать. По докладу авторитетного специалиста в области национальных отношений А.С.Шмакова правительству рекомендовали запретить евреям, как организаторам и активным участникам беспорядков, военную и гражданскую службу, вступление в адвокатуру, содержание банков и приобретение земли.

Несомненно, выполнение большинства этих условий поставило бы мощный заслон на пути революции. Но в правитель-

стве уже не было лиц, готовых воплотить радикальные меры. В другой резолюции признавалось «особенно тяжелое положение» русских рабочих и кустарей, пороки фабричного законодательства и слабая роль государства в обуздании самовластия заводчиков. Крестьянский вопрос предлагали решить с помощью Земского Собора из православных и старообрядцев, без иноверцев и инородцев. Вновь провозглашалась «неприкосновенность частного землевладения», хотя крестьянские депутаты предлагали отчуждать помещичьи земли за вознаграждение. Но и такая мера, будь она принята к исполнению, не спасала положения, так как значительная (худшая) часть крестьянства была распропагандирована революционными партиями, обещавшими принудительный передел земли.

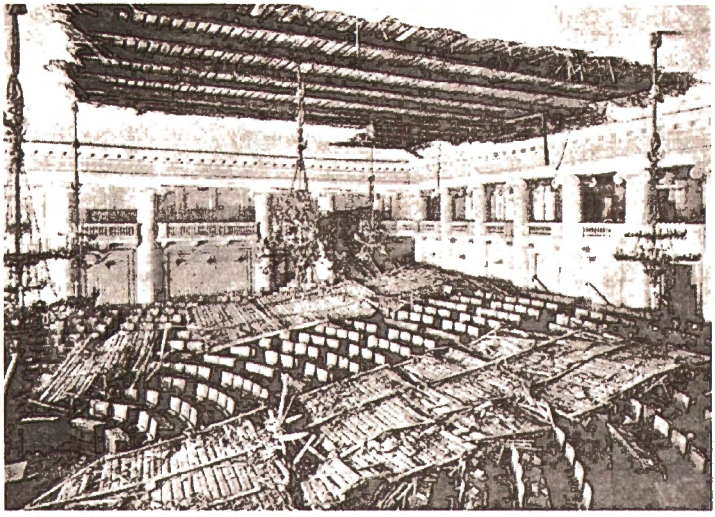
Первостепенная задача объединения монархических организаций была отставлена на будущее, утратив реальную перспективу. Ликвидировав Главную Управу Объединенного Русского Народа, учрежденную годом раньше, Съезд решил «ввиду преобладающего значения Союза Русского Народа…предоставить ему заботу о возможном объединении остальных монархических организаций». Но рекомендации переименовать Областные Управы в Губернские Управы СРН, а «остальным организациям» вступить в переговоры с Союзом ни к чему никого не обязали, как и решение созывать Всероссийские Съезды «по взаимному соглашению монархистов Петербурга и Москвы». И впредь монархические съезды созывались по инициативе различных организаций и даже отдельных лиц. Ни один из последующих съездов не приобрел решающего авторитета для всех монархистов России. Союз Русского Народа, сохрани он единство и сплоченность, мог в одиночку противостоять натиску революционеров. Обладая большой численностью (сотни тысяч членов и многие тысячи активистов), Союз опирался на внушительную поддержку наемных рабочих разных городов России, т.е. имел возможность вести успешную борьбу с марксистами за «пролетариат». Советская пропаганда замалчивала этот факт. Средства массовой информации демократической России в расчете на общее невежество представляют «черносотенцев» смешанным дворянско-люмпенским движением, демонстрируя, как и марксизм, русофобские корни. Яркое свидетельство народности Союза дает длинный список убитых террористами союзников – в подавляющем большинстве – рабочих и крестьян.

Драматический перелом произошел в период наибольшей активности Союза Русского Народа, начавшись с ожесточенной борьбы А.Дубровина с товарищем председателя

Торжественный молебен в честь открытия заседаний II Государственной думы 20 февраля 1907 года

В.М.Пуришкевичем, одним из самых ярких лидеров русских монархистов. Самостоятельно взяв на себя всю организаторскую и издательскую деятельность, Пуришкевич повел себя как фактический руководитель: рассылал циркуляры за своей подписью без согласования с Дубровиным, в одиночку решал принципиальные вопросы. Известный монархист В.Ф.Винберг так объяснял поведение Пуришкевича: «Талантливый, блестяще образованный, редко даровитый и начитанный, большого ума и творческих способностей...был чрезмерно обуян личными чувствами – надменным самомнением, любовью к популярности и стремлением к исключительному преобладанию над всеми другими, пристрастностью и нетерпимостью к чужим мнениям...неуживчивостью характера, склонностью не разбираться в средствах для достижения целей». Свойства характера и воздействие обладавшего многообразными возможностями либерально-еврейского клана привели Пуришкевича к отходу от монархизма в канун февральской революции 1917 года.

Но до этого было еще далеко, и Пуришкевич развил бурную деятельность, вербуя многочисленных борцов за русское дело среди разных общественных слоев. Но уже осенью 1907 г. он с рядом сторонников вышел из СРН после запрета Дубровина выпускать документы без его подписи. Впрочем, не одни личные мотивы играли роль в противостоянии. Пуришкевич



Обвал потолка в зале заседаний Государственной думы 2 марта 1907 года. Таврический дворец. г. Санкт-Петербург

в вопросах взаимодействия с властью склонялся к умеренности, доходившей до покорности. Формально он выражал настроения недовольной части союзников, прежде всего представителей купечества и промышленного класса, боявшихся резких действий. Было ли то следствием профессиональной уравновешенности, или финансовые интересы этих слоев возобладали над государственными, (вероятно проявились оба мотива), но разброд быстро охватил еще недавно монолитную организацию. Вскоре последовал запрет отделам Союза вступать в блок с партиями, подозреваемыми в пособничестве к ограничению самодержавия, подобно умеренно-монархической Партии Правового Порядка. Скрытая связь этих событий обнаружилась в ходе предугаданного Дубровиным постепенного изменения позиции Пуришкевича по отношению к монархии.

Не случайно дело происходило перед началом работы третьей Государственной думы, открывшейся первого ноября 1907 года. Она была сформирована по новому избирательному закону, из которого снова извлекли выгоду подрывные силы. Две трети выборщиков составили помещики и крупная буржуазия, одну четверть – крестьяне. Окраинным националам резко уменьшили представительство. Результаты выборов доказали полное непонимание правительством социального расклада сил в происходившей борьбе. Крайне-левые фракции (соци-

ал-демократы и трудовики) получили теперь всего 32 места, националы – 26. Это «упущение» заговорщиков с избытком компенсировал внушительный рост мнимо правых депутатов: 157 октябристов (сторонников Манифеста 1905 года), 97 умеренно правых «прогрессистов» и русских националистов (о них ниже). Кадетов стало 54. Резерв последовательных патриотов представляли только 50 крайне правых. За пять лет работы Думы оба ее председателя были октябристами.

Третья Дума работала в период, когда Председателем Совета Министров был П.А.Столыпин (1906-11). Государственный деятель с сильной державной волей, он выше всего ставил интересы России. Однако воспитание и первоначальное образование, полученное в Литве, и служба до 40 лет в западных губерниях России, привели к тому, что, став в 1903 году саратовским губернатором, Столыпин, по его словам, чувствовал себя там как иностранец. В коренной России он бывал не чаще, чем в Германии, которую считал «идеалом для многих культурных стран». Главная заслуга Столыпина заключалась в энергичной борьбе с террористами. Введенные им военно-полевые суды казнили многих активистов террора. К концу 1908 г. более 90% террористов были уничтожены или бежали за границу. Но в стремлении опереться на патриотические силы Столыпин проявил непоследовательность. Поддерживая все разновидности умеренно-правых, он тормозил деятельность Союза Русского Народа, усилив раскол в рядах патриотов, и без того поглощенных борьбой друг с другом. События 1917 г. показали ошибочность позиции не обладавшего острым аналитическим умом Столыпина. Умеренные не захотели решительно противостоять революции, а правые патриоты, которые могли раздавить ее, в результате политики Председателя Совета Министров оказались дезорганизованными.

Между тем, углублялся раскол в рядах патриотов. На съезде Союза в начале 1908 г. был принят новый Устав, определивший более жесткую организационную структуру, дисциплинарные ограничения, отношения с союзниками и «врагами» (куда попали целые монархические объединения и отдельные лица). Протестовавших против Дубровина удалили со съезда. В 1908 г. раскололись два крупнейших подразделения СРН. В Одесском отделе один из учредителей А.Коновницын исключил другого – Б.Пеликана по обвинению в симпатии к евреям и подозрительной умеренности. Затем монархическое движение было ослаблено отстранением от дел группой учредителей Московского Союза Русского Народа двух самых активных и влиятельных руководителей губернского отдела – протоие-

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870 - 1920)

рея Иоанна Восторгова и архимандрита Макария (Гневушева), основавших через несколько месяцев самостоятельный Московский (городской) отдел СРН. Членами нового отдела стали видные монархисты: Соболевский, Пуришкевич, Назаревский, Шмаков... Таким образом, в Москве оказались две организации с одинаковыми названиями, что внесло большую путаницу в ряды патриотов.

После Петербурга Москва стала вторым по значению центром патриотического движения в России. Еще в феврале 1905 г. на базе дворянского кружка братьев Шереметевых здесь возникла крупная монархическая организация – Союз Русских Людей (СРЛ). Целью Союза провозгласили укрепление самодержавия в преддверии новых законодательных учреждений, готовящихся по поручению царя. В апреле идею «обновления государственной жизни» поддержало Воззвание Союза, подписанное ректором Московской Духовной семинарии архимандритом Анастасием (Грибановским), сыном славянофила А.Хомякова Дмитрием, историком Д.Иловайским, классиком русской экономической мысли С.Ф.Шараповым, И.Ф. и Ф.И.Тютчевыми (сыном и внуком великого поэта), князьями А.Г.Щербатовым и В.М.Волконским и другими влиятельными московскими деятелями. Первоначально состав СРЛ был преимущественно дворянско-аристократическим, но затем его пополнили представители интеллигенции, учащиеся и служащие. Важнейшей инициативой Союза стала идея организации комитетов порядка при каждом приходе с созданием дружин для борьбы со смутой. Из-за противодействия властей эти дружины просуществовали недолго. В итоге Москва оказалась вскоре в руках бунтовщиков, и только при помощи войск удалось восстановить порядок. Мало кто из московских монархистов увидел тогда в происшедшем репетицию будущих масш-

табных потрясений, но эти события отрезвили Союз Русских Людей, и в дальнейшем он ограничился выпуском обращений, воззваний, осторожной политической публицистикой, превратившись, по словам Соболевского, в «наименее влиятельную монархическую организацию». Основанные в ряде городов Союзы Русских Людей действовали самостоятельно и в таком же роде. К 1909 г. СРЛ стал почти незаметен, распавшись после февраля 1917 г..

Ведущей монархической организацией Москвы стала основанная В.А.Грингмутом в апреле 1905 г. Русская Монархическая Партия (РМП). Выходец из Прусской Силезии Грингмут соответственно своему происхождению обладал стойким характером и склонностью к планомерной работе. В 27 лет перейдя из протестантизма в православие, он сделался более русским, чем русский по крови. Грингмут стал директором привилегированного Лицея Цесаревича Николая. Был близок к св. Иоанну Кронштадтскому, служившему в лицейском храме. Десять последних лет жизни Грингмут с одобрения Николая II редактировал солидную консервативную газету «Московские ведомости». О масштабе его личности говорит то, что он «открыл» малоизвестного тогда К.Н.Леонтьева. Высокообразованный человек, специалист по Древнему Египту, Грингмут состоял членом многих славянских обществ. Войдя в Русское Собрание, он с 1905 г. активно занялся политикой. Во время смуты террористы покушались на Грингмута.

Основав Русскую Монархическую партию, он тут же занялся объединением разрозненных патриотических организаций Москвы. После того как их не удалось свести в единую твердую структуру, (Всенародный Русский Союз просуществовал всего год), Грингмут в феврале 1907 г. добился соглашения об объединении двух крупнейших организаций – РМП и Московского отделения Союза Русского Народа, планируя их слияние к началу нового года в Русский Монархический Союз. Его внезапная смерть помешала этому перспек-

Столыпин Петр Аркадьевич (1862 - 1911)

тивному объединению. В 1906 г. при РМП начал действовать интеллектуальный центр – Русское Монархическое Собрание, занятое программно-теоретическими проблемами русского движения. В Программе партии предлагалось после подавления смуты начать реформирование структур государственной власти на основе Православии, Неограниченного Самодержавия и Народности. Идея законодательного органа отвергли. В Государственный Совет советовали избирать выдающихся русских людей, не только с опытом государственной службы, но с заслугами в других сферах. Правительство критиковалось за пренебрежение сельским хозяйством. Крестьянский вопрос предполагали решить переселением на высвобожденные земли крестьян и помещиков (!).

Организационная сторона Партии была основательно проработана и подчеркнуто значение дисциплины. За оспаривание хоть одного из основных положений программы исключали из РМП. В партию принимали только русских людей. Евреи не допускались. Влияние строгой личности Грингмута определяло характер и стиль готовящейся деятельности. В 1906 году вышла его знаменитая статья «Руководство черносотенца-монархиста». Председатель РМП стремился воспрепятствовать превращению монархических организаций в типичные политические партии, занятые главным образом выборами в Государственную думу. Основную цель он видел в национальном и религиозно-нравственном возрождении народа, усматривая два препятствия к этому - повальное развращающее пьянство и порочное образование. По его инициативе при отделах Союза Русского Народа создавались школьные комиссии, пытавшиеся дать образцы воспитания молодежи. Готовилось открытие первой классической Кирилло-Мефодиевской гимназии. При Монархическом Собрании открылся Русский кружок учащихся Москвы, а затем – Кружок русских женщин, учреждено Братство трезвости.

В.Грингмут, как немногие из русских монархистов, ощущал необходимость объединения европейских сил для отпора революционному движению, принимавшему континентальный характер. В 1907 г. он установил контакты с консервативными движениями во Франции и Швейцарии, начав подготовку к международному противосоциалистическому конгрессу который планировалось провести в Париже, Берлине и Москве (прообраз Антикоминтерна, созданного лишь в двадцатые годы!). Со смертью Грингмута его инициативы были искажены или забыты.

Преемником В.А.Грингмута на руководящих постах в ведущих монархических объединениях Москвы стал выдающийся

Протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов (1864 - 1918)

организатор и проповедник отец Иоанн Восторгов, единственный за всю историю почетный член Казанской Духовной академии, не имевший высшего духовного образования. Объездивший по поручению царя с проповедями всю Россию, он посвящал их борьбе с сектантством и прославлению русской культуры – Пушкину, Гоголю... В 1908 г. на миссионерском съезде в Киеве Восторгов назвал главной задачей духовенства борьбу с социализмом, дальновидно выделив это движение из массы «революционных попутчиков». Такая ориентация требовала скорейшего объединения монархических сил, но о. Иоанн подчинил свою волю и красноречие оформлению собственного пути, вмешавшись в борьбу за лидерство в масштабе всей России. И вновь личные мотивы (вражда с Дубровиным) сплелись с идеологическими разногласиями. Официальной причиной исключения Восторгова из Союза Русского Народа стал его отказ принимать в свои организации старообрядцев. В 1909 г. о. Иоанн в борьбе с либеральными иерархами церкви, начавшими атаку на монархистов, отстоял (на четыре года) в Священном Синоде право на участие духовенства в правых партиях и союзах. За свою деятельность Восторгов получил от царя орден св. Владимира III степени.

Архимандрит Макарий (Михаил Васильевич Гневушев) (1858 - 1918)

Тем временем раскол в монархическом движении принял новые дра-

матические формы. Еще в ноябре 1907 года вышедший из СРН В.Пуришкевич основал Российский Народный Союз им.Михаила Архангела (РНСМА), в короткое время превратив его в крупнейшую организацию монархистов, имевшую влиятельных сторонников в органах власти Российской Империи. Новый Союз благословил о.Иоанн Кронштадтский. Членами РНСМА в разное время были члены Государственной думы Володимеров, Вязигин, Шечков; видные монархисты: Г.Бутми, ген.Дружинин, Ю.С.Карцов, Облеухов, Юскевич-Красковский... Главным отличием организации Пуришкевича от Союза Русского Народа было благожелательное отношение к сложившейся Госдуме, «близкой народу и патриотическим организациям», в то время как «дубровинцы» отрицали законодательные права Думы, призывая к восстановлению неограниченной монархии, существовавшей до Манифеста 1905 года.

Одной из первых инициатив Пуришкевича в РНСМА стало получившее всеобщее признание издание уникальной «Книги Русской Скорби», содержавшей сведения обо всех жертвах революционного террора. Книга выходила большими тиражами вплоть до Мировой войны. В 1908-9 годах Союз произвел ряд заметных инициатив. Были организованы бесплатные чайные столы, мероприятия по борьбе с холерой. Оказана значительная поддержка академическому движению профессоров в вузах, стремившемуся оградить учебный процесс от революционной агитации (под видом «общественной деятельности»). С этой же целью в крупных городах основывались студенческие корпорации и клубы. Отличительной особенностью РНСМА стало умелая работа в новых социально-технических областях: устройство народного исторического кинематографа, гимнастического общества «Сокол», основание по призыву Пуришкевича Первого Российского Экономического Рабочего Союза. На собраниях РНСМА обсуждались злободневные вопросы: экономический захват американцами Чукотского полуострова, упадок аптек под влиянием «еврейского засилья», борьба с пожарами на селе, организация образовательных курсов и лекций для рабочих... Публиковалось открытое письмо херсонскому губернатору о губернских притонах разврата под видом гостиниц, сплошь содержимых евреями. Ведущую роль в антиреволюционной пропаганде Союза играла газета «Прямой путь». Эффективным оказалось объединение усилий с о.Иоанном Восторговым, добавившим к своим многочисленным постам членство в Главной Палате РНСМА. В свою очередь, Пуришкевич стал членом Русского Монархического Собрания, обратившегося к нему с просьбой содействовать в Госдуме изгнанию евреев из России.

Знаменательные процессы происходили в Союзе Русского Народа. На Ярославском совещании 1909 г. Московский СРН Восторгова объявили «враждебной» организацией. Была ограничена власть Председателя с передачей ряда его функций Главному Совету. Однако настоящие нестроения начались после убийства депутата Госдумы кадета Герценштейна. Либеральные газеты возложили вину на А.Дубровина (всегда выступавшего против террора!), а его враги среди монархистов пытались использовать случай для укрепления личных позиций. При этом власти «забыли», что подлинный террор был развязан с первых дней существования СРН против его членов. Жертвами стали несколько десятков руководителей и активистов местных отделов. Негодяи перешли от убийства министров к истреблению простых людей, преданных монархии. Устраивались покушения на священников высокого сана (архимандрита Виталия Максименко, митрополита Варфоломея). Союзники в ответ создавали дружины самообороны, в некоторых местах – с оружием. Самой сильной была Одесская «Белая Гвардия», которую после подавлении смуты разоружил градоначальник Толмачев. Такое поведение было характерно для значительной части перетрусивших властей. Некоторое время существовали рабочие дружины при заводских отделах Союза Русского Народа в Петербурге и при Главном Совете под руководством Н.М.Юскевича-Красковского.

Развитие событий подвинуло П.А.Столыпина на создание в Государственной думе проправительственного блока из националистов и умеренных (октябристы, прогрессисты, часть кадетов). Особое место в запланированном объединении отводилось членам Всероссийского Национального Союза, основанного весной 1908 г. Решающую роль в создании ВНС сыграли статьи крупного публициста М.О.Меньшикова. В Союз вошли национально настроенные умеренно-правые: военные в отставке, чиновники, публицисты, священники; профессора: Ардашев, Армашевский, И.А.Сикорский… Первым председателем ВНС стал будущий министр путей сообщения С.В.Рухлов. Его сменил через год князь А.Урусов. Тогда же с Союзом слилась образованная П.Н.Балашовым в Петербурге Партия умеренно-правых. Бессменным идеологом ВНС и членом Главного Совета был М.О.Меньшиков. В Совет вошли такие известные фигуры, как архиепископ Евлогий (Георгиевский) и сыгравший заметную роль в последовавших событиях Василий Шульгин. К Всероссийскому Национальному Союзу примкнули многие члены Госдумы, соблазненные лозунгом Меньшикова «национализировать парламент, а через него и всю страну». Исклю-

чительный упор на национализм без должного внимания, (если не с пренебрежением), к самодержавно-православному характеру русского государства обособил ВНС от основной группы монархических организаций. Неопределенность представлений националистов о государственной форме, способной обеспечить преобладание русского народа, лишила их идеологию реалистической основы.

Идеологическую аморфность ВНС выявила поляризация в нем мнений – от ассимиляции инородцев до дарования автономия Польше, от борьбы с «еврейским засильем» до отмены «черты оседлости» и осуждения Шульгиным «дела Бейлиса». Левая часть Союза, понимая пропагандируемую Меньшиковым «народность» демократически, склонялась к революционным действиям. Сам М.О.Меньшиков представлял ситуацию нетрадиционным образом: «Православие освободило нас от древней дикости, Самодержавие – от анархии, но возвращение на наших глазах дикости и анархии доказывает, что необходим новый принцип, спасающий прежние. ...Только национализм в состоянии вернуть нам потерянное благочестие и могущество». Эта искренняя позиция использовалась врагами монархии для обвинений националистов в шовинизме и ксенофобии. Промежуточное положение ВНС между октябристами и «черносотенцами» доказывало ошибочность опоры государственника Столыпина на этот «качающийся» блок, в ослаблении которого было заинтересовано немало вошедших в него персон. Но даже последовательные националисты заблуждались в оценке столыпинского курса на конституционную монархию, надеясь придать национальное содержание чуждой России либеральной форме правления.

С другой стороны, «охранительную» функцию взял на себя блок монархических организаций, руководимых о.Восторговым – Московский Патриотический Союз (МПС). Осенью 1909 г. он провел Съезд Русских Людей в Москве, носивший местный характер. В оргкомитете съезда, рядом с Восторговым, присутствовал Пуришкевич. Союз Русского народа отказался участвовать, а Русское Собрание прислало малопредставительную делегацию. Зато на съезде было много делегаций из Поволжья и Сибири, где о. Иоанн открыл десятки отделов. Николай II приветствовал Съезд и Московский Союз. Широкую поддержку оказало высшее духовенство России. Председательствовали на съезде митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и кишиневский епископ Серафим (Чичагов). Присутствовал будущий глава Русской Зарубежной Церкви архиепископ Антоний (Храповицкий). Поддержали

съезд епископы Ярославля, Нижнего Новгорода, Вильнюса, Варшавы, Иркутска, Ростова, Курска, Вологды. Однако осторожные резолюции съезда по острым вопросам не оказали влияния на монархическое движение. Москву отодвинули на периферию патриотических сил. Жаркая борьба за «правильный» курс в движении велась в Петербурге, растекаясь оттуда по провинциям необъятной России.

Стремлению Столыпина вытеснить Союз Русского Народа с политической сцены, заменив его Всероссийским Национальным Союзом, объективно способствовала влиятельная группа внутри СРН, выступавшая за сохранение Думы и корректное отношение к правительству. Ее возглавляли лидер правых в Думе Н.Е.Марков, сенатор А.А.Римский-Корсаков, член Государственного Совета М.Я.Говоруха-Отрок. Эти лица в 1910 году сместили А.И.Дубровина с поста Председателя Главного Совета СРН, оставив его почетным председателем. Фактическим, а затем официальным руководителем обновленного Союза Русского Народа стал Н.Марков, его товарищем – враг Дубровина Э.И.Коновницын. Всех «дубровинцев» вытеснили из руководства Союза. В ответ активные сторонники А.Дубровина (Жеденев, Полубояринова, Балашов, Тиханович-Савицкий...) провели собственный съезд, призвав союзников «вступить в борьбу самую решительную и беспощадную с нашим внутренним врагом». В результате осенью 1912 г. завершилось размежевание Союза Русского Народа, и возникла новая организация – Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа (ВДСРН). С этого года оба Союза двигались параллельными курсами, боролись с одними врагами, принимали параллельные резолюции, но избегали намека на сближение. Дубровинцев поддерживали главным образом уездные отделы и сельские подотделы, марковцев – городские отделы и губернские советы, где преобладали дворяне, купцы и чиновники.

Такая путаница была на руку врагам монархии. Раскол в СРН серьезно подорвал позиции правых в обществе. Самые крупные и дееспособные местные отделы (Почаевский, Смоленский, Ярославский, Казанский, Орловский), не желая участвовать во внутренней борьбе, поспешили зарегистрироваться как самостоятельные правые объединения. Эти отделы взяли на себя новые функции: выработку программных документов, организацию монархических совещаний и т.д. Знаменитый Почаевский отдел открыл в 1919 г. «Курсы ревнителей Союза Русского Народа» и напечатал «Катехизис СРН», в котором обличал евреев, «захвативших всю торговлю, почти все фабрики и заводы в крае, аптеки, лечение народа, адвокатуру,

Эмблема РНСМА

печатное слово, деньги и русский труд». В 1915 году местные отделы организовали два всероссийских монархических Совещания, завершивших эпоху совместной деятельности патриотов. Деятельность Столыпина способствовала тому, что из мощного многочисленного объединения Союз Русского Народа превратился в конгломерат организаций, лидеры, которых постоянно враждовали, подозревая друг друга в тайных кознях.

Сам премьер-министр путался в подыскании подходящих союзников. Пресекая клеветнические выпады думской оппозиции, и осуждая «партийное политиканство» октябристов, ведущее к захвату Думой прав царя, Столыпин искал опору в «правой» части этой же партии. В конце 1910 г. камергер Двора П.Н.Балашов создал из осколков склонных к умеренности монархических групп новую Партию Русских Националистов, вобравшую группу лиц, сочувствовавших парламентаризму. Однако до ее использования П.А.Столыпиным дело не дошло, так как глава правительства в 1911 года был убит евреем Богровым. Перед этим Председатель правительства выдвинул идею «национализации капитала» и с одобрения царя, несмотря на противодействие разрушительных сил в Государственной думе, готовил Совещание о масонском влиянии в государстве и разрушительной деятельности иудаизма. Со смертью волевого и мужественного Столыпина исчез официальный центр противодействия подрывным силам. Все попытки монархистов найти равноценную замену в верхах Империи провалились.

Третья дума, погруженная в законодательную мешанину, с крестьянством, стоявшим на революционных позициях и неуверенно лавировавшим царем, завершила работу в июле 1912 года. За два месяца до этого в Петербурге прошел Пятый Всероссийский Съезд Русских Людей. Устроители съезда из отделившегося Союза Русского Народа не допустили на него дубровинцев. К членам ВДСРН присоединились монархисты из РНСМА, Русского Монархического Союза, Русского Собрания, ряд видных правых деятелей. Демонстрируя зависимость монархистов от настроений правительства, министр внутрен-

них дел А.А.Макаров к общему возмущению изъял из повестки съезда еврейский вопрос. Обтекаемые резолюции съезда по церковному разряду, о предвыборной тактике в IV Государственную думу и в поддержку фактически провалившейся аграрной реформы Столыпина не были замечены властью.

В ноябре 1912 г. начала работу четвертая Государственная дума, просуществовавшая до октябрьского переворота 1917 года. Хотя почти четверть из 442 мест в ней заняли «националисты» и умеренно-правые, заправляли октябристы (98 депутатов) и кадеты (59). Это был подлинный крах «умеренности». Председательствовал в Думе весь срок октябрист Родзянко – открытый враг самодержавия. Правые получили 65 мест, ограничив свою роль законодательными инициативами, неизменно отвергавшимися большинством. Идея лидера Союза Русского Народа Н.Маркова использовать Думу для усиления монархии оказалась ложной. Марков сочетал в своей политической практике гибкость по отношению к «верхам» с агрессивными выпадами против врагов монархии. В ярких речах он всячески подчеркивал отрицательную роль евреев в государстве, требуя убрать их из университетов и из армии. Многие единомышленники не принимали его неустанной нацеленности на борьбу, вытекавшей из убеждения, что сила выше права и сама его формирует. Курский губернатор Муратов говорил о Маркове: «Очень умен, большой характер, твердая воля, с

Манифестация Союза Михаила Архангела перед Казанским собором. (1913 г.)

большой способностью к концепции...прекрасный оратор, политический боец первого сорта, и Дума была его сферой». Снисходительное отношение к парламентаризму и неверная оценка Столыпина уточняют эту характеристику не в пользу Маркова. Всех, не сочувствовавших его Союзу, он «гнал вон» в ту пору, когда объединение монархистов было особенно необходимо.

Меньшиков Михаил Осипович (1859 - 1918)

Время дышало войной. Индивидуализм – роковое свойство русских лидеров мешал сближению Маркова с Дубровиным, яснее видевшим перспективы политической борьбы с врагами монархии. Основной угрозой А.И.Дубровин считал «бюрократическое средостение между Царем и народом». Он резко критиковал III Государственную думу – «детище Столыпина», справедливо обвиняя главу правительства в заигрывании с октябристами и кадетами и в недооценке революционного потенциала в России. Еще в 1908 г. Дубровин предостерегал: «Революция ушла только с улицы и спряталась в дворцах и палатах». Избегавший личных интриг, он с большим основанием, чем другие лидеры монархистов предлагал «оставить личные счеты и слиться воедино». Дубровин прямо выражал мысли, предлагая «изгнать из России жидов, как наших главных врагов, главных виновников русской революции и всех несчастий, постигших Россию в последние годы». Нередко простой народ жаловался в дубровинский ВДСРН на местных чиновников и помещиков – либералов по преимуществу. Его Союз активно боролся против пьянства, выдвигая инициативы о закрытии винных лавок (духовное разложение русского народа шло полным ходом).

Наибольшую активность в предвоенные годы проявлял В.М.Пуришкевич и его Российский Народный Союз Михаила Архангела. РНСМА настойчиво боролся за патриотический характер народного образования. Был издан сборник «Школьная подготовка второй русской революции», после чего министерство народного просвещения приняло охранные меры. Объяв-

лялся конкурс на создание хрестоматии по воспитанию юношества. Организованы выступления против антихристианской деятельности проникшей в Россию французской «Лиги образования». Пуришкевич не ослаблял поддержки академическому движению в вузах. Союз Михаила Архангела помогал различным монархическим организациям в провинциях. Глава Союза участвовал в патриотическом освещении ритуального «дела Бейлиса», много сделав для доведения его до суда. Безупречной была довоенная позиция В.М.Пуришкевича по международным делам. Он первым из политиков указал на опасность «проснувшегося Китая». Еще в 1910 г. Главная Палата РНСМА в связи с визитом парламентских депутаций Англии и Франции создала Комиссию по борьбе с иностранным вмешательством в польские и финские дала России. До 1914 года Пуришкевич был яростным противником сближения с Англией и обличал поездку российских либералов, произносивших революционные речи в этой стране. За полтора года до мировой войны Союз организовал доклад дипломата Ю.С.Карцова «Россия, Англия и Германия», призвавшего к союзу с Германией и предсказавшего трагические последствия для всей континентальной Европы от войны на стороне Англии.

В феврале 1913 года прошел последний – Шестой Всероссийский Съезд Русских Людей в Петербурге. Его организовал в честь 300-летия Дома Романовых Комитет сенатора А.Римского-Корсакова. Участвовали: марковский СРН, РНСМА, Русское Собрание и другие организации за исключением дубровинского Союза, который вместе с Почаевским отделом СРН архимандрита Виталия Максименко провел собственный съезд. Даже в Крестном ходе противники шли по разным улицам. На молебне при открытии Шестого съезда присутствовал обер-прокурор Синода Русской Православной Церкви Саблер. Выступавшие изливали тревогу и скорбь. Один из епископов утешал, вспоминая 1613 год. Печальная атмосфера не помешала массе праздничных мероприятий. Серьезные вопросы вновь не решились. Звучали малозначащие фразы о единстве. Было предложение объединение на местах (безнадежное при развале в Центре!). Пуришкевич предостерег против конституции и в яркой речи классифицировал противников монархии: «...Жиды и инородцы – нестрашные враги патриотического движения. Рожа жида всегда сама укажет нам спасительный исход... И инородцы не так уж опасны, ибо они действуют открыто. Революционеры, выступающие открыто, – тоже не страшны, ибо с открытым врагом знаешь, как себя держать... Зато страшен враг скрытый. Это те, которые, пользуясь своим

положением, стараются изобразить нас какой-то бандой хулиганов. Остерегайтесь, поэтому сановных шабесгоев!». Это было последнее публичное выступление Пуришкевича в антиеврейском тоне.

Разрушительные процессы в монархических организациях нарастали, похоронив последние надежды на единство. После запрещения Синодом (1913) духовным лицам руководить политическими союзами и партиями о.Восторгов и Макарий (Гневушев) покинули посты в Русском Монархическом Союзе, сразу же расколовшемся на их сторонников и противников. Группа известного монархиста В.Г.Орлова вышла из РМС и перешла в РНСМА к Пуришкевичу, после чего о. Восторгов вышел из Главной Палаты Русского Народного Союза Михаила Архангела.

Первая мировая война, ставшая прологом к необратимым мировым потрясениям, нанесла сокрушительный удар по патриотическому движению. Два крупнейших монархических объединения из естественных союзников разом превратились в непримиримых врагов. Многие видные монархисты ушли на фронт. Деятельность организаций была свернута. Война «до победного конца» в интересах интернациональных махинаторов (на стороне морского врага России!) стала боевым кличем большинства монархистов. Немногие сохранили независимое суждение и трезвую голову. П.Ф.Булацель, знатный молдавский дворянин, судебный деятель и публицист, один из организаторов Союза Русского Народа, воспринял как величайшее несчастье войну с Германией. В конце 1915 года он учредил журнал «Российский гражданин», боровшийся против англофильства. Булацель называл войну «торговым предприятием» Англии. Его защита немецкого императора Вильгельма II вызвала протест правых деятелей – англофилов, заставивших Булацеля извиниться

Шульгин Василий Витальевич (1878 - 1976)

Здание Всероссийского Национального Клуба и Главного Совета Всеросийского Национального Союза (СПб. Литейный пр., 10)

перед английским послом. Последовало исключение из СРН и РНСМА. Но и после этого Булацель продолжал обличать Англию. Дальновидный монархист предвидел крушение обеих монархий.

Подобные взгляды разделял крупный военный инженер, публицист, редактор известной газеты «Земщина», член Главного Совета Союза Русского Народа С.К.Глинка-Янчевский. Мировые события он объяснял так: «Не Германия затеяла войну, а жиды, которые выбрали Германию для своих планов, чтобы стравить и уничтожить монархии».

Сознательным германофилом был один из пяти учредителей Союза Русского Народа, член секретной комиссии Союза, занимавшейся организаций боевых дружин, художник А.А.Майков, автор нагрудного знака СРН, который носили на груди Николай II, св. Иоанн Кронштадтский и другие выдающиеся русские люди. Политические воззрения Майкова отличались последовательностью. Он с самого начала был против соглашения с умеренно-консервативными силами (Партия Правового Порядка и пр.). Особую известность Майкову как публицисту принесла брошюра «Революционеры и черносотенцы» (Спб, 1907), где он изложил целостную идеологию монархического движения. В отличие от многих единомышленников Майков причислял патриотов к «революционерам справа», называя левых революционеров «орудием еврейс-

тва, расчищающим ему господство над русским народом... Не случайно еврейский капитал питает внутреннюю смуту». Из всех существующих партий, писал он, «черносотенцы одни отстаивают русскую самобытность, от сохранения которой зависит жизнь или смерть Русского Народа». Майков высоко отзывался о Вильгельме II – «императоре-рыцаре», «носителе чистых идеалов не ожидовевших еще германцев». К сожалению, А.А.Майков вышел из Союза Русского Народа после его раскола, а монархическое движение лишилось идеолога, не причастного к междоусобной борьбе.

Среди лиц, занимавших высокое положение, также были сторонники прочного германо-русского союза. Глава правых в Государственном Совете с 1908 г. П.Н.Дурново за полгода до начала мировой войны в «Записке Царю», предостерегая против войны с Германией, предсказал победу *социалистической* революции, указав на Англию как на традиционного врага России. Будущее, по мнению Дурново, принадлежит России, Германии и примиренной с Германией Франции, а также Японии, связанной с Россией оборонительным союзом.

В конце 1915 г. по настоянию подпавшего под либеральное влияние великого князя Николая Николаевича с поста министра внутренних дел сместили твердого монархиста Н.А. Маклакова по ложному обвинению в потворстве «немецкому засилью». Маклаков настаивал на ограничении деятельности Земского и Городского союзов. Не простили ему и закрытия Вольного Экономического общества. В 1919 г. он был расстрелян большевиками, разделив участь тех, кого травили перед революцией либералы. Однако официальные лидеры монархистов думали и действовали по-другому, хотя большинство из них желало скорейшего окончания войны ради сохранения двух монархий. Н.Е.Марков, ранее выступавший против ориентации на Англию во внешней политике, и опасавшийся войны с Германией, теперь красноречиво обличал «пораженцев» (после Октябрьского переворота и до смерти в 1945 г. он жил в Германии, издавая по 1942 год антисемитский журнал «Welt Dienst» – «Мировая служба»). А.И.Дубровин в годы Первой мировой войны

Александр Александрович Римский-Корсаков (1849 - 1922)

молчал. Инициативы патриотических организаций заглохли. Монархическая пропаганда пресекалась консервативными министрами, чтобы «не нагнетать обстановку». Внутренний враг (гораздо опаснее немцев!) торжествовал. Борьбу с ним практически прекратили. В.Пуришкевич организовал санитарный отряд и храбро действовал с ним на передовой до конца войны, в то время как Главная Палата РНСМА, руководимая теперь Н.Д.Облеуховым, яростно обличала германскую и австрийскую династии и травила П.Булацеля.за пронемецкие статьи.

1915 год стал переломным для России, потерпевшей ряд крупных военных поражений. Активизировались противоборствующие объединения. В июне авторитетный член многих монархических организаций В.Г.Орлов, неудачно претендовавший на место о.Восторгова в Российском Монархическом Союзе, при одобрении умеренно-правых членов правительства учредил Отечественный Патриотический Союз (ОПС). Его поддержал ряд видных монархистов (Назаревский, Восторгов,. Иловайский, Шмаков). В ОПС вошли 58 провинциальных и московских отделов разных организаций, главным образом РНСМА. В Уставе Союза обещалось противодействие социализму – «лживой теории» и «разрушительной силе». Неприемлемым для ведущих монархических организаций оказалось решение ОПС принимать в свои ряды евреев. На это соглашался лишь Пуришкевич. Орлова, в его интригах против бывших соратников искавшего поддержки в правительственных сферах, исключили из Русского Монархического Союза и РНСМА. Впоследствии ОПС, несмотря на поддержку ряда сановников не ставший новой опорой умеренно-правых в Думе, потерял остатки влияния среди монархистов. После революции Орлова расстреляли вместе с бывшими министрами Рухловым и Добровольским.

В августе враги монархии силами 236 депутатов организовали в Государственной думе «Прогрессивный блок» во главе с кадетами. Лидеры блока, используя трудности на фронте, потребовали создания «правительства народного доверия». Либеральные сановники добились отставки министров-монархистов Щегловитова, Маклакова, Саблера. Только тогда оба Союза Русского Народа, парализованные междоусобицей, убедились в провале надежд объединить всю нацию перед лицом «немецкого врага», увидев оскал настоящих врагов родины. Ряд провинциальных организаций (Одесский, Саратовский...) потребовал провести совещание монархистов.

Первое Совещание 1915 г. в Саратове с преобладанием сторонников Дубровина призвало правительство национали-

зировать частные оружейные заводы, перевести рабочих на военное положение, подвергнуть строгому надзору евреев, запретить вывоз продовольствия из страны. Царя просили проявить твердость, а правительство – бросить политику уступок, от которых левые наглеют, дать право губернаторам в зародыше подавлять забастовки, немедленно вооружить правых. Председателю Совещания Тихановичу-Савицкому поручили принять меры к объединению монархистов для борьбы со смутой.

В конце ноября прошло еще два Совещания правых деятелей. Марковцы заседали в Петрограде вместе с правыми членами Госсовета и Госдумы. На открытии присутствовали видные государственные и общественные деятели России, иерархи Православной церкви. Впервые с начала раскола в Совете Совещания Марков работал вместе с Дубровиным. Председатель фракции правых в Думе профессор Левашов во вступительной речи назвал родоначальниками смуты «кадетских московских финансовых тузов...которые опираются на иудеев, всегда готовых на всякие смуты, грозящие гибелью приютившей их стране... и на изменивших родине русских». Враги действуют тремя способами, сказал он, – созданием «прогрессивного блока», воздействием на школу и провоцированием дороговизны на самое необходимое. Председатель Совещания Щегловитов предупредил, что «паралич власти встретится со строго продуманной и хорошо отрепетированной революцией». В резолюции главными очагами антимонархического заговора признаны военно-промышленные комитеты, обслуживающие армию, а также Городской и Земский союзы – общественные органы самоуправления. Не обошлось без призывов к борьбе с «немецким засильем», хотя среди правых было немало ревностных защитников монархии немецкого происхождения (!).

Третье Совещание, прошедшее 26-29 ноября в Нижнем Новгороде, стало последним форумом монархистов, окончательно подтвердившим неспособность правых объединиться для борьбы со смертельным врагом. Целый ряд организаций отказался от участия в Совещании. В Нижний Новгород прибыло всего сто человек. Председательствовали А.Дубровин и его сторонник, ветеран монархического движения К.Н.Пасхалов. В группе почетных лиц, присутствовавших на Совещании, оказались Н.Е.Марков, губернатор Гирс и ряд видных церковных деятелей. Казалось, налаживается сотрудничество «непримиримых». Марков назвал врагом монархистов «Иудо-Германию», призвав к борьбе с немецким и еврейским засильем.

Он обличал «жидов, которым уже дали право свободного жительства по всей России», во взвинчивании цен, шпионаже и государственной измене. Решения Нижегородского совещания были радикальнее предыдущих. В резолюции по национальному вопросу говорилось о борьбе с «жидовством», о необходимости изучения талмуда в школах («жидоведение»), о необходимости обращения евреев в христианство и запрете иудаизма. Рекомендовалось вырвать печать из еврейских рук и запретить евреям-выкрестам преподавание в школах. Прошло предложение возбудить уголовное преследование против всех членов Прогрессивного блока и поддерживающих его сановников. Монархисты настаивали на необходимости снабжения армии военным министерством, а не предателями из военно-промышленных комитетов, на пресечении политической деятельности земских собраний, городских дум и всякого рода либеральных съездов.

Несмотря на сходные резолюции всех трех Совещаний 1915 года и на видимость сближения, скрытая враждебность монархических групп сохранилась. Все же после смерти непримиримого графа Э.Коновницына (брата известного лидера монархистов) произошло сближение выдающихся русских патриотов – Маркова и Дубровина. С 1916 г. оба действовали согласованно, вместе пытались организовать монархический съезд в Петрограде, боролись с Отечественным Патриотическим Союзом. «Русское знамя» вновь стало общим органом двух Союзов Русского Народа», придерживаясь основных тем – «хлеб, война и жиды». «В ноябре Марков полностью вернул доверие дубровинцев, назвав Родзянко в думской речи «мерзавцем», за что лишился права выступать на заседаниях Думы. Но эта игра словами уже мало что значила.

Неудачей завершилась активная работа «кружка Римского-Корсакова», заседавшего с осени 1915 года. Член Государственного Совета, шталмейстер Двора, тверской помещик из старинного дворянского рода, А.А.Римский-Корсаков состоял в руководстве Союза Русского Народа (Маркова) и Русского Собрания, которое покинул в январе 1914 г. за отказ этой организации заниматься политической деятельностью. Всю жизнь он посвятил борьбе за сохранение русской монархии. В должности ярославского губернатора Римский-Корсаков подавлял революционные выступления 1905 года. Двумя годами позднее на него покушались эсеры. В 1909 г. его сместил Столыпин за правые убеждения. Став сенатором, Римский-Корсаков продолжил борьбу с либералами. В годы войны он резко критиковал Госдуму и Прогрессивный блок. Собиравшийся в его доме

кружок видных правых деятелей (кн. А.Ширинский-Шихматов, члены Государственного Совета А.Макаров и М.Я.Говоруха-Отрок, сенатор С.П.Белецкий, депутаты IV Госдумы С.В.Левашов и Г.Г.Замысловский, Н.Е.Марков...) подготовил несколько Записок царю с призывом перейти к решительным действиям. В последней из них (ноябрь 1916) Думу обвинили в переходе на революционный путь, ведущий к династическому перевороту. Рекомендовалось распустить Госдуму, ввести военное положение в столицах и больших городах, назначить правительственных комиссаров в общественные организации. Говорилось, что «гнет Антанты недопустим, как и немецкий». Государю понравилась Записка, и вскоре князь Н.Д.Голицын стал председателем правительства. Однако ни он, ни министр внутренних дел Протопопов не рискнули применить решительные меры.

Каждый из членов кружка Римского-Корсакова, несмотря на известную умеренность, доказал свою верность монархии. Сам А.Римский-Корсаков после февральского переворота приветствовал мятеж Корнилова, был арестован и освобожден. После Октября он проводил в Москве совещания по спасению царской семьи и развитию Белого Движения на юге России. В эмиграции Римский-Корсаков занял выдающееся место, став в 1921 г. председателем Русского Комитета в Берлине и товарищем председателя знаменитого Съезда монархистов в Рейхенгалле.

Сенатор, член Госсовета, гофмейстер Двора князь А.А.Ширинский-Шихматов также имел безупречную биографию. В 1902 г. он руководил канонизацией св. Серафима Саровского. В следующем году с должности тверского губернатора был уволен либеральным министром внутренних дел Святополком-Мирским. В 1905 году Ширинский-Шихматов стал товарищем обер-прокурора Синода, но с назначением в октябре Витте главой правительства ушел в отставку вместе с К.П.Победоносцевым. После отстранения Витте в апреле 1906 г. он занял пост обер-прокурора в правительстве И.Л.Горемыкина, а в июле отказался войти в кабинет Столыпина и стал членом Государственного Совета. Пытался примирить Маркова с Дубровиным. Осенью 1916 г. Ширинского-Шихматова назначили председателем Особого комитета для борьбы с злоупотреблениями в тылу. После объявления большевиками «красного террора» он скрылся от преследований за границу, став одним из трех руководителей Высшего Монархического Совета (с Н.Марковым и А.Е.Масленниковым).

Высокое положение в государственных сферах занимали активные деятели Кружка – Н.А.Маклаков и А.А.Макаров. Пос-

ле отставки Маклакова в июне 1915 г. с поста министра внутренних дел он, пользуясь личной близостью к Государю, передавал ему рекомендации Кружка по перестройке властных структур. В конце 1916 г. царь поручил ему подготовить проект об изменении Основных Законов и роспуске Государственной думы. Тогда же Маклаков сказал в Госсовете: «С самого начала войны началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа... Русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и победы нужно то, что в действительности должно было вести нас к разложению и распаду... Это была ложь, для большинства бессознательная, а для меньшинства, стремившегося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная и преступная...Общество делает все для войны, но – для войны с порядком; оно делает все для победы, – но для победы над властью». В декабре Маклаков письмом предупредил царя – династия в опасности, призвав принять «крутые меры». Правые видели в нем сильную фигуру, способную подавить массовые беспорядки и восстановить дисциплину. Его прочили в диктаторы при начале революции. 25 февраля 1917 г., явившись на заседание Совета Министров вместе с Ширинским-Шихматовым и предпоследним главой правительства А.Ф.Треповым (ноябрь-декабрь 1916) Маклаков пытался ввести осадное положение в Петрограде и спасти монархию. Летом 1918 года его расстреляли большевики вместе с бывшими министрами А.Н.Хвостовым и С.П.Белецким.

Директор департамента полиции, борец с антирусской смутой 1905-1907 гг. и движением масонов А.А.Макаров, ставший министром внутренних дел после убийства Столыпина (до декабря 1912), был затем членом Госсовета, а с июля по 20 декабря 1916 г. – министром юстиции. Увольняемого со всех постов по настоянию либерально-масонских кругов Макарова казнили при начале «красного террора».

Особым уважением в кругах монархистов пользовались крупные государственные деятели И.Л.Горемыкин и И.Г.Щегловитов, сохранившие твердость убеждений в последние, самые тяжелые месяцы существования монархии, и поплатившиеся за это жизнью. Представитель древнего дворянского рода, специалист по крестьянскому вопросу Иван Логгинович Горемыкин с 1895 по 1899 год занимал пост министра внутренних дел. Уволенный в результате либеральных интриг, вскоре стал статс-секретарем, сенатором и членом Государственного Совета. Протестовал против уступок революционерам, проводившихся правительством С.Ю.Витте, видя,

как оно разрушает монархию. После отставки Витте, по призыву Николая II Горемыкин возглавил правительство, но вновь был смещен через три месяца. В январе 1914 г. царю снова понадобился верный человек, и Горемыкин сменил еще одного либерального председателя Совета Министров – Коковцова. Ровно два года он исполнял свои трудные обязанности, противодействуя Госдуме и помогая монархистам. Сразу после февральского переворота Горемыкина арестовало Временное правительство и выслало на Кавказ, где 11.12.1917 г. его убили революционеры вместе с семьей.

Под стать И.Л.Горемыкину был его сподвижник, крупный юрист Иван Григорьевич Щегловитов, весной 1903 г. занявший высокий пост обер-прокурора Сената. За государственную и общественную деятельность его, как противника революции, приговорили к смерти террористы, за ним велась настоящая охота. В 1906 году Щегловитов стал министром юстиции в правительстве сменившего Витте Горемыкина, оставаясь на этом посту девять лет в Кабинетах Столыпина, Коковцова и снова Горемыкина. Под его руководством произведено частичное реформирование российской судебной системы, усилившее ее всесословно-монархический характер. До министерского назначения Щегловитов состоял членом Русского Собрания, а в должности министра покровительствовал Союзу Русского Народа. За эти действия, за подбор на руководящие должности монархически настроенных людей и за то, что он не позволил развалить «дело Бейлиса» о ритуальном убийстве евреем христианского отрока А.Ющинского, либералы беспрерывно травили его.

Щегловитов представлял собой тогда уже редкий тип искренно верующего русского сановника. Зимой 1915 года, видя вызревание антимонархического заговора, он говорил французскому послу: «Конституционный либерализм есть религиозная ересь...химера и глупость. Национальная жизнь существует только в рамке из Самодержавия и Православия. Если политические реформы необходимы, они могут совершаться только в этом духе». В июле 1915 года царь, колебавшийся в выборе мер для сохранения монархии, отправил Щегловитова в отставку. После этого он погрузился в деятельность патриотических организаций, пытаясь ее активизировать. Щегловитов участвовал в ноябрьской работе Петроградского Совещания монархистов в роли единогласно избранного председателя. Все попытки Союза Русского Народа созвать тогда общемонархический съезд провалились, несмотря на поддержку Щегловитова, в конце 1916 г. назначенного царем председателем

Государственного Совета с заданием продумать план законодательных преобразований. Министр внутренних дел Протопопов и последний глава правительства князь Н.Д.Голицын отказали в проведении Съезда. Госсовет успел провести лишь два заседания. На второй день после февральского переворота буржуазное правительство арестовало Щегловитова и содержало в различных тюрьмах. Его расстреляли большевики 15.09.1918 г., в первый день «красного террора».

Противоположность этим целеустремленным характерам представлял запутавшийся в интригах В.М.Пуришкевич. Создатель крупной организации (РНСМА), он увел ее с прямого пути монархической деятельности в либеральное болото. Русский Народный Союз Михаила Архангела не участвовал в попытках объединить патриотов, к концу 1916 года окончательно обособившись от движения монархистов из-за резкого полевения своего лидера. В это время В.Пуришкевич, поддержанный Главной Палатой РНСМА, вышел из фракции правых в Государственной думе, публично пожав руку П.Милюкову. Он все резче выступал против правительства и ополчался на немцев в России. В ноябре Пуришкевич, принятый царем, добился отставки премьер-министра и министра иностранных дел монархиста Штюрмера и произнес в Думе гнусную речь о «темных силах», обвинив ряд государственных деятелей в германофильстве и корысти. После этого Прогрессивный блок с радостью предоставил ему место оратора. С восторгом встретив революцию, он назвал себя ее «застрельщиком» и «первой пулей». В январе 1917 года Союз Русского Народа официально зафиксировал отход Пуришкевича от монархизма, предписав своим отделам исключить его из своего состава как «революционера».

Судьба этого незаурядного человека и дальше изобиловала неожиданными поворотами. В феврале он опубликовал открытое письмо русскому обществу «Вперед под двухцветным флагом», надеясь, что его заслуги перед революцией будут оценены. Однако буржуазная власть не нуждалась в таком неуравновешенном союзнике. Пуришкевич метался в поисках опоры. Участвовал в заседаниях Государственной думы, называя ее «единственным очагом порядка». В августе выступил на Государственном совещании. Пытался привлечь офицеров в свое «Общество российской географической карты», встречался с Корниловым и Деникиным, но те не захотели иметь с ним дела. Накануне корниловского мятежа Пуришкевича арестовали и поместили в Кресты. После выхода из тюрьмы он попытался создать монархическую организацию на основе

РНСМА, в основном из офицеров царской армии для мобилизации сил на борьбу с анархией, но 18 ноября Петроградская ЧК арестовала всех ее членов. В начале января 1918 г. ревтрибунал приговорил Пуришкевича к четырем годам принудительных работ. На суде он выступил с изощренной речью. Назвав себя «убежденнейшим монархистом», оправдывал свержение самодержавия («сам оскорбленный, изуверившийся в царской власти народ заставил ее уйти»). Государыню назвал «женщиной, имени которой я спокойно слышать не могу». Говорил о «священном знамени «Учредительного собрания».

Вся эта путаница предшествовала трехмесячному сидению в Петропавловской крепости. Там Пуришкевич, наконец, осознал опасность, исходившую от нового режима. Возмущенный заключением Брестского мира, он написал стихотворение «Троцкий мир (воскресший иудей)»:

«Но нет, Россия не умрет, наперекор стихиям,
Мне сердце чутков об этом говорит.
И будет жить она, и жала вырвет змиям,
И за позор ее заплатит внукам жид
...И русский Царь – ее пастух
В сияньи чистом мысли правой,
Собрав заблудшие стада,
И сонм вождей, лишенных страха,
На славный русский путь здорового труда
Вернет народ, что стал в руках жида
Толпой преступников без шапки Мономаха».

Освобожденный по амнистии Пуришкевич в сентябре бежал в Киев. Применения себе в Белой армии он, как и другие монархисты, не нашел. Белогвардейские формирования изобиловали изменившими присяге офицерами всех рангов и демократическими врагами «единой, неделимой России». Пуришкевич ездил по югу страны с лекциями, нападая на Англию и призывая к союзу с Германией.

Это была полная ревизия политических взглядов. Вождям Белого движения, продолжавшим ориентироваться на Антанту, такие идеи пришлись не по вкусу. Приказами градоначальников Пуришкевича изгоняли из Ростова, Новороссийска, Екатеринодара. Кубанская рада запретила чтение его лекций. Только в мае 1919 г. ему удалось прочитать свой доклад во Владикавказе. Пуришкевич безуспешно пытался создать «Всероссийскую народно-государственную партию». Он не смог наладить регулярное издание газеты «В Москву», несколько

номеров которой вышло с эпиграфом: «Бери хворостину, гони жида в Палестину!». В декабре Пуришкевич все же выпустил один номер журнала «Благовест». В статье «Преступность защиты Учредительного собрания» он писал: большевистская власть в России «должна быть заменена властью беспощадного русского диктатора, обязанностью которого явится найти и жестоко покарать главных виновников, обративших русский народ в зверя». А преемником диктатуры «должен быть только русский Царь Самодержец». Белое движение, по мысли Пуришкевича, должно привести к восстановлению Царской власти, которая государственно поставлена «к открытой борьбе с еврейством». Заявил, что ему, как и кадетам (!), ненавистна романовская государственная политика. В стихотворении «Молитва» Пуришкевич писал:

«Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Царя нам верни!
...Русское имя покрылось позором,
Царство растерзано адским раздором,
Кровью залита вся наша страна...
Боже наш, в том есть и наша вина.
Каемся мы в эти страшные дни...
Боже, Царя нам верни».

Это стихотворение стало политическим покаянием Пуришкевича. Вскоре он скончался от тифа в Новороссийске, отпетый епископом Евлогием (Георгиевским).

Союз Русского Народа до последних дней пытался изменить ситуацию в стране. В начале 1917 г. Главный Совет СРН передал министру Протопопову «Сводку общих положений». В ней говорилось: Россия страдает от постоянной смены политических убеждений, от отсутствия преемственной программы управления страной, от безволия министров. Предлагалось: пересмотреть Основные Законы Российской Империи, создать однородное правое правительство, укрепить власть на местах, «усилить вырождающееся дворянство свежими элементами», организовать мощную монархическую печать, ввести цензуру, усилить правительственный надзор за школами, использовать труд военнопленных, каторжан и ссыльных в сельском хозяйстве, «прекратить заигрывание с общественностью высших чинов армии», реорганизовать МИД. У правительства не было ни времени, ни желания применять эти радикальные меры.

В февральском Окружном послании на места Марков и два его Товарища разоблачали «обман шайки случайного думс-

Марков Николай Евгеньевич (1866 - 1945)

кого большинства, еврейских газет и промышленников-спекулянтов», подготовивших революцию. «Русское Знамя» в статье «Очередная задача», призывая будущий Конгресс «освободить Европу от еврейства», писало: «Если мы не соорганизуем отпор жидовству, скорая политическая катастрофа обрушится на Россию всей тяжестью и задавит, похоронит под своей тяжестью многое, если не все».

В первые дни февральской революции все монархические Союзы были запрещены, включая самые умеренные из них. Озверевшая чернь уничтожила помещение Главного Совета Союза Русского Народа и его отделы в провинциях. Н.Е.Маркова арестовали, а летом, после освобождения он создал действующую под видом артели подпольную «Объединенную офицерскую организацию» в Петрограде с первоначальной целью освобождения Царя (ген.Арсеньев, церковный историк Н.Д.Тальберг, адвокат Замысловский...). Она была частью «Комитета петроградских антибольшевистских организаций» великого князя Павла Александрович и А.Ф. Трепова. Марков скрывался от ареста и голодал, в то время как напуганные богачи отказывали в средствах на спасение царя, а затем были ограблены и убиты большевиками. В Петрограде Марков оставался до ноября 1918 г. Потом пытался организовать вооруженное сопротивление в Северо-Западной России, ведя переговоры с графом Келлером и Юденичем. Там с июля 1919 г. он издавал газету «Белый Крест», вскоре закрытую командующим Белой Армией А.П.Родзянко. Маркову препятствовали все белые правительства, наполненные либерально-масонскими кадрами. В эмиграции он, оставаясь твердым сторонником монархии, боролся против течения И.Ильина и П.Струве, не придававших решающего значения государственной форме правления после свержения большевизма.

Судьба русских монархистов сложилась по-разному. Основатель Союза Русского народа А.И.Дубровин, сразу после февраля заключенный в Петропавловскую крепость, арестован большевиками и после многомесячных издевательств и пыток

расстрелян в апреле 1921 года. Смерть нашли его сподвижники по Главному Совету: Б.И.Никольский, Е.А.Полубояринова, Н.Н.Родзевич, академик А.И.Соболевский, П.Ф.Булацель, Р.М.Карцев...Среди расстрелянных руководителей марковского СРН: С.А.Володимеров, граф А.И.Коновницын, И.В.Ревенко, Л.Н.Бобров, о.А.С.Вераксин, доктор медицины С.В.Левашов, барон М.Ф.Таубе... В 1925 г. расстреляли не принимавшего участие в политике князя Н.Д.Голицына – последнего председателя совета министров. В период с 1918 по 1921 г. были убиты или скончались в тюрьме видные члены Русского Народного Союза Михаила Архангела: Н.М.Юскевич-Красковский (соучредитель СРН), редактор газеты «Земщина» С.А.Глинка-Янчевский (Гл.Сов.СРН и РС), Г.В.Бутми (член СРН и РС), профессор А.С.Вязигин (один из организаторов РС), В.Э.Розмитальский (председатель Киевских отделов СРН и РНСМА), руководитель антибольшевистской «Каморры Народной Расправы» художник Л.Т.Злотников, духовник царской семьи о.Васильев...

Почти ритуальный характер носило уничтожение шестидесяти восьми активистов Киевского Клуба Русских Националистов, включая членов Совета 1908-1913 г., сразу после захвата большевиками Киева. Среди них: товарищ председателя ККРН В.В.Страхов, профессор П.Я.Армашевский, ученый Т.Д.Флоринский, купец В.В.Коноплин, казначей Клуба Н.В.Мальшин, действительный статский советник Д.В.Туткевич (ККРН, РС, РНСМА), один из организаторов Всероссийского Национального Союза А.Л.Гарязин... С ними свели счеты за пропаганду против иноверцев и косвенное участие в процессе по «делу Бейлиса». Был расстрелян на глазах семьи главный идеолог русских националистов М.О.Меньшиков.

Трагическую кончину в разные годы приняли духовно окормлявшие монархистов лица высокого священного звания: митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), архиепископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), епископы – Орловский и Севский Макарий (Гневушев), Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов), основатель Русского Монархического Союза и множества отделений РНСМА о.Иоанн Восторгов – настоятель Собора Василия Блаженного, ежедневно обличавший безбожных коммунистов на Красной Площади. Все они канонизированы Русской Православной Церковью как священномученики.

Неизвестна судьба оставшихся в России и подвергавшихся преследованиям руководителей монархических организаций: основателей Союза Русского Народа братьев А.И. и С.И.Тришатных и купца И.И.Баранова; соучредителя СРН и

Макаров
Александр Александрович
(1857 - 1919)

члена Дубровинского Союза А.Н.Борка; товарища председателя СРН и члена-учредителя РС генерала графа Н.Ф.Гейдена; одного из руководителей СРН и РС, члена Госсовета М.Я.Говорухи-Отрока; писателя и редактора «Русского Знамени», автора гимна СРН Л.Е.Катанского; члена Главного Совета СРН, сторонника Дубровина Н.Н.Тихановича-Савицкого; соучредителя Харьковского отдела СРН и РС профессора В.И.Альбицкого; педагога, руководителя Воронежского отдела ВДСРН (дубровинца) Н.Н.Пантелеевского; издателя и учредителя «Общества изучения иудейского племени» Н.Н.Жеденева; товарища председателя РНСМА писателя Н.Д.Облеухова; члена руководства ВДСРН и РС, стойкого сторонника Дубровина, председателя Русского Монархического Союза С.А.Кельцева...

Ряд видных монархических деятелей эмигрировал за границу. Среди них: соучредитель и товарищ председателя СРН (марковец) В.П.Соколов; один из лидеров ВДСРН, член-учредитель Русской Монархической Партии, присяжный поверенный, В.А.Балашов; депутат Госдумы, руководитель Екатеринославского отдела СРН, педагог В.А.Образцов; лидер Кишиневских отделов СРН и РНСМА, занимавший нефракционное положение в монархическом движении И.И.Дудниченко; соучредитель и член Совета РС публицист-славянофил А.В.Васильев; один из руководителей Всероссийского Национального Союза камергер Двора П.Н.Балашов.

В эмиграции оказались монархисты «слабого закала»: снисходительный к либералам член СРН, егермейстер Двора, товарищ министра внутренних дел (до декабря 1916) кн. В.М.Волконский; лидер Одесских отделов РС, РНСМА и СРН, городской голова в годы мировой войны Б.А.Пеликан; депутаты IV Госдумы, создатели Киевского Клуба Русских Националистов и думской группы «прогрессивных националистов»,

Горемыкин Иван Логгинович (1839 - 1917)

сотрудничавшие с октябристами – В.Я.Демченко и А.И.Савенко (член Прогрессивного блока, затем участникБелогоДвижения); один из основателей Отечественного Патриотического Союза, православный миссионер, член руководства РНСМА В.М.Скворцов; известный общественный деятель «околомонархического» направления В.В.Шульгин…

Такое многосложное драматическое явление, как русский монархизм, заслуживает полного осознания его прошлого опыта. Увлеченные острой повседневной борьбой монархисты не успевали (или не ставили задачи) применить на практике собственные обобщения и выводы. Начав с размышлений о недопустимости перенесения в Россию буржуазных парламентских форм, русские монархисты распространяли свой анализ за пределы страны. Педагог, выходец их крестьян В.А.Образцов утверждал: «Низменные начала западноевропейских конституций совершенно чужды нашему народному мировоззрению». В 1908 г. он предостерегал кадето-октябристское большинство: «Напрасно вы думаете, что куете новые правовые нормы и улавливаете блага гражданских свобод. Вы куете цепи порабощения и вас самих уловил в свои сети жид». Астраханский купец, глава губернского отдела СРН Н.Н.Тиханович-Савицкий писал: «Светлое буду-

Горемыкин Иван Логгинович (1839 - 1917)

Щегловитов
Иван Григорьевич
(1861 - 1918)

щее России не в грязи европейского парламентаризма – в этом омуте капиталистов и буржуазной интеллигенции, порабощающих народ, а в русском Самодержавии, опирающемся на народные массы и на совет выборных деловых людей – не интриганов».

Видный киевский монархист из рабочих И.Г.Храпаль осуждал появление в стране любых выборных учреждений («государственная дума явилась рассадником ужасов, творившихся в России»). Все же это не помешало ему участвовать в думских выборах, с целью извлечь максимум выгод из работы монархического блока в Думе. Такую позицию можно было бы оправдать тактическими соображениями, но Храпаль, как и другие монархисты, не помышлял о возможности иного поведения, находясь в границах лояльности к проводимой царем политике. За несколько лет до переворота П.Ф.Булацель говорил: «Я глубоко убежден, что конституционно-парламентский строй неизбежно погубит Русское государство и приведет к краху христианскую цивилизацию». Купцов, субсидировавших революцию, и оправдывавших террор политиканов он называл «красными обезьянами». В 1909 г. Булацель писал другу: «Я скорблю, болезненно мучаюсь, видя, что теперь какое-то скопище масонов заставляет раболепно перед собой преклоняться тех самых чиновников, которые пятнадцать лет назад беспрекословно подчинялись только воле русского государя».

Еще в 1905 году Б.В.Никольский на приеме у царя говорил: «Происки международных врагов законности и порядка, сплотившихся в еврейско-масонский всемирный заговор, ведут отчаянную борьбу в лице нашей родины с христианством, просвещением и культурой».

«Тема масонства, бывшая в центре внимания монархистов, имела под собой солидную фактологическую основу. Достаточно сказать, что Временное правительство, по свидетельству его членов, принадлежавших к различным партиям, представляло собой единую команду из «мастеров» российских лож. Значительное присутствие евреев в масонских ложах, как и в руководстве российских партий, их активное участие в революционных событиях и в пропаганде, обслуживавшей револю-

цию, дало основание монархическим лидерам объединить эти две силы в единый блок, названный ими «масоно-еврейским заговором».

Н.Е.Марков, проводя установки Союза Русского Народа, писал в «Земщине» (март 1910): «Иудеи – враги государства и их нельзя вооружать знаниями, дипломами, нельзя ими засорять наши чиновные, судейские и профессорские места... Иудеи должны быть убраны из тех лабораторий, где подготовляются государственные деятели – из университетов... У нас они вредны как иудеи – не как отдельные личности». «Если я желаю своему государству и народу блага, – продолжал он, – я должен устранить с его пути все, что этому благу вредит... История всех веков показывает, что присутствие иудеев в армии – это примесь в большой дозе шпионов, изменников, трусливых людей, сдающихся в плен. Цифры последней русско-японской войны показывают, что из 18000 иудеев, бывших в нашей армии, сдавшихся в плен японцам оказалось 12000, т.е. 70%. Иудеи в деле поставок военному ведомству, в деле агитации во время войны на военных заводах, в деле переодевания в офицерскую одежду и появления на наших броненосцах, во всех гнусных, отвратительных делах, о которых мы недавно с ужасом читали, сыграли подавляющую роль».

Впечатляющую картину общественного разложения и особую роль евреев в нем рисует видный монархист, издатель патриотической газеты «Земщина» В.А.Володимеров: «Точно куриная слепота и роковое бессилие сковывают волю в сумраке стелящейся по русской земле интеллигентской мути... Русское общество слишком обынтеллигентилось, утратило национальный инстинкт – этот компас культуры, оно утратило чувство государственного самосознания. Вот в чем ужас!». Истоки этой политической бессмыслицы он видел в духовном рабстве образованного общества: «Российскую интеллигенцию, диктующие у нас по указке иудеев политические моды, уже с полвека хлебом не корми, давай только побольше всевозможных реформ, и непременно либеральных. Всякие же либеральные реформы, т.е. попросту ломка общественных и бытовых форм народной жизни, всегда на руку прежде всего иудеям, ибо есть не что иное как революция сверху. Иудеи хорошо помнят истину: «Привычка – душа держав». Они поэтому всячески стараются заставить законодательную мысль разрушаемых ими держав и порабощаемых ими народов забыть эту великую мудрость арийских оседлых народов».

Анализируя политическую ситуацию в стране, Володимеров обличал «либеральничающий Петербург, интеллигентный

полуинородческий газетно-канцелярский мир, откровенно не желающий знать православной России, которой он командует, не понимающий безмолвствующего народа и принимающей за его голос лживое, пошлое и наглое дребезжание иудейских газет». Он рисует картины упадка в деревне, где верховодят шайки богохульных молодых парней, избивающих и убивающих всех, кто осмеливается им перечить. Кругом «победное шествие открытого распутства... целомудренность стала признаком отсталости от века, ее стыдятся и скрывают».

В 1911 году Володимеров прозорливо утверждал, что опасность революции не исчезла: «Разноплеменные полчища полудиких интеллигентов-безбожников, неудержимо пополняемые на казенный счет выпусками всех почти без исключения школ по России, не отказались от своей решимости опрокинуть Престол Романовых, разорвать Их великую Державу на части и поработить развращенный пьянством, бессудностью и безначалием великий Русский Народ... Их решимость крепнет, они снова начали кровавую расправу с самыми надежными и сильными слугами Царя и России...Ясно, что настоящее представление всероссийской жидовской революции начнется скоро». Он описывает разложение в офицерской среде, где все чаще попадаются люди с милюковским и гучковским душком. По его наблюдениям, освободительная зараза проникла даже на Дон. Но всего ужаснее, на взгляд Володимерова, «настоящее торжество иудина племени»: «Небывалое опустошение лесов, разорение мелких промышленников и торговых людей, целыми улицами, целыми городами – вот картина иудейского нашествия. Как липкой паутиной окутали иудеи Россию бесчисленными своими газетами, театрами, кинематографами, и изо дня в день все глубже отравляют они своим ядом душу народную, разрушают семью, религию, гражданственность, патриотизм в целом поколении русского, вступающего в жизнь юношества». Устроители революции рассчитывают на миллион «рассыпавшихся по всей России жидов, сплоченных, надежных, в высшей степени старательных и искусных агитаторов и развратителей, агентов всежидовского заговора против России. Эта армия в штатском несоизмеримо более опасна для целости России, чем какая угодно японская или австрийская армия в мундирах, с ружьем и пушками... Россия накануне расплаты за конституционные упражнения и за политику либеральных реформ». – В этом суждении не хватает оценки легко поддающегося на столь глубокое влияние собственного народа. Нет и осознания ошибок патриотического слоя, не сумевшего, несмотря на свою многочисленность, отстоять великую державу.

Среди монархистов, видевших в российских политических событиях общемировой смысл, особое место принадлежало присяжному поверенному и судебному следователю, политическому писателю острого стиля А.С.Шмакову. Прекрасный оратор, Шмаков успешно отстаивал интересы русских на процессах, вызванных межнациональными и религиозными конфликтами (еврейские погромы 1903-1904 г. в Кишиневе и Гомеле, расследование обстоятельств убийства А.Ющинского...). Как член многих патриотических организаций России, он был постоянным докладчиком по вопросам русско-еврейских отношений. Серьезного внимания заслуживают его труды: «Еврейский вопрос на сцене мировой истории» и «Международное тайное правительство» (оба в 1912). «Современную эпоху, – писал Шмаков, – знаменуют два факта: варварство социальных учений и сатанинское возвеличение еврейства». Социальная революция, как средство разрушения государств, «разлагая вековые устои, дает всемирному кагалу на пути к победе незаменимые преимущества... Нынешнее время становится все более еврейским – как по вероломству и жестокости, как и по раболепию перед нашим же ожидовлением». В основу своей концепции А.С.Шмаков положил расовый подход, сформулировав его следующим образом: «Расы отличаются друг от друга столь коренными, безусловными и неустранимыми признаками, что игнорировать их существование бессмысленно. Устойчивость расовых типов сильна и непоколебима».

В «Очерках борьбы арийцев с семитами», обозревая еврейский вопрос в мировой истории, он писал: «Иудейство неизменно стремилось направить свое господство по всем разновидностям его применения: духовному, экономическому и политическому,... подобно спруту избрав три излюбленных способа присасывания к человечеству: жид газетный, жид биржевой и жид политический». Проанализировав историю, Шмаков пришел к выводу о существовании с древности «потаенного правительства евреев». «Общеиудейская центральная власть никогда не переставала функционировать и лишь неустанно расширяла свою мощь». Главный удар, утверждал он, мировое еврейство направляло против монархий, поскольку «монархи – естественные защитники народов против замыслов иудейских». В подтверждение Шмаков указывал на ведущую роль евреев в революциях во Франции, Англии и России. Анализируя мировую историю, он доказывал существование в мире «темной силы – международного тайного правительства», направленного к установлению мирового господства еврейства. С тех пор тезис о мировой закулисе неизменно присутствует в патриотической идеологии.

Сходного мнения придерживался писатель и общественный деятель И.А.Родионов (1866-1940). В известном романе «Наше преступление» (1902) он, отстранившись от неприятных размышлений о противоречивых свойствах русского народа, заявлял: «По моему глубокому убеждению Россия гибнет от двух причин: еврея и алкоголя». В 1912 году, выступая в Русском Собрании с докладом «Неужели гибель?», Родионов говорил: «Мы, арийцы, авангард и главные силы созидательного человечества приняли и беспрерывно принимаем на себя сокрушительные удары еврейства». Казачий офицер, награжденный четырьмя боевыми орденами в первую мировую войну, он отказался присягнуть Временному правительству, эмигрировав в Югославию и Германию. За границей Родионов издавал книги о судьбе России, обвиняя в русской трагедии «гангренозную заразу человечества – вездесущего жида». Описывая кошмары большевистской революции, он писал: «И над этим бездонным ужасом сплошными муками и смертью царит налившийся христианской кровью ненасытный паук-жид. Его нечистые ноги осквернили нашу священную землю, его зловонные уста заразой смерти наполнили наш родной воздух, наши богатства перешли в его карманы…Жиду надо истребить нас, чтобы некому было протестовать, чтобы не осталось под небом живых свидетелей его вопиющих злодеяний, спорщику и наследнику к украденному им русскому имуществу, чтобы имущество это в конце концов оказалось выморочным…Когда же русский народ вымрет поголовно…на месте недавно великой Российской Империи окажется необъятная пустыня, куда со всех концов земли нахлынут новые насельники».

Родионов предупреждал будущее поколение: «Теперь у нас, русских, нет друзей. Мы почти сплошь окружены врагами. Человечество, как черное воронье перед издыхающей скотиной, алчными глазами следит за нашим умиранием, чтобы накинуться на нас, как на падаль, и каждый из народов ревниво следит за другими, чтобы конкуренты не опередили его в наживе нашими землями и нашим добром, когда нас не будет на свете. Каждый из народов облюбовал себе жирные куски и уже заранее подсчитывает барыши. В этом они жестоко ошибутся. Они сами упадут в яму, которую всеми мерами помогают жидам вырывать и углублять для нас, и упадут в тот момент, когда мы уже выкарабкаемся из нее» («Казачий сборник», Берлин, 1922).

Крайняя актуальность еврейской темы подталкивала монархистов к поискам выхода из этого межнационального тупика. Вопреки распространенному представлению о «кровожад-

ных черносотенцах», большинство монархических лидеров отвергало применение крайних мер при решении еврейского вопроса. А.И.Дубровин в 1908 г. осуждал насилие, предлагая «изгнать из России жидов, как наших главных врагов, главных виновников русской революции и всех несчастий, постигших Россию в последние годы». «Для борьбы с жидами, – говорил он, – нужны не погромы (от них страдают только еврейская беднота, да русские люди, которых потом таскают по судам). Богатые же жиды остаются в стороне и еще больше богатеют». На взгляд Дубровина гораздо эффективней будет «всеобщий бойкот товаров и услуг, производимых евреями».

Руководитель астраханских монархистов Н.Н.Тиханович-Савицкий в 1910 г. просил Столыпина «озаботиться скорейшим изданием законов, ограждающих слабого, каким является русский в экономической борьбе с инородцами... Нельзя допустить, чтобы жид благоденствовал за счет русского, умирающего с голода». Депутат Госдумы, писатель П.А. Крушеван, организатор СРН в Бесарабии, также призывал к борьбе с еврейской экспасией исключительно мирными средствами: устройством русских экономических и потребительских обществ и сельскохозяйственных лавок. Несмотря на эту умеренность, еврейский террорист покушался на него в 1903 году из-за ложного обвинения в подстрекательстве к кишиневскому погрому. Крушеван рассматривал борьбу с еврейством как историческую задачу России: «Эта борьба имеет не только русское, а мировое значение. Революция в России есть вызов еврейства, брошенный всей христианской культуре». За вполне мирное предложение ассимилировать евреев путем поголовного крещения либеральная пресса окрестила Крушевана «патологическим реакционером». История, однако, показала невысокую эффективность подобных искусственных мер. Достаточно вспомнить факт массового перехода в христианство испанских евреев в Средние века со своекорыстной (не только экономически) целью.

Попытки найти место еврейской общине в традиционной структуре российского общества предпринимались монархистами разных оттенков. Одесский городской голова, умеренный лидер местных патриотов Б.А.Пеликан советовал разрешить еврейский вопрос, опираясь на ортодоксальных иудеев, противопоставляя их радикальной еврейской интеллигенции. Его более консервативный земляк, член Главного Совета СРН граф А.И.Коновницын опубликовал в 1907 г. воззвание к евреям с призывом принести публичное покаяние Русскому Народу, предать торжественному проклятью виновников революции и

Полубояринова Елена Андриановна (1864 - 1918)

объединиться в союз под знаменем СРН (!). Местные власти в ответ приостановили издание газеты «За Царя и Родину» за «разжигание национальной вражды» (!). Таким же образом властная верхушка и в дальнейшем пресекала по всей России любые нетрадиционные попытки примирить две национальности, от взаимоотношения которых, по пророческой мысли Фридриха Ницше, зависело будущее Европы в XX веке.

Ни с кем не согласованную позицию в еврейском вопросе занимал один С.К.Глинка-Янчевский, призывавший правительство «коренным образом изменить свое отношение к воинствующему иудаизму... установлением круговой ответственности головой и имуществом». «Если за каждого убитого сановника, – писал Глинка-Янчевский, – известное число интеллигентных иудеев по жребию, т.е. по воле Божьей, будет расстреляно, а имущество кагала – в определенном размере конфисковано, – террор сам собой прекратится». Государственную думу он называл «зловредным сборищем жидовских ублюдков (такими является по своему миросозерцанию большинство русской интеллигенции)».

«Образованное общество» заслужило особенную нелюбовь монархистов. Выходец из простого народа, получивший высшее образование В.Образцов, уделял особое внимание вопросу о воспитании русской элиты. «Интеллигенция, оторвавшаяся от народных корней, безжизненна, пошла и вредна. Такой, в большинстве, и стала русская интеллигенция. Но и масса народная сама по себе слепа и бессильна в государственном смысле. Без разумного руководства, даже 100-миллионный народ может в несколько поколений вымереть и исчезнуть с лица земли или обратиться в рабочий скот для другой народности», - писал он. «Залог государственного и общественного преуспевания заключается в свободном раскрытии сокровищ народного духа – народной веры, идеалов, нравов, обычаев – под руководством национального, народного характера интеллигенции. Мы должны зарыть пропасть, которая столетиями рылась между Русским Народом и руководящей им нерусской интеллигенцией».

Предреволюционная действительность давала основания для самых мрачных оценок будущего России. Б.В.Никольский предостерегал ещё в 1905 г.: «...Мятеж отторгает окраины, измена растлевает исконно русские земли. Насильством и угрозой изгоняются с окраин русские люди, паникой охвачено коренное население. Взаимное недоверие и прямая ненависть раздирают области и ломают города и села, учреждения и союзы, церковь и семью, школу и войско...Убийство, грабеж и разбой царят во всем Отечестве нашем. Адом становится Россия и пыткой существования». Никольский принадлежал к числу сторонников радикальных перемен, но колебался в выборе средств. Он призывал царя к твердости и сокрушению крамолы военной мощью. – «В противном случае не видим спасения ни Вашему Царству, ни нашему русскому строю и ждем только небывалых в истории потрясений, пока русской кровью не смоется начисто с лица земли русской чумная смута и ценой неисчислимых жертв не искупится та несомненная и окончательная победа, которая и теперь еще может быть достигнута жертвами несравненно меньшими». В частных письмах Никольский высказывался более решительно, намекая на спасительное действие диктатуры в обход власти царя (!), однако не видел, откуда «из лужи» может взяться диктатор.

Профессор Харьковского университета, член III Госдумы А.С.Вязигин предупреждал в 1908 г.: «Все разваливается, все трещит. Самые черные дни у нас еще впереди, и мы быстрыми шагами несемся к пропасти. Для меня ясно, что у нас нет ни государства, ни хозяйства, ни армии, ни флота, ни суда, ни просвещения, ни даже безопасности. Главное...у нас нет народа, а есть только население, обыватели». Он же (1912): «Россия еще может сопротивляться, но ее мозг поражен болезнью, и эта болезнь – главная». – И в 1915 г.: «В глазах русских людей власть имущих позорно оскандалилась».

О необходимости диктаторских мер говорили и писали многие монархисты, но никто не пытался решительно выступить против правительства, связывая все его действия с волей царя. И.Г.Храпаль на Третьем Всероссийском Съезде Русских Людей (октябрь,1906) предложил: «Акт 17 октября должен быть отменен... Надо просить ввести военную диктатуру, объявить Кавказ и Польшу на осадном положении, стачки и забастовки признать государственной изменой, созвать Земский и Вселенский Собор». Характерно, что эта тогда уже невыполнимая идея даже не обсуждалась на съезде. Призывами к решительным действиям монархические лидеры ограничились и в 1915 году, когда революция уже подбиралась к царскому

трону. С.К.Глинка-Янчевский советовал ввести «железную диктатуру». Н.Н.Тиханович-Савицкий на Саратовском совещании монархистов утверждал: «Большинство интеллигенции и наиболее состоятельная часть торгово-промышленных классов, поддерживаемые левой и еврейской печатью, подняли в стране смуту». В телеграмме царю (сентябрь 1915) он взывал: «Не Дума нужна, а диктатура, Государь», советуя «уничтожить городской и земский союзы и военно-промышленные комитеты – эти гнезда революционной пропаганды».

Деятельность русских патриотов не ограничивалась прямым участием в монархических организациях. Ряд из них на высоком уровне разрабатывал и углублял идеологию монархизма. Профессор Императорского Новороссийского университета, правовед и политический писатель крестьянского происхождения В.Д.Катков (1867-п.1917) по следам революционных выступлений 1905 г. высказал идеи, возвышавшиеся над текущей политикой и не утратившие значения до наших дней. Государство для него – лучшая часть каждого гражданина. Как институт защиты социальной справедливости, оно выше и дороже личного существования. Катков настаивал на неограниченности и свободе власти Государя. «Эта власть стоит вне минутных настроений толпы. Она ответит перед Богом и историей. Ей нечего заискивать у теперешнего населения с его временными интересами, настроениями и ошибками».

Катков упрекал свой народ в двойном предательстве. «Инородцы изменяют государству, – говорил он, – а русские революционеры – государству и нации». Вразрез со сложившимся в обществе мировоззрением он отвергал демократические принципы народовластия. По его убеждению, режим не должен привлекать народ к государственному управлению, оставляя ему как можно больше времени для религиозной, семейной и профессиональной жизни. В смертельно опасный период государство может спасти только диктатура Царя или избранного им лица, считал Катков. Видя, как огромные массы консервативного населения всколыхнула и возмутила революционная волна насилия, он требовал от власти организовать и направить эти пребывавшие в бездействии контрреволюционные силы, «готовые с радостью кинуться на губителей и мучителей своей Родины, как строй солдат, которому после «раз, два, три» не сказали последнего условного «пли». «Власть, которая поняла бы этот психологический момент, призвав эту бескорыстную и самоотверженную армию, избавила бы нашу родину от тяжелого кошмара революции с наименьшими жертвами. Как дым рассеются враги закона и порядка; как снег рас-

тают они в огне народного гнева...Мощь революции требует привлечения к борьбе уже не только полиции и войска».

Геополитик, член Главной палаты РНСМА Ю.С.Карцов (ум. после 1917) оставил глубокий анализ государственного своеобразия России. «Концентрация военного могущества и экономическая самобытность – вот чего неуклонно должна держаться Россия, если она не хочет перестать быть великой державой», – писал он. В отношении народного представительства Карцов, опережая консервативную мысль Запада, придерживался корпоративного принципа: «Выборы следует производить не по районам, как теперь происходит, а по классам населения и роду занятий. Тогда на первый план выдвинутся интересы народно-хозяйственные и практические». При таком порядке, справедливо считал он, значительно сужается простор для партийных махинаций – неизбежного спутника общепринятой парламентской системы.

Карцов осуждал министерство иностранных дел за политику компромиссов и постоянное согласование с чужими интересами: «С точки зрения держав Запада и международного капитала высокий процент инородцев в составе русского дипломатического корпуса есть гарантия, что Россия сама на себя наложила путы и попыток к освобождению делать не будет». Политика уступок привела к пассивности и в военной области. «В старину, – говорил Карцов, – зная, что нападения все равно не избежать, мы его не ожидали, а нападали сами. Теперь мы достигли предела и дальше идти некуда. Государственная оборона сделалась исключительно пассивной. Об инициативе у нас никто не помышляет. Военно-стратегическая мысль атрофировалась и замерла. Затем, отличительная черта русского военного организма – его поразительная неповоротливость. В то время, как прочие державы по всякому поводу готовы посылать эскадры и десанты, мы, русские, сплошь и рядом глотаем обиды. К войне мы никогда не готовы. Государственное равновесие настолько неустойчивое, что при малейшем осложнении машина останавливается, и вся система приходит в замешательство».

Обращает внимание совпадение описанной Карцовым ситуации с нашим временем, несмотря на полную перемену государственного строя России. Но так бывает всякий раз, когда в стране господствует либеральное «общественное мнение». При этом либералам не обязательно самим находиться у власти. Достаточно стоять за спиной у продажных и трусливых политиков. Уступчивость в иностранных делах и пассивность в обороне – прямое следствие подавляющего влияния космополитических элементов общества.

Перед революцией монархисты, несмотря на постоянное противодействие властей, пытались продлить безнадежную борьбу против торжествовавших либерал-революционных сил. Они действовали в правильном направлении. А.Коновницын, на первых порах поддержанный генерал-губернатором и командующим военным округом, после событий 1905 г. создал в Одессе дружину из 250-ти человек для борьбы с революцией, организовал рабочие артели, срывавшие забастовки. Товарищ председателя Киевского отдела СРН В.Э. Розмитальский в 1911 г. учредил и стал председателем Патриотического гимнастического общества «Русский богатырь». Привлекая низшие городские слои, он надеялся после военно-спортивной подготовки использовать их в контрреволюционных целях. В 1912 г. генерал-майор, военный писатель, член Главной Палаты РНСМА К.И.Дружинин предлагал ввести преподавание военно-патриотических дисциплин в школах для воспитания героизма в молодежи. За полтора года до мировой войны он предупреждал: «Помни войну – она близка!». Уйдя добровольцем, Дружинин погиб на передовой в августе 1914 года в пятидесятилетнем возрасте.

Дальновидные монархисты понимали необходимость применения неординарных мер для спасения государства от надвигавшегося развала. Последний руководитель РНСМА Н.Д.Облеухов, усматривая «горючий материал» в «пролетарской массе», выступал за решение противоречий между фабрикантами и рабочими на национальной основе: «Экономический антагонизм сглаживается единством происхождения». К сожалению, лидеры монархистов не нашли эффективный путь к достижению национальной общности. С этим было связано неумение отыскать и поставить во главе движения руководителя диктаторского типа, способного любыми средствами преодолеть расколы и, устранив колеблющихся, подчинить здоровое (пусть немногочисленное) ядро своей непререкаемой воле.

Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1866 - 1917)

Вместо этого дисциплинарный разброд и анархические шатания монархистов являли удручающую картину неустойчивости русского характера в самое опасное для России время. А.С.Вязигин писал в 1908 г.: «Европейские партии с их дисциплиной нам невыносимы...В нашем деле одна общая команда невозможна». Двумя годами раньше Б.В.Никольский говорил на съезде монархистов: «Дисциплина необходима... в основу надо положить децентрализацию и очень осторожное объединение всех местных организаций...конечным идеалом я считаю полное слияние во главе с излюбленными людьми». «Децентрализация», «осторожность», «излюбленные люди» (вместо одного вождя!) – все говорит о колебаниях и неуверенности одного из лидеров Дубровинского СРН. В 1912 г., на пятом монархическом съезде, перед лицом решительного сплочения подрывных сил, Н.Облеухов выступил против предложения о полном слиянии организаций. В.А.Володимеров, опасаясь сломать естественно возникшие организации, тут же предложил ограничиться не обязательными к исполнению (!) директивами монархических съездов. Авторитетный сторонник Дубровина Н.Н.Родзевич объяснял раздоры среди патриотов различными причинами: присутствием в движении честолюбцев и карьеристов, решавших собственные материальные проблемы, но главное – невозможностью управлять из единого центра тысячами отделов и подразделений.

Активный член Бессарабского СРН и РНСМА И.И.Дудниченко, занимавший независимую позицию в спорах монархистов, перед февральским переворотом описывал ситуацию таким образом: «Марковцы хотят узурпировать власть над монархическим движением...«Русское Знамя» заполнили трупные черви и губят наше дело...не газета, а какой-то злобный листок...Я знаю, что в некоторых правых органах устроились жиды» (в этом грехе различные организации часто упрекали друг друга, доказывая собственную непогрешимость). Сея подозрение в чистоплотности вождей, Дудниченко призывал не верить никому: «Я с ужасом смотрю на развал работы и на полную никчемность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели родины».

Входивший в руководство многих патриотических объединений К.Н.Пасхалов в конце 1915 г. впал в уныние: «Руки опускаются, – писал он Родзевичу, – теряется всякая энергия и охота защищать, что нас отталкивают и ценят меньше, чем старую подошву... Кадетам отпускаются миллионы бесконтрольно, а мы пробиваемся на задворках, едва терпимые, да и то только когда кулаками защищаем от жидов и жидовствующих презри-

тельно относящуюся к нам власть... Во мне говорит не досада обманутого самолюбия, а просто отчаяние от потери способности власти различать, кто ее союзники и кто противники, в ком ее спасение и в ком гибель».

Оценивая состояние монархического движения в апреле 1916 г., он отмечал, что основная масса состоит из лавочников, артельщиков, чинуш не выше надворного советника, и у всех – ни гроша денег. А из образованных сословий «только среди духовенства находятся сочувствующие», тогда как «купец – весь либерал», дворянство в массе осталось в стороне от монархического движения благодаря бездействию его лидеров. Сокрушаясь, что на совещание в Нижний Новгород из Москвы не приехало ни души, Пасхалов делал вывод: «Это не случайность, это вырождение правых в каких-то бесплодных ублюдков, боящихся прикосновения к "черносотенцам"». Выразительны его характеристики видным правым деятелям: Марков – интриган, Щегловитов выдохся, не зарядившись, Левашов подставной человек, Белецкий утонул безвозвратно, Ширинский-Шихматов много говорит, но ничего не делает, «даже с Дубровиным творится что-то неладное». Такие настроения господствовали в монархической среде до самого конца, и активность отдельных лиц безнадежно угасала на слепящем революционном фоне.

Необычным, но объяснимым, было поведение крупного филолога, академика, члена Государственного Совета и товарища председателя СРН А.И.Соболевского (1857-1929). После победы февральского заговора, видя, как разваливается государство и гибнет Россия («настали разбойничьи времена»), он пришел к выводу, что только большевики могут стать силой, способной остановить распад страны. В мае 1917 г. Соболевский писал Б.В.Никольскому: «Я голосую за список большевиков, веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых». Логика политической борьбы подсказала многоопытному ученому возможность спасения родины с помощью суровой диктатуры, которая рано или поздно должна перейти в национальную форму. Так и случилось. С конца 20-х годов И.В.Сталин осуществлял в стране поворот к ценностям русского народа, покончив с тиранией космополитов.

Трагическому концу самодержавной государственности способствовала разобщенность сил, противоборствовавших революции. Однако, несмотря на противоречия во взглядах и деятельности, защитники монархии проявляли большое личное мужество и упорство в неравной борьбе с революционной стихией. Всеразлагающий либерализм российской интелли-

генции подготовил почву для сокрушительной революции. Значительная часть населения бездействовала, не вникая в происходящее, с надеждой на нового «доброго барина». Эта холуйская психология перешла потом к «советскому народу» – недолговечной искусственной массе, державшейся в строгой дисциплине вождем, не успевшим порвать с варварским марксизмом. Коллективная вина русского народа, не сумевшего сохранить национальное государство, должна быть искуплена возвращением к русским ценностям, которые в XIX веке выразила знаменитая триада графа Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». Переходной формой правления, пригодной для нашего времени, может стать только национально-государственная диктатура. Лишь она позволяет решать крупные и сложные державные задачи в самые ответственные периоды. Монархическое правление, в наибольшей степени отвечающее потребностям народной жизни и русскому характеру, необходимо тщательно подготовить с помощью национального воспитания, прежде чем русский народ будет готов к его введению. Опыт неудачной борьбы русских монархистов с либералами и безнациональной интеллигенцией должен быть усвоен русскими патриотами и претворен в стихию решительных действий, ведущих к воссозданию государства имперского типа, способного к мировому доминированию.

ГЛАВА V. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

«Государство – это сталь, скрепляющая общество»
Ф.Ницше.

На протяжении, по крайней мере, двух последних столетий, вплоть до перестройки государство вело постоянную борьбу против сил, вызывающих беспорядки и влекущих страну к неконтролируемому хаосу. Самые опасные периоды национальной смуты всегда начинались с действия группы лиц, внедрявших в общество идеи неограниченных свобод, противопоставляемые интересам государства. Эти лица, принадлежавшие, как правило, к образованной публике, или даже к верхним слоям общества, получили историческое название «либералов».

Зарождение либерализма в России в его дворянском варианте относится ко второй половине XVIII века, но предпосылки возникли в царствование Петра I, стремительно реформировавшего русскую жизнь по иностранным образцам. Технически полезные нововведения не удалось тогда органически совместить со сложившимися национальными традициями. Эпоха Екатерины II, внедрявшей свободомыслие по меркам французского просвещения, дала толчок образованию либеральных групп, накапливавшихся в масонских ложах и других разрешенных императрицей учреждениях. К началу XIX столетия в них входило немало представителей родовитого дворянства. Их тайная и явная деятельность способствовала постепенному повороту общества к радикализму.

В XVIII веке появились новые проекты ограничения самодержавной власти и крепостного права (С.Десницкого, А.Поленова, Н.Новикова, Ф.Кречетова). Либерализм с первых шагов принялся заимствовать европейский опыт – без связи с народными традициями. Нужно учесть, что Западная Европа долгое время сама находилась в центре духовных влияний, чуждых индоевропейскому наследию. Кочующие элементы привнесли в европейские государства дух ростовщичества, – то, что Макс Вебер называл «протестантской этикой», В.Зомбарт – «эпохой торговцев», а Карл Маркс – просто «духом наживы».

Но вернемся к России. Декабризм стал радикальным следствием расцветшего на русской почве либерализма. К середине XIX века выразителями либеральных взглядов стали «западники» (Кавелин, Боткин, Грановский и др.). Но в этой разновидности либерализм еще не утратил черт радения за судьбу России. Его противоположность идеям славянофилов не была безусловной, тем более, что последние сами разделяли некоторые либеральные комплексы, недаром цари видели в идеях созыва Соборов и Дум попытки ограничить самодержавие. С другой стороны, отход отдельных либералов от радикального демократизма (разрыв с «Колоколом» и «Современником» во второй половине века), как скоро выяснилось, не изменил их природной близости. В дальнейшем ответственность за развитие событий вплоть до свержения самодержавия в большой степени несли либералы. Именно они внедряли в общество пренебрежение к национальным ценностям и истории России, так что революционерам оставалось сагитировать денационализированные слои и их руками уничтожить государственную власть. Исчерпывающие свидетельства этому имеются у крупных русских писателей, философов и общественных деятелей.

Большую ценность представляют свидетельства Ф.М.Достоевского в «Дневниках писателя» за 1876-77 и 80-й годы, а также его творческие прозрения в романах. Консерватизм Достоевского смягчался религиозной терпимостью и снисходительным великодушием характера, так что его глубокий психологизм вступал в противоречие с идеями «всечеловеческой отзывчивости» и сословного «братства» в русском обществе и с убежденностью в неизбежном сближении интеллигенции с народом. Тем больший смысл приобретают пророчества Достоевского там, где он дает волю своей интуиции и реальному знанию людей. В романе «Бесы» в отталкивающем виде изображены не только террористы-нечаевцы, но и деятели 60-х годов, либералы 40-х, Чаадаев, Белинский, русский сторонник католицизма В.Печерин, Т.Грановский, петрашевцы, с которыми он сам был когда-то близок. Постепенно роман, задуманный как обличение либеральной дворянской интеллигенции, перерос в критическое изображение общей болезни, переживаемой Россией и Европой, ярким символом которой стало «бесовство» Нечаева и его последователей. Таким образом, Достоевский прямо связал либерализм с преступными действиями радикалов. В «Дневнике писателя» он отметил низкий интеллектуальный уровень «западничающей» интеллигенции: «Либерал всесветный, атеист дешевый, над народом

Фёдор Михайлович Достоевский (1821-1881)

величается своим просвещением в пятак ценой... Либералы наши, вместо того, чтобы стать свободными, связали себя либерализмом как веревками».

Несмотря на свой скептицизм в отношении Европы, Достоевский первым из консервативных мыслителей заявил о необходимости сближения с Германией, так что ряд суждений в «Дневнике писателя» совпадает с программными положениями геополитиков-европоцентристов XX века. Это резко контрастирует с почти полным неприятием Европы, за исключением временных союзов, которое выказывали другие русские консерваторы. Видя постоянную нелюбовь Европы к России, Достоевский все же называл Европу «вторым отечеством»: «Европа нам почти так же дорога, как Россия. Как же быть? Стать русским прежде всего». При этом он не был сторонником политического объединения славян в одно государство. «Не будет у России таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена» – предрекал Достоевский. «России надо серьезно приготовиться к тому, что все освобожденные славяне с упоением ринуться в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными». Об этом же свидетельствовали писатели К.Леонтьев и В.Крестовский, имевшие солидный опыт дипломатической службы в Восточной Европе, а последний и как участник русско-турецкой войны 1877-78 гг. на стороне европейских славян, сразу же после «освобождения» включившихся в международные интриги против России.

Основу для будущего союза Достоевский видел в других нациях. Он осознавал противоположность интересов континентальной Европы и, например, Англии как военно-морской империи с ее особой позицией в важных вопросах (колониальный, восточный и пр.). «Англии бояться – никуда не ходить», – говорил Достоевский. Он высказывался, прежде всего, за российско-германское сближение: «Зависимость от союза с Россией есть, по-видимому, роковое предназначение Германии». Писатель называл Германию «серединной страной» (класси-

ческий термин современной геополитики!) и с подозрением относился к Франции, несмотря на все соглашения с Россией, часто выступавшей при кризисах против нее.

Политическая мысль Достоевского не замыкалась на Европе, будущность которой, по его мнению, принадлежит России. Он сознавал Россию и как часть азиатского массива: «Азия, да ведь это и впрямь может быть наш исход в будущем!». В его словах: «Азиатская наша Россия – ведь это тоже наш корень, который воскресить и пересоздать надо», – в соединении с мыслями о европейском будущем выражено желание сближения частей огромного евроазиатского пространства, которые необходимо возможно плотнее подогнать друг к другу, но без потери самостоятельного лица каждого из крупных народов. Впрочем, «пересоздание» Азии при внимательном прочтении Достоевского не исключает возможности доминирования России в союзе с Германией в будущей сверхгосударственной структуре.

Современник Достоевского, философ и историк мировой цивилизации Н.Я.Данилевский (1822-85), создатель оригинальной теории «культурно-исторических типов», опередивший на полстолетия научную мысль Запада (Рюккерта, Шпенглера), выделил три обязательных этапа, которые, подобно живому организму, переживает государство: юность, зрелость и дряхлость. Эта теория на большом историческом материале опровергала как фантастическую социологию марксизма, так и примитивные либеральные теории, берущие начало в идеологии Просвещения. У Данилевского парадоксально сочеталась глубина анализа с неверными прогнозами о будущем России – из-за идеализированного представления о русском национальном характере. Он редко употреблял слово «либерализм», но осуждал «европейничанье», и, хотя признавал его глубокое проникновение в высшие классы общества, однако считал русский народ как бы застрахованным от разложения благодаря врожденным свойствам «мягкости, покорности, почтительности», а также

Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885)

«за отсутствием в течение всей его жизни... борьбы между различными слоями русского общества». Отсюда сделан ошибочный вывод: «Не революции, но даже простой бунт... сделался невозможным в России, пока не изменится нравственный характер русского народа, а такие изменения (если и считать их возможными) совершаются не иначе как столетиями».

Это заключение вытекало также из представления Данилевского о молодом возрасте русского народа, «у которого впереди много времени и сил». Он был одним из самых твердых сторонников политического союза всех славян. Убедительно доказывая ненасильственный характер территориального расширения России, Данилевский оправдывал применение твердых мер против племен, которым «не суждено ни положительной, ни отрицательной роли...так как они представляют лишь этнографический материал, входящий в состав культурно-исторических типов». Он, как и Достоевский, признавал пользу войн, «которые могут служить лекарством, ибо не о хлебе едином жив будет человек». Важно подчеркнуть, что Данилевский подтверждал право крупного государства распространять свое влияние далеко за пределы собственных границ, оправдывая, например, «доктрину Монро» в отношении Латинской Америки, как национальное действие США.

Противопоставляя Россию и Европу как величины абсолютно чуждые друг другу, ученый писал: «Если же – наперекор истории, наперекор мнению и желанию самой Европы, наперекор внутреннему сознанию и стремлениям своего народа – Россия все-таки захочет причислиться к Европе, то ей, чтобы быть логической и последовательной, ничего другого не остается, как отказаться от самого политического патриотизма, от мысли о крепости, цельности и единстве своего государственного организма, от обрусения своих окраин, ибо эта твердость наружной скорлупы составляет только препятствие к европеизации России». Его вывод не оставлял вариантов в отношении Европы, «уже прошедшей высшую точку исторического цикла»: «Борьба с Западом – единственное спасительное средство... для излечения наших русских культурных недугов». Опасность, исходящую от Европы, Данилевский описал следующим образом: «Теперь, после того как жизненная обстановка высших классов русского общества лишилась своего народного характера, сделалась общеевропейскою, усиливается отчужденность инородца, и из-за этого порождаются те молодая Армения, молодая Грузия, о которых мы недавно услыхали, а может быть народятся еще молодая Мордва, молодая Чувашия, молодая Якутия, о которых не отчаиваемся еще услышать».

Данилевский подчеркивал первостепенную важность укрепления собственного народа, «хранителем» которого он называл государство. Актуально звучит мысль философа о том, что «исторический народ, пока не соберет всех своих частей, должен считаться политическим калекой... Одна народность должна составлять одно государство». У него не было сомнений в строе, сужденном России: «Сила и крепость народной брони должна сообразовываться с силой опасностей, против которых ей приходится бороться. Поэтому государство должно принять форму одного централизованного политического целого там, где опасность эта велика». Его предостережение направлено следующим поколениям: «Если Россия, как говорят ее враги, действительно окажется "больной, расслабленный колосс", переставший внимать не только голосу народной чести, но и самым громким побуждениям инстинкта самосохранения... готовым отречься от самого смысла своего существования... Если бы Россия даже дошла до такого самоунижения, оно было бы слишком невероятно, чтобы ему поверили: в нем увидели бы притворство и уловку, и нас все-таки не оставили бы в покое». И это верно на все времена: в покое оставляют только сильных.

Необходимость государственной крепости лаконично выразил политический и религиозный мыслитель К.Н.Леонтьев (1831-91): «Россию надо подморозить немного, чтобы она не гнила». Леонтьев, как многие его современники, прошел в юности школу либерального воспитания, но «первые же встречи с крайней демократией нашей» – польское восстание и неудачные реформы 70-х годов – сделали из него стойкого консерватора. Он отвернулся от русской жизни, «вставшей на путь буржуазно-уравнительного прогресса, ведущего к гибели России, барской и мужицкой», видя, что губительный для России либерализм вышел не с гор Кавказа или Мекки, а из христианских стран: «С упорными иноверцами окраин Россия со времен Иоанна все росла, крепла и прославлялась, а с "европейцами" великорусскими она в какие-нибудь полвека пришла в тяжелое состояние. Со временем Леонтьев убедился, что тихий и мирный ход домашнего разложения «во сто крат ужаснее национальных восстаний», которые, по его мнению, возбуждают в народе национальную доблесть хоть на время.

Вращаясь в орбите бурных событий по службе в Министерстве иностранных дел, Леонтьев быстро нашел связь между либерализмом русской интеллигенции и размягчением политического курса правительства. Писатель сконцентрировал силы на осмыслении национального пути России. В редкой по

силе и новизне идей публицистике 70-х годов («Племенная политика как орудие всемирной революции», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения») он предсказал неминуемое осуществление социализма в России – «нового рабства» («почва рыхлее, постройка легче»). Отвергая романтические ожидания, Леонтьев считал, что русский народ вследствие своих качеств из «богоносца» может стать богоборцем скорее всякого другого народа. Поэтому он сделал ставку на «византийское» самодержавие. В полемике с Достоевским и Л.Толстым безошибочное историческое чутье мыслителя перевесило идеализированные суждения этих великих людей. Леонтьев отверг «космополитическую любовь» к человечеству Достоевского, считая недостижимым и нелепым всеобщее примирение. Еще более нереальными и вредными представлялись идеи Толстого о «любви, которой люди живы» и «всечеловеческом братстве» – то, что он назвал «новым еретическим христианством», противопоставив ему настоящее православие как религию церковной дисциплины и страха Божьего.

Оставшись малопопулярным при жизни, Леонтьев стремительно обрел внимание в ближайшем поколении русских литераторов и ученых. Н.Бердяев считал его единственным крупным мыслителем даже не консерватизма, а реакционерства. Суждение этого либерала приобретает любопытный смысл, если вспомнить его жизненный путь: раннюю пропаганду марксизма, затем проклятия революции и заграничные метания между одобрением корпоративного строя Муссолини и благопристойными образцами буржуазной философии. В 20-е годы после революции леонтьевские идеи о национально-культурной самобытности воздействовали на «евразийцев», в эмиграции веривших в особый путь русского народа даже при коммунистической власти. Общее внимание привлекает футурология Леонтьева. В 1883 г. (!) он писал: «Русское общество помчится быстрее всякого другого по смертному пути всесмешения, и кто знает?.. мы неожиданно, лет через сто (!) каких-нибудь из наших государственных недр родим антихриста».

Вершиной философской мысли Леонтьева явился капитальный труд «Византизм и славянство» (1875). Вслед за Данилевским Леонтьев предложил впечатляющую периодизацию циклов государственного существования, выделив периоды «первоначальной простоты», «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения» (разложения и распада). Расцвет России, по Леонтьеву, начался в конце XVII века и завершился эпохой Николая I. До этого времени господствовала простота нравов и вырабатывалась стойкая государственность.

После Николая I вновь началось нашествие либеральных идей с Запада и повсеместная организация террористических групп для борьбы с правительством. Предвидевшему распад государства Леонтьеву были одинаково чужды обе стороны этого общеевропейского процесса – «свирепый коммунар и охранитель капитала – республиканский лавочник, враждебный и церкви своей, и монарху, и народу». Порождением смуты и одновременно ее творцом стала «самодовольная карикатура на прежних людей – средний европеец, с умом мелким и самообольщенным... Никогда еще в истории никто не видел такого уродливого сочетания умственной гордости перед Богом и смирения перед идеалом однородно-серого и безбожно-бесстрастного человечества».

По мнению Леонтьева все европейские страны испортили у себя государственную форму, которая вырабатывалась у них в периоды цветущей сложности, и впали в прогрессирующее однообразное разложение. Философ обращал внимание на то, что в России образованные слои стали главными ферментами разложения: «Народ рано или поздно везде идет за интеллигенцией, А интеллигенция русская стала слишком либеральна, т.е пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальна. Творчества своего у нее нет ни в чем: она только всему учится всегда и никого ничему своему научить не может, ибо у нее нет своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски, Русская интеллигенция так создана, что она, чем дальше, тем бесцветнее. Она жрет что попало и радуется». Эта характеристика подтверждается поведением интеллигенции перед революцией, когда такие личности, как С.Булгаков, П.Струве, Туган-Барановский, пропагандировали марксизм, упиваясь романтикой социальных потрясений, и только в изгнании изменили свои взгляды, но вновь с либеральным оттенком. Среди тех, кто «одумался» уже за границей, был и видный писатель И.Бунин.

К.Леонтьев был убежден в том, что «пока дисциплинирующие принципы не возьмут верх в нашем государстве, а во всероссийском ядре охранительные и творческие начала не одержат победы над либерально-разрушительными, русскую плачевную интеллигенцию не следует предпочитать иноверцам и инородцам... Имена немецкой аристократии связаны с военным и политическим величием православной России». Леонтьев любил русский народ тем здоровым чувством, которое не прощает серьезных изъянов в национальном характере. Поэтому он судил его по строгим меркам. Одно было для него очевидно: народ, впавший в либерализм, обречен: «Мы,

русские – европейцы в худшем значении этого слова, т.е. медленные разрушители всего исторического у себя и у других... Из самого великорусского племени, бывшего так долго ядром объединения и опорой созидания государства, происходит теперь расстройство... В умах наших царит смута; в чувствах – усталость и растерянность. Воля наша слаба, идеалы слишком неясны... Народ наш пьян, лжив и нечестен, и успел уже привыкнуть к ненужному своеволию и вредным претензиям. Сами мы в большинстве случаев некстати мягки и жалостливы и невпопад сухи и жестоки. Мы не смеем ударить и выпороть мерзавца и даем легально и спокойно десяткам добрых и честных людей умирать в нужде и отчаянии». Написано как будто сегодня!

Хотя Леонтьев не ожидал скорого осуществления мировой миссии русского народа, он знал о заложенных в нем великих возможностях и надеялся с Божьей помощью, следуя предложенным им социальным рецептам, предотвратить катастрофу, к которой шла страна. Для этого следовало, прежде всего, перестать копировать Европу: «Невозможно нам, не губя Россию, идти дальше по пути западного либерализма, которому на экономической почве всегда соответствует бессовестное господство денег». Он призывал не считаться с тем, что думает о нас Европа. Выводы Леонтьева обоснованы всем историческим опытом государства: «Для России нужна крепость организации, крепость духа и дисциплины... Поменьше так называемых «прав», поменьше мнимого блага». Меры, предложенные философом для выздоровления общества, вытекают из особенностей русского характера. И поскольку характер народа не меняется столетиями, эти рецепты могут оказаться важнее наших устоявшихся представлений о «прогрессивных завоеваниях» XX века: «Требуется прочность строя... устойчивость психических навыков у миллионов подданных... Национально-разнородному государству необходима строгая централизация». Леонтьев подчеркивал второстепенное значение формы государственного устройства. Правильную организацию сословных отношений он считал важнее самой монархии. Это допускало возможность национальной диктатуры византийского типа, еще не изведанной Россией.

В интересах национально-политического воспитания нашего народа важно использовать опыт крупного государственного и общественного деятеля императорской России К.П.Победоносцева (1827-1907). Высокообразованный юрист, он с тридцати четырех лет преподавал науки великим князьям, в том числе будущему императору Александру III, но, несмотря

на близость к династии, не стал царедворцем, довольствуясь членством в Государственном Совете. Здесь Победоносцев увидел, как набирают силу временщики в верхах (граф Шувалов, Валуев, семья Бобринских). По его наблюдению, не революционеры и народники, а либеральные министры и сановники сыграли роковую роль в последовавших событиях. Российское самодержавие не смогло противопоставить силу сплоченному клану «государственных либералов», как определил их Победоносцев. Приняв реформы Александра II, он уже через год разочаровался в них, так как они проводились «людьми шатких убеждений и эгоистических наклонностей, оторванных от земли, не имеющих корней в быте общества». 70-е годы стали временем окончательного прозрения. Ближайших советников царя он называл «болтунами, трусами и лакеями». В 1880 г. Победоносцева назначили обер-прокурором Синода – гражданским главой русской православной церкви. Он вступил в борьбу с такими столпами либерального реформаторства, как премьер-министр Лорис-Меликов и министр финансов Абаза, уверившись в том, что реформы подтачивают монолит государства, возбуждают вражду между сословиями, уничтожая традиции, на которых столетиями держалась страна. Это противоречило коренному убеждению Победоносцева: «В народе вся сила государства».

Константин Петрович Победоносцев (1827-1907)

Первого марта 1881 г., после вакханалии покушений на высших чинов России, был убит Александр II, о котором глава Синода говорил: «Нас тянет это роковое царствование падением в какую-то бездну». С этого времени кучка лиц, державшая власть в руках, активизировала противонародную деятельность. После издания составленного обер-прокурором царского манифеста о незыблемости самодержавия и разрыве с политикой Александра II, усилились интриги против Победоносцева, питаемые «невежеством русской интеллигенции и нена-

вистью иностранной интеллигенции ко всякой русской силе». Главная опасность, против которой он боролся, был переход к многопартийному конституционному строю, «более опасному, чем русская революция и безобразная смута. Первую еще можно побороть и водворить порядок в земле; последняя есть для всего организма, разъедающий его постоянной ложью».

Победоносцев предвидел губительную силу бесконтрольной свободы печати. В истории России не было периода, когда бы «свободная» пресса помогала правительству обустроить государство, но всякий раз использовалась для его разложения.

Деятельность Победоносцева оздоровляла общественную атмосферу. Он способствовал роспуску созданной аристократией для отпора бунтовщикам, но подспудно связанной с революционными элементами «Священной Дружины». Глава Синода указывал царю на порок местного самоуправления (земства) – засилье бюрократии, использующей в своих целях ослабление государственной власти и опирающейся на безответственные элементы из простонародья. Он не верил в возможность улучшения общества переделкой его государственных институтов, но – только исправлением человеческих нравов. Так же рассуждал и К.Леонтьев: «Учреждения пусть будут суровы, человек должен быть добр».

Известны суждения Победоносцева, выходящие за пределы его признанного мировоззрения. Западной цивилизации, которую он называл «правовым государством» (!) и «порождением безбожного разума», Победоносцев противопоставил перспективу религиозно освещенного государства и социальный радикализм с идеей правды. Вероятно, лишь почитание монархии не позволило ему сделать вывод о возможности «принудительного общественного состояния», как назвали в XX консервативную революцию. Победоносцев пытался направить Александра III к решительным действиям, однако царю не нравился тотальный критицизм обер-прокурора. Революционеры дважды совершали на него покушение, но Победоносцев, уже потеряв пост главы Синода по требованию хитроумного Витте, без поддержки в верхах продолжал борьбу, используя свое членство в Госсовете. В 1903 г. по его инициативе закрылось Религиозно-философское общество, готовившее интеллектуальных вдохновителей для революционных кадров. «Ныне и власть женская, и головы перевернулись», – заключал он в одном из последних писем царю.

Практическую ценность сохранили статьи Победоносцева в «Московском сборнике» 1897-98 гг. Анализируя европейский парламентаризм, он писал: «Выборы не выражают волю изби-

рателей... Народные представители руководствуются личным произволом или расчетом, сообразуемым с партийной тактикой. Министры самовластны и насилуют парламент. Располагая всеми ресурсами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей за счет народа и не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте... Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении... Все здесь рассчитано на служение своему «я»... И комедия выборов продолжает обманывать человечество».

Этот классический вывод приложим к любому современному государству. Опыт российского парламентаризма небогат, но народ успел в нем разувериться. Русский народ скептически относится к нововведениям, но он податлив к проявлению силы со стороны государства. Этим объясняется добровольное подчинение разрушительной политике президентов СССР и России. Приговор Победоносцева направлен против копирования буржуазных форм управления, не согласующихся с опытом России, когда место сословий, работающих на пользу государства в союзе друг с другом, занимает анонимная власть самых богатых и ловких. Парламентаризм осуждается со знанием дела: «Выборы падают на того, кто нахальнее суется вперед... Этому способствует масса легкомысленных, равнодушных или уговоренных избирателей. Именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею разлагается». При слабости государственной власти дело усложняется многонациональным составом государства: «Каждым племенем овладевает страстное чувство нетерпимости к государственным учреждениям...и желание иметь самостоятельное управление со своей нередко мнимой культурой». При этом принижается государствообразующий русский народ.

В письмах Александру III Победоносцев выделил среди способов обескровливания народа порочное воспитание: «Чтобы спасти и поднять народ необходимо дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала его в простоте мысли, в истинном духе, не отрывая от той среды, где совершается его жизнь и деятельность. Осужденная Победоносцевым система обессмысливала обучение на всех уровнях с помощью избыточных и ложных знаний, без учета потребностей общества, уничтожая национальные корни воспитания, – все то, что культивируется в современной России. Другую беду он видел в пьянстве: «Кабак высасывает из народа все здоровые соки, распространяя повсюду голое нищенство и болезнь».

Разложению подверглись все сословия, начиная с высших слоев. По свидетельству Победоносцева, члены Госсовета, сенаторы, генерал-адъютанты «бесстыдно смешивают личные интересы с государственными, по совместительству руководя акционерными обществами, приобретая себе большой капитал». «Масса иностранных имуществ в России – великое зло, грозящее бедой и в международных отношениях», – предупреждал он. Однако сам царь уже не в силах порвать золотую цепь международного капитала и «предотвратить бессовестную игру каких-то внешних сил... Бог знает, чья хитрая рука направляет, чьи деньги снабжают наших злодеев, людей без разума и совести, одержимых диким инстинктом разрушения, выродков лживой цивилизации, которые эпидемически размножаются».

Все совпадения описываемого Победоносцевым времени и наших дней не случайны. Они свидетельствуют об особом членении русской истории на повторяющиеся периоды, включая «смутное время», когда шатаются устои государства и распадается народный быт. С ослаблением государственной власти общество быстро разлагается, испытывая подавляющее влияние либералов, которым чужды национальные интересы. При этом периоды либерального правления всегда сменяются революционными потрясениями и диктатурой денационализированных кругов.

Критика предреволюционной России велась и с радикально-консервативных позиций. Прообразом консервативного революционера будущего был юрист и филолог Б.В.Никольский, расстрелянный в 1919 г. большевиками активист «Союза русского народа». Убежденный монархист, Никольский обсуждал возможность устранения Романовых. «Россия или династия... На династию нет надежды. Но кто будет диктатором? Где этот человек? Кто его выдвинет и как ему выдвинуться? Из лужи то! Тогда это будет вулкан, вроде 1612 года». «С каким-то ослеплением отверженного Богом человека сверху все последовательнее отталкиваются, оскорбляются и предаются верные и разнуздываются враги. Истребление династии становится неизбежным», - писал Никольский и дела вывод: «Самоуправство и самосуд: вот единственное, что остается сторонникам порядка и закона. Но правительство, которое до этого довело, – преступно, и терпеть его еще преступнее... Быть консерватором нынче – значит быть по крайней мере радикалом, а вернее – революционером». К сожалению, всегда колеблющаяся русская стать не подсказала людям, подобным Б.В.Никольскому выход, который заключался в установлении

суровой национальной диктатуры с помощью императора или без неё.

Русские революции 1917 г. и занятие в XX веке Америкой ведущего положения в империалистическом мире привели к появлению совершенно новых форм консерватизма как внутри страны, так и за рубежом – среди русских эмигрантов. С другой стороны, в европейских государствах развились консервативные силы не просто сочувствовавшие России, но отводящие ей важную роль в планах противостояния мировому либерализму.

Сразу после революции русские патриоты столкнулись с угрозой распада страны на территориальные и национальные анклавы. Началась жестокая борьба между революционными космополитами и национальным крылом большевиков. В результате победы Сталина патриотические силы получили возможность пропагандировать идею централизации государственной власти на всей территории бывшей Империи.

Геополитика, силами европейских ученых приобретшая к этому времени научную форму, давала надежное обоснование необходимости сохранения территории государства в прежнем виде. Основные положения этой науки были изложены профессором Лейпцигского университета Фридрихом Ратцелем (1844-1904) в его главном труде «Политическая география» (1897): пространство само есть политическая сила, упадок государства – результат слабеющего пространственного чувства. Ратцелю принадлежит концепция «мировой державы», сыгравшей важную политическую роль в событиях XX века. Ученый верил, что в будущем доминирующее положение в мире займут крупные государства с территорией не менее пяти миллионов квадратных километров, подобные Северной Америке и Евро-Азиатской России. Характерно, что этот сторонник германской экспансии поместил Россию в ряд держав, обладающих естественным правом на мировое превосходство.

Другой крупнейший геополитик, шведский историк, германофил Рудольф Челлен (1864-1922) первым предложил план «континентального государства», включающего Россию. Он не раз цитировал Достоевского, к которому восходит идея «юных народов», прежде всего – немцев и русских. Не утратили актуальности труды Челлена «Великая держава» (1910) и «Государство как форма жизни». Он считал силу более важным фактором поддержания мощи государства, чем закон, так как сам закон может поддерживаться только силой. «Малые страны из-за своего географического положения обречены на подчинение великим державам», – писал Челлен.

Научная геополитическая мысль России зародилась в XIX веке. Прямое влияние географических факторов на государственное развитие отмечено историком С.М.Соловьевым и изучалось Л.И.Мечниковым. В XX столетии русская геополитическая традиция, как и вся наша культура, раскололась на две ветви. Одна из них развивалась в Советском Союзе, другая – в русском зарубежье.

За границей одним из первых обратился к проблемам геополитики социолог и публицист И.А.Солоневич (1891-1953). «История России есть история преодоления географии России», – писал он, имея в виду «географическую обездоленность страны», т.е. отсутствие у нее океанов и проливов, которые гарантировали бы ей безопасность, как США и Англия. Солоневич считал, что безопасность России может быть обеспечена дисциплинарными ограничениями русского народа, прежде всего – всеобщей воинской повинностью, позволяющей быстро применить силу при появлении геополитической угрозы на любом направлении.

Яркой фигурой эмиграции был религиозный философ и политический писатель И.А.Ильин (1882-1954), всегда стойко противостоявший радикализму и либеральным влияниям. Общественная деятельность и творчество Ильина достигли пика после высылки из России в 1922 г. Особенностью Ильина было отвращение к политическим партиям и растрачиванию национальной энергии на партийные распри. «Партия есть союз граждан, сорганизовавшихся для того, чтобы захватить государственную власть в свои руки. К этому стремятся все партии – демократические и недемократические... Создавая схему для политической вражды, партии усиливают государственные раздоры и в сущности готовят гражданскую войну», – писал Ильин. С таким же постоянством он осуждал федеративную систему государственного устройства, не пригодную для стран с большой территорией и многочисленным многонациональным населением: «Крупные и сложные державные задачи успешно может решать лишь унитарное государство, а в самые ответственные периоды – национальная диктатура; требование же федерации равносильно началу федеративного расчленения». Территориальное разрушение России, считал Ильин, создаст в мире вечный очаг гражданских и международных войн. Эта опасность постоянно присутствует, так как «мир изобилует русофобами, врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех... Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри...не

способная ни оздоровить свои финансы, ни построить необходимый флот...Россия с убывающим народонаселением».

В пророческом труде Ильина «Наши задачи» (215 бюллетеней Русского Общевоинского Союза, 1948-54 гг.) описана трагедия будущего разрушения СССР, детально совпавшая с реальными событиями. «Когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: «Народы бывшей России, расчленяйтесь!» – то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои цепкие руки бразды правления, погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все сепаратистские движения в стране: или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется хаос передвижений, отмщений, погромов, безработицы, голода, холода и безвластия. Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим или вероисповедным врагам». А вот будущее, которое предстоит пережить народу, если он не покончит с режимом национального предательства: «Медленно, десятилетиями будут слагаться отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с соседним длительную борьбу за территорию и население, что будет равносильно войнам в пределах России... Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или протекторатами...о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение заставит их предпочесть иноземное рабство всерусскому объединению».

Правота Ильина подтверждается. Поразительно безразличие народа к судьбе своей страны, привычное антинациональное поведение российской интеллигенции, с дикарским восторгом принимающей любую иностранную подачку или подсказку, обменивая ее на все, что составляет самостоятельную ценность и силу русской державы. Утрата национальной чести и инстинкта самосохранения – прямой предвестник исторической гибели народа, не способного твердо взять в руки ни плуг, ни меч.

Острая мысль Ильина выходит за пределы наших дней. Как геополитический прогноз звучат его слова: «Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново. Она, как великий организм, снова примется собирать свои члены, продвигаться по рекам и морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану». Твердый ориентир для восстановления государственной силы дает утверждение Ильина: «Россия есть организм природы и духа». Здесь указано на

глубокое соответствие национального характера и огромных пространств России, которое должно быть восстановлено, несмотря на все препятствия и трагический ход истории.

Философ, занятый тяжелыми раздумьями о грядущем распаде государства, вторгается в широкий круг геополитических проблем: «Этот простор не может жить одними верховьями рек, не владея их выходящими к морю низовьями... Хозяйственная мысль суши всегда задыхается без моря...(!). Нациям, которые хотят загородить выход России к морям, надлежит помнить, что здесь дело идет о том, чтобы верно увидеть проблему континентального размера (!) и не становиться поперек дороги мировому развитию. Неумно и недальновидно вызывать Россию на новую борьбу за двери ее собственного дома, ибо борьба эта начнется неизбежно и будет сурово-беспощадна». Совершенно в духе классической геополитики Ильин пишет: «Народоправство требует от народа государственно-политического кругозора, соответствующего размерам страны и державным задачам этого народа. Малому, ниоткуда не угрожаемому народу достаточно уездного политического горизонта,...но американский «изоляционист» есть близорукая деревенщина, а русский калужанин, отвергающий борьбу за морские берега на том основании, что «нам, калуцким, моря не надо, не способен к народоправству. Народ, не понимающий своих исторических задач, погубит себя и свою культуру».

Упоминание Америки здесь вряд ли случайно. Второй полюс противостояния также возникает у Ильина в сходном контексте: «Европа есть небольшой полуостров великого азиатского материка».

Мысль о России как об особом мире с собственными историческими задачами объединила группу русских ученых-эмигрантов, назвавшихся «евразийцами». Среди них геополитические идеи выдвигал П.Н.Савицкий (1895-1968), возглавивший вместе с князем Н.С.Трубецким (ум.1938) евразийское движение. Мировоззрение Савицкого сложилось под влиянием Н.Данилевского и особенно – К.Леонтьева, обосновавшего самостоятельное значение русской нации. Одна из главных идей Савицкого: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай называться «срединной империей». Она – самостоятельный мир – «Евразия». Россию Савицкий понимал как особый тип цивилизации, сложившийся на основе нескольких составляющих: арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. Это – синтез мировой истории. Особая сторона учения Савицкого – принцип «идеократии». Он назвал так все формы недемократического, нелиберального

устройства, основанные на нематериалистических, некоммерческих мотивах. В представлении Савицкого идеократия может воплотиться и в религиозной соборности, и в народной монархии, и в национальной диктатуре. Допускалось партийное государство советского типа. В этой новой форме государственного устройства «евразийцы» – бывшие либералы, сотрудника «Русской мысли» и других демократических изданий, искали то, чего не нашли в имперской России. Близкие к «евразийцам» – Г.В.Вернадский, Л.П.Карсавин, Г.Ф.Флоровский разделяли главную геополитическую идею противостояния «моря» и «суши». «Море» представляют «либеральная демократия», «торговый строй»; «сушу» – идеократия, иерархическое правление, преобладание религиозного идеала.

В СССР единственным ученым, создавшим целостную глобальную концепцию геополитики, был профессор ЛГУ в 20-30-е годы П.П.Семенов-Тян-Шанский. Он исходил из представлений зарубежных (Ратцель, Э.Реклю и др.) и русских (А.И.Войеков, В.И.Ламанский) ученых о связях государственных образований и культурных процессов человечества с природным своеобразием и историческими особенностями освоения пространства. Практическое значение трудов П.Семенова-Тян-Шанского, не имевшего прямых последователей в СССР, заключалась в том, что советская геополитическая реальность (например, освоение азиатской части Советского Союза) в главных чертах складывалась по его проекту – путем целенаправленного, исходящего из имперских интересов создания в обозначенных им пределов «колонизационных баз будущего» (Уральской, Туркестанской, Алтайской, Прибалтийской). Такая политика была закономерным продолжением усилий Царской России, создавшей путем добровольного объединения многочисленных этносов единую континентальную империю. Это подтверждает известную геополитическую идею о возможности расширения пространства больших держав без войн и территориальных захватов.

Обстановка между двумя мировыми войнами дала мощный толчок развитию геополитической мысли. Значение для будущего приобрели работы видного немецкого юриста Карла Шмитта (1888-1985). Его теория «Большого пространства» рассматривала процесс развития государства как стремление к приобретению наибольшего территориального объема. В отличие от пангерманистской модели нацистов и от советского интернационализма «Большое пространство» Шмитта основано на культурном и этническом равноправии и широкой автономией, ограниченной лишь стратегическим централизмом и

общей лояльностью к высшей властной инстанции. При этом Шмитт считал такое «тотальное государство» совершенным государством традиционного типа.

Самый существенный вклад в обоснование континенталистских идей внес знаменитый немецкий ученый Карл Хаусхофер (1869-1946), автор более четырехсот работ. Его длительная дипломатическая служба в дипломатическом и военном ведомствах Германии (он имел чин генерал-майора) включила период научной деятельности при нацистах, когда Хаусхофер возглавлял Институт геополитики. Это было причиной долгой обструкции самого ученого и геополитики как науки, хотя Институт создан в 1925 г. специально для Хаусхофера. Лишь четверть века после войны ученый мир признал заслуги этого мыслителя, который еще в начале 20-х годов утверждал, что возрождение крупного государства после политической катастрофы возможно, только если «люди с улицы научатся геополитически мыслить, а вожди геополитически действовать. Можно считать закономерным, то, что суть доктрины Хаусхофера и его последователей (А.Грабовски, Вовинкель, Обст, Маулль) заключалась в создании континентального блока Берлин-Москва-Токио. Это был единственный полноценный ответ на стратегию США и Англии, не скрывавших большой опасности для себя от оформления Евро-Азиатского Союза. В статье»Континентальный блок» Хаусхофер писал: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские – всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году. Это – аксиома европейской политики».

Мысль об «ориентации на Восток» проводилась Хаусхофером в разнообразных вариантах; при этом Германия рассматривались как западное продолжение Евразии. Не случайно англичане во время второй мировой войны уничижительно называли немцев «гуннами». Следует иметь в виду, что «открытость к востоку» у Хаусхофера не означала оккупации славянских земель, поскольку речь шла о совместных усилиях Германии и России по установлению «Нового Евразийского порядка» и выведению континента из-под контроля «морской силы», возглавляемой США.

На практике эта тенденция, имевшая сторонников в верхах Рейха, столкнулась с узко-расистским подходом Гитлера, замкнувшегося на этнической близости англичан и немцев и мнимой неполноценности славян, а также на ненависти к евреям как «родоначальникам» коммунизма. Трагический исход борьбы в тот период был вызван победой именно этой ущер-

бной линии. Сам Хаусхофер на протяжении 20-30-х годов не уставал призывать Японию к сближению с Китаем и Советским Союзом, выступая одновременно за укрепление советско-германской дружбы. Не случайно известный советский разведчик Рихард Зорге сотрудничал с журналом Хаусхофера «Zaitschrift fur Geopolitik». Нелишне заметить, что единомышленник и сын Карла Хаусхофера Альберт, также видный геополитик, был казнен в 1945 г. за причастность к заговору против Гитлера.

Ведущие немецкие консерваторы (Ван ден Брук, Заломон, Юнгер, А.Мёллер) обсуждая будущее Европы еще в первой половине XX века, отводили особую роль России. Группа левонациональных политиков (Г.Лауфенберг, Эрнст Никиш) понимали относительную «срединность» Германии и абсолютную континентальную и культурную «срединность» русских. Отсюда они делали вывод о том, что Германия должна выбирать между юго-западной, славянофобской, католической, германо-австрийской ориентацией и северо-восточной, германо-славянской, социалистической и русофильской позицией Пруссии. Сам министр пропаганды Третьего Рейха Й.Геббельс перед войной разделял сочувственное отношение к Советской России, наблюдая процесс очищения политических структур СССР от космополитических элементов. В результате победы антикоммунистической, русофобской линии Гитлера Германия надолго утратила свою национальную независимость и военную мощь из-за кошмарного поражения, нанесенного ей именно теми силами, «вечный союз» с которыми только и мог обеспечить немцам соучастие в мировом господстве «суши».

СССР также не смог в одиночку использовать свою победу в полную силу, и через полстолетия был обескровлен «силами моря» и их агентурой внутри страны.

Послевоенное поколение советских исследователей, использовавших геополитические идеи в своих трудах, представлено учеником и товарищем Савицкого Л.Н.Гумилевым (1919-92), крупным этнографом, доктором исторических и географических наук. Гумилев специально не занимался геополитикой, но его самостоятельная, глубоко разработанная теория происхождения этносов и циклов их существования рельефно дополняет геополитические построения основателей этой науки. Согласно периодизации Гумилева, постепенное накопление государством «пассионарности» (жизненной энергии) сменяется бурной фазой роста и растраты энергии в коренных внутренних преобразованиях, в достижениях культуры, в революциях и войнах. Завершающий период государственной жизни народа – упадок проявляется в мемориальной фазе. Ученый

подтвердил свои выводы огромным количеством исторического материала, охватывающего тысячелетние периоды и гигантские территории расселения евроазиатских народов.

Эти выводы приобрели особое значение для русского народа, впавшего в обессиленное состояние. Если пропустить критическую точку, то никакие геополитические союзы и континентальные объединения не спасут народ от окончательного краха. Процветающие государства не нуждаются в поддержке слабых. «Справедливость всегда была предметом споров. Сила неоспорима. Вот почему люди не могли сделать справедливое сильным и сделали сильное справедливым», – утверждал Паскаль еще в XVIII веке.

С конца XIX века Противостоящая континенталистам группа геополитиков пропагандировала право на мировое доминирование «морской силы» (американский адмирал А.Мэхэн, 1840-1914), или «мирового океана» (британский ученый Х.Маккиндер, 1861-1947). Это, разумеется, не снижает ценности для России самостоятельных геополитических построений. Геополитика, как всякая наука, не дает преимущества кому-либо, но предоставляет борющимся мировым силам равные возможности использовать ее положения в своих целях.

Единство геополитических интересов Европы как «теллурократической» силы («власть суши») в ее противоборстве с «талассократией» («морская цивилизация»), представленной англосаксонскими странами, на уровне политического руководства впервые ощутил Шарль де Голль, и он же сделал первые шаги для воплощения этой идеологии. В 1963 г. французский президент вывел свою страну из Североатлантического Союза, оживил франко-германское сотрудничество и связи с СССР. Его знаменитый тезис «Европа от Атлантики до Урала» стал прообразом будущих масштабных проектов в этом направлении. Параллельно узкие группы в европейских странах, связанные с националистическими партиями и движениями, развивали идеи континентализма в духе школы Карла Хаусхофера.

В дальнейшем ведущие геополитики Европы все решительнее вводили в планы единого континентального пространства Россию – даже в качестве центрального ядра.

Впечатляющий план создания евроазиатской империи выдвинул в 60-е годы бельгийский ученый Жан Тириар (ум. в 1992), возглавивший общеевропейское радикальное движение «Юная Европа» и называвший себя «национал-большевиком». В отличие от «новых правых» Тириар считал, что единая Империя, противостоящая США, должна быть не федеральной, а предельно унифицированной, централистской, т.е. стать

единым континентальным государством-нацией. В конце 70-х годов, обсуждая реальную возможность объединения, он пришел к выводу, что для Европы лучше выбрать советский социализм, чем англосаксонский капитализм. Так появился проект «Евро-Советской Империи от Владивостока до Дублина». Тириар пророчески описал причины и логику грядущего краха СССР, если он не предпримет в ближайшее время активных геополитических шагов в Европе и на Юге. В 60-х годах Тириар встречался с Чжоу Эньлаем, Насером и с югославским руководством, но советские лидеры не пошли на контакты, отвергнув его предложение об организации в Европе «подпольных отрядов европейского освобождения» для террористической борьбы с «агентами атлантизма». Идеи Жана Тириара предвосхитили более изощренные и развитые проекты других европейских консерваторов. Они, в частности, лежат в основе активизирующегося «Фронта национального освобождения» (европейские национал-большевики).

Австрийский генерал Йордис фон Лохаузен в книге «Мужество властвовать, Мыслить континентами» выделяет необходимость видеть политические и социальные процессы в масштабе тысячелетий, предлагая формулу власти: «Могущество = Сила + Местоположение». Лохаузен отделяет судьбу Европы от судьбы Запада. Для политического освобождения Европы, подпавшей под временный контроль талассократии, он считает неизбежным стратегический союз с Россией, без которого Европа остается уязвимой для Америки, имеющей выигрышное местоположение. Понимание самобытности России проявилось в игнорировании Лохаузеном идеологических вопросов. Он рассматривает политику Руси боярской, России царской и Советского Союза как единый непрерывный процесс. Сознавая трагическую сторону распада СССР, Лохаузен видит благоприятные предпосылки для создания в будущем евразийской империи в связи с ликвидацией барьера в виде марксистской идеологии.

Французский писатель Жан Парвулеско изложил романтическую версию геополитики. Впервые геополитические темы в литературе возникли в романе Дж.Оруэлла «1984» (1949), описавшего разделение планеты на три огромных – континентальных блока – «Остазию», «Евразию» и «Океанию». Подобные темы встречались у А.Кёстлера, О.Хаксли, Раймона Абеллио. В книге «Galaxie GRU» (1991) Парвулеско изображает многовековую борьбу «ордена атлантистов» с «орденом евразийцев», завершившуюся трагическим столкновением «Евразийской Империи Конца» с «Империей Атлантиды». Тексты Парвулес-

ко, включая статьи 70-х годов, поразительно точно описывают ситуацию в мире, сложившуюся к середине 90-х годов. Сторонники мистицизма могли бы приписать эти прозрения оккультным увлечениям автора. Но подобная точность предвидения характерна и для других «новых правых» (Тириар, Лохаузен), мыслящих вполне рационально.

Издатель престижных журналов «Ориентасьон» и «Вулуар» Робер Стойкерс связывает исход борьбы с атлантизмом не только с европейским союзом, но также с участие в ней стран «третьего мира», особенно арабских.

Радикальную позицию занял активный автор миланского журнала «Орион» доктор Карло Террачано. Он верит, что будущее Европы зависит от судьбы России и Евразии, подчеркивая важную роль в борьбе с атлантизмом исламского мира, в первую очередь антиамериканских режимов – иранского, ливийского и т.п. Террачано убежден: Россия и исламский мир должны объединиться против США. Европе он отводит второстепенную роль, видя в ней территориальный плацдарм русско-исламского антимондиалистского блока. Сходной позиции придерживаются итальянские интеллектуалы: Клаудио Мути, М.Мурелли, А.Колла, М.Баттара, а также некоторые левые, социал-демократические, коммунистические и анархические круги (газета «Уманита», журнал «Нуови ангулациони» и др.).

Здесь уместно изложить позиции главных теоретиков атлантизма и мондиалистских организаций, включая атлантистов постсоветского периода, опирающихся на геополитические идеи Мэхэна, Маккиндера, Спикмэна. Среди них видное место занимает американский политолог Сэмюэль Хантингтон, изложивший свою концепцию в статье «Столкновение цивилизаций». Республиканец Хантингтон считает временной геополитическую победу атлантизма в результате распада СССР. Он убежден, что коммунистической идеологией не исчерпывается глубина противостояния двух цивилизаций, и скоро у незападных народов появятся иные основания продолжать борьбу, коренящиеся в исторических особенностях таких культур, как славяно-православная, китайская, японская, исламская и некоторые другие. Поскольку автоматического равнения на ценности атлантической цивилизации не произойдет, предстоят глобальные сражения между Западом и всем остальным миром. Речь идет о семи-восьми крупных цивилизациях, обладающих достаточной волей, стремлением к ресурсам, чтобы придать миру незападный облик благодаря росту национального самосознания, религиозному радикализму и т.д.

Главную угрозу атлантизму Хантингтон видит не в возрождении России, а в безграничном усилении Китая и исламских

государств. Поэтому, не ограничиваясь традиционным разделением «моря» и «суши», он представляет будущее атлантической цивилизации в укреплении единства США и Европы, а также в присоединении к этому союзу других обществ, чьи культуры близки западной. Россию и Японию следует нейтрализовать, установив с ними более тесные отношения. К сожалению, идея лишить нашу страну самостоятельной геополитической позиции находит отклик в правящем коллаборационистском слое демократической России.

Агрессивный натиск чужеродных классическим цивилизациям сил имеет целью сокрушить исторически сложившиеся традиции европейского и азиатского миров и навязать народам холодные, безжизненные космополитические ценности. Существует радикальный геополитический план, именуемый «мондиализмом» или «новым мировым порядком». Он разрабатывался американцами, начиная с 70-х годов. Публично заявил о нем президент Буш-старший в 1991 г., во время войны в Персидском заливе. Мондиализм доказывает неизбежность перехода от множественности государств, народов и культур к всеобщему планетарному объединению. Версии этих планов существовали еще в XVIII-XIX веках, например, у социолога Огюста Конта, Лессинга и английского колонизатора Сесиля Родса. Последний организовал группу крупных бизнесменов из разных стран, которые обязались содействовать созданию мирового правительства. В конце XIX и весь XX век мондиалистские организации существовали под разными названиями и часто носили секретный характер, причем коммунисты соседствовали в них с «финансовыми акулами». Лига Наций и ООН порождены этими кругами, связанными утопической верой в объединение планеты.

Со временем сложились три основные мондиалистские организации. Первая из них – «Совет по международным отношениям» (СМО) создан американским банкиром Морганом еще в 1921 г. как филиал «Фонда Карнеги за вселенский мир». Состоявшие в нем высокопоставленные политики одновременно представляли масонство шотландского обряда. В 1954 г. создана другая мондиалистская структура – «Бильдербергский клуб», объединивший не только американских политиков и деятелей культуры, но и их европейских коллег. Ее американская часть состояла исключительно из членов СМО.

В 1973 г. активисты «Бильдербергского клуба» создали важнейшее мондиалистское объединение – «Трехстороннюю экономическую комиссию» («Trilateral»). Она возглавляется американцами, входящими в состав двух первых структур. Ве-

дущие лица «Бильдербергов» и «Трилатераля» – владельцы банка «Чейз Манхэтэн» Рокфеллеры и геополитические стратеги Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер – оба ярые противники русской нации.

После распада СССР новую версию мондиализма предложил один из идеологов демократической партии США Фрэнсис Фукуяма. В статье «Конец истории», опубликованной в начале 90-х годов, он заявил о совершающемся переходе человечества от темной эпохи «закона силы», «мракобесия» и нерационального хозяйствования к наиболее разумному строю – капиталистической рыночной экономики и либерально-демократической идеологии. Легковесная доктрина Фукуямы вряд ли реализуема, но за ней стоят огромные деньги и решимость любой ценой создать «новый мировой порядок».

Существуют более детальные версии мондиализма, исходящие из европейских кругов, противостоящих «новым правым». Миланский профессор Карло Санторо оспаривает оптимистические представления Фукуямы о Международных институтах ООН, как ядре будущего «Мирового правительства». Санторо излагает свои сценарии возможных катастроф, начиная от войн средней и малой интенсивности, и кончая угрозой всеобщего хаоса, что подтолкнет различные блоки к созданию планетарного государства под эгидой Мирового правительства.

Среди европейских политиков есть откровенные проповедники мессианской эры в иудейско-каббалистическом духе, например, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали. В книгах «Он придет» и «Линии горизонта» Аттали предвещает наступление «Третьей эры» – эпохи денег, будто бы являющихся эквивалентом всех ценностей. Извращенная мысль этого политика упирается в вариант будущего, которое «уже наступило». Игнорируя историю и традиции народов, Аттали и его единомышленники (Ф.Рериг, Бродель) сводят процесс мирового развития к концентрации финансовых бирж, информационных центров и крупных производств, вводя для его обозначения термин «геоэкономика» – (новая маскировка полярных стратегических различий «суши» и «моря»). На этой основе Аттали прогнозирует объединение Американского пространства, Европейского пространства и Тихоокеанского региона. Не случайно в его схеме отсутствует Россия, которой отводится роль гигантского рудника, заполненного механической рабочей силой. Среди практических политиков, навязывающих подобные взгляды, – ряд лиц еврейского происхождения, занимающих видные посты в администрации

Буша-младшего: Пол Вулфовиц, Ричард Перл, Абрам Шульский, Дуглас Фейт. Все они настаивают на создании санитарного кордона вокруг нашей страны. Не случайно подобные проекты возникают на основе идей, генерируемых ведущими мондиалистскими центрами.

Сможет ли противостоять такому напору русская геополитическая мысль, едва пульсирующая, чуть живая, игнорируемая руководящими кругами государства? Лишенные государственной и общественной поддержки, немногочисленные группы русских патриотов распределились между мелкими радикальными организациями. Часть из них в поисках подходящей идеологии обращается в левые партии. Но что могут предложить русскому патриоту интернациональная компартия, просоветские национал-большевики, или идейно блуждающая «Родина»? Ряд мужественных патриотов, оболганных властью, (полковник Квачков, Б.Миронов) действует на свой риск в безлюдном вакууме (заточение, бегство).

Первое поколение российских «евразийцев» во главе с А.Дугиным за несколько лет переродилось в заправских интернационалистов и защитников русофобского режима.

Позиция редактора газеты «Завтра» А.Проханова идейно разнородна до бессмыслицы и с креном в левую идеологию. Его романтический пессимизм и скорбь о безвозвратно ушедшей «красной империи» говорят об отрыве от реальности. О том, к каким выводам приводит превозношение исчезнувшего советского строя, свидетельствует эволюция взглядов писателя и ученого Александра Зиновьева. В одной из публикаций в «Литературной газете» он подверг уничтожающей критике исторические достижения русского народа. Православие, великодержавность, монархия названы им «чертами социальной организации, против которых шла вековая борьба лучших представителей народа». Удивительным для логика образом, Зиновьев совмещает эту критику с похвалами мощной государственной системе, созданной Сталиным, избавившим страну от этих «представителей народа». Можно признать справедливость его характеристики сложившегося человеческого типа: «низкий уровень самоорганизации и национальной солидарности, покорность перед властями, низкопоклонство перед Западом». Зиновьев, однако, не говорит о том, что национальный нигилизм и пассивное поведение поощряла и прививала русскому народу плодившаяся как чума либеральная интеллигенция – застрельщик всякого разложения, а вслед за ней – поколения революционеров, включая интернациональных марксистов, к которым писатель, вероятно, относит и себя.

В стане патриотов также нет единомыслия о будущем России. «Христиане» спорят с «язычниками». Но подобно тому, как западноевропейцы упорно вынашивают идеал «Священной Империи», опираясь на свой исторический опыт, Россия должна равняться на время собственного величия – православной самодержавной монархии. Задача подвести под одну черту разнообразные идеологические воззрения бессмысленна и невыполнима. Объединение никогда не достигается примирением противоречий, но только героическими действиями Вождя нации. Коллективные усилия бесплодны, особенно когда речь идет о русском коллективе, как правило, состоящем из отменных индивидуалистов, не говоря о межпартийных дискуссиях – этой пародии на добывание истины.

Как указывалось выше, советская внешняя политика в целом следовала классическому евразийскому курсу. В этой связи современный исследователь Ю.В.Тихонравов предполагает существование внутри советского строя «какой-то неизвестной организации», адаптирующей идеи Савицкого и Л.Карсавина (открыто сотрудничавшего с СССР), к политическим реальностям, облекая их в официальную лексику (наподобие 13-го отдела КГБ, описанного в неповторимом историко-романическом стиле писателем-эмигрантом Г.Климовым). А.Дугин также допускал возможность работы секретного отдела советского ГРУ, игравшего роль центра геополитических решений. Как бы то ни было, вплоть до «перестройки» советское руководство не допускало крупных просчетов в этой сфере. Например, так называемая «доктрина Брежнева», препятствовала формированию в соседних странах прозападных режимов (вторжение в Чехословакию и Афганистан было в тех условиях политически обоснованным). Рациональное геополитическое мышление стояло даже за такими акциями, как проникновение в Африку и дестабилизирующие действия в Латинской Америке (в противовес не менее агрессивной американской «доктрине Монро»).

Ситуация резко изменилась с началом перестройки. Мондиалистские центры сразу послали своих представителей в Москву. Горбачев имел личные встречи с руководителями «Трехсторонней комиссии» и Г.Киссинджером и сознательно проводил мондиалистскую политику на основе фантастической теории конвергенции (сближение и слияние государств с различными социально-политическими системами). Ключевой фигурой здесь был директор НИИ системных исследований Д.М.Гвишиани (в 1968-85 – зампред Госкомитета по науке и технике; в следующие два года – зампред Госплана СССР. В этом же направлении вел «исследования» и предлагал их со-

ветскому, а затем российскому руководству Институт США и Канады во главе с Г.А.Арбатовым.

Прямо заявлял о неизбежности «мирового правительства» активист «Фонда Горбачева» профессор Г.Х.Шахназаров. Регулярно созываемый этим Фондом «Всемирный форум» координирует свои действия с тремя главными мондиалистскими структурами. Остается добавить, что по данным историка О.Платонова, в число так называемых «консультантов» СМО, «Бильдербергов» и «Трилатераля» входят, помимо Горбачева и Ельцина, известные политики: Е.Примаков, С.Кириенко, Немцов, Чубайс, Явлинский, Гайдар, Березовский, Бурбулис, Уринсон, Ясин, Лифшиц, американофил А.Козырев.

После распада СССР мондиалистское влияние в России значительно возросло благодаря действиям влиятельного либерального клана. Видный функционер «нового мирового порядка» Ж.Аттали имел прямые контакты с Ельциным. Первого президента России посвятили в рыцари Мальтийского Ордена, входящего в систему мондиализма, как и все масонские структуры. К началу XX века во многих крупных городах России (Москва, Санкт-Петрбург, Архангельск, Воронеж, Новосибирск, Владивосток и др.) открылись организации и клубы масонов. Не обойдены вниманием города меньшего размера со значительным научным или культурным потенциалом. Так, Обнинск, «атомный» наукоград в Калужской области с населением около 80 тысяч, уже в середине 90-х годов обрел солидную масонскую репутацию.

До настоящего времени круги, близкие к высшему руководству России, поддерживают отношения с масонскими Орденами различного толка. «Независимая газета» (5 мая 2001 г.) привела слова руководителя масонских лож Германии А.Коска о том, что «представители российского правительства и администрации президента выражают поддержку совместным усилиям масонов разных стран... и готовы к контактам с ними». Та же газета 8 декабря 2001 г. писала о внедрении международной ложи «Ротари клуб» в среду губернаторов и видных промышленников (члены ложи – губернаторы Москвы и Ярославля: Лужков, Лисицын, бывший губернатор Санкт-Петербурга Яковлев). Журнал «Деньги» (№49 за 2001 г.) устами президента Международной академии по проблемам национальной безопасности и рыцаря Мальтийского Ордена В.Спектора сообщила о проникновении Ордена в высшие органы власти, в том числе в окружение президента Путина. Понятно, что геополитические позиции всех перечисленных объединений и относящихся к ним лиц не могут различаться существенно.

Влияние прозападных сил внутри страны, несомненно, отражается в политике российского президента. Эту линию проводит ряд организаций промасонского типа. Среди них выделяется Совет по внешней и оборонной политике (СВОП). Являясь организацией закрытого типа, Совет объединяет около полутора сотен представителей различных политических и общественных структур, избираемых пожизненно – влиятельных политиков и бизнесменов, дипломатов и сотрудников силовых органов, руководителей СМИ и «экспертов». Среди основателей СВОП: бывшие заместители Госкомитета РСФСР по обороне и безопасности – генерал А.Цалко и военный экономист В.Шлыков; глава Аналитического управления КГБ СССР, теоретик-реформатор деятельности спецслужб Владимир Рубанов и зам директора Института Европы АН СССР Сергей Караганов – бессменный президент Совета.

Обработкой будущих дипломатов в духе противоречащих российским интересам «общечеловеческих ценностей» занят сверхпрестижный ВУЗ – МГИМО МИД РФ. Специалисты отмечают высокий уровень проникновения иностранных стажеров во все поры этого института. Когда в 2001 г. в США сбежал начальник секретариата министра иностранных дел, обладатель секретной информации особой важности, не последовало ни наказаний, ни отставок. Властные круги замолчали эту историю. Сегодня российскую внешнеполитическую моду определяет московское отделение Фонда Карнеги – общеизвестная крыша для западных спецслужб, куда доморощенные «политологи» регулярно бегают за подачками. Не случайно патриотов-профессионалов выталкивают из МИДа, Министерства обороны, других министерств и ведомств, а на их место ставят выпускников МГИМО и подобных элитных ВУЗов. Интенсивной обработке подвергаются многие депутаты Государственной Думы во время поездок в США.

Внешнеполитические действия президента России в целом укладываются в русло этих влияний. Его властными действиями ликвидированы базы на Кубе и во Вьетнаме, в Грузии и Приднестровье. Он продавил размещение американских баз в Закавказье и Средней Азии. В августе 2002 г. американский журнал «Бизнес Уик» писал: «Просвещенные люди считают, что Путин намерен твердо придерживаться взятого в прошлом году смелого курса на сотрудничество с Западом, венцом которого является новое стратегическое сотрудничество с США». Корреспондент утверждал, что, преодолевая сопротивления этому курсу, президент РФ прибег к неофициальным контактам с западными деятелями с помощью таких фигур, как предсе-

датель комитета по международным делам Совета Федерации М.Маркелов. Пресловутые «встречи без галстуков» – один из способов вершить дела закрытым, для «непросвещенных», образом.

Лидер Военно-державного союза генерал-полковник Леонид Ивашов указывает на зависимость от Запада правящей элиты России (администрация президента, правительство), поскольку их личные и групповые интересы связаны с оффшорными зонами, с западными чиновниками, банкирами, бизнесменами, представителями спецслужб. Президент и министр обороны С.Иванов признают Запад своим союзником и стараются с его помощью решить проблему безопасности России. В.Путин называет своей главной стратегической целью интеграцию страны в мировую глобальную систему, отнимающую у России роль самостоятельной мировой державы. Параллельно идет сдача геополитических позиций, достигнутых в предвоенные годы и после мировой войны. На братиславской встрече с Бушем весной 2005 г. президент Путин признал аннексию Прибалтики Советским Союзом.

Однако США и НАТО на официальном уровне рассматривают Россию как главного геополитического соперника и потенциального противника. Профессор И.Я.Фроянов, анализируя в конце 2002 г. «Хьюстонский проект» американских политиков, выделил его главные цели: отторжение от России Кавказа, Калининградской области, Сибири и Дальнего Востока. В этом же году на заседании «Бильдербергского клуба» в Англии обсуждался план расчленения России с разделением на сферы влияния. Центр и Сибирь «отходят» к США, Северо-запад – Германии, Юг и Поволжье – Турции, Дальний Восток – Японии. Тогда же З.Бжезинский на закрытом заседании Американо-украинского совещательного комитета сказал: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России... Россия будет раздробленной и под опекой». Этот яростный русофоб выдвигает все новые идеи и планы. В книге «Выбор: господство или лидерство?» Бжезинский утверждает, что в близком будущем Россия не сможет удержать Сибирь и Дальний Восток без военной поддержки Запада. Дело не ограничивается теоретизированием.

Выступая в конгрессе США в феврале 2004 г., директор ЦРУ выделил Россию, Китай и Корею как главные сферы приложения американских усилий. Мозговые центры Пентагона, Госдепа и ЦРУ («Рэнд корпорейшн» и др.) по заказам официальных структур предлагают схемы действия ВВС по территории России, вопросы ее расчленения, изоляции и т.п. Эти

разработки закладываются в доктринальные документы, в том числе – в военную доктрину Америки. Опережая застывшую мысль российских стратегов, Военно-державный союз отрабатывает способы ведения партизанской борьбы (!) против войск НАТО в России.

Министр обороны С.Иванов, напротив, усердствует в доказательствах верности НАТО. Во время визитов в США и Англию в 2004 г. он согласовал резкое увеличение числа совместных маневров вооруженных сил РФ и блока, что приведет к почти постоянному присутствию иностранных военных контингентов в нашей стране. Обсуждался статус экстерриториальности для войск НАТО, свободный транзит любого оборудования и войск блока через Россию в «третьи страны». Выступая в Лондоне, Иванов заверял в верности НАТО и предложил другую аббревиатуру для блока: «Новая антитеррористическая организация», а также сообщил о готовности к совместным учениям по защите ядерных объектов. Российские инициативы в этом вопросе представляют особую угрозу для страны с учетом тайно ведущихся переговоров о присутствии постоянных наблюдателей вблизи наших ядерных баз.

Таким образом, США готовятся взять под контроль ключевые точки деградирующей России, организовав вокруг нее санитарный кордон. Последует окончательно разрушение СНГ, вывоз сырья и финансовых средств, срыв военного строительства в России. Об этом говорит серия реформ, планируемых и уже идущих в военной сфере, а также неуклонная деградация оборонно-промышленного комплекса. Для государства, претендующего на собственную роль в геополитике, необходимое условие – развитая военная промышленность, способная производить все виды вооружений и военной техники. Иначе армия будет зависеть от поставок всего этого из-за рубежа. Между тем, в России свертывается и сокращается продукция ОПК, прежде всего, высокотехнологической части. Вдобавок ко всему идет выведение мощностей из мобилизационных резервов. Для ведения полномасштабной войны с серьезным противником у России сегодня не хватит даже патронов, и нет гарантии поставок необходимого количества хлопка из Средней Азии, ставшей объектом стратегических манипуляций в мировом масштабе

Вопреки опыту, проверенному и в военное, и в мирное время, Генштаб российских вооруженных сил изъят из ведения министерства обороны и подчинен непосредственно президенту. Это заведомо снижает оперативность армии при возникновении конфликтов и войн, вероятность которых весьма

велика. «Агенты влияния» внутри военно-политических структур стремятся подчинить Генштаб Федеральной Службе Безопасности, имеющей иные задачи и цели, и, в конечном счете, слить со Службой внешней разведки – органом, не имеющим отношения к планированию военных операций. Лишь действиями враждебных сил объяснима происходящая коммерциализация некоторых силовых структур. С этим связан одобренный высшими политическими кругами США проект госсекретаря Кондолизы Райс о «прямом взаимодействии» с российскими силовиками. Ставка делается на формирование высокооплачиваемых подразделений в рамках МВД, ФСБ и особенно армии, по опыту, использованному США в Латинской Америке и шахском Иране.

Подрыв безопасности страны происходит путем целенаправленной политики демобилизации народов России, окруженной потенциальными врагами, претендующими на мировое или региональное господство вблизи наших границ. Русскому народу внушается преступный в этих условиях пацифизм. Одновременно раздувается угроза «международного терроризма», несоразмерная ее значению.

Все эти угрожающие процессы, сводимые к тотальному наступлению прозападных сил, должны быть пресечены подавлением либерального экстремизма в экономике, политике и культуре. Всестороннее укрепление государства – необходимая предпосылка для создания перспективных континентальных союзов, так как успешные геополитические проекты воплощаются только при поддержке внушительной экономической и военной мощи. Выполнение этих задач требует воссоздания сильной централизованной государственной власти и оздоровления народа на основе Кодекса национального поведения: «Общее благо выше личной выгоды!»

ГЛАВА VI. ЕВРАЗИЙСТВО И РУССКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

«Будучи евразийцем, Николай Алексеев остается радикальным восточником». С этого двусмысленного утверждения начинается сочувственное описание А.Дугиным «евразийского права» забытого мыслителя, противопоставившего «Европу», как аномалию «Человечеству», отождествляемому с Востоком. Здесь коренится глубокое недоразумение. «Традиция», о которой размышляет А.Дугин, восходит к самой Европе, а не к таинственному «Востоку». И языческая, и христианская Европа создана арийскими (индо-европейскими) народами. То, что они концентрировались когда-то в Индии, не доказывает восточного происхождения европейских традиций. В древности народы перемещались по Земле, сохраняя в себе врожденные духовно-биологические свойства. Со временем кочующие восточные элементы привнесли в европейскую культуру чуждые ей взгляды и образ жизни. Темное порождение Азии – иудаизм стал прямой противоположностью христианства, как глубокого постижения европейцами духовного смысла истории. Россия, как «Сердце земли» («Hartlend»), есть полноценный продукт европейской почвы. Становление российской государственности с помощью норманнов, как и определяющая «византийская» традиция православия, принадлежат собственной культуре Европы. То, что эта историческая реальность особым образом претворилась в русской судьбе, объяснимо географическим положением и размерами России.

В подкрепление высокой оценки восточной традиции А.Дугин ссылается на эксцентричную личность увлеченного мистицизмом Рене Генона, порвавшего с Западом и перешедшего в мусульманство. Но могут ли новые кочевники, с Кораном в руках заполняющие Европу, служить доказательством плодотворного влияния Востока на европейскую жизнь? Спокойное сосуществование европейцев с исламскими, угро-финскими и другими народами – совсем не то, что замышляемое евразийцами всесмешение разнообразных культур в пределах одной геополитической общности. Под силу ли слабеющему западному человеку выдержать напор бурно плодящихся евро-азиатов?

Впрочем, евразийские идеи развиты не до такой степени, чтобы в обозримом будущем перейти в стадию политического воплощения. В них больше русской романтической мечтательности, чем практического смысла. В обоснование России как «Человечества» с восточным уклоном, А.Дугин пытается взять в союзники Достоевского. Но русский писатель называл Европу «землей святых чудес»... «Европа нам почти так же дорога как Россия». Ошибочна и ссылка на К.Леонтьева, считавшего «всечеловеческую отзывчивость» бессмысленной и вредной в национальном смысле. Русский «всечеловек» в освещении евразийцев напоминает европейского космополита, против которого яростно восставал Достоевский.

Немецкая русофилия XX века – явление особого рода. У нее разнообразные корни. Мюллер ван ден Брук ценил Достоевского за глубокое проникновение в психологию европейца. Эрнст Никиш сочувствовал коммунистическим идеям, воплощенным в России, ошибочно приписав им национальный смысл. Авторитетный Карл Хаусхофер пропагандировал ось Берлин-Москва-Токио с геополитической целью раздела мировых сфер влияния, не помышляя о создании Евро-Азиатской империи.

С другой стороны, нельзя считать «деталями» (А.Дугин) в европейской картине мировоззренческую судьбу Ю.Эволы, Д.Джентиле, Леона Додэ и других «умеренных» сторонников национал-социалистического и фашистского курса в развитии Европы. Яркий представитель этого направления, француз Дрие ля Рошель (кн. «Фашизм и социализм», «Дневники 1940-45»...), как и Хаусхофер, высоко оценивал выгоды германо-советского сближения вплоть до создания совместных политических структур. Вероятно, это и было бы лучшим вариантом возвращения к традиционной Европе.

Все изложенное опровергает утверждение А.Дугина о «непротиворечивости и законченности» евразийских теорий Трубецкого, Алексеева и Савицкого. Слишком обширна и тумана предложенная им задача – создать и воплотить в жизнь доктрину России-Евразии, охватывающую все «общественные, идеологические, экономические и социальные уровни.

Искусственность и формальный характер построений евразийцев проявляются при описании их философии права. Известное наблюдение о концентрации органицистских взглядов в Германии (государства и народы – цельные естественные существа) соседствует у А.Дугина с признанием закономерности органицизма для Востока. Следует ссылка на «дальневосточную традицию и индуизм», не имевших параллелей ни

в немецкой, ни в русской истории. Развивая понятия органическое-механическое, А.Дугин приходит к резкому разделению сложившихся общественных структур на два типа. В «традиционных» обществах обязанности его членов поглощают все их права. Демократические общества распространяют права человека до пределов, уничтожающих значительную часть его обязанностей. Евразийцы относят первые общества к Востоку, вторые («вырождающиеся») – к Западу. Но допустимо ли обострять противоречия между правом и обязанностью до такой степени, чтобы одно уничтожало другое? Тогда придется выбирать между крайностями восточного деспотизма и разгульной демократии. Рассуждения Дугина об «обязательном государстве» вновь склоняются к восточному образцу. Но этот тип общественного устройства уже существовал в двух формах – советского строя и фашистской диктатуры, и ни один из них не имел восточных корней или черт «евразийства». И то, и другое противоречит коренному русскому мировосприятию.

Для его обозначения Н.Алексеев извлекает из русской истории термин «тягловое государство». Суть его концепции проста: Россия по своей природе гигантская община, каждый член которой, начиная с царя, выполняет строго определенную государственными обязанностями роль – «тягловую функцию». Осуждая «общую теорию западного права» с ее культом индивидуума, Алексеев ограничился неопределенным положением о «правообязанностях», не настаивая на подавлении гражданских прав.

Смягчение евразийской модели неизбежно происходит при обращении к русской истории. Здесь Дугин опирается на использованное Алексеевым противопоставление иосифлян (сторонников Иосифа Волоцкого) и последователей Нила Сорского (исихастов). Аскетическое служение личности Православному Царству, проповедуемое Волоцким, отпугнуло колеблющегося Алексеева своей грозной силой. Он склонялся к промежуточному образцу социального устройства, ссылаясь на исихастов. Фигуры ведущих представителей этого направления, начиная с Василия Патрикеева, толкуются им в модернистском духе. Алексеев, а вслед за ним Дугин, приписывают исихастам особого рода духовность, склоняющуюся к мистицизму. Этим подчеркивается созерцательный характер учения заволжских старцев, позволяющий сглаживать суровость «обязательного государства».

Оба исследователя используют современные термины: «социализация», «тоталитаризм» и т.п. Затем следует переход к близкой сердцу евразийцев теме «фаворского созерцания»,

«светового преображения плоти в дух» и другим элементам мистического обихода. Между тем, духовно сосредоточенный Нил Сорский, не был сторонником мистического созерцания, размышляя над содержанием Нового Завета. Тем более это относится к его ученикам, занимавшимися вопросами практической церковной политики.

Фантастическое развитие принимает эта тема в «намеках» Алексеева и рассуждениях самого Дугина о «проекции» идей заволжских старцев в некое «тайное общество,...которое стоит за самим явлением евразийства». В отличие от теоретиков Евразии, опасающихся открыто противостоять нашествию разрушительного либерализма, православному сознанию всегда были чужды закрытые организации. Современной русской «личности» предлагают погрузиться в свой внутренний мир, где ее не достанет тоталитарное государство, вызывающее одновременно восхищение и страх евразийцев. Изощренный схематизм с долей самолюбования обнаруживают рассуждения Дугина о «мистике русской истории», «опричниково-большевистском экзотеризме» и «тонких пророках России». Все это совершенно неприложимо к нашей изуродованной национальной жизни.

Подобранные в таком стиле социальные параллели, носят у обоих исследователей откровенно субъективный характер. Н.Алексеев соотносит оба государственных типа с резко расходящимися традициями иудаизма и христианства. В его классификации ветхозаветный тип представлен США, а православно-христианский – Россией, которую он упорно называет «Востоком». На самом деле ветхозаветный режим был стопроцентным порождение Востока, а Византийская империя, откуда взяло начало русское православие – продуктом развития европейского мира, в свою лучшую пору отвергнувшего притязания иудаизма. Хитроумный «общественный договор» – эту фикцию демократии, можно считать искусным преобразованием договора «избранного народа» с Богом Ветхого Завета. Но иудейская практика одурачивания народов, воплощенная в американском либерализме, не мешает вызреванию жестокой диктатуры, которую готовят миру пропагандисты «прав человека». В борьбе с этой опасностью союзниками европейских народов могут быть восточные нации, сохранившие мусульманские и иные традиции. Однако недопустимо, чтобы на смену иудейскому доминированию пришло другое – например, деспотизм Корана.

Концентрация европейских усилий позволит в перспективе с помощью России создать Новую Европу, способную вновь

стать мировым образцом государственности и культуры. Будет ли это Европейская Империя с преобладанием Германии и России, уже имевших имперский опыт в пределах континентального массива, или возникнет Федерация европейских государств на консервативной основе, – покажет будущее. Форма государственного устройства всегда играет второстепенную роль в сравнении с интересами народной общности.

Выводы А.Дугина из трудов Алексеева сделаны в духе его собственной политической философии, обходящей острые проблемы русского народа. Начало не вызывает сомнений: государство выше личности. Либеральные юридические теории должны быть отвергнуты. Но за образец предлагается «Евразийское государство», соединяющее тоталитаризм с загадочным «умным деланием», распространяющим опыт мистиков на всю человеческую «общину». Конечный вывод возлагает на русский народ бремя непосильной международной задачи объединения разнородных несовместимых культур в «Единое Целое». Это подается как «высшая миссия» России. Вместо сосредоточенного, спокойного накопления энергии для выполнения национальных задач, ослабевшему до критического состояния русскому народу навязывают перспективу борьбы за интересы «Востока», требующую гибельного напряжении сил. Символично название проектируемого супергосударства – «Великая Евразийская Империя Конца» (русского народа?).

Не случайно по мере развития евразийской модели отступили на задний план европейские нации: немцы, французы, англичане,...связанные общим наследием, генетически родственные русскому народу. Евразийские построения сместились в географическую область расхождений между Востоком и Западом, придавая провокационную остроту взаимоотношениям крупных наций и религиозных групп. Такого рода евразийство становится орудием интернационального разложения, пропагандируя вавилонское смешение народов во имя так и не обозначенной ясно конечной цели. Между тем, ближайшей задачей русского народа является резкое наращивание своего биологического и нравственного здоровья. Это требует сосредоточения сил на судьбе собственной народной общности. Время для перспективных геополитических союзов придет позже.

ГЛАВА VII. «РУССКАЯ ГОЛГОФА. ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ РОССИИ»

«Западная цивилизация воплощена в правовом государстве – порождении безбожного разума».

К.П.Победоносцев.

«Демократия – это правление помешанных».

Антонио Салазар

Десятилетия преступного управления Россией привели к тому, что русский народ оказался изгоем в своей стране. Сокращение пространства, необходимого для исторической жизни крупного народа, приведет рано или поздно к необходимости его возвращения. Пустое морализаторство и пацифизм ничего не изменят в этой ситуации.

При активном содействии государственной власти происходит организованное разрушение народной общности. Нормальное состояние российской государственности – одно государство – один народ, подменено стремительным движением к многонациональной анархии. Правящий клан поощряет национализм малых народов, следя за тем, чтобы у русских не возникало осознание ненормальности своего положения. Даже робкие протесты подавляются средствами массовой информации, находящимися под контролем правящей верхушки. С этой целью используется испытанное марксистское оружие разъединения общественных слоев – разновидность «классовой борьбы». Кровные интересы народной массы противопоставляются безудержному стремлению к наживе ограниченных групп населения.

Советский строй рухнул под тяжестью нелепых политических теорий и порочной экономической практики, вытекавшей из марксистской идеологии, если это порождение преступного мозга можно назвать идеологией. Многонациональное русское государство столетиями скреплялось сильной государственной властью под духовным водительством строгого православия, пока оно само не стало жертвой либералов, пересадивших ядовитый марксизм на русскую почву. Коммунистические

К.П.Победоносцев дал вечную формулу борьбы за власть в демократическом государстве: «Выборы не выражают волю избирателей... Народные представители руководствуются личным произволом или расчетом, сообразуясь с партийной тактикой... Министры самовластны и насилуют парламент. Распоряжаясь всеми ресурсами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей за счет народа и не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте... Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневные явления в министерском управлении... Все здесь рассчитано на служение своему «я»...Выбор падает на того, кто нахальнее суется вперед. Этому способствует масса легкомысленных, равнодушных или уговоренных избирателей. Именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею разлагается...И комедия выборов продолжает обманывать человечество». Дело усложняется многонациональным составом государства. «Каждым племенем овладевает страстное чувств нетерпимости к государственным учреждениям и желание иметь самостоятельное управление со своей нередко мнимой культурой», – обобщал Победоносцев.

В исторической перспективе неизбежна гибель демократии из-за ее неспособности собрать наверху необходимое число талантливых людей для надежного обеспечения собственного будущего. Пример современной России подтверждает действие закона демократического вырождения, по которому каждый новый правитель оказывается хуже прежнего, до полной потери государственного инстинкта и осознания своей принадлежности к народной общности. В сравнении с этими вырождающимися личностями худшие представители египетских фараонов, римских тиранов и китайских императоров кажутся благодетелями своих народов. Никогда раньше Россией не управлял слой, абсолютно чуждый своему народу, презирающий и попирающий ее традиции и культуру. Единственный аналог в мировой истории (в несравненно меньших масштабах) – средневековый хазарский каганат, подчинивший свой быт идеологии иудаизма с его абсолютным презрением к «гоям», быстро ставший жертвой неустранимых противоречий. Карикатурные фигуры российского руководства, вобравшие все пороки демократического представительства, демонстрирует всю силу закулисного управления Россией.

Бог создал людей таким образом, что они поддерживают нормальные отношения между собой, лишь распределяясь по группам и классам. Это опровергает идею демократии, пред-

полагающей всеобщее равенство. Логический конец любого демократического правления – уравнение добра и зла, что происходит на территории «христианского» Запада, где власть постепенно переходит в руки меньшинства, олицетворяющего все пороки демократии. Представитель этих кругов чешский президент Гавел имел основание заявить: «Мы создали первую атеистическую цивилизацию в истории человечества». В европейских странах и Америке всякое напоминание о христианском прошлом Запада вызывает раздражение официальных лиц. Когда в 1998 г. во Франции предполагалось праздновать 1500-летие крещения страны королем франков Хлодвигом, все левые партии объединились в протесте, но 200-летие французской революции провозгласили за несколько лет до торжеств, на которых прибыли многие главы государств. В ряде стран (Великобритания и др.) из присяги членов парламента изъяты слова, указывающие на христианскую веру. В США Верховный суд постановил убрать из публичных и школьных библиотек все экземпляры Библии и сочинения Отцов Церкви. Запрещены молитвы в школах и колледжах Америки, нельзя даже перекреститься перед студенческими соревнованиями. В ряде случаев судебными постановлениями предписано убрать из общественных мест кресты и доски с библейскими заповедями.

Общая проблема демократических стран – неконтролируемый рост иммиграции. Любой призыв к ограничению, регулированию или даже к учету иммигрантов в США объявляется «неполиткорректным». В 1990-х годах иммигранты и их дети обеспечили весь прирост населения в ключевых штатах – Калифорнии, Нью-Йорке, Массачусетсе Иллинойсе. Наибольший поток идет из Латинской Америки. Все эти люди стараются игнорировать американские традиции. Профессор С.Хантингтон в книге «Кто мы?» (2004 г.) говорит о самом разрушительном факторе в жизни США – колоссальной иммиграции «латинос», в основном мексиканцев. Большинство из них оседают в южных штатах, которые они считают своими землями, (половина Мексики аннексирована Америкой в XIX веке). В Техасе есть города объявившие родным языком испанский. Если добавить к этому бытовые и моральные преимущества, созданные для негров по всей Америке в сравнении с белыми, становится очевидным кризис американской цивилизации, взятой за образец руководством России.

Еще один показатель этого кризиса – мощная кампания с целью вырвать женщину из семьи. С 60-х годов прошлого века набрало неодолимую силу феминистическое движение в США.

Десятки миллионов женщин переместились в офисы. Семья объявлена пережитком рабства. Теперь освобожденные женщины не могут рассчитывать на многодетные семьи. В 1973 г. Верховный суд признал конституционным право американок на аборт. С тех пор их сделано около 50 миллионов. Вдобавок приобрел подавляющий характер культ гомосексуальных отношений.

Все эти зловещие процессы повторяются в российской действительности. Главная черта демократии заключается в особой роли либерализма внутри нее. Либерализм – это безграничная свобода слоя, стремящегося к уничтожению исторической роли государства в жизни народов. Поскольку любая власть достигается с помощью силы, либералы стараются претворить свои антиобщественные идеи с помощью диктатуры интернационального типа. При этом не имеет значения, осознают они или нет, какое чудовище призывают себе в поддержку. Либерализм всегда порождает разрушительную революцию. Так было в начале XX века в России, то же произошло при распаде СССР. Горбачев начал «перестройку» с атаки на «реакционные националистические и религиозные пережитки» на XXVII съезде КПСС (в этом же духе действовал его учитель Андропов, а еще раньше – Хрущев). Затем был совершен государственный переворот. Легкомысленная интеллигенция недолго наслаждалась мнимой свободой. Либеральное правление быстро перешло в закономерную фазу насилия. Дело закончилось установлением лицемерного и грубого режима во главе с подставной фигурой Ельцина.

В результате действий российского руководства максимально ослаблено государство, как воплощение независимости и народного суверенитета. Несмотря на поражение на парламентских выборах в 2004 г., откровенно русофобские круги вновь обрели фактическую власть в экономической и политической структуре общества. На съезде Союза правых сил внук жестокого красного комиссара Егор Гайдар объявил, что Россия, как государство русских, не имеет будущего. Годом позже его соплеменник и соратник по партии Чубайс в злобной статье назвал Ф.М.Достоевского «воплощением самых темных реакционных сил, к которым восходят современные русские патриоты» (как будто вновь возвращаются времена троцкистско-бухаринского наступления на русскую культуру!). Остается вспомнить, как осенью 1993 г. записной либерал Явлинский призывал к физическому уничтожению оппозиции. В 2005 г. его угрозу повторил в фарисейских выражениях кремлевский идеолог Г.Павловский.

Повсюду фальшивые законы либерализма перестают действовать, когда его вдохновители набирают достаточную силу в государстве. Затем наступает время распада национального суверенитета и присяги мировому содружеству. Одновременно происходит невиданная концентрация населения в крупных городах. Эту ситуацию в Европе описал Освальд Шпенглер в начале XIX века: «Вместо народа образовался новый кочевник, паразит, обитатель больших городов». Один из руководителей современного мира, воинствующий иудаист и масон Жак Аттали придает этому процессу противоположный смысл: «Человек должен покончить с национальной привязкой и семейными узами, превратиться в номада (кочевника), стать искусственным существом, которое можно купить или продать как любой другой предмет или товар».

В России набирает темпы вымирание государственно-образующего русского народа и упадок деревни как почвы, на которой вырастают наслоения богатой культуры. Другие черты вырождения русской государственности: растущий сепаратизм малых наций, разрушение вооруженных сил, моральная деградация значительных групп населения. Этот распад единого народного сообщества, цементировавшегося русским народом, в течение многих лет поощряется антинациональным воспитанием, сложившимся с природной чертой русского человека – почтением к иностранцам.

В структуре правящей верхушки преобладают преобразованные в либералов кадры коммунистов, хитроумные выскочки, разбогатевшие на грабеже народной собственности и беспринципная идеологическая обслуга космополитической власти.

Торжество преступных социальных элементов стало результатом потери русским народом инстинкта самосохранения – предвестником исторической гибели народа, не способного твердо взять в руки ни плуг, ни меч. Власть бесчинствует, народ молчит как великий немой. Свойство русского человека – терпимость к нераскаявшемуся врагу. Монархист И.И.Пантюхов писал в конце XIX в.: «Наиболее характерные черты русского народного типа, как они изображаются в описаниях древних, были – стойкость, независимость личности и чувство собственного достоинства, неумение сплотиться и организоваться, слабая инициатива, терпимость к иностранцам, анархизм и индивидуализм». Поучительно сравнить эту характеристику с воззрением идеологического врага русского народа – нацистского министра Альфреда Розенберга, получившего образование в дореволюционной России: «Русские мечтательны, ленивы, склонны к анархии, невежественны».

Подобный набор черт делает невозможным любой тип власти для русских, кроме монархического самодержавия. Военные и гражданские власти только тем приобретали свою силу, что были слугами царю. В глазах народа они облекались исходящим от царя ореолом. Допустить, что власть чиновников исходит не от царя, а от какой-либо коллективной группы, народ не мог. Чиновники приказывали и распоряжались только как агенты царя. Когда народ видел их несправедливость, он находил объяснение в том, что царю это неизвестно. Тогда это было близко к правде. Но с тех пор, как исчезло монархическое правосознание в народе, черта вседоверия к верховной власти приобрела драматический характер, потому что власть потеряла законный характер, который ей придавала сила традиции. После смерти Сталина русский народ оказался не способен к самоорганизации. Он больше не дал ни одной крупной государственной фигуры, равной этому грузину. С тех пор народ слепо доверяет всякому, кто берет власть в свои руки. В тяжелый момент истории русские обнаружили нежелание спасти государство от разрушения, и подрывные усилия «пятой колонны» не встретили сопротивления. Потом народ безропотно встретил гигантское повышение цен, жестокую приватизацию и «реформы», развал здравоохранения и культуры.

Здоровые элементы и сейчас есть в любом слое русского народа, но их концентрация недостаточна для серьезного общественного изменения (духовный поворот к русским ценностям, революция и т.п.). Холуйство перед властью маскируется боязнью потрясений. Народ поддался лживым обещаниям земных благ. Его стремлением стала нажива, занявшая место государственной идеологии.

Кризис поразил психологические основы русского характера. Жизнь в России в последние десятилетия проходит при возрастающем влиянии женщин. Искажению подверглись важные сферы государственной жизни: прежде всего образование, воспитание и культура. Забыто все уроки русской истории. Свойства разума, которые Бог дал женщине, не позволяют ей без вреда для общества выходить за пределы семьи и церкви (исключения не в счет). Воспитание мужества и стойкости в юношах в семье и за ее пределами – это дело мужчин. Женщина-учитель, женщина-судья и еще хуже – женщина-политик, не способная глубоко вникнуть ни в один сложный вопрос государственной жизни, – нездоровая реальность нашего времени. Российская власть делает все возможное для ослабления государства с помощью женского труда в несвойственных ей сферах. Женский стиль вносит в жизнь субъективизм самого худшего вида – преобладание слабых и неразумных.

Печальное состояние народной психики включает ослабление воли из-за широкого распространения алкоголизма и дополняется бездельем обеспеченных классов. Анархические настроения доходят до состояния психоза целых масс. В расшатанном русском обществе, кроме непосредственного влияния типов лиц с ограниченным кругозором, имеющих корыстные цели, размножились чуждые русскому типу организации, в т.ч. конспирологического характера (клубы, ложи и т.п.). Они не могли быть делом плохих организаторов – русских, а образовались при прямом участии людей других типов – не связанных национальными корнями и духовной общностью с русским народом. Эти люди завладели банками, средствами массовой информации и другими ресурсами воздействия на русских и, наконец, проникли в высокие центры власти, составляя неотъемлемую часть международного клана, подчинившего своему влиянию российское руководство.

В результате вновь, как это было в XVII и в начале XIX века возникло особое общественное состояние, не известное ни Востоку, ни Западу – русская Смута. Ее суть – разрушение государства внутренними силами, поставленными к его управлению. Со времен Горбачева в точности соблюдался сценарий, предсказанный радиостанцией «Свобода»: «Перестройка не только должна демонтировать то, что называется тоталитарным социализмом, но также изменить духовный строй русского человека, приблизив его к западному складу сознания. Должна произойти мутация русского духа. Нужно русского человека выбить из традиции». Все происшедшее с тех пор подтвердило внешнюю управляемость политической верхушки России. Триллионы долларов утекли за границу. Экономика почти полностью перешла в частные руки. Принята политическая система западных стран, основанная на корыстной борьбе партий, фальшивых выборах, влиянии телевидения и газет, регулируемом финансовой поддержкой близких к власти коллаборационистских групп. Внешняя политика России привязана к политике США и НАТО. Слепо копируются процессы, уже вовлекшие западный мир в глубокий социальный и духовный кризис.

Кто бы ни инициировал эти разрушительные явления (международные организации, заграница, свои демократические круги), главная вина лежит на ведущих представителях русской нации. С них главный спрос. Исторически иностранцы всегда играли видную роль в организации русской Смуты: поляки и шведы в XVII в., интернациональные отряды во время революции и гражданской войны на обеих сторонах. Интервенция же в демократической России отличается скрытым

характером. Враг объявляется другом. Его приглашают, с ним делятся важными государственными секретами. Искусственно создается невозможность собственными силами выйти из этого губительного состояния. Зловещее проявление нынешней Смуты – пацифизм как основа военной и внешней политики: мир любой ценой, «не осталось врага», «оборонная достаточность» и фактически одностороннее разоружение, как венец всего. Картину дополняет критическое ослабление вооруженных сил, моральное разложение армии, допуск иностранцев в ключевые сферы обороны и безопасности. Руководство страны подталкивают к передаче контроля над стратегическими ядерными силами главному геополитическому сопернику России – Соединенным Штатам Америки.

Итогом соединенных усилий внутренних и внешних врагов России стало разрушение единого государства. Русский народ расчленен на части границами «независимых государств». Страна отброшена в своем территориальном развитии на 350 лет назад. Возвращение к безопасному государственному существованию уже невозможно без «железа и крови».

Нельзя обойти вопрос о роли евреев в этой трагедии русского народа. Их влияние в российском правительстве, финансовой сфере и средствах массовой информации говорит само за себя. История различных стран мира показала: чем меньше вмешательство этого народа во внутреннюю жизнь государства, тем успешнее оно развивается собственными силами. Евреи не были родоначальниками капитализма. Но они внесли в него и развили до предела спекулятивный дух, придали ложное развитие капиталистическому предпринимательству, сведя его к бесконечной игре на бирже и бессовестным банковским операциям. Буржуазная культура, насыщенная подобными элементами, пришла в глубокий упадок.

Сегодняшняя Россия находится во власти антинациональных сил, претендующих на то, чтобы быть олицетворением русского духа, русской культуры, русского настоящего и русского будущего. Они представляют Россию перед всем миром и говорят от ее имени.

Все остальное для них – греховная и жалкая подделка, отвратительное мещанство. Они всегда сидят в первом ряду, присуждая себе рыцарские титулы духа и европейства. Нерешенных проблем для них не существует. Они создают себя и других. Кто бы им ни служил, его успех гарантирован. Он появляется на их сцене, печатается в их журналах, его рекламируют по всему миру. Его товар навязывают независимо от того, сыр это, или новая научная теория, оружие, или сов-

ременный политический театр, патентованное лекарство, или права человека, выступление против устойчивой юридической системы, или пропаганда абортов, одуряющая музыка и танцы нагишом. Никогда в России не существовало более наглой диктатуры, чем сегодняшняя власть демократических политиков и преступных олигархов.

Из трагического состояния, в которое попала Россия, необходимо найти выход. Прежде всего, нужны радикальные перемены в государственном руководстве. Нельзя вливать новое вино в старые мехи. Параллельно с выдвижением новых лиц на вершину власти необходимо избавиться от продажного слоя управления: министров и их советников; пресечь разлагающее влияние «политологов», всевозможных «общественных центров», телевидения и печати. Все должно быть подчинено восстановлению ведущей роли государства, обузданию хищных интересов частных лиц.

Достижение этой важной цели невозможно без выполнения всеми членами общества Кодекса национального поведения, базирующегося на всестороннем оздоровлении государственной и общественной жизни. Одно государство должно состоять из одного народа. Федеративный принцип, национальные и автономные образования губительны для России и должны быть ликвидированы в начале преобразований. Русские – государственно-образующая нация, стержень, вокруг которого собираются все малые народы.

Но национальность не должна определять каких-либо гражданских преимуществ. Все граждане России должны обладать равными правами и нести равные обязанности. Их общественная значимость обнаруживается только в труде на благо Родины. Долг каждого гражданина – творческий труд, умственный или физический. Недопустимо демократическое уравнение всех под фальшивым лозунгом «прав человека». Права возникают в результате труда и заслуг перед обществом, а не даруются каждому от рождения неизвестно за что. Люди не равны от природы. Такими их создал Бог всемогущий. Кощунственно требовать для себя каких-то особых прав. Верховное право и обязанность каждого – служить своей православной Родине. Важно, чтобы деятельность отдельного лица не нарушала интересов общества. Она должна протекать на пользу всех. Таким образом отсеиваются трудовые слои от паразитирующих элементов, которые своим образом жизни лишаются полноценного членства в обществе. Раз и навсегда должно быть признано: государство и народ выше личности!

Отсюда вытекает необходимость беспощадной борьбы с нарушителями общественных интересов – преступниками,

финансовыми спекулянтами, предателями Родины, сеятелями национальной, сословной и религиозной розни. Первоочередная задача патриотического правительства – искоренение преступности, прежде всего организованной, что предполагает применение упрощенных юридических процедур, включая превентивные аресты по заранее составленным спискам. Среди других неотложных мер – запрещение потребления наркотиков, смертная казнь за их распространение в любых количествах. Должны быть проведены показательные процессы над предателями Родины, в том числе за преступления, совершенные руководителями государственных органов и их высокопоставленными советниками против интересов народа и государства без срока давности. Неизбежен запрет нетрадиционных религий и антигосударственных сект, а также конфессий, подрывающих нравственные основы общества и его православные традиции. Осознанию этого помогут курсы религиоведения в учебных заведениях разных уровней с изучением основополагающих книг негосударственных религий. Ислам в его мирных вариантах, как религия части коренных народов России, берется под защиту государства.

Основу экономического возрождения России составит национализация крупных предприятий, обеспечивающих жизненные потребности страны, прежде всего в тяжелой и оборонной промышленности, до передачи части из них в руки национально настроенных предпринимателей. Перейдут под контроль государства энергетика, транспорт, внешняя торговля и недра. Ликвидируется непроизводительная часть экономики: финансовые спекуляции и игра с акциями на бирже, обогащающие корпорации и частных лиц, а также господство торговых посредников, вздувающих цены на промышленные и сельскохозяйственные товары и услуги. Прекращается свободное обращение иностранной валюты в государстве. Запрещается лоббистская деятельность в интересах паразитических групп (комитет Совета Федерации по обороне и безопасности однажды констатировал проникновение криминала во власть через целевое лоббирование и нарочитое создание дефектов в текстах законов).

Особое значение приобретает подавление коррупции. Все сферы управления государством коррумпированы сверху донизу. Демократическая власть совместно с преступными группами препятствует принятию закона против коррупции, чтобы не пресечь какой-либо из ее видов. Их великое множеств, и они настолько связаны между собой, что юридическое осуждение одного из них нанесет удар по другим видам. Лишен-

ная государственного чувства, спаянная кланoвой общностью группа законодателей препятствуют любым антикоррупционным мерам, находя этому множество объяснений: юридическая непроработанность, нестыковка с другими законами, необходимость комплексного законодательства и т.п., вплоть до мнимой неясности в определении коррупции. Не выполняются подписанные Россией Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» и Конвенция ООН против коррупции.

Воссоздание фактически уничтоженного коммуно-демократической властью крестьянского сословия - нравственной основы русского общества, невозможно без проведения земельной реформы в интересах всего народа с запрещением спекуляции землей. Отечественное сельское хозяйство должно обрести полную независимость от иностранных государств. Восстановление разрушенной русской деревни потребует организации массового переселения в сельскую местность из крупных городов, а также изгнания из деревни паразитических элементов – спекулянтов и частных торговцев алкоголем. Наряду с достижениями технической эры полезен опыт хозяйствования в дореволюционной России, включая эффективные стороны реформы Столыпина: выделение крестьянству земельных участков в массовом порядке и в требуемых размерах, субсидии через крестьянские банки, наделение крестьян современными сельскохозяйственными орудиями через специальные государственные организации. Важное дополнение к налаженному крестьянскому быту – развитая кооперация, основы которой были заложены группой ученых: Чаяновым, Кондратьевым, Чупровым, Студенским. Все сельскохозяйственные преобразования, а также ценовая политика, отражающаяся на жизни населения, потребуют строгого государственного контроля.

Важная задача – создание многочисленного среднего сословия на основе сочетания государственной и частной экономики. Основу для этого составит возвращение народу собственности: финансов и производственной базы, отнятых у него «олигархами» и политической верхушкой. Другие меры для оздоровления экономики: введение прогрессивного налогообложения доходов корпораций и частных лиц, запрет на вывоз валюты из страны, возвращение капиталов, вывезенных частными лицами и правительством в виде «фондов» и другим образом.

Обязательно ведение государственной монополии на внешнюю торговлю. До полного насыщения внутреннего рынка

высококачественными материалами и сырьем – резкое снижение их поставок за границу, в том числе в так называемые «дружественные» страны, включая СНГ. Торговля – орудие достижения внешнеполитических целей. Немедленное применение этой меры к прибалтийским территориальным образованиям, первое требование к которым – полное уравнение прав русских с остальным населением.

Внешняя политика России, у которой «нет вечных друзей, но есть вечные интересы», должна быть независимой от иностранных государств и союзов и учитывать стратегические цели США и Китая – главных потенциальных соперников России. Недопустима пропаганда в интересах любого иностранного государства. Политика по отношению к бывшим союзным республикам преследует конечную цель присоединение к России в обозримом будущем. Неизбежен тесный союз с Белоруссией, как начало объединения.

Независимость государства невозможна без создания мощной народной армии, способной в одиночку обеспечить победу над любым внешним врагом или их коалицией. Профессиональная армия и контрактная служба не годятся для этой цели. Пропаганда пацифизма будет объявлена преступлением против государства, договор СНВ-2 – расторгнут из-за несоответствия государственным интересам. Это повлечет ускоренное оснащение вооруженных сил в необходимых количествах оружием нового поколения, прежде всего межконтинентальными ракетами с разделяющимися боеголовками. В короткое время должны быть установлены радиолокационные станции по периметру российских границ, преступным образом оголенных действующей властью.

Юридическая база для будущих отношений с иностранными государствами потребует признания в одностороннем порядке полного преимущества отечественного права над международным. На этой основе денонсируются не отвечающие национальным интересам России международные договора и соглашения, заключенные демократической властью в гражданской и военной областях.

Решающее преобразование вооруженных сил невозможно без удаления большей части военного руководства, пропитанного космополитическим духом. Все проявления «дедовщины» в армии будут пресекаться строгим уголовным преследованием командиров частей и подразделений вплоть до высшего состава, игнорирующего эту преступную практику.

Перевоспитание народа, неотъемлемой частью которого является его армия, начнется с коренной реформы народного

образования и просвещения. Ее важными частями станут патриотические программы в учебных заведениях всех уровней и видов, внушение детям идеи государства с раннего возраста (отечествоведение), обязательное изучение в школах православия, как ведущей государственной религии. Значительный вес в составе учебных дисциплин приобретут физкультура, военное дело и трудовое воспитание обоих полов. Все либеральные установки по воспитанию детей и юношества ликвидируются, в том числе дисциплины в школах и ВУЗах, вытекающие из либерального понимания «гражданских прав и свобод».

Неотложная задача государства – восстановление физического здоровья народа, предполагающее строгий государственный контроль над медициной и санитарным состоянием населения, охрану матери и ребенка, запрещение детского труда, эффективное поощрение государством многодетных семей и забота о них. Прекращается спаивание народа заинтересованными группами промышленников и частных лиц при поддержке властных органов. Все производство и торговля алкоголем национализируется. Учитывая развитую безбожными режимами склонность русских людей к пьянству, конечная цель достигается введением «сухого закона» на период государственных преобразований.

Должна быть создана твердая законодательная база против распространения сознательного политического обмана через печать, радио и телевидение с запрещением средств массовой информации, нарушающих общественные интересы, пропагандирующих порнографию и насилие. В ряду подобных мер – резкое ограничение рекламы во всех видах.

Нравственное оздоровление народа предполагает воспитание непримиримого отношения к направлениям в литературе и искусствах, вносящим разложение в жизнь нашего народа; изъятие соответствующей литературы из публичных библиотек и из продажи, а также картин и скульптур, оскорбляющих общественную нравственность. Культура в России извращена и кощунственна по отношению к русским традициям. Ее пропагандируемые образцы создаются неуравновешенными личностями и просто мошенниками при сочувственном отношении «образованного общества». Центр распространения всей этой концентрированной мерзости – столица, в которой за право возглавить разложение соперничают федеральные и московские власти.

Для устранения чудовищного несоответствия между потребностями народной жизни и коллаборационистским управлением Россией необходима коренная перестройка всей поли-

тической структуры общества. Прежде всего, законодательно ликвидируется многопартийная парламентская система, как не соответствующая традиционному содержанию народного духа. Законодательные органы власти всех уровней формируются на корпоративной (профессиональной) основе. Для гармонизации отношений между трудом и капиталом создаются профессиональные палаты и единый Трудовой союз, поддерживающий тесные отношения с Национальным объединением предпринимателей. Государство будет осуществлять арбитраж в отношениях работодателей с рабочими, не допуская производственной эксплуатации трудящихся и проведения забастовок, нарушающих налаженный ритм производства.

Общественные объединения и организации перейдут под контроль государства и получат право на существование лишь в соответствии с государственной необходимостью. Формула «гражданское общество», нацеленная на возбуждение вражды между государством и гражданами, прекращает хождение. Запрещаются все организации, общества и клубы, нарушающие государственные интересы и общественную нравственность, в том числе масонские ложи и другие закрытые структуры, находящиеся под международным контролем. Соблюдение национальных интересов потребует отмены двойного гражданства.

Верховную власть в государстве до восстановления самодержавной монархии должен осуществлять национальный диктатор в соответствии с Кодексом национального поведения, вытекающим из представленной программы.

Для проведения всех преобразований необходимо создание сильной государственной власти. Нужно помнить: длительное оздоровление народа возможно только на основе – общее благо выше личной выгоды!

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЖИЗНЬ В.В.РОЗАНОВА – СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ

Розанов В.В. (1856-1919)

5 февраля 2004 года исполнилось 185 лет со дня смерти знаменитого русского писателя и философа Василия Васильевича Розанова, чье открытие для отечественного читателя после полустолетнего вылеживания в спецхранах и чтения из-под полы состоялось в конце восьмидесятых годов двадцатого века. Русская литература и история являются в его трудах с неожиданных сторон. Неповторим стиль Розанова – высокохудожественный, афористичный, изобилующий парадоксами, абсолютно искренний, отвергающий догматизм любого рода. С пренебрежением относившийся к борьбе общественных групп, он никогда не изменял убеждению, которое выразил словами: «Кроме русских, единственно и исключительно русских мне вообще никто не нужен, не мил и не интересен».

Розанов прожил трудную жизнь. Нищета детства и юности, голод, никакого родственного тепла – так описал он начало жизни. Отец, лесничий, умер, когда мальчику было четыре года. Мать из обедневшего дворянского рода Шишкиных осталась с семью детьми. Отчим, пьяница, сек детей. В тринадцать лет умерла мать. В гимназиях Симбирска, а затем Нижнего Новгорода старшие товарищи зарядили Розанова нигилизмом. «Я схватил суть всего европейского умственного развития в 14-15 лет». По его наблюдению лишь пятая часть учеников симбирской гимназии любила знания, остальные не читали, пьянствовали, проводили время «лениво и косно». «Русские условия измельчили русскую породу, довели ее до вырождения, до бессилия, дикости», – вспоминал Розанов. «Более даровитые люди вышли из русских окраин, так как они выросли вне всяких «влияний» «русской гражданственности» и «русского просвещения», которые, как плохой плуг, только портят, а не обраба-

тывают человека». В такой же пропорции делились и учителя. По окончании гимназии (1878) Розанов вынес искаженные, неполные знании, особенно по русской истории. «Зачитывались Некрасовым и Писаревым...о Пушкине даже не вспоминали...не любили Минина и Пожарского...учась в Симбирске, ничего о городе, о тамошних поэтах – Аксаковых, Карамзине, Языкове, о Волге; учась в Костроме, не знал ничего об Ипатьевском монастыре; учась в Нижнем Новгороде, – ничего о «Новгороде – низовые земли».

Но уже в гимназии Розанов активно занялся самообразованием, усвоил естественные науки, древнюю историю. Закончил гимназию «едва-едва, – атеистом (в душе) социалистом... со страшным отвращением, кажется, ко всей действительности». К счастью, в Московском университете (1878-82) Розанова обучали крупные ученые-патриоты: историки русской литературы Буслаев и Тихонравов. Историю читал Ключевский. Однако философию, закладывавшую основы мировоззрения в молодые умы, преподавали лица другого рода: «чиновник» Владиславов и «нигилист» Троицкий, чьи радикальные взгляды, по свидетельству Розанова, «навязывались насильственно» (!). Официальное потакание чиновной верхушки разрушительным идеям порождалась бессмыслицей русской ученой и учебной бюрократии. Одаренного юношу оставляли в университете после окончания, но он отказался от чтения лекций, предвидя самостоятельный творческий путь. В 1880 году Розанов неудачно женился («в конце концов любовь эта кончилась бесконечным несчастьем»). Ему удалось устроиться учителем географии и истории в Брянск. Здесь был предпринят первый серьезный опыт. В 1887 г., после пяти лет работы он завершил объемный философский труд «О понимании», в котором без знакомства с Гегелем изложил основные идеи великого немца. Спустя десять лет Розанов перевел «Метафизику» Аристотеля, мечтал об итоговой философской работе, но без немецкой систематич-

Розанов В.В. (1856-1919)

ности эти планы не сбылись. В русском характере Розанова проявилась иная, художественна сила. Творческие свершения были впереди. А пока жизнь шла своим чередом. После развода с женой в 1886 он уныло учительствовал в Елецкой гимназии. Тремя годами позже Розанов вновь женился на религиозной и кроткой женщине и нашел спасительный мир в своей семье. Теперь он спокойно отдался творчеству и быстро стал знаменитым писателем. Его статьи о русском обществе и культуре печатали солидные журналы: «Русский вестник», «Вопросы философии», но он питал стойкое отвращение к таким столпам либеральной журналистики, как щеголявшие отсутствием патриотизма «Вестник Европы» и «Русская мысль».

Это было время тесного сближения с консервативными кругами, которые представляли крупные писатели, общественные деятели и философы: К.Н.Леонтьев, Николай Страхов, Ю.Говоруха-Отрок, С.Ф.Шарапов, чей интеллектуальный потенциал и образованность, по мнению Розанова, были значительно выше, чем у представителей либеральной элиты, например, в лице В.С.Соловьева, за которым признавался крупный литературный талант, но также «умственная мелкость». Значительным явлением в жизни Розанова было двадцатилетнее сотрудничество с 1898 года в острой патриотической газете Алексея Суворина «Новое время», а также знакомство в 1890 году и дружба с К.Леонтьевым, 170-летие со дня рождения которого российская общественность скромно отметила 25.01.2001 года. Самобытный философ и историк культуры Леонтьев задолго до Рюккерта и О.Шпенглера указал на важную закономерность развития крупных государств, подобно живому организму проходящих все стадии роста и отмирания. Взаимное уважение обоих писателей основывалось на совпадающем понимании хода российской истории в ее узловых точках, включая предвидение революции. Оба были открытыми противниками либерализма, насаждаемого в русском обществе космополитическими кругами интеллигенции.

В 1891 году Розанов переехал в Москву, а затем в Санкт-Петербург, где получил чиновную должность в Государственном контроле, прослужив там несколько лет. Его круг знакомств расширился. Писатель сблизился с православным мыслителем о.Павлом Флоренским. Идеологическим прибежищем Розанова стало свободомыслящее «Религиозно-философское общество», в чьем журнале «Новый путь» он печатал статьи, не совпадавшие с главным направлением «РФО». Неожиданно последовало сближение с эстетами, группировавшимся вокруг журнала «Мир искусства». С начала двадцатого века в

его квартире проводились «розановские воскресения», которые посещали писатели Мережковский, З.Гиппиус, Ф.Сологуб; художники Бакст, Сомов, философ Бердяев. Розанов использовал любую возможность вторжения в идейную атмосферу русского общества благодаря удивительной способности освещать в необычном ракурсе самые сложные проблемы.

Оказавшись в ядре культурной жизни и общественных схваток обеих столиц, писатель наращивал темпы творчества, создав в этот период наиболее зрелые произведения, в которых свел в органическое единство многолетние раздумья о христианстве и церкви, о русских писателях и о судьбе России. Русская литература с юности была в центре внимания Розанова. Каждая из фигур нашего национального колосса оценивалась им многократно и всесторонне, обретая максимально объективный вид. Рано проявившаяся самостоятельность мышления и строгий вкус, выработанный самовоспитанием, привели к тому, что уже на поздних курсах гимназии он разочаровался в Писареве и оценил по достоинству Пушкина, Достоевского, Л.Толстого. Розанов различал модное студенческое и чиновное фрондерство (например, Салтыкова-Щедрина) от убеждений талантливых людей, прошедших тяжелый жизненный путь. Отвергая революционные планы Добролюбова и Чернышевского, Розанов советовал правительству переключить их энергию на государственно-строительные цели. В неумении это сделать он видел недостаток самодержавной власти.

Очаровываясь волшебством гоголевской речи, Розанов считал Гоголя, «заворожившего карикатурами общество и литературу до потери чувства реальности и уважения к русскому человеку», – родоначальником нигилизма, продолженного, по его мнению, А.Н.Островским, Салтыковым-Щедриным и тургеневскими интеллигентами. Образец национального служения он видел в Пушкине. Лев Толстой был для него великим писателем, создавшим ряд народных героев, но посредственным мыслителем и общественно вредным деятелем («Среди художников», 1913). Философствование Толстого и В.Соловьева, по мысли Розанова, заложило фундамент, на котором мелкие бесы революции вершили затем свои темные дела. Достоевского он считал примером нравственной силы и мирового значения русской литературы («Мимолетное», 1915 г.). Символизм и декадентство Розанов отрицал за индивидуализм и аморальность. Особую роль литературы в русской жизни он объяснял глубоким философским смыслом произведений таких писателей как Достоевский, Толстой, Лесков и поэтов – от Ломоносова до Тютчева. Это всепроникающая художественность резко

отличала русскую мысль от космических построений и логических схем немецких философов.

В конце 19 века Розанов погрузился в проблему пола. От темных сторон этой темы, позднее раздутой Фрейдом за пределы здравого смысла, его удерживало преклонение перед семейными ценностями. Перводвижущей стихией жизни он считал воплощение пола – любовь, семью, рождение, почти обожествляя их как источник творческой энергии человека и духовного здоровья нации. Отсюда Розанов выводил историческую силу народа и его культуры. При этом он доходил до крайностей, приближаясь к язычеству, противопоставлял Ветхий Завет – «религию рождения» аскетизму Нового Завета («Семейный вопрос в России», «Около церковных стен»). Но отчуждение семейного быта от государства и общества («частная жизнь выше всего») обмещанивало его размышления. Используя музыкальную аналогию, выходило что-то вроде «Домашней симфонии» Р.Штрауса вместо бетховенского «Обнимитесь миллионы!».

Христианство играло роль нервного узла в творчестве Розанова. В отличие от большинства консервативных мыслителей с их спокойной верой размах суждений Розанова о церкви был очень широк. В «Автобиографии» (1909) он писал: «С первого курса университета я перестал быть безбожником...С того времени, каковы бы ни были мои отношения к церкви...я говорил и думал только о Боге: так что Он занял всего меня, без какого-либо остатка; и, вспоминая конец века: тут я прямо бросился к церкви как к «Стене нерушимой», найдя идейный круг людей именно среди церковников». «Все это стародавнее, насиженное, историческое... В церкви люди надышали тепла». Но десять лет спустя настроение меняется. Написанный в 1917-18 годах «Апокалипсис нашего времени» подвел черту под трагическими блужданиями Розанова. Этот болезненный труд – образец русского ницшеанства без философского гения Ницше. Здесь Розанов назвал христианство «религией смерти», «виновником всемирной катастрофы и революции».

Призрак революции нависал над писателем всю жизнь. На ее близость указывали Розанову шатания верхних слоев общества: чиновной бюрократии, дворянства, даже церкви, не говоря уже об интеллигенции, которая во все времена была ферментом русской смуты. Отсюда, считал Розанов, проистекла революция, а не из простого народа, еще имевшего какое-то право бунтовать по нужде и голоду. Либеральная верхушка (С.Булгаков, Струве, Туган-Барановский) в предреволюционные годы заигрывала с марксизмом. Высланные в 1922 году за

границу, эти люди легко вписались в культурно-политическую атмосферу Запада. Лишь немногие сохранили за рубежом подлинное понимание национальных интересов, подобно философу Ильину, писателю Ивану Шмелеву. Творчество Розанова достигло вершины в книгах «Уединенное» и «Опавшие листья» (1912-13), где главные темы: литература, церковь, общество и революция – обрели полную силу. Именно тогда началась травля писателя либеральной прессой, усилившаяся после опубликования актуальной и сегодня статьи «Не нужно давать амнистии эмигрантам», где Розанов писал: «Революция есть погром России, а эмигранты – погромщики всего русского, русского воспитания, русской семьи, русских городов и сел, как все Господь устроил и благословил». В 1914 году Розанова изгнали из «Религиозно-философского общества», превратившегося к тому времени в поставщика интеллектуальных кадров для революции.

Жизнь писателя завершилась так же драматически как и началась. Апофеоз смутного времени, предсказанный почти в деталях в неоконченной книге «Мимолетное», (1914-16), завершился двумя революциями подряд. После октября 1917 года Розанов жил в Троицко-Сергиевой Лавре под постоянным подозрением со стороны большевиков в «заговоре». Там Розанов издавал до осени 1918 г. выпуски «Апокалипсиса», пока цензура не закрыла все оппозиционные издания. 23 января 1919 г. он умер в холоде после тяжелой болезни. Его похоронили вблизи Лавры. В 1923 г. власти срыли кладбище с могилами Леонтьева и Розанова. Перед смертью писатель продиктовал дочери письмо: «Боже, куда девалась наша Россия... Ну, прощай, былая Русь... Помни о себе... Ты всегда была славна».

Высокая художественность и глубокий психологизм книг Розанова поставили его в ряд классиков русской литературы. Это признание он получил еще при жизни. Его ценили Лев Толстой и Тургенев, Горький и Блок. В.В.Розанов современен и нацелен в будущее. В 1928 году он писал: «Счастливую и великую Родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, даже порочна. Именно когда наша мать пьяна, лжет и вся запуталась в грехе – мы и не должны отходить от нее». Задолго до революции он понял, что все беды России проистекли из русской действительности, «уже именно злой и именно фальшивой». Урок, который преподал Розанов – это осознание гибельности радикальных перемен в России. Сегодня ясно, что только с помощью национального воспитания народа и решительного преобразования его жизни возможно возрождение сильного государства – достойного наследника имперской мощи былой России.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ФРИДРИХ НИЦШЕ – ГЕРМАНСКИЙ ГЕНИЙ

В 2000 году исполнилось сто лет со дня смерти выдающегося немецкого философа, историка культуры и писателя Фридриха Ницше. Его идеи приобретают все большее значение по мере того как обнаруживается банкротство западно-демократических институтов и европейской культуры в целом. Не только в философском, но и в узко-человеческом смысле Ницше был исключительной личностью. Высокая разносторонняя культура, несгибаемая воля соседствовали в нем со слабым здоровьем и деликатным характером. Он прожил непревзойденную по творческой интенсивности жизнь, породив огромное количество идей, вызывающих нескончаемые споры и противоположные толкования. В отличие от других пророков заката Европы, начиная со Шпенглера, Ницше, яростно отвергавший весь ход европейского развития, не был пессимистом. В нем уживались такие черты как презрение к массе и доверчивость к отдельным людям, безжалостное отношение к «низшим» типам в теории и глубокое чувство справедливости в жизни. Во время частых поездок по Европе Ницше, попадая в окружение простых людей, отдыхал от искусственной атмосферы образованного общества, до конца жизни отвергавшего философа, особенно в Германии. Восхищение творческой силой и самобытностью Ницше пришло позднее. Известные интеллектуалы и видные политики признали его после того, как европейское развитие подтвердило правильность многих выводов Ницше. Философ предвидел все значительные явления в жизни Европы: формирование слоя демагогов-политиков, использующих суеверия и слабости людей для достижения корыстных олигархических целей, возникновение планетарного мышления, будущую геополитическую расстановку мировых сил и многое другое. То, чем гордилась Европа во времена Ницше, приобрело черты вырождения и обесценилось в наши дни. Например, чем больше современные политики толкуют о мире, тем безжалостнее и шире они применяют силу в межгосударственных отношениях против слабых наций.

Тем не менее, немецкий философ не был реальным политиком в точном значении слова из-за своеобразного романтиз-

ма воззрений, сформированных в молодые годы. Сын священника, Ницше сам готовился стать пастором. Еще в школе Фридрих начал работать над своим характером. Смолоду он восхищал окружающих многообразными способностями. С девяти лет Ницше играл на рояле, сочинял стихи и музыку. В Наумбургской гимназии, а затем в монастырской школе Пфорта он превосходил своих сверстников. Здесь в 1858-62 годах Ницше получил отличное классическое образование. Именно в Пфорта началось его освобождение от влияния католицизма. В 1862 году он поселился в Бонне, где обучался в одном из лучших германских университетов. Его уже мучили периодические головные боли – сказалась нездоровая наследственность. Ницше не вписался в веселую студенческую жизнь, так как был аскетичен. Уже тогда его отталкивал немецкий материализм и демократические воззрения, хотя интерес к независимой личности Фейербаха он сохранил надолго. Ницше никогда не желал счастливой и одинаково удобной жизни для всех.

Фридрих Вильгельм Ницше, 1868 г.

Образование он продолжил в Лейпцигском университете – известном центре германской учености. Здесь он познакомился со знаменитой книгой Шопенгауера «Мир как воля и представление», автор которой считал прогресс «глупой выдумкой философов, угождающих толпе», а мир, одушевленный волей, – лишенным всякого смысла. В Лейпциге Ницше становится учеником известного профессора филологии Ригля и в 1866 году образует научный кружок. Он пишет необычные по стилю глубокие статьи в журналах. В это время произошло важное событие в германской истории – прусский канцлер

Бисмарк разорвал связи с Австрией, разгромленной фельдмаршалом Мольтке за двадцать дней. Ницше в восторге: «Мы достигли успеха, но пока Париж останется центром Европы, все будет по-старому». В 1867 году он был зачислен в конно-артиллерийский полк, став отличным кавалеристом, но после ранения вернулся в Лейпциг. Заря его славы взошла на двадцать третьем году жизни. Из Берлина Ницше получил заказ на работу для серьезного исторического журнала. В Лейпциге ему предложили вести музыкальный отдел.

Новым событием стало открытие Рихарда Вагнера. Ницше знакомится с великим композитором, пораженный красотой «Тристана и Изольды» и «Зигфрида». Позднее он напишет: «Вагнер воплощает в себе идеальный тип человека... великий ум... я чувствую себя около него как бы в присутствии божества». Оба творца всегда восхищались друг другом несмотря на расхождение во взглядах на христианство. Их личная судьба сложилась по-разному. Вагнеру удалось воплотить при жизни все замыслы: в грандиозных Байрейтских фестивалях и в творческой концентрации национального духа. Он достиг всего благодаря редкому сочетанию идеализма с умением использовать свое влияние на видных людей Германии. Опираясь на древнегерманскую мифологию и самостоятельно творя на ее основе национальные мифы, Вагнер гармонично соединил в них все сословия нации. Германскому государству он посвятил свои оперные драмы, и оно ответило ему признанием. Ницше же, презирая политические средства достижения успеха, которые требовали пренебречь частью задуманного, чтобы воплотить остальное, лишил себя этой возможности при жизни. Он был непреклонен в отстаивании своих идей и не прощал даже близким друзьям отступления от единства взглядов. В теории философ прочно отгородился от народной массы и потому не нашел в ней признания.

Но все начиналось успешно. В двадцать четыре года Ницше по предложению Ригля занял кафедру филологии в Базельском университете. Восхищенный прекрасными статьями Ницше в «Рейнском музее», Ригль назвал его гением. Тогда же Ницше вручили в Лейпциге диплом без экзамена из уважения к его работам. Однако молодой доктор уже мечтал «наполнить науку свежей кровью», что не сулило спокойной жизни немецкой профессуре, предпочитавшей видеть в нем лишь сверхобразованного традиционалиста. В университете Базеля он быстро завоевал престиж за свой ум, музыкальный (!) талант и дружбу с Вагнером. Но среди буржуа у него не было друзей, а это значило, что Ницше не вписался в социальную атмосферу,

где ведущую роль уже играло третье сословие. После взрыва патриотизма, вызванного франко-прусской войной, Ницше перестала волновать текущая политика. Его, как и Вагнера, угнетало настроение самоуверенного довольства, охватившее все слои немецкого общества после короткой демонстрации пробудившейся силы («большие дела великих людей сменились пошлой болтовней с трибун и в печати»). Ницше любил свою родину, немало размышлял о ее предназначении, но в отличии от Вагнера не мог смириться с утратой надежды на быстрое возмужание Германии после социальных потрясений и войн. По мере того как философ завершал формирование своих идей, устраняя из них компромиссы с буржуазной демократией, его отношение к Вагнеру становилось все более критическим. Он осуждал избыток демократизма в «Нюрнбергских мейстерзингерах» и «заигрывание» с христианством в «Парсифале». С крайним недоверием относился Ницше к ученому сословию. Работая в немецких университетах, он хорошо знал профессорский мир, не допускавший внутри себя свежих идей. Ницше был подлинным революционером в мышлении. «Я изгнал бы из моего идеального государства так называемых «образованных» людей как Платон поэтов», – писал он позднее. Его привлекали люди огромной энергии, вносившие в мир творческую новизну. Эти личности попадались Ницше не часто. Одним из них был итальянский революционер Мадзини. Философ познакомился с ним, путешествуя по Италии, изредка встречался и вел переписку. Люди из разных миров, они ценили друг в друге непреклонную волю к изменению общественного строя обмещанившейся Европы, хотя Мадзини был человеком действия, а Ницше – уединенным мыслителем.

Философское начало пути открыла первая глубокая работа – «Рождение трагедии из духа музыки», где Ницше сразу обнаружил новизну и необычность философских идей, не считаясь с реакцией ученых на свой труд. В нем он воссоздал сложный «нечистый» образ древней Греции, подготовив будущий разрыв с культовыми фигурами европейской цивилизации: идеализированной древностью, беспочвенной романтикой, а затем с пессимизмом шопенгауэровского толка и, наконец, с христианством. Трагедия как отражение жизни погибла, согласно Ницше, из-за «вмешательства в политику городской черни, сброда рынков и гаваней», чьим кумиром был Сократ, осмеявший традицию, созданную усилиями великих греков от Гомера до Эсхила. Острота исторического взгляда Ницше вывела его далеко за пределы древности. Он увидел в конце 19 века продолжение борьбы против сильного государства,

Фридрих Ницше, 1875 г. (1844 - 1900)

которая велась кругами, олицетворявшими одновременно упадок и потрясения. Философ противопоставил современной Германии демократов и ученых будущую Германию солдат и поэтов: «немцы – люди позавчерашнего и послезавтрашнего дня». Он не принял вторжения в Германию нигилизма и трусости. С деятельностью таких лиц, как Вагнер, Ницше связал возможность возрождения европейского мира по лучшим образцам древности.

Он, как и Вагнер, выделял среди движущих сил буржуазного мира еврейский народ. Его суждения в этом вопросе отличались глубиной и объективностью. В отличие от Вагнера, отрицавшего вклад евреев в мировую цивилизацию, Ницше признавал за ними крупный культурный потенциал, отразившийся в Ветхом завете. При этом он не отождествлял древних евреев с современными, имея недостаточный опыт общения с ними. У него был лишь один приятель-еврей, некто Пауль Ре. Человек мелкого характера, Ре отвлекал Ницше от привычного творческого ритма, поощряя в нем «отступающую мягкость». К тому же Ре разрушил личные отношения Ницше с аристократкой русско-немецкого происхождения, усилив его одиночество. Однако Ницше великодушно прощал товарищу двусмысленное поведение. Он с пренебрежением относился к набиравшему силу в немецком обществе антисемитизму. Тем весомее суждение Ницше об общем характере еврейской деятельности: «Евреи, самый роковой народ всемирной истории», – писал философ, – «народ самой упорной жизненной силы; поставленный в невозможные условия, он из глубокого и мудрого самосохранения сумел возглавить все движения декаданса. Эта порода людей имеет свой жизненный интерес в том, чтобы сделать человечество больным, чтобы понятия «добрый» и «злой», «истинный» и «ложный» извратить в опасном для жизни смысле, являющемся клеветой на мир».

Идеи Ницше существенно не изменялись в течение жизни. Но в каждой работе происходило органическое разрастание

излюбленных тем, придававшее им дополнительный смысл. Постепенно люди высокого вкуса заражались энтузиазмом философа. Так, известный швейцарский историк культуры Якоб Буркхардт назвал новый труд Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878) «державной книгой». В ней философ окончательно отверг традиционное эллинство, христианские ценности и Рихарда Вагнера за «идеализм, за Бога и прочие женственности», приписав ему «мошенничество высшего порядка».

С начала 70-х годов Ницше прекращает систематическое чтение лекций. Ухудшается его здоровье. Он едет в Италию, ставшую излюбленным местом творческого уединения. Затем предпринимаются попытки возобновить работу в университете Базеля, но ученые уже вычеркнули его имя из науки. Философа окружает общее непонимание. Изредка приближается Ницше к героическому миру вагнеровского искусства во время грандиозных музыкальных представлений, разыгрываемых в театре Байрейта, построенного баварским королем для Вагнера. Иногда они встречаются.

Между тем болезнь Ницше прогрессирует, но он не оставляет интенсивного творчества. В 1882 г., опубликована «Веселая наука». Впервые в размышлениях философа появился острый ракурс политики. Он ощутил приближение революционных катастроф. В «Веселой науке» Ницше указал на необходимость «Объединенной Европы», как здоровую реакцию на перспективу социализма. Он имел в виду консервативный союз европейских держав, а не демократические структуры закрытого толка. Сразу после «Веселой науки» Ницше начал работу над центральным произведением своей жизни – философской поэмой «Так сказал Заратустра», где в романтической форме создал образ Сверхчеловека, до сих пор поражающий воображение политиков и поэтов. Книга вышла в 1884 году. Это было время, когда Ницше начал приобретать популярность за границей, но потерял надежду преподавать в немецких университетах из-за своего атеизма. В круге его почитателей появились такие личности как французский историк Ипполит Тэн, писатель Генрих фон Штайн. Заратустру приняли буквально и отвергли в Германии, а его творец прослыл крайним индивидуалистом, особенно в России, где общинное сознание разделяли образованные круги. Но Ницше не случайно привлек образ древнеперсидского пророка, проповедовавшего свободу выбора, силу добра и оседлую хозяйственную деятельность. Эти ценности во взаимосвязи составляют сущность благородного человеческого типа, как его представлял Ницше. Три касты, о которых говорит фи-

лософ, это: простой народ с его «жалкой» христианской верой; общественные организаторы и воины и, наконец, священная каста «поэтов», творцов, определяющих ценности. Ницше не предназначал свою философию специально для Германии, но последующее поколение немецких консерваторов использовало его идеи как таран для разрушения демократии. «Так сказал Заратустра» – неполитическая книга, написанная с солдатской прямотой. Когда он говорит: «все женское, все рабское и особенно вся чернь хочет теперь стать господином человеческой судьбы», – то имеет в виду прежде всего *организаторов* общества, «не заслуживающего королей». К ним обращался философ: « Проповедники равенства! Бессильное безумие тирана кричит в вас о равенстве... Лучшее должно господствовать. Лучшее хочет господствовать! И где учение гласит иначе, там нет лучшего!». Эти слова можно поставить эпиграфом к хронологии нашего времени, изобилующего «господами» самого худшего вида, безразличными к судьбе государства. Властный человек у Ницше лишен индивидуального эгоизма, он несет личную ответственность за организацию общества.

Достижение власти и благополучие государства, считал философ, не может быть обеспечено лишь мирными средствами. «Войны и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему» – пишет Ницше. «Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных». Так кажущаяся безнадежной борьба превращается в способ достижения отдаленной цели. Ницше презирал пацифизм как свидетельство утраты инстинкта самосохранения и доказательство вырождения наций. «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе». При этом он не имел в виду только Германию («Родины не нашел я нигде... тревожно во всех городах...рвусь я прочь от всех ворот»). Ницше не идеализировал немецкую самобытность, но верил в будущее своей нации, из которой стремился изгнать бесов демократии. В его политических взглядах уживались революционность и консерватизм. Он не видел перспектив в монархическом строе, наблюдая деградацию императорской власти в Германии и Австро-Венгрии. Широта культурных интересов удерживала Ницше от узкого национализма. В определенном смысле он был консерватором интернационального толка, желавшим преобразования Европы в сверхгосударство военно-аристократического типа. Выражения «сверхчеловек», «белокурая бестия» не несли зловещего смысла, приобретенного пятьдесят лет спустя.

Место Бога в его философии занял благородный и сильный человеческий тип, и это имело также личную сторону. Ницше

не представлял себе жизни, заключенной в узкие биологические рамки. Христианская надежда на воскресение казалась ему жалкой. Постепенно им овладевала мысль о «вечном возвращении». Хотя его жизнь была полна физическими мучениями, Ницше желал «возвращения», потому что его не оставляла надежда воспитать в себе «сверхчеловека», способного преодолеть любые лишения.

Новой глубины выражения своих идей Ницше достиг в книге «По ту сторону добра и зла», мгновенно раскупленной сразу после выхода в 1886 году. Политическая мысль философа приобрела здесь наиболее реалистичную форму. Распад европейской духовности, «восстание масс» и воцарение посредственности, политический перевес России, XX век как начало борьбы за господство над земным шаром – в концентрированном виде и даже в терминах нашего времени описал Ницше все его основные процессы. «Мы – люди иной веры видим в демократическом движении не только форму упадка политической организации, но и форму вырождения и измельчания человека до стадного животного». – Здесь он указал на главного носителя вируса распада: «Ничто не возбуждает большего отвращения к так называемым «интеллигентам», исповедующим «современные идеи», чем отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук...и возможно, что в народе, у крестьян... сравнительно гораздо больше благородства, вкуса и такта, чем у читающего газеты умственного полусвета, у образованных людей».

Пристальное внимание уделил Ницше расовой проблеме, которую он трактовал прежде всего как «сумасбродное смешение сословий и рас», в результате чего возник «европейский метис – безобразный плебей» (позднее Андрей Белый применил выражение «Европа – мулатка»). «Слабость нервов и болезненность возникают всякий раз, когда расы и сословия, долгое время разлученные, начинают решительно и внезапно скрещиваться. Новое поколение, унаследовавшее в своей крови различные меры и ценности, олицетворяет в себе тревогу, беспокойство, сомнение... лучшие силы действуют в нем как тормоза, в душе и теле не хватает равновесия, устойчивости. Но что в этих полукровках сильнее всего болеет и вырождается, так это воля».

Другое произведение Ницше «К генеалогии морали» (1887) расширяет понятие расы. На его символическом языке «белокурая бестия таится в глубине всех благородных рас», к которым он отнес римскую, арабскую, германскую, японскую знать, гомеровских героев, скандинавских викингов. Антропологичес-

кая граница, согласно философу, проходит в историческом измерении между белокурым населением Европы и доарийскими темнокожими расами, покоренными много веков назад.

В «Человеческом, слишком человеческом» Ницше пропел хвалебную песню России. Он воспринимал ее дремлющую мощь как надежду на излечение Запада от недугов, с изумлением изучал русский характер, восхищался Достоевским. У русских все казалось ему исполненным символического смысла. «В России сила воли откладывается, накопляется с давних пор... грозно ждет, чтобы освободиться», – писал Ницше. «Для того, чтобы Европа не раздробилась введением парламентского тупоумия... необходимо усиление грозности России, которое заставило бы Европу самой приобрести единую волю». Таким образом, уже в конце 19 века Ницше отвел нашей стране ведущую геополитическую роль в мире.

Завершая серию гениальных прогнозов в «Человеческом, слишком человеческом», философ писал: «Мыслитель, на совести которого лежит будущее Европы, при всех планах, которые он составляет себе относительно этого будущего, будет считаться с евреями и русскими, как с наиболее вероятными факторами в великой игре и борьбе сил».

В 1889 году вышла новая книга Ницше «Сумерки кумиров». Самая интересная ее часть описывает общественные пороки, порожденные развитием демократии. В обществе, как и в природе, нет равенства, доказывал философ, но всюду строгая иерархия: поэтому справедливо правило: «равным – равное, неравным – неравное». Все современные беды порождены изъянами руководящих общественных слоев, прежде всего – интеллигенции, насаждающей «демократизм всеобщего, ставшего пошлым образования». Поучительно, что регрессивному развитию Запада, имевшего наиболее развитый демократический опыт, Ницше вновь противопоставил Россию: «В обществе должна быть воля к традиции, авторитету, к ответственности на столетия вперед... Если эта воля существует, то основывается нечто подобное России».

Последним произведением философа из опубликованных при жизни стал «Антихрист». Это шокирующее название отражает лишь часть правды, характеризующей Ницше – человека высоких нравственных качеств. Однако христианство подверглось здесь уничтожающей критике как «мораль рабов»: «Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников... оно внесло порчу в самый разум духовно сильных натур, так как научило чувствовать высшие духовные ценности как греховные». Ницше считал христианство основной причиной

духовного разложения мира: «Бог «великого числа», демократ между богами... остался иудеем, богом всех нездоровых жилищ целого мира!... Царство его мира всегда было царством преисподней, царством гетто... Христианин есть иудей в третьей степени». Понятие расы Ницше еще не употреблял в таком смысле, чтобы им как главным фактором объяснялся итог двухтысячелетнего развития мира, но христианство, по его мнению, обусловливалось расой. «Антихрист» не случайно вышел в свет, когда тяжелая нервная болезнь поразила Ницше (1890). Этому предшествовала поразительная, гибельная ясность ума. «Кажется, что присутствуешь при работе военного снаряда, которым не может управлять никакая человеческая рука», – писал один из друзей философа. Теперь мрак лишь изредка прерывался просветлением сознания, когда Ницше вспоминал лучшее из своей жизни и прежде всего Р.Вагнера. 25 августа 1900 года он умер.

Хотя Ницше, еще в 1887 году оставивший преподавательскую деятельность, напряженно работал последние годы над своими произведениями, ему не хватило времени создать синтетический труд в задуманном объеме. Однако мир познакомился еще с одной книгой философа – «Волей к власти», опубликованной сестрой Елизаветой после его смерти. Это афористичное и даже фрагментарное произведение можно считать итогом жизни Ницше. Оно возникло как обобщение подготовительных работ и набросков к завершающему труду. Понятие воли к власти появилось уже в ранних произведениях философа и постепенно заняло центральное место в его творчестве вместе с «переоценкой ценностей» и «вечным возвращением». В своей посмертной книге Ницше описал жалкую судьбу современного государства и указал пути достижения здорового состояния общества. Отрывочный характер книги не умаляет ее основных достоинств – воспитательную силу и практическую верность выводов. «Представляет громадную опасность убеждение, что человечество продолжает расти и становится сильнее как целое, если индивиды делаются вялыми, похожими друг на друга, посредственными», – писал Ницше. Развиваясь таким образом, общество бесконечно понижает свой творческий потенциал вследствие накопления отрицательных признаков. Предвосхищая выводы генетиков, он отрицал решающее влияние среды и внешних причин на развитие человечества: «Нет солидарности в обществе, где имеются неплодотворные и разрушительные элементы, которые к тому же дадут еще более выродившееся, чем они сами, потомство». Для излечения деградирующей Европы Ницше считал необхо-

димым тщательный отбор будущих правителей: «Нужны воспитатели, которые сами воспитаны, превосходящие других, аристократы духа, а не ученые олухи, каких нынче предлагает юношеству гимназия и университет в качестве высших нянек... Воспитание представляет средство накопления колоссальной силы человечества, так что поколения могут продолжать строить далее на основе работы их предков, органически вырастая в нечто более сильное». Сила и цвет человечества, согласно Ницше, концентрируется в людях, обладающих врожденной волей к власти. Ни знатное происхождение, ни богатство, ни формально высокий уровень образования сами по себе не определяют ранг человека. Эти качества часто сочетаются с отрицательными свойствами, среди которых Ницше называет прежде всего слабость воли, затем «покаяние самоистязания и судороги искупления» (это необходимо знать русскому человеку, которого принуждают каяться во всех изъянах своей истории), результатом чего явилась расшатанная нервная система в масштабах отдельных личностей и масс. Другая пагуба – алкоголь, еще одна – преждевременное эротическое развитие, сифилис. Особо выделил Ницше «трусливое приспособление к царящему режиму», из-за чего возникает «отвратительное рабское подчинение масс, убивающее всякую надежду». Таким образом демократическая Европа подготавливает тиранов, утверждал Ницше. Социализм как способ преодоления был для него неприемлем, так как нес в себе самоотрицающуюся жизнь и катастрофическое движение к всеобщему равенству. «Время мелкой политики прошло, – писал он, – уже грядущее столетие несет с собой борьбу за господство над всем земным шаром». В отличие от Я.Буркхардта, считавшего современные войны слишком поверхностными, не достигающими глубины и ничем не исправляющими «буржуазного нерадения к жизни», Ницше думал иначе. «В промежутках между двумя кризисами общество дышит легче: обновленное войной, оно повсюду распускает почки, которые зеленеют в первые хорошие дни и приносят ослепительные гениальные плоды». В войне с Францией, на которую Ницше ушел добровольцем, он проявил большую храбрость, доказав, что восхищение силой не было писательской фантазией, но подлинной чертой благородного мужественного характера. Ницше надеялся, что война когда-нибудь преобразит и Германию, изгнав из нее нерешительность и изнеженность. Идеальными качествами для него были «ясность, простота, величие». Философ до конца не был понят даже друзьями, из-за определенной ограниченности или по практическим соображениям отказавшимися от жертвенно-

18. *А.Г.Дугин.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., Арктогея, 1997.

19. *Л.А.Моджорян.* Геополитика на службе военных авантюр. М., Междун. отнош., 1974.

20. *Шмит К.* Понятие политического // Вопросы социологии. М., 1992, т.1.

21. Элементы. Евразийское обозрение. №№ 1-8, М., 1992-96.

22. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис, 1994, №1.

23. *Хартшорн Р.* Политическая география // Американская география. Современное состояние и перспективы развития. М., изд. Ин. лит., 1957.

24. *Жан Парвулеско.* Путин и евразийская империя. СПб, АМФОРА, 2006.

25. *Ю.С. Лебедев.* Трансформация геополитики // Современная философия и социология в ФРГ. М., Мысль, 1971.

26. *К.Э.Сорокин.* Геополитика современного мира и России // Политические исследования, 1995, №1.

27. Союз Русского Народа. Заговор против России. СПб, 1906.

28. Катехизис Союза Русского Народа. Почаев, 1910.

29. Основоположники Союза Русского Народа. СПб, 1912.

30. Устав общества под названием Союз Русского Народа. СПб, 1906.

31. Союз Михаила Архангела. Программа и Устав. СПб, 1908.

32. Устав Русского Собрания. СПб.,1901, Пг.,1916.

33. Список членов Русского Собрания с приложением исторического очерка Собрания. СПб., 1906.

34. *Жан Тириар.* Европа до Владивостока. Выступление на конференции «Европейская империя и американский враг», М., авг. 1992.

35. Отчет Русского Собрания за 1908-1916. СПб., 1909-16.

36. Союз Русского Народа. Равноправие евреев. Воззвание. СПб., 1907.

37. *И.А.Родионов.* Сыны дьявола. Белград, 1932; Царство сатаны. Берлин, 1937.

38. *Ю.С.Карцов.* Революция сверху. СПб., 1907; В чем заключаются внешние задачи России. СПб., 1908.

39. *В.Д.Катков.* О власти русского императора и его недругах. Одесса, 1912.

40. *К.А.Залесский.* Кто был кто в Третьем рейхе. М., Астрель-АСТ, 2002; РСХА. М.,Яуза•Эксмо, 2004.

41. Энциклопедия Третьего рейха, 2-е изд. Локхид-Пресс, РИПОЛ-Классик, М.,2004.

42. Великая гражданская война 1941-45. Научное издание. М., ООО ФЭРИ-В, 2002.

43. *Моссе Джордж.* Нацизм и культура. М., Центрполиграф, 2003.

44. *Ганс Ф.-К. Гюнтер.* Избранные работы по расологии, 2-е изд. М., Белые Альвы, 2005.

45. *Р.Э.Герцштейн.* Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск. Русич, 1996.

46. Философия вождизма. М., Белые Альвы, 2006.

47. *Эрнст Крик.* Преодоление идеализма. М., Белые Альвы, 2004.

48. *Вернер Мазер.* Адольф Гитлер. Ростов-на-Дону, Феникс, 1998.

49. *Жак Деларю.* История гестапо. Смоленск, Русич, 1993.

50. *Чарльз Хайем.* Торговля с врагом. М., Прогресс, 1985.

51. *Лев Поляков.* История антисемитизма. Эпоха знаний. Гешарим. Москва- Иерусалим, 1998; Арийский миф. Евразия. СПб, 1996.

52. *А.Тяпкин, А.Шибанов.* Пуанкаре. Мол.Гв., 1979, (ЖЗЛ).

53. *Фридрих Гернек.* Пионеры атомного века. М., Прогресс, 1974.

54. *Эберхард Чихон.* Банкир и власть. М., Прогресс, 1977.

55. *В.Бесонов.* Фашизм: идеология, политика. М., Высшая школа, 1985.

56. *Эрнст Юнгер.* Излучения (февраль 1941-апрель 1945). СПб., Издательство Владимир Даль, 2001.

57. *Пьер Дриё ла Рошель.* Дневник, 1939-45. Изд-во Владимир Даль, 2000; Фашистский социализм. Изд-во Владимир Даль, 2001.

58. Германский национал-социализм (этническая история, вып.5). М., Паллада, 1994.

59. *Уильям Ширер.* Взлет и падение Третьего рейха, тт. 1-2. Воениздат, 1991.

60. *Альфред Розенберг.* Миф XX века. Shildex, Tallin, 1998.

61. *Конрад Гейден.* История германского фашизма. М., ОГИЗ, 1935.

62. Советская историческая энциклопедия. Т.1-16. М., Советская энциклопедия, 1961-76.

63. Философская энциклопедия. Т.1-5. М., Советская энциклопедия, 1960-70.

64. Музыка. Большой энциклопедический словарь. М., Большая Российская Энциклопедия, 1998.

65. Европейская живопись, XIII- XX вв. Энциклопедический словарь. NOTA BENE, Искусство, 1999.

66. *Рюдигер Сафрански.* Хайдеггер. М., М.Гв., 2005 (ЖЗЛ).

67. История французской литературы. Т.4. М., 1963.

68. *Л.Г.Андреев.* Французская литература 1917-56 гг. М., 1959.

69. *Ж.Бреннер.* Моя история современной французской литературы. М., Высшая школа, 1994.

70. *Джордж Марек.* Рихард Штраус. Последний романтик. М., Центрполиграф, 2002.

71. *Джемс Брайс.* Священная Римская империя. Изд. Д.М.Петрушевский, М., Комиссаров. Пер. с последнего англ. издания.

72. Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975.

73. Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971.

74. *Хайнц Хёне.* Черный орден СС. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

75. *В.Шуманн.* Кризис германского фашизма. Стратегические концепции германского империализма в конце второй мировой войны // Ежегодник германской истории. М., 1983-84.

76. *В.А.Буханов.* Европейская стратегия германского фашизма 1933-39гг. Свердловск, 1991.

77. *Отто Штрассер.* Гитлер и я. М., ЯУЗА•ЭКСМО, 2005.

78. *Эрнст Нольте.* Европейская гражданская война (1917-45). Национал-социализм и большевизм. М., ЛОГОС, 2003.

79. *Вернер Бройнингер.* Противники Гитлера в НСДАП. 1921-45. М., Астрель•АСТ, 2006.

80. *Д.Жуков.* Оккультизм в Третьем рейхе: М., Яуза, 2006.

81. *Haushofer K.* Weltpolitik von heute. Berlin? 1934; Algemeine politische Geografie und Geopolitik. Heidelberg, 1951.

82. Zeitschrift fьr Geopolitik. 1933 (№5), 1936 (№5), 1944 (№1-2), 1954 (№12), 1958 (№1), 1968 (№2).

83. *Grabowsky A.* Staat und Raum. Berlin, 1928; Die Politik. Ihre Elemente und ihre Probleme. Bad Godesberg, 1948; Raum, Staat und Geschichte. Grundlegung der Geopolitik. Kцln-Berlin, 1960.

84. *R.Kjellen.* Der Staat als Lebensform. Berlin, 1917.

85. *H.-J.Mackinder.* Demokratic Ideals and Realiy: A Stady in the Politics of Reconstruction. N.-Y, 1962.

86. *Schmitt K.* Der Nomos der Erde. Kцln, 1950.

87. *Cohen S.* Geography and Politics in a divided World, Oxford, 1971.

88. *Ritter G.* Ддmonie der Macht, Betrachtungen ьber Geschichte und Wesen des Machtsproblems in politischen Denken der Neuzeit, Stuttgart, 1947.

89. Das Deutshe Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979-89.

90. Best Werner. Grundfragen einer deutschen GroЯraumverwaltung // Festgabe fьr Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941; Vцlkische GroЯraumordnung // Deutsches Reich. Ausgabe A. 1940.

91. *Neulen H.- W.* Europa und das Reich. Mьnchen, 1987.

92. *Stuckart W.* Die Neuordnung der Kontinente und die Zusammenarbeit auf dem Gebite der Werwaltung // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd.1, Darmstadt, 1941.

93. *Daitz W.* Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A. 1940. H.49.

94. *Daitz W.* Monroe-Doktrin der Lebensraume // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, GroЯraumwirttschaft und GroЯraumpolitik. Dresden, 1943, т.3.

95. *Daitz W.* Echte und unechte GroЯraьme // Deitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft…

96. *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze // Mitteilungen des Wirtschaftsordnungsinstitut fьr Nationale Wirtschaftsordnung und GroЯraumvirtschaft. Dresden, 1943. H.1.

97. *Daitz W.* Neuordnung Europas aus Rasse und Raum // Nazionalsozialistische Monatshefte, Nov. 1940.

98. *Daitz W.* Sozialpolitische Fragen der Gegenwart. Berlin, 1939.

99. *Hцhn R.* Reich. GroЯraum. GroЯmacht, Darmstadt, 1942.

100. *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. L. 1982.

101. *Stockhorst E.* Fьnftausend Kцpfe. Wer war was im Dritten Reich. Velbert,1967.

102. *Dallin A.* Dentsche Herrschaft im RuЯland. 1941-45. Eine Stunde ьber Besatzungspolitik. Kцnigstein, 1981.

103. *Reinbaben W.* Frankreich in einem Neuen Europa // Berliner Monatshefte, Mai 1941.

104. *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europдischen Sozialismus. Europa-Charta. Amsterdam1944.

105. *Funk W.* Wirtschaftsordnung gegen Wдrungsmechanismus // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts fьr Nazionale Wirtschaftsordnung und GroЯraumwirtschaft, 1944, № 3-4.

106. *Kьhe F.* Die Idee der Vцlkerfamilie als sachliches und terminologisches Ordnungsprinzip // Mitteilungen des Zentr alforschungsinstituts...

107. *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, GroЯraumwirtschaft und GroЯraumpolitik. Dresden, 1943.

108. A History of Collaboration in German Occupied Europa 1940-45. L.1972.

109. *Gцebbels J.* Tagebьcher. 1945. Die letzte Aufzeichnungen. Hamburg, 1977.

110. *Abetz O.* Das offene Problem, ein Rьckblick auf zwei Jahrzehnte deutscher Frankreichspolitik, Kцln, 1951.

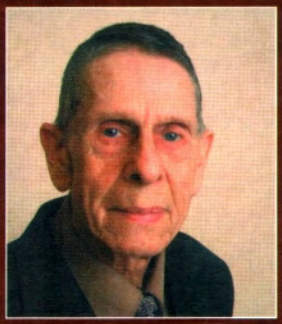
111. *Bracher K.-D.* Europa in der Krise. Frankfurt-Berlin-Wien, 1979.

112. *Bцmer K.* Das Dritte Reich im Spiegel der Weltpresse. Leipzig, 1934.

113. *Coulondre R.* Von Moskau nach Berlin. Bonn, 1950.

114. *Kater Michael.* The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders. 1919-45, Oxford, 1983.

115. *Brenner Hildegard.* Die Kunstpolitik des Nazionalsozialismus. Hamburg, 1963.



ИГОРЬ ЗИНОВЬЕВИЧ БЕСТУЖЕВ

Родился 12.01.37 г. в г. Серове Свердловской области в семье артиста и служащей. Проживает в Нижнем Тагиле. С двадцати лет увлекся немецкой литературой, затем философией, музыкой и историей Европы, прежде всего Германии. В 1966 г. окончил вечерний факультет по специальности металлургические печи, работая на Нижнетагильском металлургическом комбинате (НТМК) в должности инженера, а затем – зам. начальника теплотехнической лаборатории. В это время в заводской газете «Тагильский металлург» регулярно публиковал короткие статьи под рубрикой «Страницы славной истории» о дореволюционных русских политиках, полководцах, писателях и ученых. В конце 70-х годов опубликовал несколько острополитических статей по национальному вопросу в журналах «Москва», «Молодая гвардия» и «Наш современник». С 1990 г. – депутат нижнетагильского горсовета, затем член Малого совета и председатель комиссии по новым методам хозяйствования. С 1993 по 1999 г. был председателем городского комитета по земельной реформе и землепользованию. Государственный советник РФ первого класса. С 2002 г. – на пенсии. Помощник депутата Государственной Думы третьего созыва. В настоящее время работает в области немецкой истории и культуры. Придерживается консервативных политических взглядов. Православный.

Книга историка европейской цивилизации Игоря Бестужева представляет новую, убедительную трактовку трагических мировых событий XX века, искаженные образы которых создала либеральная пропаганда с помощью обмана и мифов. В центре изложения две великие державы – Германия и Россия, разрушенные революциями, мировыми войнами и предательством властей. Мировая демократия, переходящая от либерализма к насилию, – главный источник постоянных потрясений и войн, утверждает автор. Одни и те же силы многие десятилетия сеяли хаос в обеих державах, скрепленных династическими узами и развивавшихся по сходным имперским законам. Крушение самодержавной монархии подорвало мощный потенциал российской государственности. По мнению историка, возвращение России к самодержавию возможно только с помощью национальной диктатуры. Беспристрастный анализ и факты указывают на возможность творчества при тоталитаризме. При всех стеснениях она была максимально использована немецкими интеллектуалами в научной и художественной сферах, и даже в политической практике Третьего Рейха. Понятие нового мирового порядка, узурпированное демократией, обретает другой смысл, когда в основу поисков кладутся объединенные усилия Германии и России, как это начиналось в 1939 году, и было неудачно продолжено немцами в период оккупации Европы. Будущее христианской цивилизации диктует необходимость геополитического союза Германии и России, доказывает историк. Политическая форма этого союза должна быть отработана в ходе европейского строительства в интересах народов, имеющих единые этнические истоки, общее историческое и культурное прошлое.

ISBN 978-5-8041-0334-8

9 785804 103348